

Per A-1169

-535

1880 - 1980

БЛОКОВСКИЙ СБОРНИК IV

Тарму 1980

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI
TOIMETISED

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

535

НАСЛЕДИЕ А. БЛОКА
И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПОЭТИКИ

БЛОКОВСКИЙ СБОРНИК IV

Per A-1169 -535

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893 a. VIINIK 535 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

НАСЛЕДИЕ А. БЛОКА И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ

БЛОКОВСКИЙ СБОРНИК

IV

ТАРТУ 1981

Редколлегия: Д. Е. Максимов, Л. И. Тимофеев, Ю. М. Лотман, З. Г. Минц
(отв. редактор), В. И. Беззубов, В. Н. Невердинова, Л. Н. Киселева.

Оформитель обложки — А. Пеэгел.

IX экз.

СТО ЛЕТ

16 ноября 1880 года (28 ноября по новому стилю) в Петербурге, на Васильевском острове, в одном из университетских зданий, родился Александр Блок. Со дня его рождения прошло 100 лет. Более полувека минуло со дня смерти поэта. В создавшейся исторической перспективе делается ясно: Блок — это Пушкин XX века. Дело не только в том, что значение его для русской поэзии, русской истории и русской культуры было огромным. Важнее другое: значение это продолжает расти, Блок не уходит в прошлое, не становится архивным классиком. В 1921 году Блок записал в дневнике программу издательства «Алконост»: «Группа писателей, соединившаяся в «Алконосте», проникнута тревогой перед разворачивающимися мировыми событиями, наступление которых она чувствовала и предсказывала; потому — она обращена лицом не к прошлому, тем менее — к настоящему, но — к будущему»¹.

Творчество Блока было обращено лицом к будущему, и оно не стареет. Поэзия Блока современна и актуальна, ибо она пронизана неумирающими ценностями: искренностью и бесстрашием. С искренностью и бесстрашием глядел Блок в лицо русской революции: полумеры, полуистины, разрыв между словом и убеждениями были ему ненавистны. Путь Блока был сложен и извилист, если изучать его движение как мыслителя, но путь Блока был прям, как стрела, если говорить о самом главном: в нем все менялось, кроме жажды правды, стремления слиться с жизненной стихией, в том числе и стихией народной жизни, кроме гнева против бездарной жизни «сытых», «буржуа с семейством», о котором Блок записал в дневнике: «Он лично мне еще не делал зла. Но я задыхаюсь от ненависти, которая доходит до какого-то патологического истерического омерзения»².

Так звени стрелой в тумане,
Гневный страх и гневный вздох...

Это стремление, этот гнев против старого мира привели Блока к Октябрю: «Все узлы были затянуты туго — оставалось только рубить. Великий октябрь их и разрубил»³.

¹ Александр Блок. Собр. соч. в восьми томах. Т. 7. М.—Л., 1963, с. 403.

² Там же, с. 327.

³ Александр Блок. Собр. соч. в восьми томах. Т. 7, с. 336.

Путь к революции не был для Блока случайностью: он органически вытекал из всех исканий поэта, из той искренности и бесстрашия, с которыми он смотрел в лицо трагической истории России. Он принимал революцию и как порыв, élan, и как труд: «Это — труд великий и ответственный. Господа главные интеллигенты не желают идти в труд, а не в «с кондачка». Вот что я еще понял: эту рабочую сторону большевизма, которая за летучей, за крылатой. «Тут-то нужна и их помощь. Крылья у народа есть, а в умениях и знаниях надо ему помочь»⁴.

Мера культурного значения Блока не исчерпана. Блок продолжает расти и шириться в нашем сознании, его художественные прозрения и пророчества продолжают наполняться для нас все новым смыслом, раскрываться в более глубоких, прежде недоступных значениях.

Сознание того, что Блок все увереннее ставится нами в нашем уме и душе рядом с Пушкиным, многое проясняет и ко многому нас обязывает. Параллель эта не имеет оценочно-риторического характера, это не юбилейный комплимент классику, «подарок к столетию». Думается, что в ней есть историко-культурный смысл. Ведь и после Пушкина были великие писатели, были Толстой и Достоевский, Лермонтов и Чехов, были имена (порой с основанием, а порой и без него), затмевавшие Пушкина для целых поколений читателей. Великие поэты и писатели были и будут еще в XX веке после Блока. Однако у Пушкина и Блока было огромное, ни с чем не сравнимое преимущество: они стояли у истоков своей эпохи, они еще очень многого не знали, будущее открывалось им не на узких путях исторических реализаций, а как широкая степь возможностей... Поэтому, гораздо менее зная о конкретном историческом будущем на ближних дорогах истории, они шире и прозорливее видели в даль. Какая-то юношеская свежесть еще исторически не растрченного чувства соединялась в них с пророческим ясновиденьем. Нам невозможно представить себе их иначе, чем молодыми (в этом отличие нашего восприятия пушкинского и блоковского творчества от читательского переживания образов Толстого или Достоевского), и нам нельзя отделить их в нашем сознании от идеи мудрости. Слияние юности и мудрости образует тот «пушкинский комплекс», который, как сияние, встает над головой Александра Блока. Не случайно Блок, рисуя в своем воображении поэта будущего, своего наследника, представит его в образе грядущего Пушкина и скажет о нем пушкинскими словами — «юноша веселый».

Параллель между Пушкиным и Блоком подчеркивает, однако, тот исторический долг, в котором находится наше литера-

⁴ Там же, с. 321.

туроведение перед нашей культурой и нашим читателем. Несмотря на то, что усилиями таких ученых, как Д. Е. Максимов, В. Н. Орлов, Л. И. Тимофеев и многие другие, изучение жизни и творчества Блока в нашей стране значительно продвинулось, достаточно сравнить изученность наследия автора «Двенадцати» с русской и советской пушкинианой, чтобы понять, как много еще необходимо сделать. Неразработанными остаются коренные вопросы блоковской текстологии, что в связи с подготовкой академического собрания сочинений приобретает научно-практический характер. Несмотря на то, что изучение биографии Блока в последние годы значительно активизировалось, вопрос о летописи его жизни и о всеобъемлющей научной биографии остается еще *pia desideria*. Нет и семинария по Блоку (говоря о семинарии, мы имеем в виду не неудачные образцы этого научного жанра, не выдвигающие для будущих исследователей ни одной новой темы и, следовательно, не открывающие никаких новых путей, а такие классические образцы этого научного жанра, как «Старорусская повесть» Н. К. Пиксанова и другие аналогичные издания). А семинарий, то есть перечень еще не решенных проблем, предлагаемых для исследования, был бы очень полезен, учитывая активный прилив молодых исследователей, включая и студентов, привлекаемых творчеством Блока.

Создание целостной научной биографии поэта должно вестись параллельно с углубленным изучением отдельных моментов его жизни. Здесь также еще многое предстоит сделать. И ранний период биографии, и отдельные творческие связи, и эволюция дружеского окружения поэта, и такие темы, как «Блок-студент», «Блок в годы первой мировой войны», «Блок в Москве (1918—1921)», «Последние годы Блока» и др., таят в себе еще очень много неожиданного. Необходимо конкретное исследование контактов Блока с его эпохой (как ни странно, за последние годы изучение блоковской поэтики значительно обогнало наши знания об исторических и историко-литературных связях художника, что, в свою очередь, тормозит углубление в смысл творчества Блока). Приведем один лишь пример: за несколько недель до смерти, уже тяжело больной, Блок записал перечень исторических материалов, газетных вырезок, афиш, документов, которые он хранил в своих «архивах» и сжег 18 июня 1921 года. Это — фактически хроника событий 1902—1916 гг., оказавшихся отмеченными вниманием поэта, вероятно, вехи для будущих, задуманных и отлагавшихся на будущее воспоминаний (ср. в этой же записи: «Очевидно, я бы настроил когда-нибудь мемуары с цитатами в три сажени — пухлую книгу! О, мерзость!»⁵). Прокомментировать эти записи, объяснив, почему здесь рядом фигурирует гибель

«Титаника» и выставка Кульбина, самоубийство генерала Ноги и «разоблачение интимных отношений Мережковского к Суворину», «Горький о карамазовщине» и «оправдание Бейлиса», значило бы создать картину эпохи, **увиденной глазами** Блока, показать на деле всю силу и всю специфику его историзма, приведшего великого поэта к Октябрю.

Говоря о Блоке, необходимо помнить о такой важной особенности его творчества, как постоянное стремление к будущему: «Первым и главным признаком того, что данный писатель не есть величина случайная и временная, — является чувство пути», — писал Блок уже в 1909 году. В этих словах чутко отражены как важнейшая объективная черта блоковской эволюции (на нее проницательно указал Д. Е. Максимов в своей известной монографии), так и самоосознанный волевой импульс поэта. Это обязывает и нас не бояться показать огромность и сложность пути Блока от либерального и анархистского (а иногда — реакционного) литературного окружения к революционному максимализму «Двенадцати». Отсюда — насущная необходимость изучения литературных и общественных связей раннего Блока, эволюции его политических взглядов и их творческих отображений. Серьезное изучение всех этих проблем еще ждет исследователя, равно чуждого и вульгарного «обличительства», и юбилейного замазывания противоречий блоковских неустанных поисков.

За последние годы советскими и зарубежными исследователями многое сделано для изучения художественного метода Блока, его становления и развития. Известные положения В. М. Жирмунского, Ю. Н. Тынянова и ряда литературоведов 1920-х гг. были развиты и дополнены в 1960—70-х гг. в работах Л. И. Тимофеева, Д. Е. Максимова, П. Н. Громова, Л. Я. Гинзбург и др. Однако и здесь еще остается множество «белых пятен», особенно касающихся вопросов отношения «пути» Блока к эволюции русского символизма, его связей с демократической литературой начала века, с литературой эпохи первой русской революции, с творчеством М. Горького, а также с русской и мировой культурной традицией. Грандиозный культурный «синтез», к которому стремился Блок и который он связал с революцией, должен быть рассмотрен глубоко и разносторонне.

Решение этих и многих других существенных задач изучения творчества Блока — наш долг перед поэтом и его читателями. Решить эту задачу могут лишь совокупные усилия советских ученых. Приблизить в меру своих скромных сил решение этой задачи — цель авторов настоящего сборника.

Редколлегия

⁵ Александр Блок. Собр. соч. в восьми томах. Т. 7, с. 421—422.

БЛОК И НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА ГОРОДА

Ю. М. Лотман

Культура начала XX века была исполнена глубоких внутренних противоречий. С одной стороны, никогда за всю предшествующую историю России не провозглашалась так открыто и многократно идея искусства для избранных, не выражалось противопоставление народной массы и культурной элиты. Ф. Ницше писал: «Высшая каста, — я называю ее крайним меньшинством — как самая совершенная, пользуется также и привилегиями крайнего меньшинства: быть на земле представителями счастья, красоты, доброты. Только люди наиболее духовно одаренные имеют право на красоту и прекрасное: только в них доброта не есть слабость.»¹ Многочисленные вариации этого тезиса в декларациях русских модернистов очень скоро превратились в общее место. Цитировать их можно было бы без конца.

С другой стороны, именно в рамках тех литературно-культурных течений, которые не считают возможным ограничиваться почтенными, но уже застывающими в академическом признании традициями, зарождается и противоположная тенденция — стремление к демократизации эстетического кругозора. На рубеже двух веков происходит резкое расширение самого понятия «искусство». Происходит художественное открытие русских икон и всего мира древнерусского искусства. Одновременно меняется взгляд на древнерусскую литературу. Ни сторонники восходившей к Белинскому концепции, согласно которой художественное значение русской литературы является следствием реформ Петра I (в одном варианте историко-литературного построения Белинского русская литература как факт искусства началась с Пушкина, в другом, более позднем, — с Кантемира), ни противники ее типа Погодина не подымали вопроса об эстетической ценности древнерусской литературы для современного читателя. Только Ф. И. Буслаев в XIX в. встал на путь слияния историко-академического и непосредственно-эстетического переживания текстов древнерусской литературы. Конечно, за пределами академической среды и в XIX в. жило непосредственно художественное восприятие

созданий древнерусской письменности. С одной стороны, о красоте их говорили многие писатели — от Пушкина до Лескова и Толстого, с другой, на протяжении всего XIX в. жила еще культурная среда, для которой, как для Катерины из «Грозы», это была живая сфера непосредственного духовного переживания. Однако вся школьная традиция, определявшая среднюю норму эстетического кругозора русского культурного человека, строилась на признании всей донпетровской культуры «незрелой», находящейся ниже эстетических представлений современности. Просветительски-позитивистская концепция прогресса, твердо вошедшая в сознание среднего европейца середины XIX в., убеждала, что нормой отношения к культуре прошлого является чувство снисходительного превосходства. Поэтому, хотя и в XIX в. было немало ценителей древнерусского искусства, включение его в общепризнанный фонд художественных ценностей означало резкую смену культурной установки. В частности, та поздненародническая ориентация, которая определяла среднеинтеллигентский вкус на рубеже веков, отождествляла художественную ценность с наличием «симпатичной (как выражалась критика тех лет) идеи», т. е. идеи, легко ассоциируемой с привычными прогрессивными лозунгами. По тем же соображениям, по которым Чехов казался «безыдейным писателем», древнерусская живопись и литература представлялись далекими от общественных запросов и уводящими от современности. В основе успеха Чехова и эстетического признания средневекового искусства лежал общий в своей основе процесс резкого расширения художественных горизонтов, имевший и ряд других последствий.

Одним из них явилось изменение подхода к народному творчеству. Характерной чертой фольклоризма XX века стало расширение поля зрения. С одной стороны, это проявлялось во включении в круг художественных ценностей народного искусства, наряду с традиционно привлекавшими внимание жанрами (былиной, сказкой, обрядовой и лирической песней и др.), значительно менее изученных в ту пору частушек, новых форм городского фольклора. С другой стороны, возникло стремление выйти за пределы чисто словесного понимания фольклора, что было столь характерно для предшествующего этапа, и обратиться к народной живописи (лубку), изделиям народного ремесла (народной резьбе и керамике), ритуалу народного быта, народному театру. Расширение поля изучения, собирания, моды привлекло внимание к народной одежде, вышивкам, народной игрушке и таким формам проявления народного искусства, как вывески, выкрики и прибаутки ярмарочных торговцев. Наконец, сами народные праздники стали рассматриваться как коллективные явления массового народного искусства.

Ярмарка, балаган, становясь предметом не только научного внимания, но и художественного переживания, вызывали сдвиги в мире эстетических норм и меняли социальную ориентацию культуры. Прониходила демократизация вкусов и норм. На этом фоне такие традиционно не допущенные на высокий Парнас зрелища, как цирк, получали права искусства. Новое, зарождавшееся искусство кино на глазах у всех превратилось из ярмарочного аттракциона сначала в массовое зрелище, а затем — в авангардное направление художественной деятельности.

Весь этот пестрый и обширный мир неканонических, с точки зрения культурных представлений XIX в., форм народного творчества не просто был допущен на периферию искусства — он начал активно воздействовать на традиционные каноны поэзии, театра, живописи. К этому следует добавить расширение этнического кругозора европейской культуры, начинающей испытывать воздействия фольклора и традиционного искусства Дальнего и Центрального Востока, южной Азии, Африки и не-европейской Америки.

Весь этот напор нового культурного материала, который предполагал эстетическое освоение столь разнохарактерных явлений, как глубоко архаические культуры востока, с одной стороны, и фольклор и массовое искусство современного большого города, с другой, требовал большой художественной гибкости и новых концепций. Иногда возникало парадоксальное положение, когда хранители тех художественных норм, которые в XIX в. выступали как демократические, перед лицом новой художественной действительности выступали как ревнители академизма и элитарности. В этом отношении показательны споры, которые вел Бунин с Ремизовым в Париже в 1940-е гг. «Гоголя Бунин недолюбливал и не только Ремизову, но и мне <Н. В. Кодрянской. — Ю. Л.> не раз говорил, что Гоголь — «лубок»». «Гоголю попало: «лубок»². Показателен здесь не отзыв о Гоголе (отношение Бунина к Гоголю было сложным и изменчивым: можно указать и на восторженные отзывы), а то, что слово «лубок» остается для Бунина еще в середине XX века бранным, в то время как для прошедшего школу символизма Ремизова оно могло осмысляться лишь в положительном контексте³.

Однако дело не сводится к простому расширению поля зрения на народное творчество. Само это расширение протекало на фоне внутреннего изменения как фольклора, так и литературы, являвшихся отражением исключительно сложных социальных процессов. В фольклоре отмирание старых жанров сопровождалось появлением новых форм городского народного творчества, возникала проблема массового сознания — сознания, стоящего между традиционным фольклорным мышлением

и традиционной письменной культурой. Большую роль начинает играть массовая область искусства: низовой городской романс, издающаяся большими тиражами книга для массового читателя вроде «Похождений Рокамболя» Понсона дю Террайля или «Дракулы» Брэм Стокера, «глубину» которого, «независимо от литературности», понял Блок в 1908 г.⁴, плакат, вывеска, немой кинематограф, цирк. Отметим интересный парадокс: в то время как литература все чаще обращается к глубинным архаическим моделям культуры, народное творчество осваивает новую аудиторию и находящуюся в движении, только еще складывающуюся жизнь.

Рождающееся из сложных, противоречивых процессов и противоречивое по своей природе «массовое искусство» встречало противоположные оценки: в нем видели и воплощение агрессивной пошлости, угрожающей самому существованию мира духовных ценностей, и новое и свежее художественное слово, таящее в самой своей пошлости истинность и неутонченность подлинного здорового искусства.

В сложной картине взаимодействия народной и письменной культур в начале XX века была еще одна существенная сторона: в фольклоре и письменной литературе, кроме обычно выделяемых различий, существует еще одно — различие в природе отношения аудитории к тексту. В нефольклорном искусстве, в том виде, в каком оно сложилось в Европе в новое время, существует строгое разграничение автора и аудитории. Автор — создатель текста, ему отводится активное начало в системе «писатель — текст — читатель». Структура произведения создается автором, и он является источником направленной к читателю информации. Автор, как правило, возвышается над читателем, идет впереди его и ведет его за собой. Если читатель вносит что-либо «свое» в текст, то это, чаще всего, искажение, порча, узкое и ограниченное понимание, навеянное консерватизмом вкуса и литературных привычек. От потребителя требуется пассивность: физическая — в театре сидеть и смотреть, а не бегать, кричать и топтать, в музее — смотреть, а не трогать, в опере — не подпевать, в балете — не пританцовывать, при чтении книги — ни только не кричать и не жестикулировать, но и не шевелить губами, читать — даже стихи — глазами, а не вслух; интеллектуальная — проникать в чужую мысль, а не заменять ее своей, не фантазировать, выдумывая другие эпизоды и «концы» для текста, не спасать героя там, где автор желает его убить, и проч.

Положение фольклорной аудитории отличается в принципе. Фольклорная аудитория активна, она непосредственно вмешивается в текст: кричит в балагане, тычет пальцами в картины, притоптывает и подпевает. В кинематографе она криками под-

бадривает героя⁵. В таком поведении ребенка или носителя фольклорного сознания «цивилизованный» человек письменной культуры видит «невоспитанность». На самом деле перед нами иной тип культуры и иное отношение между аудиторией и текстом. Сопоставим скульптуру и игрушку. Скульптура рассчитана на созерцание: она монолог, который должен быть услышан, но не требует ответа, она — сообщение, которое адресат должен получить. Игрушка, кукла не ставится на постамент — ее надо вертеть в руках, трогать, сажать или ставить, с ней надо разговаривать и за нее отвечать. Короче, на статую надо смотреть, с куклой следует играть. Игра не подразумевает зрителей и монологического отправителя — она знает участников, активно вовлеченных в общее действие. Играющий — соавтор текста. А самый текст не есть нечто изначально данное, которое следует получить: текст «разыгрывается», т. е. возникает в процессе игры. Параллель эта не полностью переносима на фольклорное творчество, но представляет не лишенную смысла его аналогию. В фольклоре, в отличие от игры, исходным является не только определенная сумма правил, но и некоторый текст. В этом отношении полезна другая параллель — с исполнительским искусством, где в потенции дан некоторый текст (музыкальная запись, текст пьесы или сценарий кинофильма), который должен, для того, чтобы сделаться текстовой реальностью, быть разыгран исполнителями. Исходный текст составляет некоторый идеальный инвариант, который реализуется в ряде исполнительских вариантов.

В фольклорном тексте перед нами нечто совершенно не равное словесной записи сказки, песни или поставленной в экспозицию игрушке, повешенному на стену лубку. Фольклорный текст — сложное и многоплановое целое. В него входят как компоненты некоторая система канонических правил или содержащихся в памяти исполнителя текстов-образцов, на основании которых он создает свой исходный текст. Но этот исходный текст так же не равен фольклорному произведению, как игрушка не адекватна игре. В обоих случаях перед нами некоторый провоцирующий элемент, который должен стимулировать свободную игру всего коллектива с текстом, в ходе которой и возникает то целое, что составляет текст фольклорного типа. Всякий, кто наблюдал, как носитель фольклорного сознания рассматривает (именно «рассматривает», а не смотрит) какую-либо картинку, замечал, что изображение превращается при этом в объект игры: его вертят, тыкают пальцами, заливаясь при этом хохотом, за изображенных на картинке людей говорят, сочиняя целые диалоги и сюжеты, картинку разыгрывают, она выступает как стимулятор своеобразного действия. Именно на это и рассчитана лубочная

живопись: она не только произведение изобразительного искусства, но и свернутый сценарий игры⁶.

Если посмотреть на искусство XX века не с точки зрения того или иного отдельного художественного течения или какой-либо отдельной эстетической концепции, а попытаться охватить общее направление художественных поисков в целом, то одной из основных черт его, бесспорно, будет стремление к демократизации. Стремление это будет реализовываться в различных сферах — идеологической, эстетической, в области массовости, связанной с резким удешевлением книги, появлением кинематографа, средств механической записи произведений исполнительского мастерства. Существенной стороной этого процесса будет и тенденция к перенесению в традиционные сферы искусства принципов народного творчества, в том числе и стремление к вовлечению аудитории в непосредственный процесс сотворчества. Процесс этот, так ярко проявившийся в театре, захватил, однако, почти все жанры искусства.

В этом аспекте демократизации литературы роль Блока была исключительно велика.

Народная поэзия неизменно занимала важнейшее место в творческих исканиях Блока. Вопрос этот с большой полнотой освещен в известной работе Э. В. Померанцевой⁷. Отношение Блока к народному театру⁸ и таким видам массового искусства, как кинематограф⁹, также делалось уже предметом исследовательского внимания. Однако в интересующем нас аспекте к уже сказанному можно добавить некоторые наблюдения.

Символизм пронизывал мышление Блока. Это, в частности, проявлялось в том, что не только явления искусства, но и события и факты окружающего мира для него имели значение, т. е. представляли собой некоторые тексты, из которых должен быть вычитан скрытый смысл — соответствие глубинным истинам. Такой взгляд приобретает особую значимость в тот период, когда «начинается «антитеза»» (V, 428). Если на первом этапе эволюции Блока Мировые Символы игнорируют мир житейской обыденности и каждодневной пошлости, то на втором они светят сквозь них. Отрицание «Заревой ясности» (там же) соловьевской утопии подразумевает, что художник должен пройти через культуру современного города, окунуться в «сине-лиловый мировой сумрак (лучшее изображение всех этих цветов — у Врубеля) при раздирающем аккомпанементе скрипок и напевов, подобных цыганским песням» (там же). Скрипки и цыганские песни упомянуты здесь не случайно. Для Блока массовая культура современного города имеет смысл, ее пошлость таинственно связана с глубинными смыслами и этим отличается от лишенной значения пошлости «культурного» интеллигентского мира. Простодушная и примитивная пошлость

мира ресторанной музыки, кафе-шантана, уличных развлечений есть форма жизни, а жизнь, и именно примитивная, первозданная и наивная, имеет таинственный смысл. Культурный же быт внутренне пуст, самое отсутствие в нем грубости свидетельствует об отсутствии в нем жизни и, следовательно, какого бы то ни было скрытого значения, это — Блок говорит о религиозно-философских собраниях 1907 г. — «словесный кафешантан, которому не я один предпочитаю кафешантан обыкновенный, где сквозь скуку прожигает порою усталую душу печать

Буйного веселья,
Страстного похмелья.

Я думаю, что человек естественный, не промозглый, но поставленный в неестественные условия городской жизни, и непременно отправится в кафешантан...» (V, 212).

О связи поэзии Блока со стихией цыганского романа писалось неоднократно¹⁰. Можно было бы отметить лишь одну особенность обращения Блока к этим упрощенным или вульгаризованным формам художественной жизни. Они, конечно, вливались в тот широкий поток признания городской реальности как поэтического факта, начало которому было положено в русской поэзии XX века Брюсовым и который окончательно завоевал поэтическое гражданство в стихах Маяковского и Пастернака. Однако имелся здесь и специфический «блоковский» поворот. Пастернак принимает элементарные формы жизни «без помпы и парада» потому, что они самоценны и не сопряжены ни с каким извне находящимся значением, его «урбанизмы» — свидетельство поэзии, имманентно присущей жизни как таковой. Для Блока «в неестественных условиях городской жизни» именно примитив таит в себе, хоть и искаженные и визгливые, звуки скрипок мировой музыки. Более того, чем униженнее, похмельнее, дальше от утонченности, чем грубее эта сфера, тем она стихийнее и, следовательно, ближе в грядущему воскресенью. Связь мысли о воскресении через падение с погружением в стихию городской — именно петербургской — жизни роднит Блока с Достоевским¹¹.

Такая позиция влекла за собой эстетическую смелость: Блок не избегал стихии пошлости городской низовой культуры, а превращал ее в материал своей поэзии. Однако, смело используя ее, он наделял ее символической природой, одухотворял связью с миром значений. Это позволяло Блоку создавать поэтику, одновременно обращенную по сложности своей семантической системы к избранному и изощренному читателю и, вместе с тем, адресующуюся к такой широкой, массовой аудитории, которая была решительной новостью в истории русской поэзии. Русский читатель представлял в начале XX века цифру,

громадную не только с точки зрения пушкинской, но и некра-совской эпохи. То, что читатель этот в эпоху между двумя революциями был, в первую очередь, читателем стихов, что стихи Блока пользовались ни с чем не сравнимой популярностью, подтверждается многими источниками.

Специфической чертой жизни поэзии в обществе в эти годы были массовые поэтические вечера, выступления поэтов в концертах перед широкой аудиторией. История русской поэзии XIX в. знала лишь чтения в дружеском кругу, литературном салоне или в избранном обществе единомышленников. Узкий круг знал поэта в лицо, отождествлял его стихи с голосом и манерой декламации, для остальных же поэт ассоциировался с листом журнальной публикации и гравюрой, приложенной к собранию стихотворений. Литературный быт XX века вернул поэзии связь с живым лицом писателя. Интонации Блока, его манера читать стихи были так же известны поколению, как голос Шаляпина. Такая форма бытования поэтического слова была непривычной, тем более, что она не ограничивалась исполнением, а влияла, с одной стороны, на структуру стиха, а, с другой, на психологию аудитории. Интересна запись в «Грасском дневнике» Г. Н. Кузнецовой: «...Федор Августович <Степун. — Ю. Л.> читал — очень выразительно — Блока.

— Теперь я понимаю тайну их успеха, — сказал И. А. <Бунин. — Ю. Л.> — Это эстрадные стихи. Я говорю не в бранном смысле, понимаете. Он достиг в этом большого искусства.»¹² Если в оценке Бунина сквозит недоброжелательство, то слова Ахматовой «трагический тенор эпохи» этого оттенка лишены — они фиксируют в поэтическом триптихе одну из реальных сторон поэтики Блока (показательно, что рядом с «вокальной» характеристикой Ахматова поставила другую маску: «...улыбнется презрительно Блок») ¹³.

Поэтические концерты 1900-х гг. раздражают Блока тем, что в них он видит тот же «словесный кафешантан», что и в религиозно-философских собраниях, и, хотя он неоднократно в них участвовал, но относился к ним в целом отрицательно (см.: «Вечера «искусств»», V, 304—308). Отрицательное отношение его было вызвано тем, что в них он видел все тот же «синеватый» туман декадентства: замкнутого в себе писателя на эстраде и замкнутую в своей «стадности» аудиторию. Даже плохие стихи, если они не самодостаточны, а знаки чего-то высшего, объединяют чтеца и слушателя в общей эмоции. Выступающий на эстраде должен быть посланцем и должен звать туда, откуда он послан. Такими Блоку кажутся литераторы XIX столетия — не только Достоевский, который «с эстрады «жег сердца людей»» (V, 307), но и «Майков со своей сухой и изящной декламацией, Полонский с торжественно протянутой и романтически дрожащей рукой в грязной

белой перчатке, Плещеев в серебряных седирах, зовущий «вперед без страха и сомненья» (там же). «Они как бы *напоминали* о чем-то, будили какие-то уснувшие струны, вызывали к жизни высокие и благородные чувства» (там же). Интересно, что одновременно с этим Блок подчеркивает, что поэт на эстраде не должен быть равнодушен к отзвуку аудитории и, следовательно, не может игнорировать ее духовные возможности. Сбросив со счетов буржуазных посетителей «вечеров», Блок выделяет молодежную аудиторию, которую делит на две части (напомним, что статья написана в 1908 г.): первой «подавай гражданские мотивы; если поэт прочтет скверные стихи с «гражданской» нотой — аплодируют, прочтет хорошие стихи без гражданской ноты — шипят (эта группа, по моему глубокому убеждению — *лучшая* часть публики, посещающая вечера нового искусства); другая группа — со стилизованными прическами и с настроениями, но о ней говорить я уж лучше не стану, чтобы не сказать чего-нибудь очень неприятного по ее адресу» (V, 305). Исключительно интересно уже то, что Блок делает попытку анализа структуры аудитории и на этом анализе строит свою концепцию эстрадного выступления поэта как обоюдного акта. Поэт — посланец и вестник — должен говорить на языке слушателя. Основываясь на своем анализе публики, Блок признает выступления «любого из новых поэтов» вредными. Он приводит лишь единственный, по его мнению, случай слияния чтеца и аудитории, свидетелем которого он был: «Это — когда Н. А. Морозов читал свои стихи — тоже плохие, конечно еще гораздо хуже плещеевских. Но, когда он читал их, я слышал, что он хотел передать ими слушателям, видел по приему и по лицам аудитории, что ему удалось это, — и готов был сказать (как и теперь готов), что стихи Н. А. Морозова не только можно, а, пожалуй, и нужно читать на литературных вечерах» (V, 308).

В стремлении отделить себя от «интеллигентной публики» столыпинских лет Блок был слишком строг к литературным концертам, составлявшим интересную страницу в совсем еще не изученной истории поэтической аудитории в России. Поэтические вечера 1900—1910-х гг., конечно, не были лишены культурных издержек. Однако они стали активной формой поэтического бытия этой эпохи и наложили свой отпечаток на историю русской поэзии. Интересно отметить, что обстановка поэтических чтений, являясь порождением культуры XX века с ее массовостью читательской аудитории, динамизмом развития и тесной связью с общественными настроениями, парадоксально вновь вызвала к жизни ряд архаических черт функционирования текстов в обществе. Мы уже говорили о непосредственном соединении, что вообще характерно для устного общения, поэта и слушателей в пределах одного про-

странственно-временного континуума, а также о том, что свойственная обстановке устного общения непосредственность включала аудиторию в активную атмосферу поэтического творчества, напоминающую фольклорную ситуацию. Возникавшая атмосфера определенными чертами напоминала напряженность сектантских собраний, создавая обстановку эзотерического общения в архаических коллективах. Так, в словотворчестве Хлебникова явно заметны отзвуки глоссолалий (ср. высказывание Р. Якобсона: «Хлебников широко использовал русские заговоры»¹⁴). Символистская поэтика, вводя энигматический текст, воскрешала отношение: «загадывающий загадку — отгадывающий ее». Слушатель должен был напрягаться, стараясь проникнуть в тайный смысл «вещаний». Как средневековый слушатель священного текста, он втягивался в процесс толкования¹⁵. Поскольку он оказывался в «полном соответствий мире» (V, 426), он привыкал искать в поэтическом тексте значения во всем. Так вырабатывалось то повышенное внимание ко всем элементам поэтического слова, та культура максимальной насыщенности значениями, которая легла в основу поэтики XX века. Она перекликалась с широким кругом предшествующих явлений в культуре прошлого. Так же строилось отношение к тексту у изощренной аудитории эпохи барокко, в эзотерических сектах, в магической фольклорной поэзии.

Блок был тесно связан с этой атмосферой и, одновременно, в высшей мере ею тяготился. Вырываясь из нее, он стремился окунуться в «простую» культуру города, в городскую массу, в толпу. В 1910-х гг. Блок постоянный посетитель цирка, луна-парка, где он катается на «американских горах», «сіпéта». Белый назвал кинематограф — «демократический театр будущего, балаган в благородном и высоком смысле этого слова»¹⁶. Этот мир неизощренного веселья влек Блока. В кинематографе Блока, в частности, привлекала атмосфера соединения художественной наивности с непосредственностью аудитории, активностью ее реакции. Показательно свидетельство М. А. Бекетовой: «Александр Александрович не любил нарядных кинематографов с роскошными помещениями и чистой публикой <...> любил забираться в какое-нибудь захолустье на Петербургской стороне или на Английском проспекте (вблизи своей квартиры), туда, где толпится разношерстная публика, не нарядная, не сытая и *наивно впечатлительная* <курс. мой. — Ю. Л.>. — и сам предавался игре кинематографа с каким-то особым детским любопытством и радостью.»¹⁷

Город был для Блока и реальностью, противостоящей мнимости литературного существования, и грандиозным символом, и аудиторией, и огромным театром. Как театр он тоже не был единым: маскараду и «балаганчику» столичного центра (Город для Блока — всегда Петербург) противопоставлялся

народный театр — балаган и романтический театр больших страстей окраин и пригородов. По свидетельству М. А. Бековой, Блок не любил блестящий центр столицы — Невский и Морскую, а Е. Иванов вспоминал, что у Блока было влечение к городу «и особенно окраинам его»¹⁸. Это влечение было связано с поисками «Петербурга Достоевского». Но именно у Достоевского Блок, вероятно, нашел идеал «народного театра». В «Записках из мертвого дома» Достоевский описывал «представление» самодеятельного театра каторжников. «Всего занимательнее для меня были зрители; тут уж все было нараспашку. Они отдавались своему удовольствию беззаветно. Крики ободрения раздавались всё чаще и чаще. Вот один подталкивает товарища и наскоро сообщает ему свои впечатления, даже не заботясь и, пожалуй, не видя, кто стоит подле него; другой, при какой-нибудь смешной сцене, вдруг с восторгом оборачивается к толпе, быстро оглядывает всех, как бы вызывая всех смеяться, машет рукой и тот час же опять жадно обращается к сцене. Третий просто прищелкивает языком и пальцами и не может смирно устоять на месте; а так как некуда идти, то только переминается с ноги на ногу. К концу пьесы общее веселое настроение дошло до высшей степени. Я ничего не преувеличиваю. Представьте острог, кандалы, неволю, долгие грустные годы впереди, жизнь, однообразную, как водяная капель в хмурый осенний день, — и вдруг всем этим пригнетенным и заключенным позволили на часок развернуться, повеселиться, забыть тяжелый сон, устроить целый театр.»¹⁹ «Забыть тяжелый сон» — эти слова, вероятно, являются ключом к неясной записи Блока: «Кинематограф — забвение, искусство — напоминание» (ЗК, 104). Важно отметить, что, окунаясь в жизнь окраинного города, Блок не противопоставляет эмоционально свое «я» чужому «они», находя в своей душе те же влечения.

В мурлыкающем нежно треске
Мигающего cinéma —

сливаются и «их» и своя потребность в забвении. «Непоправимость, необходимость. Все «уходы» <речь идет об уходе Л. Толстого. — Ю. Л.> и героизмы — только закрывание глаз, желание «забыться» <...> кроме одного пути, на котором глаза открываются и который я *забыл* (и он меня)». Последние слова — перефразировка стихов Некрасова:

Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней («Рыцарь на час»).

Окраина была для Блока хранителем традиции народного театра (ср. слова Достоевского об этих традициях: «Искать их

надо у солдат, у фабричных, в фабричных городах и даже по некоторым незнакомым бедным городкам у мещан»²⁰⁾ и сценой одновременно. При этом народный театр воспринимался как отчетливо новое явление в фольклоре, порождение городской жизни, и оставался вне поля зрения академической науки эпохи Блока. П. Г. Богатырев писал в 1923 г.: «Русский народный театр, ясно обнаруживающий свои недавние книжные источники, чуждый какой бы то ни было документальности <...> не мог привлекать внимания исследователей.»²¹ И одновременно это — явление глубоко древнее, вернее, вечное. Таково же было и отношение к Городу, который воспринимался и как реальность, и как символ, и во временном, и в вечном освещении. «Матрос и проститутка были, есть и будут неразрывной классической парой, вроде Арлекина и Коломбины, пока существуют на свете флот и проституция; и если смотреть на это как на великое зло — и только, то жизни никогда не поймешь, никогда прямо и честно в ее лицо — всегда полузаплеванное, полупрекрасное — не помотришь. Мы все отлично, в сущности, знаем, что матрос с проституткой нечто совершенно иное, чем «буржуй» с той же самой проституткой, что в этой комбинации может не быть тени какой бы то ни было грязи; что в ней может быть нечто даже очень высокое, чему не грех бы поучить сонных мужа и жену, дожевывающих свою послеобеденную жвачку в партере образцового театра» (VI, 279).

Не случайно, когда после революции перед Блоком вопрос о будущем театре встал как практический, он прежде всего подумал о сохранении духа единства сцены и зала там, где такое единство имеется, то есть в народных и периферийных театрах, где «между публикой и сценой существует неразрывная, крепкая связь — та связь, которая есть главный секрет всякого театра» (VI, 277). То, как Блок описывает реакцию зрителя на игру актеров в Народном Доме — один из самых ранних опытов изучения аудитории — несет на себе прямое влияние соответствующих страниц «Записок из мертвого дома»²². Особенно важно для Блока, что происходящее в зрительном зале — лишь *часть* праздничного гуляния, центр целого пестрого мира. Идея живой органичности этого мира восходит к «Риму» Гоголя и, пройдя через идеи Вяч. Иванова, получит потом завершение в концепциях М. М. Бахтина (ср. также ряд высказываний Горького в 1910-е гг.). «В саду — обыкновенное исполнение в духе Театра миниатюр — «Маленькой Клодины» (с французского, с пеннем).

Потом любимый и известный по миниатюрам певец поет «Эй, вы, залетные»; потом карлики, подражая детям, поют не совсем приличные куплеты в китайских костюмах. Это особенно нравится. На открытой сцене — жонглеры. Главная масса

глазеющих — конечно, как всегда было, бесплатная, то есть заплатившая только за вход в сад. <...> Со всем этим неразрывно слиты многочисленные легализованные и нелегализованные лотки и прилавки, торговля вразнос шоколадом, семечками, брошюрами, почтовой бумагой, визитными карточками. Это — целый мир, совершенно установившийся; все это не кажется мне плохим, потому что тут есть настоящая жизнь.

С этой жизнью необходимо обращаться крайне бережно, вытравить ее можно одним росчерком пера, и вернуть будет уже не так легко» (VI, 277—278). «Театр, в котором перемешаны сотни лиц, судьба которых — урвать у жизни свой кусок хлеба, то есть дерзить жизни, не спать в жизни, проходить в ней своим — моральным или антиморальным — путем, такой театр казался мне всегда праздничным, напряженным, сулящим бесчисленные возможности, способным претворять драматургическую воду в театральное вино, что происходило и в Народном Доме» (VI, 279).

Поэтика «праздничности» и, что особенно существенно, недоплощенности, создание текста, который еще должен в сознании аудитории «превратиться в вино» и, одновременно, внесение активной толпы в самый текст, вырабатывалась не одним Блоком. Из близких к нему деятелей можно отметить Белого с его ориентацией на частушку и балаган, «Петрушку» Стравинского, Судейкина, Ларионова, Гончарову в живописи, разнообразные театральные искания. Однако центральным художественным событием в этом ряду представляется поэма Блока «Двенадцать». О «Двенадцати» написано много, и основной смысл поэмы, ее место в творческой эволюции поэта, как кажется, определены. Однако избранный нами аспект позволяет увидеть в поэме некоторые особые повороты, до сих пор еще недостаточно освещенные.

В «Двенадцати» перед нами — целый парад народной праздничной театральности. Прежде всего, поэма несет на себе отпечаток святочного карнавала. Как отмечал Б. М. Гаспаров, «первое (и последнее) заседание Учредительного собрания состоялось 5 января (старого ст.); непосредственно перед этим город был переполнен соответствующими плакатами. Таким образом, действие происходит около этой даты (может быть, в течение нескольких дней) — т. е. в дни святок. Это обстоятельство, во-первых, более конкретно объясняет роль темы Христа в поэме, а, во-вторых, накладывает на все происходящее в поэме отпечаток святочного карнавала: приход ряженых с интермедиями музыкально-драматического характера на популярные мотивы и с широким привлечением примет злобы дня (нередко в парадоксальном сопоставлении), кукольный балаган, раек с прибаутками-зазываниями раешника, характерное сочетание сакральных и кощунственных элементов и,

наконец, заключительное общее шествие, — все это полифонически переплетается, создавая сложную, и в то же время сотканную из примитива карнавальную структуру.» Рядом со святочно-карнавальным шествием в поэме отчетливо дают себя чувствовать черты народного театра. Это, прежде всего, кукольный балаган. В предисловии к книге П. Г. Богатырева «Народный театр», подписанной «Опояз» (автором, видимо, был Ю. Н. Тынянов), указывалось: «Старый театр, для которого слово было не материалом художественного построения, а способом выявления психологии, оставил после себя недоверие к словам. В работах Мейерхольда, Таирова, Миклашевского, Сергея Радлова, в статьях совсем молодого драматурга «Серапиона» — Льва Лунца мы видим одно и то же: пренебрежение к слову. Театр движения, театр зрелище, сюжетный театр, наконец, отрицает возможность театра слова.

Нам это кажется тяжелой ошибкой. Особенно велика эта ошибка в том случае, если новый театр хочет быть театром народным <...>

Народный театр — слова как такового.»²⁵

Характеристика эта применима к построению «Двенадцати»: композиция поэмы, в значительной мере, строится как ряд сцен, с одной стороны, организованных по законам кукольного театра. Пародийная кукольность раскрывается, в частности, в параллелизме сюжетных сцен из «Двенадцати» и «Балаганчика». Однако особенно существенны параллели с западно-русским и украинским вертепным театром. Вертеп двухэтажен. На нижнем этапе его разыгрываются фарсовые представления с участием Ирода, черта, «немца» (ср. «буржуй»), пса и носителя героического начала Петрушки (ср. «Петруха»), — в украинском варианте Запорожца, — которому придаются черты веселого разбойника. На верхнем этапе в то же время разыгрывается мистерия поклонения младенцу Иисусу. При этом следует подчеркнуть, что вертепное действие — часть карнавального шествия колядования, которое составляют изображающие святых церковнослужители (впереди идет мальчик со звездой) и карнавальная толпа, соединяющая церковное пение с колядками, циническими шутками, игровыми «разбойничьими» угрозами ограбить и убить скупых хозяев. Черты украинского обряда были Блоку знакомы по исследованиям П. О. Морозова, от которых он был «в восхищении» (ЗК, 449). Знакомством с этими источниками, а также, что вполне вероятно, со «Старинным театром в Европе» А. Н. Веселовского, объясняются некоторые западно-русские элементы шествия в «Двенадцати» (например, отсутствующая в великорусском фольклоре деталь — белый венчик из роз).²⁶ Двухэтажность вертепа соответствует мысли, высказанной Блоком в письме Мейерхольду еще в 1906 г. в связи с постановкой «Балаганчика»: «*Всякий*

балаган, в том числе и мой, стремится стать *тараном*, пробить брешь в мертвечине <...> здесь-то и должен «пробить час мистерии»: мистерия одурочена, обессилена и покорена <...> в объятиях шута и балаганчика старый мир похорошеет, станет молодым, и глаза его станут прозрачными, без дна» (VIII, 169—170). Мистериальный и одновременно карнавально-антимистериальный характер вертепного зрелища ясно показала О. М. Фрейденберг: «Мне не приходилось читать работы, которая сближала бы театр и церковь архитектурно и показала бы их тождество чисто вещественное. Вертеп впервые раскрывает передо мной эту простую, совершенно осязаемую, наглядность. В самом деле, ведь перед нами храмовый ящик — явление хорошо нам знакомое и по античности, языческой и библейской, и по церковной археологии». Вертеп архитектурно повторяет формы и церкви, и скинии: «Наш раек, наш вертеп и наш театр марionеток, с теми же изображениями богов или святых внутри, с той же формой церковки, церковного домика-ящика» составляет часть архаического обряда появления бога из царства мертвых — умирания старого и рождения нового мира. В работе О. М. Фрейденберг содержится еще одно исключительно важное сближение: «Загадочное <двухэтажное. — Ю. Л.> устройство кукольного театра обретает смысл в театре Диониса (где нижний этаж — для героев, верхний — для богов), а театр Диониса во многом получает объяснение в формах «народного», кукольного театра.»²⁷

Не менее очевидна связь композиции первой песни «Двенадцати» с райком. Зачины: «А это кто?», «А вон и долгопый...», «Вон барыня...» воспроизводят прибауточные зачины раёшного деда: «А это, извольте смотреть-рассматривать». Ср., например, текст по, вероятно, известному Блоку сборнику Ровинского:

А вот, извольте видеть господа,
Андерманир штук — хороший вид,
Город Кострома горит;
Вон у забора мужик стоит — с.. т;
Квартальный его за ворот хватает, —
Говорит, что поджигает,
А тот кричит, что заливает.
А вот андерманир штук — другой вид,
Петр Первый стоит.
Государь был славный,
Да притом же и православный;
На болоте выстроил столицу...²⁸

О том, что весь этот лестный парад имел для Блока осознанно карнавальный, праздничный, святочно-маскарадный характер,

свидетельствует одна деталь: появляется «старушка-курица», которой предстоит комическая карнавальная гибель: «Большевики загонят в гроб». Летом 1919 г., обрабатывая «Рванный плащ» Сем Бенелли, Блок вставил в пьесу собственную песенку о карнавальном гибели курицы:

Карнавал, вертлявый бес,
В брюхо курице залез.
Курица, в страхе
Жалуется папе!

Папа взял сухой сучок,
Покропил водой стручок,
Курица, проглоти,
Карнавала отпусти!

Сдуру курица взяла,
Проглотила — померла...
Карнавал прозевал,
Вместе с нею подыхал... (III, 412).

Карнавально-святочное шествие масок и ряженных объясняет и, на низшем семантическом уровне, появление фигуры Христа: «Несение впереди шествия коляды вертепа с фигурой младенца Христа было распространенным обычаем, в особенности в западных областях. В связи с этим сама процессия осмысливается как свита Христа — «божьи ангелы» или апостолы: «А ті йангелі всі колідники. Ой ми тут прийшли тай Христа найшли». «Господзиня <т. е. хозяйка — Б. Г., Ю. Л.> столи стелила — гостей сі сподівала — святого Павла, святого Петра, любого гостя Ісуса Христа.»²⁹ Б. М. Гаспаров отметил, что в наиболее двусмысленном месте поэмы — разговоре проституток — вдруг необъяснимым образом прорываются кукольно-детские интонации: «Двусмысленная реплика проститутки (может быть, куклы балагана?) в гл. I «Пойдем спать» — парадоксальным образом вызывает в памяти сакраментальную формулу детского быта»³⁰ Ключ к этому — в словах из рецензии Блока на репертуар коммунальных театров: в народном зрелище среди других номеров присутствуют и карлики, которые, «подражая детям, поют не совсем приличные куплеты» (VI, 277). Блок считал, что без этого не будет современного народного зрелища, и считал, что убирать номера «с легким налетом сальности» «решительно не надо» (VI, 278).

Если добавить, что в текст введены и элементы массовой уличной живописи (политические плакаты, «Не слышно шуму городского» — популярный, много раз перенздававшийся лубок, который можно было купить тут же на ярмарке, где-ни-

будь рядом с балаганами и кукольными театрами), то перед нами в вводной части весь ассортимент балаганной театральности и массового городского искусства, создающего тот «театр слова», который характерен для народной сцены.

Однако Блок не разделял опоязовского мнения о бессюжетности народного зрелища, поскольку наблюдал интерес массовой аудитории и к жестокой мелодраме, и к наивно-сюжетному кинематографу. Вслед за карнавальным вступлением (1-я глава) идет напряженно-сюжетное и мелодраматическое действие. К нему явно приложимы два сюжетных кода: оперный и кинематографический. Существует явная параллель между сюжетным развитием «Кармен» (кстати, также начинающейся массовой сценой карнавально-ярмарочного типа) и судьбами Петрухи-Катки-Ваньки. Еще более очевидна связь с немым кинематографом 1910-х гг.

В кино Блоку претила «обывательщина и пошлость «великосветских» и т. п. сюжетов» (VIII, 515). Однако Блока привлекало здесь то, что многих от кинематографа отталкивало: то, что кинематограф еще не стал «высоким» искусством, не отделился от зрелищной стихии народного балагана. Сильные страсти, примитивные характеры, зрелищность, непосредственность восприятия неискушенным зрителем — все это воспринималось Блоком не как недостатки, не как то, от чего следует избавляться, а, напротив, как свойства, которые должно переносить в другие сферы искусства. Сюжетное построение (смена картин) и структура характеров в треугольнике Ванька — Катка — Петруха несут следы непосредственного воздействия поэтики немого кино 1910-х гг.

Особенно интересно, в этом отношении, сопоставление поэмы с той частью репертуара кинематографа, которая связывала экран с песенной традицией, представлявшей преломление народной лирики сквозь призму городской культуры XX века. В 1908 г. по сценарию В. Гончарова (режиссеры и операторы: В. Ромашков, А. Дранков, Н. Козловский) был снят фильм «Понизовая вольница (Стенька Разин и княжна)». С 1909 по 1916 гг. были поставлены три (!) фильма на сюжет «Ваньки-ключника»: «Ухажь — купец» (1909), «Коробейники» (1910), «Песнь каторжанина («Бывали дни веселые...»)» (1910), «По Старой Калужской дороге» (1911), «Последний нынешний денечек» (1911). В том же русле был и ряд постановок Протоазанова («Вниз по матушке по Волге», «Запрягу я тройку борзых, темно-карих лошадей» и др.).

Кинематографичность ощущается в динамике смены эпизодов.

Контрастность упрощенного психологизма, сливаясь с черно-белой техникой киноизображения, создавала образ кинематографа как контрастного «черно-белого» искусства. В этом

отношении черно-белая цветовая (световая) гамма «Двенадцати» связывает мистику цветового символизма с реальностью массового искусства. Появление красного («кровавого») флага в конце, как и в «Броненосце Потемкине», где в финале поднимался вручную окрашенный красный флаг, лишь подчеркивает эту специфику, превращая ее в художественно осознанный факт.

Возможно, что именно концовка «Двенадцати» подсказала Эйзенштейну его решение.

Итак, вся художественная система «Двенадцати» пропущена через призму народного «низового» искусства, что резко усиливает для литературно искушенного читателя ощущение «игровых» элементов в тексте. Однако в такой же мере, в какой ошибочно не видеть поэтической «игры» в поэме, не следует абсолютизировать ее значение. Необходимо остановиться на одном парадоксе. Поэма «Двенадцать» пронизана искусно сплетенной «чужой речью»: уличные выкрики, язык «барынь», «старушки», «проститутток», «поэта», речи красногвардейцев, — все это, переведенное на язык различных жанров массового искусства, создает текст большой сложности. Однако Блок был исключительно далек от цели литературной стилизации. Его интересовало прямо противоположное: вырваться не только за пределы «сложности» и стилизации, но и вообще за пределы литературы. Массовая городская культура влекла еще и тем, что она воспринималась как не-литература, вызывала жизненные, а не эстетические реакции. Так, Блок ценил «Дракулу-вампира» за то, что, читая его, испытывал нелитературный страх. Уличное зрелище сродни уличному происшествию. Блок посвятил целый цикл «Вольные мысли» «происшествиям»: смерти на ипподроме, утонувшему рабочему. Его влекли состязания борцов, воображение его приковывали авиакатастрофы. Это тот элемент народной эстетики, который питает широкий круг переживаний от восприятия кинохроники до боя быков (следует отметить, что зритель 1910—1920-х гг. гораздо острее переживал в кино чувства подлинности). Блок зафиксировал в записной книжке: «На полотне кинематографа тореодор дерется с соперником. Женский голос: «Мужчины всегда дерутся» (ЗК, 103). Женщина смотрела на экран как на уличную драку (кстати, смотреть драки любил Пушкин). Здесь привлекала подлинность переживаний: настоящий, а не эстетический страх, настоящая любовь, подлинная кровь и смерть. Путь через примитив вел не к стилизации, а к подлинности.

Данте в «Пире» обосновал иерархии восхождения к скрытым значениям текста: буквальный смысл — аллегорический — моральный — анагогический³¹. Он подчеркнул, что без низшей ступени — буквального смысла — невозможно постижение тайн анагогических значений. Мир Блока во многом близок к миру

Данте: низшая ступень его связана с высшей, балаган и мистерия таинственно сплетены между собой. Пути к новому художественному слову Блок искал в разрушении канонов и обращении к таким эстетическим фактам, которые традиционно исключались из сферы искусства. Это был тот же путь, по которому, отправляясь от разных концепций, шло большинство крупных художников XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ф. Ницше. Собрание сочинений. М., изд. М. В. Клюкина, б. г., т. VI, с. 263.

² Н. В. Кодрянская. Встречи с Бунным. — Лит. наследство, т. 94, кн. 2, М., 1973, с. 343, 346.

³ Характерно восприятие бытового и литературного облика этих писателей М. Цветасвой. Связанный с демократической традицией русской литературы XIX в. наследием Тургенева и Чехова, Бунин подчеркивает в своем личном поведении аристократизм: «холодный, жесткий, самонадеянный барин» (Марина Цветаева. Письма к А. Тесковой. Прага, 1969, стр. 107); ср. с ее оценкой Ремизова: «Здесь, за границами державы Российской, не только самым живым из русских писателей, но живой сокровищницей русской души и речи считаю — за явностью и договаривать стыдно — Алексея Михайловича Ремизова <...> Ремизову я, будь я какой угодно властью российской, немедленно присудила бы звание русского народного писателя, как уже давно (в 1921 г.) звание русской народной актрисы — Ермоловой. Для сохранения России, в вечном смысле, им сделано более, чем всеми политиками вместе. Равен труду Ремизова только подвиг солдата на посту» (Вадим Морковин. Марина Цветаева в Чехословакии. — «Československá rusistika», Praha, VII, 1962, № 1, стр. 51—52).

⁴ См. письмо к Е. Иванову: «Прочел я «Вампира — графа Дракула». Читал две ночи и боялся отчаянно» (VIII, 251). Об этой же книге как источнике внелитературного страха см.: VII, 237.

⁵ Ср.: «Когда я смотрел «Человека-невидимку», рядом со мной сидел мальчик, совсем маленький. В интересных местах он все время вскрикивал: «Ай, едрит твою!» (Записные книжки И. Ильфа, в кн.: Илья Ильф, Евгений Петров. Собр. соч. в пяти томах. Т. 5, М., 1961, стр. 245).

⁶ См.: Ю. М. Лотман. Художественная природа русских народных картинок. В сб.: Народная гравюра и фольклор в России XVII—XIX вв. (к 150-летию со дня рождения Д. А. Ровинского). Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, М., 1976.

⁷ Э. В. Померанцева. Александр Блок и фольклор. — Русский фольклор. Материалы и исследования, т. III, М.—Л., 1958.

⁸ См.: Т. Родина. А. Блок и русский театр начала XX века. М., 1972, стр. 128; Б. М. Гаспаров, Ю. М. Лотман. Игровые мотивы в поэме «Двенадцать». В сб.: Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975.

⁹ Н. Зоркая. Кинематограф в жизни Александра Блока. — Из истории кино. Материалы и документы, вып. IX, М., 1974.

¹⁰ См.: Ю. Н. Тынянов. Блок. В его кн.: Поэтика, история литературы, кино. М., 1977, стр. 122; Ю. М. Лотман и З. Г. Минц. «Человек природы» в русской литературе XIX в. и «цыганская тема» у Блока. В сб.: Блоковский сборник, Тарту, 1964; З. Г. Минц. Лирика Александра Блока. Вып. 3. Александр Блок и традиция русской демократической литературы XIX века. Тарту, 1973, стр. 36—37; Т. Хопрова. Музыка в жизни и творчестве А. Блока. Л., 1974, с. 29—32.

¹¹ См.: З. Г. Минц. Блок и Достоевский. В кн.: Достоевский и его

время. Л., 1971; Б. И. Соловьев. Блок и Достоевский. В кн.: Достоевский и русские писатели, М., 1971.

¹² Г. Н. Кузнецова. Из «Грасского дневника». — Лит. наследство, т. 82, кн. 2, с. 280.

¹³ Анна Ахматова. Стихотворения и поэмы. Библиотека поэта. Большая серия. <Л.>, 1976, с. 259.

¹⁴ Р. Якобсон. Новейшая русская поэзия. набросок первый. Прага, 1921, с. 67.

¹⁵ А. И. Клибанов. Народная социальная утопия в России. М., 1978, с. 27.

¹⁶ Н. Зоркая. Кинематограф в жизни Александра Блока, стр. 131; Андрей Белый. Арабески. Книга статей.

¹⁷ М. А. Бскетова. Александр Блок. Биографический очерк. Пг., 1922, с. 261.

¹⁸ Воспоминания и записи Евгения Иванова об Александре Блоке. — В сб.: Блоковский сборник, Тарту, 1964, с. 365.

¹⁹ Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30 тт. Т. IV, Л., 1972, с. 124.

²⁰ Там же, с. 119.

²¹ Петр Богатырев. Чешский кукольный и русский народный театр. — Сборники по теории поэтического языка, вып. VI, Берлин—Петербург, 1923, с. 21.

²² Внимание Блока к этим страницам открывает новый аспект темы «Блок и Достоевский», см. прим. 11.

²³ Д. Коган. Сергей Юрьевич Судейкин. 1884—1946. М., 1974; Г. Поспелов. О «валетах» бубновых и червонных. — В сб.: Панорама искусств 77, научно-популярный сборник, М., 1978.

²⁴ Б. М. Гаспаров, Ю. М. Лотман. Игровые мотивы в поэме «Двенадцать», с. 54.

²⁵ Петр Богатырев. Чешский кукольный и русский народный театр, с. 7—8.

²⁶ См. также VIII, 519—520. Восторженное письмо по поводу т. I «Истории драматической литературы и театра» П. О. Морозова относится к середине февраля 1919 г., однако Блок в нем пишет, что в «эти дни все возвращается» к этой книге, что указывает на более раннее знакомство с ней. Ср.: А. Н. Веселовский. Старинный театр в Европе. М., 1870. См. также: П. Морозов, Народная драма. В кн.: История русского театра под ред. В. В. Каллаша и Н. Е. Эфроса. Т. I. М., 1914.

²⁷ О. М. Фрейденберг. Семантика архитектуры вертепного театра, — «Декоративное искусство», 1978, № 2 (243), с. 41—43.

²⁸ Д. А. Ровинский. Русские народные картинки. Кн. V, СПб., 1881, с. 231, прим. 187. После упоминания Петра I следует совершенно нецензурный текст, замененный в изд. Ровинского точками. Место это могло привлечь Блока как народная оценка «державного основателя» («Возмездие»).

²⁹ Б. Гаспаров, Ю. Лотман, Игровые мотивы в поэме «Двенадцать», с. 57 (цитируется: І. Свенціцький. Різдво Христове в поході віків, Львів, 1933, стр. 112).

³⁰ Там же, с. 58.

³¹ Данте Алигьери. Малые произведения. М., 1968, с. 135—136.

А. А. БЛОК И РУССКАЯ КУЛЬТУРА XVIII ВЕКА

И. Владимиров, М. Григорьев, К. Кумпан

1. XVIII век в блоковской концепции русской культуры (к постановке проблемы)

Настоящая работа является первым подступом к сложной и интересной теме творческих связей Блока с русской культурой XVIII в. Прежде чем говорить о преломлении и восприятии идей XVIII в. в художественном творчестве поэта, целесообразно обратиться к фактам, свидетельствующим о его знакомстве с русской культурой этого времени: к прочитанным книгам, статьям, выступлениям, заметкам, дневникам, письмам.

Знакомство с русской литературой XVIII в. началось в гимназии. В хрестоматии, предназначенной для младшего возраста, произведения XVIII в., кроме трех басен Дмитриева и двух Хемницера, вообще не упоминаются¹.

В учебниках и хрестоматии для старших классов история русской литературы XVIII в. представлена многими именами писателей и общественных деятелей, среди которых не только Петр Великий и Феофан Прокопович, Ломоносов и Державин, но и Стефан Яворский, Поповский, Аблесимов, В. Майков и др.²

Обязательными из этого круга имен и произведений были следующие: **Стефан Яворский**. «Слово о победе под Полтавою»; **Феофан Прокопович**. «Похвальное слово о флоте Российском», «На погребение Петра Великого»; **Татищев**. Отрывки из «Истории Российской» (польза истории), «Духовное завещание сыну»; **Кантемир**. «Сатира на хулящих учение»; **Ломоносов**. «Рас-

¹ П. Полевой. Учебная русская хрестоматия с толкованиями. Ч. I. Младший возраст. Спб., 1872. Сведения о гимназических учебниках, хрестоматиях и обязательной литературе извлечены из «Списка руководств и пособий, употребляемых во Введенской гимназии» (ЛГИА, ф. 303, оп. 2, ед. хр. 1015).

² А. Галахов. История русской словесности (учебник для средних учебных заведений). Спб., 1890; А. Галахов. Историческая хрестоматия нового периода русской словесности. Т. I. (От Петра до Карамзина). Спб., 1877.

суждение о пользе книг церковных», «Похвальное слово Петру I», «Утреннее размышление о божьем величии» (наизусть), «Вечернее размышление о божьем величии» (наизусть), «Ода на день восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны» (наизусть — три строфы с начала, две в конце и строфы: «О, вы, которых ожидает...» и «Науки юношей питают...»); **Сумароков**. Отрывки из трагедий «Хорев» или «Дмитрий Самозванец»; **Херасков**. Из поэмы «Россияда» (Вступление, Казанский лес, Зима); **Богданович**. Отрывки из «Душеньки» (Плавание Венеры, Чертоги Душеньки, Змей Горыныч, Душенька в аду); **Хемницер**. Басни: «Метафизик», «Богач и бедняк», «Два соседа» (все наизусть); **Фонвизин**. «Недоросль»; **Державин**. «На рождение на Севере порфирного отрока» (наизусть), «На смерть князя Мещерского» (наизусть), «Фелица» (отрывки наизусть), «Видение Мурзы», «Бог» (наизусть), «Памятник» (наизусть), «Водопад» (семь первых строф наизусть); **Карамзин**. Орывки из «Писем русского путешественника», из «Бедной Лизы» (по хрестоматии Галахова), «О любви к отечеству и народной гордости» (наизусть), «О счастливейшем времени жизни», фрагменты из «Истории государства Российского»; **Дмитриев**. «Чужой толк», «Стонет сизый голубочек», «Размышления по случаю грома», «Петух, кот и мышонок» (все наизусть).

В учебнике по теории литературы русский XVIII в. занимал очень скромное место: он представлен именами Державина и Кантемира в разделах «Ода» и «Сатира»³.

Изучение русской литературы продолжалось в университете. Общие и специальные курсы читали И. А. Шляпкин, под руководством которого Блок впоследствии писал свое кандидатское сочинение, и А. К. Бороздин⁴, к лекциям которого поэт относился весьма скептически⁵.

Представление о курсе, который читал Шляпкин, дает составленная им позже, в 1913 г., программа, где XVIII веку уделено много внимания. От студентов требовалось знание основных статей и монографий по XVIII в. и серьезное знакомство с сочинениями Ломоносова, Сумарокова, Державина, Радищева, а также Феофана Прокоповича, Стефана Яворского, Княжниной, Лукина, Чулкова, Пнина и др.⁶

Уровень осведомленности Блока в русской литературе де-

³ А. Филонов. Учебник по словесности. Спб., 1890.

⁴ Сведений о посещении Блоком лекций других профессоров (С. А. Венгерова по истории русской поэзии XVIII в. и В. Н. Перца по истории театра в России) не сохранилось.

⁵ См.: А. Блок. Письма к родным. Л., 1927, с. 95.

⁶ А. И. Шляпкин. История русской словесности (программа университетского курса с подробной библиографией). Спб., 1913, с. 40—47. Книга имела в библиотеке Блока (см. ниже).

монстрирует «Список русских авторов» (1919), составленный поэтом в нескольких вариантах (на карточках и в машинописи) в связи с замыслом издания большой серии книг под названием «Русские классики» (издатель З. И. Гржебин, под редакцией Горького). «Можно идти по пути Марфы, которая печется о многом, — писал Блок во введении к машинописному списку, — и по пути Марин, избравшей благу ю честь. Я избираю первый путь»⁷. Первый путь означал отбор всего сколько-нибудь значительного из духовного наследия прошлого. Приводим из обширной картотеки то, что относится к XVIII в.: 2. И. Т. **Посошков** 1652—1726; 3. В. К. Тредьяковский 1703—1769; 4. М. В. **Ломоносов** 1709—1765; 5. А. П. **Сумароков** 1718—1777, «Хорев» 1747. Первый директор постоян<ного> театра (с 1756); 6. Вас. И. **Майков** 1728—1778. Лирика и драма. Соч. — СПб., 1867, изд. Ефремова сост<авление> Л. Н. Майкова; 7. А. Т. **Болотов** 1738—1833; 8. А. О. **Аблесимов** 1742—1783, «Мельник» 1749 («первый народный сюжет»); 9. Г. Р. **Державин** 1743—1816; 10. И. Ф. **Богданович** 1743—1803, Душенька 1775; 11. Н. И. **Новиков** 1744—1818, Трутень 1769—70, Живописец 1772—73, Кошелек 1774; 12. Д. И. **Фонвизин** 1745—1792; 6. М. И. И. **Хемницер** 1745—1784; 13. А. Н. **Радищев** 1749—1802; 14. Ю. А. **Нелединский-Мелецкий** 1751—1828, «Выйду ль я на реченьку»; 15. А. С. **Шишков** 1754—1841, Расс<уждение> о стар<ом> и нов<ом> сл<оге> — 1803. В 1811 осн<овал> «Бес<еду> люб<ителей> Рус<ского> Слова»; 16. Гр<аф> Д. И. **Хвостов** 1757—1835; 17. В. В. **Капнист** 1757—1823, 1798 — «Ябеда» на сцене, 1783 — «Ода на рабство» (напеч<атана> 1806); 18. И. И. **Дмитриев** 1760—1837. Сказки, басни, сент<иментальные> песни («Голубок»); 19. Н. М. **Карамзин** 1766—1826. Стих<отворение> «Поэзия» (Оссиан) — 1787. Стих<отворение> «Меланхолия» — 1800. «Наталья боярская дочь» — 1792. «Марфа Посадница», 1802. «Письма русского путешественника» — 1790. «Бедная Лиза» 1792. «Фрол Силин». Его школа: Подшивалов, Шаликов, Ильин, Кропотов, В. Панаев и др. «Лира» <?> 1, 68; 20. П. Ф. **Лабзин** 1766—1825. Сионский вестник 1806—7, 1817; 21. Кн<язь> П. И. **Шаликов** 1767—1852; 22. И. А. **Крылов** 1768—1844 пис<ал с> 1786 — . Басни 10-е, 20-е годы. 1784 — «Кофейница» (начало). 1800 — «Трумф» («Подшипа») — парод<ия> на псевд<о>-клас<сическую> траг<едию>. 1801 — «Пирог». 1806 «Модная лавка» и «Урок дочкам». В 1833 году прекращает писать басни, в 1838 — умолкает совсем⁸.

⁷ А. А. Блок. Собрание сочинений в 8-и томах. Т. VI, М.—Л., 1962, с. 136. Далее в тексте: Собр. соч. в 8-и тт., с указанием тома и страницы. Записные книжки (М., 1965) обозначаются как том IX этого издания.

⁸ РО ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 390. Ср. также: РО ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 255.

В «Список первой очереди» по XVIII в. вошли: Державин, Фонвизин, Карамзин и Крылов⁹.

Издание предполагалось осуществить по четырем отделам: поэзия, повествование, драма, философская мысль. Писатели XVIII в. располагались по этим разделам следующим образом: I. Повествование — Карамзин. II. Поэзия — Тредиаковский, **Ломоносов** <подчеркнуто Блоком — И. В., М. Г., К. К.>, Державин, Богданович — Душенька, Крылов. III. Драма — ? Фонвизин. IV. Философская мысль — ? Радищев¹⁰.

Эпизод с гржебинским проектом, относящийся уже к самому концу жизни Блока, показывает превосходную, можно сказать, профессиональную ориентацию поэта в русской культуре XVIII в.

Однако отношение поэта к культуре этого времени в целом было негативным, чему отчасти способствовали концепции, бытовавшие в тогдашней науке и в учебниках по литературе: и из гимназии, и из университета Блок мог вынести представление о неорганичности, вторичности и незначительности эпохи «ложного классицизма»¹¹.

Новая русская литература начинается для Блока с Пушкина (мы не говорим о восприятии древнерусского искусства и культуры — это тема специальной работы). Даже рецензируя учебник В. В. Сиповского «История русской литературы с XI по XVIII в.», он делает замечания о древней литературе и литературе XIX в., а XVIII в., может быть, бессознательно, опускает (Собр. соч. в 8-и тт., V, 622—624).

В богатой библиотеке Блока это столетие заняло ничтожно малое место. В составленном поэтом рукописном каталоге его книжного собрания подбор произведений писателей XVIII в. и исследовательской литературы достаточно случаен:

А. Барсуков. Рассказы из русской истории XVIII века. СПб., 1885.

И. Ф. Богданович. Душенька <издание И. Глазунова (1837) — И. В., М. Г., К. К.>

А. Т. Болотов. Записки. 4 тома и указатель. Изд. «Русской старины». СПб., 1870—1873.

Б. В. Варнеке. История русского театра.

А. Веселовская. Сборник любовной лирики XVIII века.

Гр<аф> Винский. Мое время. Записки.

⁹ РО ИРЛИ, ф. 654, оп. 3, № 10, л. 6.

¹⁰ Там же, лл. 1—5. Вопросительные знаки перед именами Фонвизина и Радищева поставлены позже карандашом.

¹¹ См. напр.: А. Галахов. История русской словесности...; История Русской литературы XVIII века по лекциям проф. И. Н. Жданова, читанным студентам второго курса <...> в 1884/5 акад. году (литография); А. К. Бороздин. История русской литературы. Т. II. М., 1908 (последний учебник был в библиотеке Блока — см. ниже).

- А. Галахов. История русской словесности. 3 тома.
 Кн<ягиня> Е. Р. Дашкова. Записки.
 Державин. Сочинения. 4 т.
 Дмитриев-Мамонов. Пугачевский бунт.
 Б. И. Дунаев. Библиотека старо-русских повестей. Изд. Сытина. М., 1914—1916. I. Повесть о Российском матросе Василии (XVIII в.).
 Драматические писатели (биографии), изд. Т. О. Н. К. по Пгр. <...> вып. I—XII. Вып. IV Фонвизин. П. Гнедича. Пгр. 1918.
 История русской литературы. Москва, т. II, И<стория> р<усской> л<итературы> до XIX в. 1908 <имеется в виду монография А. К. Бороздина — И. В., М. Г., К. К.>
 Карамзин. История государства Российского. Изд. Смирдина.
 Карамзин. Сочинения. Изд. 2. 1814.
 В. Княжнин. Добролюбов и сатира Екатерининского времени (<оттиск> из издания Добролюбова и «Деятеля»)
 Гр<аф> Е. Комаровский. Записки.
 Новиков. Сатирические журналы. Изд. Суворина.
 Пекарский. Масонство <т. е. П. П. Пекарский. Дополнения к истории масонства в России в XVIII столетии. Спб., 1869 — И. В., М. Г., К. К.>
 М. И. Пыляев. Драгоценные камни, Замечательные чудачки и оригиналы, Старое жительство, Старый Петербург.
 Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. Ред. П. Е. Щеголева. Спб., 1905.
 И. Н. Розанов. Русская лирика. От поэзии безличной к исповеди сердца. М., 1914. Задруга.
 В. В. Сиповский. История русской словесности. 1, 2. Спб., 1906. Историческая хрестоматия (по истории русской словесности), т. I, вып. 1, 2, 3, т. II, вып. 1. Русские повести XVIII в. Ред. В. В. Сиповский.
 Соловьев. История России. 6 кн<иг> с указ<ателем>.
 Тихонравов. Русские драматические произведения. 2 т.
 Фон-Визин (изд. Смирдина).
 Франциль Венцнан. Изд. 1860.
 И. А. Шляпкин. История русской словесности (программа и библиография)¹².
- Крайне скудный подбор художественных текстов XVIII в. — косвенное свидетельство малой заинтересованности Блока в литературе этого времени.
- Неприемлемой для Блока была и философская доминанта эпохи, на которой вырастал классицизм. Строгая регламента-

¹² РО ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 388. Список дан нами в алфавитном порядке; поздние карандашные пометы не воспроизводятся.

ция, жесткие нормы и правила школьных «пиитик» были абсолютно чужды Блоку с его принципиальным антирационализмом и установкой на спонтанность художественного творчества. «Поэты интересны тем, чем они отличаются друг от друга, а не тем, чем они подобны друг другу». Из этого следует, что «группировка поэтов по школам <...> — труд праздный и неблагодарный» (Собр. соч. в 8-и тт., V, 135).

Книжная культура XVIII в. для Блока — пустая страница русской истории: XVIII век — лишь проводник интересной и значительной древней культуры, «темных религиозных предчувствий и воспоминаний о «заволжских старцах»», подобно тому, как следственное дело XVIII в. донесло до нас «совершенно демоническое любовное заклинание» далекой древности (Собр. соч. в 8-и тт., V, 63).

В рецензии на сборник стихотворений Кузмина «Сети» Блок противопоставляет древнерусские «истинные» образы в творчестве Кузмина — манерности ложного мира XVIII в., куда с «какой-то бутафорской стремительностью» переносится автор «Сетей». Возникают «легкомысленные маски», изящная и мишурная пастораль, под которой, однако, скрывается трагедия. «Подлинная пастораль XVIII столетия, — пишет далее Блок, — действительно страшна, потому что русские люди, переряживаясь в чужеземных кукол, хотели забыть что-то, чего <...> вовеки не забыть...» (Собр. соч. в 8-и тт., V, 292—293). Блоковское «что-то» — это некая исконная «романтическая» идея русского начала, о чем нам придется еще говорить. Это «что-то» затемняется поверхностной, наносной одеждой, которую трудно даже назвать культурой: «Тому, кто поет о земле обетованной, — упрекает Блок Кузмина, — непозволительно брать в руки балалайку; смешно видеть человека с грустным лицом в маскарадных и светских лохмотьях» (там же, 294).

И, наконец, поэт прямо высказался о своей нелюбви к XVIII столетию, и не только русскому. Этот позитивный рационалистический период, с его точки зрения, в целом оказался совершенно бесполезным в развитии европейской культуры. В рецензии на драматическую сказку «Алину» Блок, проигрывая над ее финалом, говорит о «свойственной именно XVIII веку помпе». Далее он прямо указывает, что XVIII век «самый чуждый нам и самый далекий от нас» (Собр. соч. в 8-и тт., VI, 318—319; ср. запись в «Дневнике» 10 августа 1913 г. — Там же, VII, 196). Такова краткая сводка неизменно холодного, враждебного отношения поэта к культуре XVIII в.

Однако при всем негативном отношении к русскому классицизму и господствующей философской мысли XVIII в. блоковское восприятие эпохи не было однозначным. В 1919—1920 гг. поэт обращается в своих историко-культурных построениях к

рубежу XVIII—XIX вв., когда «европейский мир кипел в огне переворотов, конечно, не только политических. Заново пере-страивалось человеческое общество, разбушевдалась социальная стихия...» (Собр. соч. в 8-и тт., VI, 155—156). Если «социальная стихия» разбушевдалась лишь на рубеже XVIII—XIX вв., то интеллектуальные сдвиги были подготовлены еще в середине XVIII в. Для Блока это было столь же очевидно, как и для нас: «В середине XVIII столетия по всем странам цивилизованного мира прошла волна разочарования в разуме и предпочтения разуму чувства; разум преобладал над чувством в том течении, которое называется классицизмом <...> чувствительное, сентиментальное было реакцией против него. К началу XIX столетия сентиментализм уступил место более глубокому течению романтизма...» (Собр. соч. в 8-и тт., VI, 362)¹³.

Несмотря на слабость и подражательность русской культуры XVIII в., Россия, естественно, в сознании Блока не могла быть исключена из границ «цивилизованного мира». Аналогичные процессы привлекали его внимание и в русской литературе. Так, в «Списке русских авторов» основное место отведено писателям переходной эпохи, которая представлена всем разнообразием школ и направлений предромантизма. Блок забыл включить в список крупнейших представителей классицизма Кантемира и Хераскова¹⁴; в то же время среди авторов, отнесенных Блоком к школе Карамзина, встречаются имена таких незначительных писателей, как Н. И. Ильин, П. А. Кропотков, В. И. Панаев и др. Рядом с программным стихотворением Карамзина «Поэзия» Блок делает помету: «Оссиан»¹⁵; строфа могла заинтересовать поэта в связи с размышлениями о зарождении романтизма в XVIII столетии, которые нашли отражение и в продолжении списка (начало XIX в.), где творчество А. А. Шаховского определяется как переход «от классицизма к романтизму»¹⁶.

Характерно появление в списке имен Н. И. Новикова, П. Ф. Лабзина и его масонского журнала «Сионский вестник». Блок воспринимал масонство как реакцию на просветительский рационализм.

Кризис русского рационализма XVIII в. привлек внимание Блока еще в студенческие годы, когда поэт посвятил ему спе-

¹³ В РО ИРЛИ (ф. 654, оп. 1, № 226, л. 1) сохранился листок (1918 г.), озаглавленный «Школьные теории поэзии», где, наряду с Платоном и Аристотелем, мы находим следующую запись: «Ионг. Вдохновение». Речь идет о книге Э. Юнга «Мысли об оригинальном творчестве» (1959), где сформулировано романтическое, подчеркнуто антирационалистическое определение вдохновения.

¹⁴ Эти два имени появляются позднее на карточках №№ 241 и 264.

¹⁵ «Оссиан в русской литературе» — одна из тем в семинаре Шляпкина (см. с. 36).

¹⁶ РО ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 390, № 29.

циальную работу, к анализу которой мы и переходим, так как она имеет первостепенное значение для решения проблемы, вынесенной в заглавие нашей статьи.

2. Блок в работе над курсовым сочинением «Болотов и Новиков»

Важнейшим эпизодом университетской жизни Блока является его работа над кандидатским сочинением, история написания которого достаточно полно восстанавливается по письмам и записным книжкам: «Специализируюсь <...> я по русской литературе и, по всей видимости, у проф. Шляпкина...» — пишет Блок отцу 2 октября 1903 г.¹ Шляпкина Блок явно выделяет из круга других университетских преподавателей: «...я не могу пожаловаться на бездарность всех моих «учителей». Проф. Шляпкин, например, человек оригинальный и своеобразный...»²

В целом же университетская наука совершенно не соответствовала блоковскому умонастроению 1900—1903 гг. «Лучшее, что предлагалось взамен религии, — пишет он отцу об университете, — была грамматика. Последняя мне представлялась действительно лучшим, потому что самый мертвый *mos geometricus* терзает меня менее, чем социологические и т. п. воззрения на то, что для меня священо»³.

Желание отгородить свою внутреннюю жизнь от «университетской науки» сказалось и на выборе темы, который был сделан после долгих колебаний. «Думаю о сочинении (зачетном) на тему: «Сказания об иконах Богородицы», — сообщает он отцу в том же письме⁴. Тема эта, несомненно, связана с настроениями Блока того времени: он выбирает для научного исследования произведения о Богоматери, образ которой соотносится с Женским началом, Мировой душой, воплощавшимися в «Стихах о Прекрасной Даме»⁵.

¹ А. Блок. Письма к родным. Л., 1927, с. 95.

² Письмо отцу от 30 декабря 1903 г. Там же, с. 97. Теплыми воспоминаниями о Шляпкине делится и однокурсник Блока А. А. Громов. См.: А. А. Громов. В студенческие годы. — «Стожары», кн. 3. Пг., 1923, с. 52.

³ Письмо от 30 декабря 1903 г. В кн.: А. Блок. Письма к родным, с. 97. Позже Блок пересмотрел свое скептическое отношение к университету: см. Собр. соч. в 8-и тт., VII, 15.

⁴ А. Блок. Письма к родным, с. 99.

⁵ О соотношении «Ее» и Божьей матери см. в письме Блока А. Белому от 18 июня 1903 г. (Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М., 1940, с. 35). Об эволюции образа Божьей матери в зрелой лирике Блока см.: З. Г. Минц. Функции реминисценций в поэтике Блока. — Труды по знаковым системам, вып. VI. Тарту, 1973, с. 399—400; Г. А. Левинтон, И. П. Смирнов. «На поле Куликовом» Блока и памятники Куликовского цикла. — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 88 и след.

Очевидно, именно потому, что тема была ему внутренне близка, Блок очень быстро, не приступив к работе, от нее отказался: «Намереваюсь писать сочинение «Сказание об иконах Богородицы», — пишет он 10 ноября 1903 г. С. М. Соловьеву, — боюсь нагнупить в нем и превысить университетскую норму»⁶. «Собираюсь писать универ<ситетское> сочинение, вероятно, о письмах Жуковского», — сообщает он ему же в следующем, недатированном, письме⁷. Однако и эта тема быстро была оставлена и, можно предположить, по той же причине⁸.

В седьмой «Записной книжке» Блока (зима 1903 — лето 1904) имеется недатированная запись: «Шляпкин В<асильевский> О<стров> 12 линия 27 кв. 7 или Белоостров»⁹, которая, очевидно, свидетельствует о визите студента к руководителю. В этой же книжке находится обширный список тем, предложенный профессором своим семинаристам. Приводим часть этого списка, относящуюся к XVIII—XIX вв., чтобы показать, из какого круга проблем делал свой выбор Блок.

Темы.

1. Новая литература.

Пушкин по Остафьевскому архиву (4 тома напечат<ано>).

Собрать письма Жуковского (студент Громов). Р<усская> С<тарина>, Р<усский> А<рхив>, Рус<ский> Вестн<ик>, Рус<ское> Обозр<ение> (лет за 15).

С. Н. Глинка (и его брат Федор). Грот в Ак<адемии> Изв<естиях>.

Чаадаев по Ост<афьевскому> Арх<иву> и «Стар<ине> и Новизне».

А. И. Тургенев (и брат его Николай), как ученый — громад<ный> материал.

«Современник» Пушкина. Характ<ер> журн<ала>, связь с друг<ими> ему подобн<ыми>, переход от альманахов, иностр<анная> литерат<ура> (англ<ийские> review). При жизни П<ушкина> — четыре тома, потом 10—15 лет (Плетнев) — до Никитенки. Сохран<ился> ли Пушкинский дух?

⁶ Письма Александра Блока. Л., 1925, с. 59.

⁷ Там же, с. 60.

⁸ Вопрос о влиянии творчества Жуковского на поэтику Блока см.: В. Н. Топоров. Блок и Жуковский: к проблеме реминисценций. — Тезисы I всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975; он же. Из исследований в области поэтики Жуковского. IV. Блок — Жуковский: к проблеме реминисценций. — Slavica Hierosolymitana, vol. I, 1977.

⁹ РО ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 327, л. 37.

Кн<язь> Вяземский. Его 11 томов, Ост<афьевский> архив, «Старина и Новиз<на>». Взгляды В<яземского> на Россию (полит<ические> — зап<адник> или славяно-ф<ил>). Литерат<урная> его деят<ельность> с 20-х до 80-х годов. Отн<ошение> Вяз<емского> к польскому вопросу (Вяз<емский>, Пушкин, Мицкевич). Русско-польск<ие> отн<ошения> 20-х, 30-х годов. Поэтич<еская> деят<ельность> Вяз<емского>.

Кохановская (Соханская) — † 1884. Автобиограф<афия> и письма — Русск<ое> Обозр<ение> (указат<ель> в кажд<ом> году). Библиограф<афический> словарь русских писательниц Н. Н. Голицына. Понамарев. «Русские писательницы»^{9а}.

Сахаров. Знаком с Пушк<инным> лично. Больш<ая> литерат<ура>. (переписка) — в Публ<ичной> Библ<иотеке>. Пышин. «Ист<ория> этнографии» — говор<ит> о том, чего нет у Сахарова. Указ<ать> то, что есть положи<тельного>.

Народность в комедиях Екатер<ининского> времени. Ком<едии> Екат<ерины>, по мн<ению> Шляпкина, писаны не ею самой.

Притчи Александра Сумарокова.

История русской басни.

Драмат<ическая> деят<ельность> кн<язя> А. А. Шаховского. Популярность = Викт<ору> Крылову. Влияние франц<узского> легкого театра.

Оссиан в русск<ой> литерат<уре>.

Взгляды Болтина на народн<ую> словесность. Обращали ли вообще историки внимание на нар<одную> словесность? Болотов (я пишу)¹⁰.

Список сохранил следы комментариев Шляпкина, причем Блок наиболее подробно фиксирует замечания о темах, входивших в круг его интересов. Поэту представлялись широкие возможности писать о Пушкине и его современниках, в том числе таких, как Чаадаев, братья Тургеневы, Вяземский и др. Однако он, по всей видимости принципиально, решил сосредоточиться на работе, внутренне чуждой его духовным исканиям: добросовестно написать кандидатское сочинение, кончить курс и «разделаться» навсегда с университетской ученостью. Выбранная тема никак не затрагивала его повседневных интеллектуальных интересов: анализ дотошных и подробных мемуаров приземленного и рационального человека, типичного, с точки зрения Блока, представителя холодного и рассудочного

^{9а} С. И. Пономарев. Наши писательницы. СПб., 1891. Рецензия с дополнениями к словарю Н. Н. Голицына.

¹⁰ РО ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 327, лл. 40 об. — 39 об. Листы заполнены в обратном порядке.

XVIII в., был тем самым мертвым «*mos geometricus*», который предлагался университетом «взамен религии».

Русский мемуарный жанр был довольно хорошо знаком Блоку. Еще в гимназических хрестоматиях приводились отрывки из записок Неплюева, Я. П. Шаховского, Дашковой, Лопухина и др.¹¹, воспоминаний Аксакова о Державине¹² и Шишкова¹³, подробно анализировались «Записки» Порошина¹⁴. В хрестоматии П. Полевого были включены пять фрагментов из мемуаров Болотова¹⁵. Болотов упоминается и в университетской программе, составленной Шляпкиным. Может быть, «Записки» Болотова анализировались и на его лекциях. Таким образом, текст болотовских мемуаров был достаточно известен Блоку еще до начала работы над ними.

Блок вплотную приступил к работе над темой в феврале 1904 г., вернувшись из поездки в Москву, где он проводил свои январские каникулы. Уже 15 февраля он сообщает отцу, что «занят славянским рефератом и русским сочинением»¹⁶. Судя по заметкам в записной книжке № 7, Блок в VI семестре регулярно посещает университет, в конце февраля кончает «славянский реферат», который он писал в семинаре у А. И. Соболевского¹⁷, и, видимо, начинает собирать материал для кандидатского сочинения. 22 февраля он делает запись в этой же книжке: «В Алекс<еевский> рынок (Болот<ов> и пр.)»¹⁸, которую можно расшифровать как заметку о покупке четырех томов «Записок»¹⁹. Очевидно, тогда же Блок начинает конспектировать I том «Записок». 23 февраля он пишет Брюсову: «Я занимаюсь теперь специально записками Болотова» (Собр. соч. в 8-и тт., VIII, 89)²⁰ и предлагает ему для публикации небольшую заметку о мемуаристе. В этом письме Блокронически подчеркивает сентиментальный оттенок лирики Болотова, «писавшего стихи «К дерновой канопе» и «К весне во время еще первейших зимою талей»» (там же).

Мартовские и апрельские записи в той же книжке пестрят упоминаниями посещений университета и Шляпкина: «10

¹¹ А. Галахов. Историческая хрестоматия нового периода русской словесности. Т. I. Спб., 1877.

¹² П. Полевой. Учебная русская хрестоматия. Ч. II. Спб., 1876.

¹³ А. Галахов. Русская хрестоматия. Т. I. Проза. Спб., 1884.

¹⁴ А. Филонов. Учебник по словесности. Спб., 1890.

¹⁵ П. Полевой. Учебная русская хрестоматия. Ч. II, с. 237—248.

¹⁶ Письма Александра Блока к родным. Л., 1927, с. 112.

¹⁷ См.: РО ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 327, л. 13 об.; частично опубликовано в Собр. соч. в 8-и тт., IX, 60.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Выходные данные всех законспектированных Блоком источников и научных исследований приведены в библиографической справке в конце статьи, с. 58.

²⁰ Ср. также письмо А. В. Гиппиусу (Собр. соч. в 8-и тт., VIII, 91).

<марта> ср<еда> Университет <...> 12 п<я>тн<и-
ца> [Болотов] <...> 13 с<у>бб<ота> Унив<ерситет>
<...> 16 вт<орник> Унив<ерситет> Шл<япки>
<...> 5 апреля П<о>н<е>д<ельник> Унив<ерситет>
<...> 12 П<о>н<е>д<ельник> Унив<ерситет>
<...> 20 вт<орник> Шляп<кин>»²¹. 21 апреля Блок с
женой уезжают в Шахматово; таким образом, в последний
день в Петербурге Блок встретился со своим руководителем.

Возможно, в одну из этих встреч Блок передал Шляпкину
реферат по теме сочинения, о чем косвенно свидетельствует
одна из первых по возвращении из Шахматова записей в за-
писной книжке № 9: «Рефер<ат> от Шл<япкина>»²²
(конец августа или начало сентября).

Нам удалось идентифицировать текст этого реферата. В бло-
ковском фонде (РО ИРЛИ, ф. 654) под № 178 первой описи
значится рукопись «Болотов и Новиков. Глава I (с вступлением
и литературой вопроса). 1905». Сопоставление отсылок в при-
веденных ниже материалах на страницы реферата (см. с. 91
наст. изд.) с соответствующими номерами страниц данной ру-
кописи позволило установить, что перед нами текст реферата.
переработанный в начало кандидатского сочинения²³.

Источниками реферата, первоначальное название которого
«История детства, воспитания и военной службы А. Т. Боло-
това (1738—1833). Биография его до 1762 года», были 100 пер-
вых писем «Записок» (ч. I—IX) и монографии Н. Чечулина и
Е. Щепкиной. Сопоставление выписок из мемуаров Болотова
с рефератом показывает, что в работе над ним Блок наряду
с печатным текстом «Записок» использовал и собственный кон-
спект, о чем свидетельствует целый ряд текстологических сов-
падений и повторяющихся ошибок (см. комм. №№ 20, 44, 49).

Менее ясна хронология дальнейшей работы Блока над
кандидатским сочинением. Из письма Блока А. Белому от 23
декабря 1904 г. (Собр. соч. в 8-и тт., VIII, 113) можно заклю-
чить, что писать его Блок начал по возвращении в Петербург.
Воспринимая работу над сочинением как обязательный труд,
Блок 21 октября с явным облегчением сообщает С. Соловьеву:
«На днях я закончил большое университетское сочинение, ко-
торое лишало меня возможности читать интересное» (там же,
с. 110). Текст сочинения, таким образом, был написан между
24 августа, когда Блок вернулся из Шахматова, и 21 октября²⁴.

²¹ РО ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 327, л. 14об.—15.

²² РО ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 329, л. 1.

²³ Ср. в «Автобиографическом очерке» Блока: «Поступив на славяно-
русское отделение, я <...> представил рефераты профессору Шляпкину
(главы из зачетного сочинения «Болотов и Новиков») и профессору Собо-
левскому...» (Собр. соч. в 8-и тт., VII, 431).

²⁴ Сохранившийся черновой вариант был закончен 14 октября 1904 г.

Сохранились свидетельства, что Шляпкину понравилась работа Блока²⁵: он ее «хвалил и предлагал напечатать» (Собр. соч. в 8-и тт., VIII, 122). Сам же Блок через полгода оценил сочинение как добросовестную «компиляцию» (там же).

И все-таки период работы над сочинением был закономерным этапом блоковской эволюции и не прошел для него бесследно. Осень 1904 г. — переломная пора в творчестве Блока. «Стихов почти не пишу, — сообщает он С. Соловьеву 21 октября, — с декадентами очень затрудняюсь говорить...» (Собр. соч. в 8-и тт., VIII, 110). Уход в академическую науку поэт ощущал как «реальное» новое дело, в которое он погружался, спасаясь от раздвоенности. «Осень проходила хорошо, — пишет он 29 сентября А. Белому. — У меня поглощала время и «жар души» физическая усталость каждого дня, очень занятого учебным делом <...> пусть многое тонет в том, в чем есть своя тишина. Изредка я начинаю понимать Твое возвращение в университет» (Собр. соч. в 8-и тт., VIII, 108—109). В письме А. Белому от 23 декабря Блок подчеркивает, что работа над сочинением была ему необходима и доставила удовлетворение: «...стало приятно и лестно чувствовать свою «работоспособность» и возможность историко-литературных обобщений <...> Вероятно это было полезно и укрепительно...» (Собр. соч. в 8-и тт., VIII, 113).

В рецензии 1905 г., написанной вскоре после окончания работы над сочинением, Блок отмечает, что «ученый труд не исключает ни «чувства», ни «сердечного воображения»» (Академик А. Н. Веселовский. В. А. Жуковский. — Собр. соч. в 8-и тт., V, 570). Анализ подготовительных материалов к сочинению «Болотов и Новиков» убедительно показывает, что работа над принципиально чуждой поэту темой все же затронула его «чувства» и «сердечное воображение».

Интерес к изучаемому персонажу проявляется с первых страниц конспектов «Записок» Болотова. Они выдают ироническое отношение Блока к мемуаристу. Поэт подробно останавливается на фрагментах, демонстрирующих болотовскую расчетливость и практицизм (уклонение от участия в военных действиях, добронравное поведение в походе в связи с «боязнью смерти от венерических болезней», рассуждения о материальных выгодах брака и т. п.). Признание Болотова «об особливом счастье, что он не мог влюбиться страстно, ибо это разрушило бы всякие «хорошие» намерения» Блок сопровождает насмешливой ремаркой: «очень замечательное место» (с. 61 наст. изд.).

(см.: А. Блок. Собрание сочинений. Т. XI. М., 1934, с. 80. Далее в тексте: Собр. соч. в 12-ти тт. с указанием тома и страницы).

²⁵ «Помню, что профессор не раз отзывался о работе Блока почти восторженно и находил в авторе методологический навык и крупное исследовательское чутье» (А. А. Громов. В студенческие годы, с. 52).

С особой экспрессией поэт комментирует 61-е письмо, где «Болотов ругает представления Арлекина на ярмарке в Кенигсберге». «Все это письмо, — отмечает Блок, — одно из самых ярких подтверждений позитивизма А<ндрея> Т<имофеевича>». Неодобрительно фиксирует Блок реакцию его героя на посещение синагоги: «...молитвенный экстаз, а А. Т. с бригадиршей чуть не расхохотались» (с. 61 наст. изд.). Ограниченная рациональная натура Болотова сказывается даже в курении табака в течение всей жизни «только за утренним чаем». Яркий курильщик Блок отмечает эту черту «умеренности» восклицательным знаком.

Но мемуары Болотова давали Блоку материал и для более глубоких размышлений. В данной связи важна выписка о «коровьей смерти», сделанная в квадратных скобках «для себя и имеющих уши».

В течение многих лет Блок находился под впечатлением поверья, распространенного среди бобловских крестьян. Впервые оно упоминается в январских записях дневника 1902 г.: «24 июля 1901 года. В Боблове поверье: «она» «мчится» по ржи» (Собр. соч. в 8-и тт., VII, 38). Затем в записи от «26 июня <1902 г.> перед ночью»: «...ужаснее и «глубиннее» всего поверье о том, что «она» «мчится» по ржи. Как оно попало в народ? Кто занес эту страшную легенду? С нами крестная сила» (Собр. соч. в 8-и тт., VII, 48). Спустя месяц Блок более подробно излагает народное поверье о «ней» в письме З. Гиппиус: «Здесь в одной из соседних деревень ходит странное (и уж исторически совсем необъяснимое) поверье: «она мчится по ржи» (буквально — и больше ничего). Кажется, что теперь эта «она» исчезла до времени. Тут есть ведь совпадение, какая-то трудно уловимая, но ощутительно одна мечта и с тем Петербургом, который «поднимется с туманом» у Достоевского и с Вашим «невидимым градом Китежем»: все они возвратятся *иными* «в последний день» ...» (Собр. соч. в 8-и тт., VIII, 34).

Это апокалиптическое видение Блок встречает и в мемуарах Болотова. Андрей Тимофеевич нравоучительно и со свойственной ему обстоятельностью излагает народное поверье: «И как сие может служить доказательством <...> грубому невежеству и глупости нашего подлого народа, то расскажу вам сие смешное происшествие.

Разговор <...> был тогда о скотском падеже, свирепствовавшем в тогдaшнее время во всем тамошнем околотке <...> и приказчик мой божился <...>, что там недавно смерть коровью видели <...> я услышав сие, покотился со смеха, и, перестав писать и захохотав, спросил: «Какая же она, эта смерть коровья» — «Право, сударь, видели! <...> Андрос вез хлеб с поля, и она бежит-бежит по нашей роше и тотчас рассыпалась, как скоро Андрос ее увидел». — «Ха! Ха! Ха!» —

«Нет, сударь, что вы смеетесь? с девчонкою нашею встретилась она, совсем-таки наткнулась на нее, и перепугала ее насмерть». — «Того еще лучше! Да какая же она?» — «Вся белая, от ног до головы. Бежит, бежит, и очень резво!» — «Да что ж она человек что ли?» — «Нет, сударь, а ноги у ней коровьи, а голова бычачья! — вот ажно какая!»²⁶

Этот рассказ Болотова Блок сопоставляет с известной ему легендой: «...«анекдот» на столбце 689 — не «она ли мчится по ржи...? (коровья смерть). Древнее...» (с. 82 наст. изд.)²⁷

Бобловская легенда вновь появляется в статье Блока 1908 г. «Стихия и культура»: «Есть <...> люди, для которых земля не сказка, но чудесная быль, которые знают стихию и сами вышли из нее — «стихийные люди». <...> Они видят сны и создают легенды <...>, когда ветер ночью клонит рожь, — это «Она мчится по ржи»» (Собр. соч. в 8-и тт., V, 356—357). В трактовке поверья появляется теперь новый аспект: «она» — это не только знак «судного дня», но и отражение исконной стихийной силы, носителем которой является народ, ощущающий грядущие апокалиптические перемены острее, чем обладающая культурой интеллигенция.

Включение этой легенды в контекст противопоставления народной стихии и культуры впервые намечается, по-видимому, именно в конспекте болотовского рассказа о «ней». Болотов «не имеет ушей», он отвечает на рассказ приказчика раскатистым хохотом, его позитивистскому плоскому мироощущению недоступна древняя поэзия народных легенд, он по другую сторону «стихии». От этих кратких записей протягиваются нити к последующим размышлениям Блока, к статьям, в самих названиях которых противопоставлены два начала: «Стихия и культура», «Народ и интеллигенция» — к статьям, столь важным для мировоззрения зрелого Блока²⁸.

В мемуарах Болотова обнаруживается еще один эпизод, привлекавший внимание Блока-поэта. Это ничем не примечательный с первого взгляда рассказ о посещении «одного старичка, прусского отставного полковника, великого охотника до наук и до всяких рукоделий и художеств». Старичок повел

²⁶ А. Т. Болотов. Жизнь и приключения... Т. II, ст. 688—689.

²⁷ Пересказ поверья о «коровьей смерти» Блок встретил и в книге Чечулина (см. комм. 88).

²⁸ Заметим, что в тексте сочинения можно уловить лишь слабый намек на подобную формулировку мысли. В рамках академического труда Блок не выходит за пределы традиционных историко-культурных построений. Мирозерцание Болотова объясняется отчасти его немецким воспитанием, отчасти спецификой эпохи. Следуя за бытовавшими в науке концепциями Незеленова, Ключевского и др., Блок противопоставляет масонство вольтеррианству и видит в Болотове и Новикове предшественников славянофильства и западничества, «шеллингианцев и гегельянцев» (Собр. соч. в 12-ти тт., XI, 80).

гостей «вверх по крутой лестнице» в «превеликую комнату, заставленную и загражденную всю множеством всякого рода машин, орудий и инструментов...»²⁹

Блок отмечает этот эпизод в конспекте: «Старенький отставной полковник — любитель наук и ремесел — сидит в башенке маленький Кантик. Но не он...» (с. 61 наст. изд.). Эта запись является автореминисценцией стихотворения «Иммануил Кант» (18 октября 1903 г.).

В исследовательской литературе указывалось, что образ маленького Канта, сидящего за ширмой, восходит к герою второй «Симфонии» А. Белого, философу, который, «прочтя о времени и пространстве, как априорных формах познания <...> стал придумывать, нельзя ли заставить себя ширмами, спрятавшись от времени и от пространства...»³⁰

Теория познания Канта, которую Блок уже в письмах 1902—1903 гг. называет «гнетущей» (а самого Канта именует «здравым» — Собр. соч. в 8-и тт., VIII, 54, 40), навсегда осталась для Блока символом «страшного мира». В одной из поздних программных статей «Крушение гуманизма» (1919) поэт пишет о Канте: «Ставя предел человеческому познанию, <...> он был провозвестником цивилизации, одним из ее духовных отцов» (Собр. соч. в 8-и тт., VI, 101).

Уже внешность болотовского старичка-полковника вызвала в сознании Блока образ Канта из его стихотворения: «...всегда, — пишет мемуарист, — впдал я его в шляпе, всегда напудренным, в странном паричке и всегда в старинном прусском мундире с долгими и ситами набитыми широкими полами...»³¹. Шуточный рисунок, сопровождавший стихотворение «Иммануил Кант», изображает старичка в характерном парике с большой косой³². Однако сходство этих двух персонажей не только внешнее. Старенький отставной полковник — представитель того же бездуховного, рационального XVIII столетия, что и кенигсбергский философ, погруженный в вещный «феноменальный» мир. Как в кантианстве, так и в рационализме для Блока был неприемлем гносеологический аспект, его догматически-логическая основа³³.

²⁹ А. Т. Болотов. Жизнь и приключения. Т. 1, ст. 872—876.

³⁰ Андрей Белый. Собрание сочинений. Т. IV. М., 1917, с. 136. Под влиянием этого образа появляется и «напуганный», сидящий за ширмой со скрещенными «ручками и ножками» и со «сморщенным личиком» в письме Блока к А. Белому от 13 октября 1903 г. (Александр Блок и Андрей Белый. Переписка, с. 52).

³¹ А. Т. Болотов. Жизнь и приключения... Т. I, ст. 874.

³² Александр Блок. Письма к жене. — Литературное наследство, т. 89, М., 1978, с. 186.

³³ Ср. определение рационализма в записной книжке от 3 сентября 1904 г. — Собр. соч. в 8-и тт., IX, 66.

«Догматик» Болотов, восхищавшийся ученым полковником и его хитроумными изобретениями, также включен Блоком в феноменальный кантовский мир³⁴. Поэт неоднократно отмечает в своих конспектах легкомысленные, «невинные» развращения Болотова — участника Прусского похода. Настойчиво (и в реферате, и в черновиках к сочинению) он упоминает среди кенигсбергских увеселений мемуариста его «прогулки на шлюпке», искаженно воспроизводя текст «Записок» (см. комм. 49). Возможно, эта ошибка ассоциативно восходит к фрагменту из блоковского письма А. Белому (20 ноября 1903 г.), где встречается образ Канта, выглядывающего из ящика во время петербургского наводнения. Осознавая лишь сиюминутный вещный мир, Кант в письме Блока заявляет: «Нынче хорошая погода и приятно покататься на лодке <разрядка наша — И. В., М. Г., К. К.>. Постарайтесь к вечеру доставить меня в Кенигсберг» (Собр. соч. в 8-и тт., VIII, 71). Глубинная стихия (наводнение или война) недоступна ощущениям как Канта, так и Болотова.

Образ Канта получил дальнейшую разработку в статье «Девушка розовой калитки и муравьиный царь» (1906 г.). Его характеристика складывается из уже знакомых черт: миниатюрности и кукольности, подчеркнутых уменьшительными суффиксами, сморщенной кожи, холмика, подобно башенке и ширме символизирующего отрешенность и близорукость. «И сам сморщенный Кант, водрузивший свой маленький стульчик на холмике, с которого легко обозревать мир феноменов, гармонирующих друг с другом и по дальности расстояния и по слепоте слезящихся глазок тайного советника, — не имеющих в себе ничего ноуменального» (Собр. соч. в 8-и тт., V, 89). В этой статье, однако, проясняется неявная еще в текстах 1903—1904 гг. оппозиция: догматизму XVIII в. противопоставляется здесь «мужичонка», ищущий заветный корень жизни, «корень свят <...> на добрые дела, на добро» (там же, 91). Несомненно родство «мужичонки» и «муравьиного царя» с миром народной поэзии, с миром «той, которая мчится по ржи»: «И поет <...> таинственный корешок в простой легенде, как настоящая золотая руда» (там же)³⁵.

Таким образом, рассказ Болотова об отставном полковнике — любителе наук — включается в сложную цепь размыш-

³⁴ Неслучайно «догматизм» Болотова имеет для Блока отчетливо немецкую окраску (см. с. 79, 83, 84 наст. изд. и комм. 154). В этом контексте значима национальная принадлежность Канта и старичка-полковника.

³⁵ Ср. в статье «Поэзия заговоров и заклинаний»: «... заговоры, а с ними вся область народной магии и обрядности оказались тою рудой, где блещет золото неподдельной поэзии; тем золотом, которое обеспечивает и книжную «бумажную» поэзию — вплоть до наших дней» (Собр. соч. в 8-и тт., V, 37).

лений Блока о двух типах видения мира: истинном и ложном, мистическом и рациональном, — в дальнейшем приведших поэта к идеям его поздних статей о стихии и цивилизации.

Противопоставляя бездушному догматизму мистическую поэзию народных легенд, Блок, вместе с тем, обнаруживает реакцию на рационализм и в русской жизни XVIII в. Это — масонство и культурная деятельность Новикова, которые оказались в центре внимания поэта в процессе работы над курсовым сочинением³⁶.

В этой связи важен вопрос об уточнении темы блоковского сочинения. Первоначально разработка темы мыслилась в традиционном русле работ о Болотове с акцентом на извлечение историко-бытовых и литературных фактов, характеризующих эпоху. Именно в этом ключе написан первоначальный план сочинения, который завершает первый этап работы над ним: «Болотов интересен преимущественно, как один из достовернейших мемуаристов, давший огромный материал для **фактической** (преимущ<ественно>) истории литературы, и жизни, быта, нравов, событий и пр., пр.» (с. 84 наст. изд.).

Однако интерес к Новикову и масонству проявляется уже на этом этапе работы над темой. Так, впервые обратившись к «Памятнику претекших времен», Блок выписывает из него только факты, относящиеся к Новикову; прорабатывая монографию Незеленова «Литературные направления в Екатерининскую эпоху», наиболее подробно он конспектирует главу о масонстве; в реферате останавливается на отношении Болотова к масонству и т. п. При этом сведения о Новикове и масонстве в контексте будущего сочинения мыслятся Блоком как материал, характеризующий литературные факты болотовской эпохи и личность мемуариста (ср. с. 83 и 84 наст. изд.).

Возрастающий интерес к истории масонства и личности Новикова в конечном итоге приводит к изменению темы сочинения. Необходимость расширения проблематики и введения противопоставления Болотова и Новикова возникает, видимо, после записи «плана сочинения»: сразу после него идет основной массив конспектов литературы по масонству и статей о Новикове, в то время как еще в подзаголовке к списку литературы стояло название сочинения, указанное в списке тем, предложенных Шляпкиным: «Болотов». Вторая часть — «и Новиков» вписана позже.

Несмотря на то, что фигура Болотова достаточно тщательно «описана» в черновых материалах к сочинению (выписки о нем, как правило, сопровождаются авторскими ремарками и комментариями), а образ Новикова только намечен с помощью

³⁶ Интерес к масонству заметно усилился на рубеже XX в. См.: В. Д. Рак. «Умбракул, распешренный звездами...» — «Русская литература», 1972, № 4, с. 172—174.

биографической канвы и известий о нем, выбранных из произведений Болотова и исследовательской литературы, именно он, в сущности, составляет центр блоковской работы, организует ее концепцию. При этом Блок во многом следует за оценкой Новикова, распространенной в исследовательской литературе того времени, где его деятельность рассматривалась как попытка «вывести русское просвещение из тесного круга оторванных от народа «просвещенных людей» <...> в широкий мир «простосердечных мещан», простого грамотного люда»³⁷.

Будущие оппозиции народа и интеллигенции, культуры и цивилизации, Запада и России, в период написания работы впервые наметившиеся как противопоставление двух полярных фигур, символизирующих для Блока две стороны русской культуры XVIII в.: «просвещенность», рационализм и догматизм Болотова и страстное служение идее, альтруизм, духовность, мистицизм Новикова, — включаются, в то же время, в круг образов периода «Распутий» и позже — «второго тома» лирики, когда единый универсум «Стихов о Прекрасной Даме» распался на два противоположных друг другу мира — поэзии и пошлости, глубины и тривальности, одухотворенности и заземленности. Мотивы арлекинады и двойничества, образы горбунов и карликов, «косматых, кривых и рогатых чудовищ» приходят на смену гармоничному калориту ранней лирики Блока³⁸. С атрибутами этого «страшного мира» перекликается один эпизод из блоковских черновиков к сочинению.

Из статьи А. Н. Пыпина «Nomenclulus» Блок извлекает рецепт Парацельса о приготовлении гомункулов, что свидетельствует об интересе поэта к тайным процедурам алхимических масонских занятий. Еще более важным в этой связи представляется не законспектированный, но несомненно прочитанный Блоком документ, приложенный к статье Пыпина: «О философских человечках — что они суть в самом деле и как их рождают»: «Возьми колбу из самого лучшего хрустального стекла, — гласит текст масонской рукописи, — положи в оную самой чистой майской росы, в полнолуние собранной, одну часть, — две части мужской крови и три части крови женской <...> потом поставь стекло оное с сею материею <...> сохранно на два месяца для гниения в умеренную теплоту, — и тогда на дне оного ссядется красная земля. <...> в колбе сей подымется кверху пузырек. <...> покажутся жилки, <...> оный пузырек будет делаться от часу большим <...> увидишь в ней две живые твари <...> мушинка и женщина <...> они будут не выше одной четверти арши-

³⁷ В. О. Ключевский. Воспоминание о Новикове и его времени, с. 56.

³⁸ Вл. Орлов. Александр Блок. Очерк творчества. М., 1956, с. 57. и др.

на»³⁹. Вместе с рождением гомункулов в колбе появляется и миниатюрный мир, копирующий земной; гомункулы за шесть лет проигрывают перед наблюдателем историю человечества от грехопадения до конца света.

Можно отметить стилистическую перекличку образов «второго» тома блоковской лирики (особенно цикла «Пузыри земли», 1904—1905) с приведенным документом. Она трудно уловима, так как, попадая в контекст блоковских ассоциаций, образы значительно усложняются, приобретая присущую поэзии Блока многозначность, но некоторые из них сохраняют явную связь с масонскими впечатлениями поэта⁴⁰. Так, название цикла спроецировано, как думается, не только на шекспировские «пузыри земли», но и на те «пузырьки», из которых рождаются «мужинка и женщина» старинной масонской рукописи. Блоковский полуреальный микромир нежити — это мир не до конца родившихся «тварей», где живут болотные чертенята, болотный попик и полевой Христос. Он не имеет ничего зловещего и близок к автономному микромиру зарождающейся в колбе жизни, где, как в кукольном театре, проигрывается вся библейская история (ср. у Блока: «Будете маяться, каяться, / <...> Вы, зеленые, крепкие, малые / Твари милые, небывалые» — Собр. соч. в 8-и тт., II, 13). «Тварность» «Пузырей земли» ощутил С. Соловьев, когда писал: «Во второй своей книге Блок от мира божественного переходит к тварному»⁴¹.

Этот микрокосм может стать и страшным. В масонской рукописи указывается, что если кровь взята от «людей нецеломудренных, то мужинка будет половина зверь, — также и женщина будет снизу ужасного вида»⁴². В статье Блока «Безвременье» (1906) появляется кошмарный образ города-паука, в «прозрачном теле» которого, как в колбе, «сидят <...> пузатые человечки <...> жуют, строчат, а потом едут на уморительных дрожках отдыхать и дышать чистым воздухом в самое зловонное место» (Собр. соч. в 8-и тт., V, 68).

Обитателями зловещего микромира предстают карлики «второго тома» блоковской лирики. Эти образы имеют неоднозначный генезис, но одна из генеалогических линий восходит к образу Канта, который, как отметил А. Белый, неразрывно

³⁹ А. Н. Пыпин. *Nomunculus*. Эпизод из алхимии и из истории русской литературы, с. 64.

⁴⁰ В комментарии к этому циклу в 8-итомном собрании сочинений указывалось на перекличку образов «Пузырей земли» с фантастическими существами из альбома Т. Н. Гиллиус «*Kindisch*», которых любил рассматривать Блок. Теперь можно отметить и их родство с гомункулами.

⁴¹ С. Соловьев. Воспоминания об Александре Блоке. В кн.: Письма Александра Блока, с. 32.

⁴² А. Н. Пыпин. *Nomunculus*, с. 64.

связан в сознании Блока с «темой страха»⁴³. Так, карлики из стихотворений «Обман»⁴⁴ (5 марта 1904 г.), «В голубой далекой спальне...» (1905) напоминают и «Иммануила» из письма Блока А. Белому от 20 ноября 1903 г., и героя стихотворения «Иммануил Кант», и «маленького Кантика» из конспекта болотовских «Записок», чему способствуют как звуковые («карлик маленький» — «маленький Кантик»), так и зрительные ассоциации (карлик «Гонит струйку к струйке сморщенной рукой» — у Канта «на ручке сморщенной — колечки»). Между ними имеется и более сложная связь. Блоку, несомненно, была известна легенда о пунктуальности кенигсбергского философа, который в течение всей жизни выходил на прогулку с такой точностью, что жители города проверяли по нему часы. Карлик, останавливающий часы («Тихо вылез карлик маленький / И часы остановил»), и Кант, действующий с точностью часового механизма, таким образом, включаются в ряд «вечность — время — безвременье».

Прусский отставной полковник также оставляет впечатление работающей на часовом механизме заводной игрушки: «Я дивился, — пишет Болотов, — его странному одеянию и походке <...> При всей старости своей <...> был он также чопорен и свеж, как бы лет в сорок <...> и какая бы погода ни была, но всегда видел я его <...> в старинном прусском мундире <...> с широкими полами, из которых одну носил он всегда приподнятою левою рукою и приложенною плоскостию своей к животу. Самым сим странным обыкновением своим отличался он от всех прочих людей...»⁴⁵

Другая ипостась карликов «второго тома» лирики восходит к гетевским образам и, что характерно в данном контексте, именно к эпизоду создания гомункула. Пыпин начинает статью с описания изготовления гомункула во второй части «Фауста» и цитирует строки, видимо, хорошо известные Блоку⁴⁶: «Звенит реторта! Грудь томится! / Дрожит от звона страшный свод! / <...> Уж свет во тьме сияет, / В реторте тлеет уголек // И ярко блещет огонек, / Да луч из мрака выступает...»⁴⁷

⁴³ См.: А. Белый. Воспоминания о Блоке. — «Эпопея», 1922, № II, с. 184. Тема страха — главная тема стихотворения «Обман».

⁴⁴ Карлик из этого стихотворения, который «прыгнул в лужицу красным комочком», а потом пропал в ней, как наваждение, ассоциируется, с другой стороны, с миром нежити, обитателями колб, где из кровавого комочка рождаются гомункулы.

⁴⁵ А. Т. Болотов. Жизнь и приключения..., ст. 873.

⁴⁶ В библиотеке Блока и Бекетовых имелось несколько немецких изданий «Фауста» и различные русские переводы. О фетовском переводе второй части Блок упоминает в дневнике 1902 г. (Собр. соч. в 8-и тт., VII, 36); перевод Холодковского, процитированный Пыпиным, Блок особенно высоко ценил (см. рецензию на этот перевод — Собр. соч. в 8-и тт., VI, 467—468).

⁴⁷ А. Н. Пыпин. Homunculus, с. 52.

Зловещая обстановка мастерской Вагнера в момент создания гомункула напоминает колорит блоковского стихотворения, написанного летом 1904 г.: «Поет, краснея медь. Над горном / Стою — и карлик служит мне; / Согбенный карлик в платье черном, / Какой являлся мне во сне. // Сбылось немного — слишком много, / И в гроб переплавляю медь...» (Собр. соч. в 8-и тт., II, 42)⁴⁸.

Наряду с «тварным» миром гомункулов в этом стихотворении и вообще в лирике 1904 г. сложно-опосредованным образом отразился и другой слой масонской символики.

1904 год прошел для поэта под знаком соловьевского кружка: в январе он познакомился с А. Белым, а в июле С. Соловьев, А. Белый и А. Петровский гостили в Шахматове. Соловьевский кружок мало напоминал сложную иерархическую организацию масонских лож, но его члены осознавали себя группой единомышленников⁴⁹, пользующихся своим особым языком, чтобы оградить себя от профанов. В этот язык вкрапливались термины религиозно-масонских ритуалов. Характерно в этой связи обращение членов кружка друг к другу «брат». В своих воспоминаниях о встрече в Шахматове А. Белый рассказывает о шуточных шаржах, которые он рисовал в присутствии друзей: «С. Соловьева с крестом <...> восклицающего на нас «Урима и Тумима»»⁵⁰. В законспектированной Блоком работе С. А. Петровского указывается, что в масонской символике Урим и Тумим — «познание тройного сверхъестественного света, с целью исследования начала всех вещей прошедшего, настоящего и будущего»⁵¹. Здесь же А. Белый приводит слова Блока, сказанные им во время одной из шахматовских прогулок, о том, что он «вообще не видит будущего света»⁵². Фраза выдержана в духе масонской терминологии Шварца, с которой Блок мог познакомиться по книге Незеленова «Литературные направления...»

В этих же воспоминаниях А. Белый подчеркивает отход Блока в период «второго тома» от золотых и голубых цветов циклов «*Ante lucem*» и «Стихи о Прекрасной Даме» к чер-

⁴⁸ Напрашивается сопоставление этих строк с фрагментом из «Пролога» поэмы «Возмездие»: «Так Зигфрид правит меч над горном: / То в красный уголь обратит, / То быстро в воду погрузит — / И зашипит и станет черным / Любимцу вверенный клинок... / Удар — он блещет, Нотунг верный, / И Миме, карлик лицемерный, / В смятении падает у ног!» (Собр. соч. в 8-и тт., III, 301).

⁴⁹ А. Белый в шутку называл кружок «сектой блоковцев».

⁵⁰ А. Белый. Воспоминания об Александре Александровиче Блоке. В кн.: А. А. Блок в воспоминаниях современников, т. I. М., 1980, с. 282.

⁵¹ С. А. Петровский. Очерки из истории русского масонства в XVIII в., с. 601. Ср.: А. Н. Пылин. *Homunculus*, с. 62, где дается несколько иное истолкование терминов.

⁵² А. Белый. Воспоминания об Александре Александровиче Блоке. — В кн.: Александр Блок в воспоминаниях..., с. 292.

ным и фиолетовым краскам. Черно-лиловый колорит лирики поэта этого времени отмечает и С. Соловьев: «Больше нет <...> синевы «Снежной ночи». Колорит поэзии Блока черно-лиловый, его окружают образы Ада...»⁵³ Сам Блок ощущал эти тона как враждебные, трагические, мрачные.

Интересно, что оппозиция голубого и фиолетового существовала в масонской символике и могла быть отмечена Блоком при чтении исследований по масонству. Так, в работах Ешевского («Московские масоны восьмидесятых годов прошедшего столетия. 1780—1789») и Петровского дается новиковская характеристика западной масонской организации «братства фиолетовой ленты». Новикова отталкивала формализованность и сложная обрядовая сторона этого «братства». В отличие от западной фиолетовой символики русские розенкрейцеры носили голубые кафтаны⁵⁴.

Все вышесказанное имеет отношение к стихотворению Блока «Фиолетовый запад гнетет...», написанному в Шахматове летом 1904 г.: «Фиолетовый запад гнетет, / Как пожатые десницы свинцовой. / Мы летим неизменно вперед — / Исполнители воли суровой. // Нас немного. Все в дымных плащах. / Брыжжут искры и блещут кольчуги. / Поднимаем на севере прах, / Оставляем лазурность на юге...» (Собр. соч. в 8-и тт., II, 38).

«Мы» стихотворения спроецировано на соловьевское братство; в то же время, герои стихотворения явно члены какого-то тайного общества, исполнители чьей-то «суровой воли».

Таинственные всадники отвернулись от «фиолетового запада», они на севере «поднимают прах» и «оставляют лазурность на юге»: их путь лежит на Восток.

У Блока мистический образ «Востока» впервые появляется в дневнике 1902 г. (Собр. соч. в 8-и тт., VII, 51), и его корни, видимо, нужно искать в соловьевской традиции. Однако масонское религиозно-мистическое осмысление этого символа во многом было созвучно блоковским настроениям этого периода.

«Идеал Востока», сложившийся в масонстве под влиянием средневековой христианской традиции (противопоставление Запада и Востока как царства антихриста, дьявола и «царства божия»)⁵⁵, занимал важное место и в масонских ритуалах:

⁵³ С. Соловьев. Воспоминания об Александре Блоке. — В кн.: Письма Александра Блока, с. 39.

⁵⁴ См., напр., десятый вопрос Екатерины II Новикову, приведенный в статье Незеленова «Новиков в Шлиссельбургской крепости»: «Что за голубые кафтаны с золотым камзолом и кто оные носил» (А. И. Незеленов. Литературные направления..., с. 363).

⁵⁵ См. об этом: К. Кумпан. Проблема «Запад — Восток» в русской литературе 1840-х гг. в плане историко-литературных традиций. В кн.: Материалы XXVII научной студенческой конференции. Тарту, 1972, с. 43.

«Комната, назначенная для ложи обыкновенно имела вид продолговатого четырехугольника, стороны которого носили название четырех стран света. Место, где находился великий мастер, называлось «востоком»⁵⁶.

Всадники в стихотворении «Фиолетовый запад гнетет...», одетые в плащи и кольчуги, переводят стихотворение в некий исторический пласт и, в то же время, ассоциируются с апокалиптическим видением. Напомним, однако, что «всадниками» называли масонов, достигших определенных степеней (*equis*, *equis absens*, *equis professus*) в системе «строгого наблюдения» (см. в конспекте статьи Петровского — с. 88 наст. изд.).

С масонскими обрядами связан и последний образ этого стихотворения — «мертвец», который указывает дорогу скачущим в неведомое всадникам. Символика смерти занимала, как известно, ведущее место в масонских обрядах. Вот обряд посвящения, описанный в книге, прочитанной и законспектированной Блоком: «Вся ложа была одета черным сукном: на черном покрывале стоял такого же цвета гроб <...> Три скелета заменяли подсвечники. Жертвенник был покрыт черным <...> присутствующие стояли вокруг гроба, а один из них лежал в гробу «под окровавленной плащаницей». <...> брат, лежавший в гробу, незаметно поднимался из него. <...> При слове «смерть» новичка повергали в гроб и покрывали окровавленную плащаницей. <...> Во время чтения нового мастера поднимали из гроба»⁵⁷.

Символика гроба возникает и в уже процитированном выше стихотворении «Поет краснея медь...», где лирический герой повергается в гроб, как посвящаемый в масонской мистерии: «Сбылось немного — слишком много, / И в гроб переплавляю медь. / Я сам открыл себе дорогу, / <...> // Последним шествием украшен, / Склонюсь под красный балдахин / <...> // Тогда — огромен бледным телом — / Я красной медью зазвучу. / И предо мною люди в белом / Поставят бледную свечу» (Собр. соч. в 8-и тт., II, 42)⁵⁸.

Пожалуй, наиболее отчетливая связь с масонской атрибутикой ощущается в стихотворении «Ночь», первый набросок которого датирован 11 октября, окончательный вариант — 19 ноября 1904 г. Интересно, что в третьей строфе этого сти-

⁵⁶ С. А. Петровский. Очерки по истории русского масонства в XVIII в., с. 573—574.

⁵⁷ С. А. Петровский. Очерки по истории русского масонства в XVIII в., с. 578—579. Ср. также: А. И. Незеленов. Литературные направления..., с. 140, где обряд посвящения неопита, включающий повержение в гроб, представлен в виде путешествия.

⁵⁸ Ср. близкие образы в других стихотворениях этого периода: «Я готов. Мой саван плотен / Смертный венчик вокруг чела...»; «Заскрипят ли тяжкие латы? / Или гроб их, как страх мой, пуст? / Иль он вдунет звук хрипловатый / В этот рог из смердящих уст?»

хотворения Ю. Н. Тынянов увидел черты «давно стертой аллегорической оды»⁵⁹, тем самым наметив связь стихотворения с поэтическими традициями XVIII в.: «В длинном черном одеянии, / В сонме черных колесниц, / В бледно-фосфорном сиянии — / Ночь плывет путем цариц» (Собр. соч. в 8-и тт., II, 48).

Ночь наделена масонскими атрибутами: она в черном одеянии, в окружении черных колесниц (ср. черные покрывала и черный гроб в масонской ложе). Как показывают черновики, Ночь плывет к Востоку (Собр. соч. в 8-и тт., II, 29; IX, 66—67)⁶⁰. Наиболее интересна четвертая строфа: «Под лунной мерцают пряжки / До лица закрытых риз. / Оперлась на циркуль тяжкий, / Равнодушно смотрит вниз». Орденские логи убирали сукном, расшитым серебряными пряжками «в виде слез»⁶¹. Циркуль же — важнейший масонский символ — знак строителей Соломонова храма. Циркулем испытывали неофитов: «Посвящаемого ставили на одно колено перед жертвенником, приказывали ему положить одну руку на Евангелие, а другую приставить к своей груди циркуль. «Брат ужасный! (говорил великий мастер). Где кровавая чаша? Исполни свою должность». Брат ужасный подходил с чашей, а мастер ударял своим молотком трижды по циркулю; сочившаяся из ранки кровь текла в чашу и символически объединяла вступающего с братьями масонами»⁶².

Более сложно связаны с проработанной Блоком литературой начальные строчки этого стихотворения: «Маг простерт над миром брений, / В млечной ленте — голова...» Они являются реминисценцией строк стихотворения А. Белого «Маг» (публикация 1903 г. в «Грифе» — «В. Я. Брюсову»): «В венце из звезд, над царством скуки, / Над временем вознесены — / Застывший маг, сложивший руки, / Пророк безвременной весны»⁶³.

Позже, в своих воспоминаниях о Блоке, А. Белый расценивал борьбу «теургов» с Брюсовым в 1904 г. как борьбу божественного с телесным: «...поэзия должна стать теургией, т. е. божественной и жизненной одновременно <...> К декадентству <...> мы все относились отрицательно, — считали, что под маскою декадентства крепили «черные силы»

⁵⁹ Ю. Н. Тынянов. Блок. В его кн.: Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977, с. 122.

⁶⁰ В черновике стихотворения (Записная книжка № 9) также упоминаются «наука тайная» и «тайное знание» (РО ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 329, л. 36).

⁶¹ А. И. Незеленов. Литературные направления..., с. 138.

⁶² Там же, с. 139.

⁶³ Эти строки Блок цитирует в письме А. Белому от 13 октября 1903 г. (Собр. соч. в 8-и тт., VIII, 65).

<...> магической поэзии, которая была нам так враждебна, которой яд вынашивал <...> Брюсов»⁶⁴.

В книге Незеленова излагаются идеи Шварца, различавшего три света в мире и, соответственно, три начала в человеке. I — свет природы, тела, плоти; II — ангельский свет; III — божественный. Владующий первым светом — **маг**⁶⁵. По мнению «соловьевцев», поэзия — постижение божественного света.

Брюсов откликнулся на стихотворение А. Белого, еще более отчетливо вводя масонские мотивы, как бы принимая посвящение в магии: «Но снова голос! зовут пророчества! / На мутных высях чернеют ризы! // «Брат, что ты видишь?» — Как отзвук молота, / Как смех внемирный мне отклик слышен...»^{65а}.

На противопоставлении божественного и магического построено стихотворение Блока «Ночная». Эта оппозиция намечена и в стихотворении «Ночь»: Ночь («Женственное Имя», «Ты») противопоставлена магу, простертому над «миром брений», София противостоит волхву. Стихотворение было написано в период напряженной борьбы «теургов» со старшими символистами, когда образ Брюсова неоднократно появляется в переписке «соловьевцев». Так, отвечая С. Соловьеву на фразу о том, что тот «провел в неприятнейшей борьбе с «великим магом»⁶⁶ весь месяц», Блок пишет в письме от 21 октября 1904 г.: «Почему ты придаешь такое значение Брюсову? <...> Маг ужасен не вечно, а лишь тогда, когда внезапно в разрыве туч появится его очертание...» (Собр. соч. в 8-и тт., VIII, 109—110). Последние слова — перефраз из книги Незеленова о том, что «маги могли остановить солнце, отворить и затворить небо...»⁶⁷

Здесь же Блок встречает противопоставление «соловьевства» и магии и отмечает в конспекте: «Масоны подпали искушению «греха плоти» (цитата из Вл. Соловьева) <...> Братья последней степени — **маги**» (см. комм. 64).

Продолжая конспектировать книгу Незеленова, Блок записывает мысль исследователя о том, что «розенкрейцеры считали опасным и даже дурным делом вызывать духов»⁶⁸, «но, — пишет далее Блок, — возм<ожны> снош<ения> с сверх-

⁶⁴ А. Белый. Воспоминания об Александре Александровиче Блоке (в печати). Подробней о борьбе «теургов» с «магизмом» Брюсова см.: Александр Блок в воспоминаниях..., с. 289; С. С. Гречишкин, А. В. Лавров. Биографические источники романа Брюсова «Огненный ангел», — Wiener slavistischer Almanach, 1978, Band I, с. 83—84, 90—97.

⁶⁵ А. И. Незеленов. Литературные направления..., с. 138.

^{65а} Андрею Белому. В кн.: В. Брюсов. Собрание сочинений в семи томах. Т. I. М., 1973, с. 353.

⁶⁶ Ср. «Magus magorum» — высшая масонская степень в розенкрейцерстве (см. конспект статьи Петровского, с. 89 наст. изд.).

⁶⁷ А. И. Незеленов. Литературные направления..., с. 138.

⁶⁸ Там же.

чувств<енным> миром (вид<еть> Христа лицом к лицу), экстастика (подобно хлыстам)» (с. 64 наст. изд.).

От приведенной конспективной записи тянутся нити к мучительным размышлениям Блока периода, когда мистика и религия, слитые в соловьевском синтезе в мировоззрении поэта до 1903 г., начинают раздвигаться. «Я люблю Христа меньше, чем Ее», — признается он А. Белому в письме от 18 июня 1903 года⁶⁹.

Письма А. Белому и Е. Иванову летом — осенью 1904 г. — это своего рода «карамазовский» бунт против Христа. «Всадник в голубом», которого «хотелось принять за Христа», то превращается «в кого-то милого, домашнего», то оборачивается «страшным», но это оказался не Христос. «Христос <...> никогда не был у меня», — характеризует свою эволюцию поэт в письме А. Белому 5 июня 1904 г. (Собр. соч. в 8-и тт., VIII, 103). Еще более резко неприятие Христа звучит в письме, написанном через десять дней Е. Иванову, рассуждение которого о «видении лика Христа в диске солнца, как в нимбе»⁷⁰ Блок лично для себя не принимает: «Я Его *не знаю* и *не знал* никогда», — пишет он другу (Собр. соч. в 8-и тт., VIII, 105).

Возможно, цитата из дневника неизвестного розенкрейцера, приведенная и в книге Незеленова, и в статье Петровского (Блок конспектирует ее дважды — см. с. 64, 89 наст. изд.) о том, что magus magorum «видит Христа лицом к лицу», напомнила поэту разговоры о Христе с Е. Ивановым. Через полгода в письмах А. Белому он решительно противопоставляет дьявольское и божественное реальной жизни и, видимо непроизвольно, цитирует фразу из своего конспекта: «Странно, что я *почти* не встречал в жизни «этого» **лицом к лицу** <подчеркнуто нами — И. В., М. Г., К. К.> <...> Если бы ты знал, как я *всегда НЕ ВЕРЮЮ!*» (Собр. соч. в 8-и тт., VIII, 114).

К вопросу о мистике и религии Блок возвращается в 1906—1908 гг. В черновом наброске «Религия и мистика» в записной книжке № 12 (18 января 1906 г. — Собр. соч. в 8-и тт., IX, 72), вновь противопоставляя эти понятия, он приравнивает религию жизни, а мистику — литературе, причем краеугольным камнем последней считает «тайну» и «экстаз», что вновь связывает размышления поэта с выписками из работ по масонству. Интересно, что за два дня до наброска Блок отмечает в той же записной книжке: «Статья о XVIII веке (Болотов)», которая свидетельствует о возвращении поэта к замыслам

⁶⁹ Александр Блок и Андрей Белый. Переписка, с. 35.

⁷⁰ Е. Иванов. Черновые наброски к книге «Летающие листья» (1902; собрание Н. П. Ильина).

статьи 1904 г. и, возможно, о пересмотре старых конспектов.

От наброска «Религия и мистика» тянутся нити к 1908 г., к блоковскому увлечению расколом и сектантством, которое «с XV века несет одну и ту же однообразную и упорную думу о боге» (Собр. соч. в 8-и тт., VIII, 219). В этом для Блока проявляется исконное народное начало, противостоящее ложное культуре интеллигенции.

С изучением масонства косвенным образом связано драматическое произведение Блока «Роза и Крест» (1912 г.)⁷¹ и программная статья 1915 г. «Судьба Аполлона Григорьева».

Само название драмы «Роза и Крест» не может не вызвать ассоциации с розенкрейцерством — рыцарями золоторозового креста, масонами. Гаэтан — Рыцарь-грядущее напоминает устремленных вперед всадников в дымных кольчугах из стихотворения «Фиолетовый запад гнетет...». Крест на его груди становится символом сопричастности духовному братству рыцарей храма: «Ставь же свой парус косматый, / Метъ свои крепкие латы / Знаком креста на груди!...» (Собр. соч. в 8-и тт., IV, 233).

Парус и знак креста восходят к фигуре, начертанной Блоком в конспектах к университетскому сочинению: треугольник, обращенный вершиной вниз. В середине треугольника — розовый крест. Это — щит с изображением креста. Щит и латы (одеяние рыцарей) для Блока — явление одного порядка; в то же время и парус может иметь треугольную, как щит, форму.

Образы и размышления, возникшие в процессе работы над кандидатским сочинением, появляются и в статье «Судьба Аполлона Григорьева». Григорьев — носитель «мистики на русский лад», которую Блок видел и в русском сектантстве^{72–73}, и в русском масонстве, где на первый план выдвигались этические задачи — задачи «братского союза, основанного на равенстве» (Собр. соч. в 12-ти тт., XI, 51).

Образ Григорьева связан с фигурой Новикова из студенческого сочинения: те же «скитания от системы к системе», которые Блок считал «единственным способом» достичь истины, «хотя бы личной» (Собр. соч. в 12-ти тт., XI, 56), та же широта и многосторонность, та же искренность в заблуждениях, те же метания от «отчаянного атеизма» к «крайнему аскетизму», отмеченные поэтом у ряда русских деятелей культуры XVIII в.

⁷¹ Отдавая дань университетским занятиям в автобиографии 1915 г., Блок указал на помощь их «даже в художественной работе (материалы для «Розы и Креста)» — Собр. соч. в 8-и тт., VII, 15.

^{72–73} Ср. слова из письма сектанта, процитированные Блоком в статье «Стихия и культура» (Собр. соч. в 8-и тт., V, 358). Сближение масонства с хлыстовством и сектантством вообще Блок неоднократно встречал в книге А. И. Незеленова «Литературные направления...» (с. 115, 116, 138, 139 и др.).

В конспектах к сочинению дважды приводятся слова Новикова о «распутьи между вольтерьянством и религией» (с. 65, 89 наст. изд.). Неслучайно «Полошенька» из статьи Блока «чувствовал родство с душою своего кряжистого деда, который <...> с Новиковым был знаком и чуть ли не был масоном» (Соб. соч. в 8-и тт., V, 492). В мечтаньях Ап. Григорьева, как подчеркивал поэт, тяга к масонству играла не последнюю роль: «Он бредил о том, что может поступить в масонскую ложу, здоровался, берясь за кисть руки особенно, по-масонски; все мечтания заключились тем, что в один прекрасный день <...> Григорьев бежал в Петербург» (там же, 493).

Немаловажно отметить и особый интерес Блока к «Гимнам» Григорьева «к Розе и Мудрости, никем не понятым вплоть до наших дней» (там же, 497). Гимны (как и шеллингизм Григорьева, соотносящееся для Блока с масонством) он противопоставляет «пьяному угару; женщинам, хандре, скуке, восторгам, гитаре, цыганам», уживавшимся в душе Аполлона. Возможно, поэт чувствовал масонскую мистику Гимнов, как должен был ощущать масонский намек в псевдониме Григорьева А. Трисмегистов: шифр рукописи Гермеса Трисмегиста, учение которого было популярно среди масонских алхимиков, Блок выписывает из «Notunculus'a» Пыпина (с. 86 наст. изд.).

Таков краткий перечень творческих импульсов, возникших при проработке Блоком документов и исследований, относящихся к культуре XVIII в. В то же время, мы ни в коей мере не пытаемся свести генезис всех упомянутых произведений к масонским связям. Однако «спонтанность и органичность» творческого развития поэта дает «возможность своеобразного «полигенеза» нескольких поэтических источников, одновременно притянутых жизненными переживаниями»⁷⁴. Задачу настоящей статьи составляло обнаружение некоторых из этих источников в конспектах к курсовому сочинению, которые мы помещаем ниже.

Эти материалы хранятся в Отделе рукописей ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 177 и представляют собой две небольшие общие тетради. Первая тетрадь, озаглавленная «Материалы. Болотов и Новиков. 1904», содержит 28 сшитых и 13 вложенных листов с конспектами источников, монографий, статей, списком литературы, заметками и планом кандидатского сочинения. Вторая тетрадь имеет заголовок «П. Болотов и Новиков. Главы I—IV. 1904» и содержит 50 сшитых листов текста. Она начинается с конспекта «Записок» Г. И. Добрынина. С листа 1 об. идет текст самого сочинения (с середины первой главы, со слов

⁷⁴ В. Жирмунский. Драма Александра Блока «Роза и Крест». Литературные источники. Л., 1964, с. 4—5

«С осени 1762 г. ...»). Этот текст, вместе с переработанной рукописью реферата и небольшим фрагментом из первой тетради, послужил основой для реконструкции опубликованного курсового сочинения (Собр. соч. в 12-ти тт., XI) и не приводится нами.

Последовательность проработки Блоком материалов к сочинению предположительно можно восстановить следующим образом:

1. Конспект I и начала II томов «Записок» Болотова (и, следовательно, краткие выписки из «Памятника претекших времен» Болотова и «Заметки» из монографии А. И. Незеленова «Литературные направления...», расположенные сразу после конспекта первого тома болотовских мемуаров).

2. Работа над рефератом, в основу которого положены указанные Блоком материалы и конспект первых восьми частей «Записок».

3. Конспекты книг Чечулина и Щепкиной, поскольку перед ними Блок помещает краткий пересказ реферата (с. 66 наст. изд.), а в тексте конспектов делает отсылку к нему (с. 68 наст. изд.).

Последовательность дальнейшей работы Блока над сбором материалов к сочинению крайне гипотетична. Во всяком случае, можно сказать, что следующие записи вносились в тетрадь не в хронологическом порядке. Об этом свидетельствуют вклейки, вложенные листы, смена почерка и цвета записей. Так, вложенные в конце тетради листы (со слов «в августе Болот<ов> хочет вытеблить...» до «очень радуется за себя (IV, 924)») по смыслу примыкают к записи «Характер Болотова. Его отношение к масонству. К Новикову» (с. 72 наст. изд.) и к заметке в апрельской записной книжке: «А. Т. Болотов. Четыре тома Записок. Извлечь весь ист<орико>-лит<ературный> материал. Относящееся к масонам, к Новикову (зачетное сочинение мое)» (Собр. соч. в 8-и тт., IX, 62). Переключаются также запись на с. 79 «Выбрать все литературные факты» (л. 15 об. первой тетради) со списком круга чтения Болотова, выписанным из реферата. Последние замечки сделаны простым карандашом; этим же карандашом подчеркнуты литературные факты в рукописи реферата и в конспекте первого тома.

На этой же странице запись «Справиться у Соловьева о Московской чуме и мятже» сделана одновременно с выпиской о чуме из третьего тома «Записок (сходны здесь и цвет карандаша, и характер почерка). Таким образом, можно предположить, что л. 15 об. (с. 79 наст. изд.) заполнялся в разное время параллельно с проработкой различных источников.

Предлагаемый материал труден для публикации, особенно в своей библиографической части. Основная трудность состоит

в необходимости адекватной передачи текстологически очень сложно организованного блоковского текста — всех отчеркиваний, разнообразных подчеркиваний, использования разноцветных карандашей для выделения тех или иных записей, заметок и значков на полях и т. д.

Блок по крайней мере дважды обращался к своим конспектам: в середине работы, когда он простым карандашом подчеркивал литературные факты в биографии Болотова, и в конце, когда он синим и красным карандашами делал отбор материала: отчеркивал или подчеркивал нужные и зачеркивал ненужные фрагменты и литературу. Поэтому мы не сочли возможным отказаться от систематической передачи цвета подчеркиваний. Подчеркивания чернилами (одновременные конспекту) в публикации передаются жирным шрифтом. Фрагменты, подчеркнутые простым карандашом, даются в разрядку, подчеркнутые красным и синим — курсивом. Зачеркивания чернилами даются в квадратных скобках и не комментируются; зачеркивания синим и красным карандашами, сделанные при отборе материала, оговариваются в подстрочных примечаниях. Туда же выносятся отчеркивания, значки на полях и маргиналии. Приписки и вставки включены в основной текст и оговорены под строкой.

Записи воспроизводятся в современной орфографии за исключением прописных и строчных букв, которые даются в написании Блока. Следует особо оговорить устойчивое написание слов «масон», «масонство» и т. д. с двумя «с» и разноречием в написании названия поместья Болотова «Дворениново» (иногда вместо «е» «я»). В обоих случаях принято современное написание.

Синтаксис Блока оставлен без изменения. Наиболее сложным вопросом является графика текста: Блок не делает отступа в начале абзаца, и в тех случаях, когда конец предыдущей фразы совпадает с концом строки, наличие абзаца определяется по смыслу.

Переводы иноязычного текста даются под строкой в общей системе подстрочных примечаний. Масонские термины оставлены без перевода, так как таково, по преимуществу, было их оригинальное употребление.

При комментировании библиографических заметок, стремясь избежать излишних повторений, мы приводили только сведения, корректирующие описания Блока (точное заглавие, отсутствующие выходные данные); мелкие библиографические неточности не исправлялись.

Чтобы несколько уменьшить объем реального комментария и ссылок в статье, библиографическое описание законспектированных Блоком источников и научных исследований приводится ниже:

1. Жизнь и приключения Андрея Болотова, написанные им самим для своих потомков. 1738—1795. Тт. I—IV. Спб., 1870—1873 (приложение к «Русской старине» 1870—73 гг.); в комментариях даются ссылки на тома (римская цифра) и страницы (арабская).

2. А. Т. Болотов. Памятник претекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и о носившихся в народе слухах. Ч. I—II. М., 1875. Блок обращался к конспектированию этого источника дважды. В комментариях: «Памятник» с указанием страницы.

3. А. И. Незеленов. Литературные направления в Екатерининскую эпоху. Спб., 1889 (в комментариях — Незеленов, с указанием страницы).

4. Н. Чечулин. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII в. Исторический очерк. Спб., 1889 (в комментариях — Чечулин с указанием страницы).

5. Е. Н. Щепкина. Старинные помещики на службе и дома. Из семейной хроники 1578—1762. Спб., 1890 (в комментариях — Щепкина с указанием страницы).

6. Записка В. Н. Каразина, представленная императору Александру I через министра внутренних дел гр. В. Н. Кочубея. 1820 г. — «Русская старина», 1870, 12, 1871, 1 (начало публикации не учтено Блоком).

7. В. О. Ключевский. Воспоминание о Новикове и его времени. — «Русская мысль», 1895, 1.

8. А. И. Незеленов. Новиков, издатель журналов 1769—1785 годов. Спб., 1875.

9. А. Н. Пыпин. Notunculus. Эпизод из алхимии и из истории русской литературы. — «Почин». Сборник Московского общества любителей российской словесности. 1896.

10. С. А. Петровский. Очерки из истории русского масонства в XVIII в. — «Христианское чтение», 1889, II (в комментариях — Петровский с указанием страницы).

11. Н. С. Иванина, публ. К истории масонства в России. — «Русская старина», 1882, 9, 10.

12. Журнал «Книговедение» за 1894 и 1895 гг. (из последнего года подробно законспектирована публикация «Редкости из книгохранилища К. П. Медокса»).

13. С. Ешевский. Московские масоны восьмидесятых годов прошедшего столетия. 1780—1789. (Материалы для истории русского общества в XVIII веке). — «Русский вестник», 1864, № 8; 1865, № 3.

14. Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина... — «Русская старина», 1871, т. III, №№ 2—6, т. IV, №№ 7—10 (в комментариях римской цифрой обозначен том «Русской старины», арабской — страница).

III.

Материалы. [1] Болотов и Новиков^а. 1904.

Болотов 1738—1833^б.

Том I^в

Записки Болотова^г (1738—1793) — 29 частей, форма писем. Каждая — 12 писем.

Предисловие — предуведомление.

Первая часть — [12 писем] Предки. Татарский плен одного

^а Заголовок на обложке тетради; и *Новиков* вписано позже.

^б Запись на внутренней стороне обложки.

^в Вписано позже красным карандашом.

^г Подчеркнуто двумя красными чертами.

из них. Бабка и хиромантик (24)¹. Анекдот при рождении (28)². Воспоминания детские. Много раз, как секли³. Охота (57). Петербург — впечатление (62). Учение. История о странном и удивительном зубе (69)⁴. Образ жизни дворян курляндских — анекдот (74)⁵. Склонность к наукам и маразию краскам. «Похождения Телемака» (108)⁶. История (114)⁷. Напутствие умирающего отца, смерть и об отце — конец 1-ой части (117—130).

Вторая часть — [12 писем] История моего малолетства⁸. Продажа вещей по смерти отца (особенно бронзовый мопсик) (132)⁹. Путешествие, еда (141). Трусливость при переезде реки на льду у полыньи (143). Матушка — ее восторги, а впоследствии — перемена¹⁰. Нарисованы 2 вида Дворенинского домика и план (154)¹¹. Общество в деревне. Шалости¹². Рану залечил землей (174). В Петербурге. Любовный романтический роман «Эпаменонд и Целериана» (182)¹³. Смерть матери (Болотову 14-ый год). Анекдот с учителем и курканием шалунов (188)¹⁴. Женское суеверие (201)¹⁵. Танцы, конфуз (204)¹⁶. «Жизнь Александра Македонского» Квинта Курция» (216)¹⁷. Первые семена благочестия. «Камень Веры», «Четы-Миней» в Дворенинове (232)¹⁸. Охота к списыванию книг в ранние зимние утра (234). Срисовывание (235). Шалости: товарищ голый бежит сквозь крапиву, и т. д. «Все были молодцы изрядные» (247)¹⁹. Не погружался в пороки вследствие набожных мыслей (249). Призрак на печке²⁰, голос в саду (252). Ездит часто⁶ в церковь (255). «Аргенида» (259)²¹. Сборы на службу. В Москве на колокол ольне Ивана Великого (265)²². Вторая часть кончается заставкой («Мыза Сестеген»)²³.

Третья часть. История военной службы. Трусость Болотова (постоянно). Масса анекдотов. О растаявшем сахаре (284)²⁴. «Аргенида» и «Жильблаз» (321, 327, 330)²⁵. Немецкий Гибнеров Географический и Газетный Словарь (335)²⁶. Вши, каторжника наказал 100-а ударами (339)²⁷. Книги, хиромантия (351)²⁸. «Хорев» (353)²⁹. Колпак зятя пылающий (353)³⁰. «Пикартус», похожий на «Жильблаза» (369)³¹. Стыдливое обращение с мызницей (389). Фейерверочная шлага (395). Приближение войны (403)³². Выступление в поход 1757 г. (407).

Четвертая часть. Продолжение историй военной службы и прусские походы. Много нарисовано солдатиков в конце и начале писем. Болотов пьяненький (441). Труп неприятельского солдата (474 — не отсюда ли Гаршинские «Четыре дня»)³³. В первый раз русские солдаты наш-

^а у Блока ошибочно с.

^б Край страницы заклеен листом 2 и окончания некоторых слов восстанавливаются по смыслу.

ли [в Пр<уссии>] картофель (в Пруссии — 489). Русская армия постоянно бесчинствует в Пруссии. В письмах 46 и 47 — первая и славная (Эгерсдорфская)^а Апраксинская батальня с Пруссаками. Описание обнаженных трупов после сражения (544). Отчаянное состояние прусского короля (554).

Пятая часть. Продолж<ение> ист<ории> военн<ой> службы и прусской войны. Пруссакн преследуют нас, мы терпим лишения. Философические мысли А. Т.^б на войне (600). Зимние квартиры в Курляндии 1757. (608). А. Т. устроился на квартире и занялся книжными упражнениями, «как в царствии небесном» (609), пока не потянули Апроксина назад в Пруссию (1758)^в. Подробности похода. По дороге в Кенигсберг А. Т. сочинил песенку (668)^г. В Кенигсберге Болотов купил картин и разрисовывал их в карауле. В то время как офицеры предавались беспутствам, Болотов не принимал участия, 1)^д имея романтическую душу, 2) не имея в квартире девок, 3) боясь смерти от венерической болезни, 4) будучи назначен к письменным делам. Письмо 60-е — описание Кенигсберга. Старинная публичная библиотека (705) — тысячи книг, частью рукописных, иные прикованы к полкам цепями (чтобы не украли). Особ<енно> замечат<ельными> показались А. Т. портрет М<артина> Лютера и жены его Ек<атерины> Деворы, будто писанные с живых оных (705).

Шестая часть. Продолж<ение> ист<ории> военн<ой> службы и пребыв<ания> в Кенигсберге. Бол<отов> ругает представления Арлекина на ярмарке в Кенигсберге (718—719)^ж. Все это письмо (61) — одно из самых ярких подтверждений добронравного позитивизма А. Т. «Нравоучительные размышления» графа Оксенштирна (762)^з. Письмо 68-е — покупка книг после выступления полка из Кенигсберга (стр.^г 812; Бол<отов> остался в Кенигсберге при губернаторе). Покупка, разговор с немцем, городская библиотека, каталоги, условия (до 822)^ж. С тех пор (А. Т.^д 21 год) началось серьезное чтение Болотова (823). Романы, развивающие «добродетель» А. Т. (826). А. Т. на балу, говорит с немцем (833—834)^з, танцует контротанец и приятно проводит вечер (835). Генерал поощряет танцы Болотова. А. Т. на маскараде в гишпанском костюме (845). Болотов опять избавляется от похода «без всякого домогательства» с его стороны (857—858). Болотова считают немцем, благодаря чему он часто узнает из разговоров с пруссаками то, чего нельзя было бы узнать иначе, особ<енно> о военных действиях! (861). После романов попадаютс

^а (Эгерсдорфская) вписано позже.

^б Андрей Тимофеевич — в дальнейшем не раскрывается.

^в 1) вписано позже.

^г стр. вписано позже. Имеется в виду не страница, а столбец.

^д А. Т. вписано позже.

А. Т. книги господина Зульцера о красоте природы (862)⁴⁰. Здесь — основание великой перемены в чувствованиях (862): «глаза мои^а власно как растворились» — и явилось желание узнавать <«>все устроение света» (863) — охота к «физическим» наукам. Стихотворство, словарь рифм⁴¹. (863)^б. А. Т. устраивает маленький фонтан (866 и дал<ее>) — и обливает из окна гуляющих дам (868—69). Так забавляется, невинно!^в.

Седьмая часть. Продолж<ение> ист<ории> военной службы и пребыв<ания> в Кенигсберге. Старенький отставной полковник — любитель наук и ремесл — сидит в башенке маленький Кантик⁴². Но не он (872 и дал<ее>). Электрическая машина у поручика Пассека (877)⁴³. Благородный российский театр — А. Т. собирался сыграть «Хорева», но разрушилась затейка (881)⁴⁴. Еврейская синагога, молитвенный экстаз, а А. Т. с бригадиршей чуть не расхохотались. Подробно описано еврейское служение (882 и дал<ее>). А. Т. переехал на новую квартиру и ему понравились немецкие пуховики (892). Аптекарь Германн рекомендует благословенную книжку господина Гофмана «О спокойствии душевном»⁴⁵. А. Т. научился курить табак (895, 6 и ниже), в виде лекарства от запоров, происшедших от чтения (!). Но всю жизнь А. Т. курил табак только за утренним чаем (! 897). Книжные аукционы (897). История войны (до 933). А. Т. передает любовные записочки, каковая услуга крайне пригодилась ему впоследствии: его удержали и не пустили в полк. (938). Новый 1760 год в Кенигсберге (951). Армии готовятся к новым военным действиям, а А. Т. увеселяется книжками в Кенигсберге (958): перевод немецкого романа: «Приключения милорда Кингстона»⁴⁶. «Нравоучительные рассуждения» господина Гольдберга⁴⁷. Профессор Готшед⁴⁸, а особ<енно> Зульцер влияют на А. Т. Накопилась библиотека. Приехали московские студенты. А. Т. в трактире смотрит философическим оком из-за кофей (959 и дал<ее>). Увеселяется в садах, на шлюпке (961 и дал<ее>)⁴⁹. Очень замечательное место: (976—977): А. Т. говор<ит> об **особливом счастье**, что он не мог влюбиться страстно, ибо это разрушило бы всякие «хорошие» намерения. Самообучение по книгам продолжается. Монумент тогдашних нравоучит<ельных>

^а мои вписано позже.

^б Последняя фраза вписана позже над строкой.

^в От слов А. Т. *устанавливает* абзац отчеркнут по левому полю простым карандашом.

опытов и проч<их> упражнений — «Памятная книжка»⁵⁰. Предпочтение Крузианской филос<офии> Вольфианской: первая даже того, кто не хочет, делает истинным христианином, а вторая делает деистом и маловером (983 и дал<ее>)⁵¹. Производство в поручики (990—995). Переписка с лейтенантом Тулубьевым (995...) ⁵². Далее говорится об освещении кирки в православную церковь и смерти генерала Языкова (храброго участника Гросс-Эгерсдорфского сражения)⁵³. 1760 год. *Конец первого тома.*

* *
*

А. Т. Б<олотов>. Памятник претекших времен.

Относ<ящееся> к **Новикову**:

Из 1-ой части (записка 1796 г.): записано 13 января (стр. 9, № 34): «О продаже дома и книг Новикова. Славного Новикова и дом и все имение и книги продаются в Москве из магистрата, с аукциона, — и типография и книги и все. Особливое нечто значило. По-видимому справедлив тот слух, что его нет уже в живых, — сего восстановителя литературы».

Записано 14 января (стр. 11, № 38): «Ныне дети его (купца и фабриканта Походяшина⁵⁴) уже служат и майорами, богачи; один из них подарил Новикову 300 тысяч рублей и за то истязания имел;»⁵⁵...^а

Из 2-ой части (анекдоты и достоп<амятные> деяния и<мператора> Павла I): записано (№ 26, стр. 28) об освобождении Павлом Новикова из-под ареста вместе с другими заключенными.

* *
*

Заметки

Незеленов. Лит<ературные> напр<авления> при Екатерине

Мы усвоили прежде всего легкомысленные стороны материалистических идей XVIII в. Вольтер — сам<ый> гениальн<ый> — наиболее переводится у нас (Сопиков⁵⁶, Языков: «В<ольтер> в русск<ой> литер<атуре>». «Др<евняя> и Нов<ая> Росс<ия>» 1878, № 9⁵⁷). Пушкин (о Вольт<ере> — к Вельможе⁵⁸). Вольт<ер> — Мефистофель, Примеры его цинизма⁵⁹.

^а Со слов: *О продаже дома* отчеркнуто по левому полю красным карандашом.

Екатерина благоговела перед Вольтером всю жизнь, считая его велич^айшим писат^елем прошед^их и будущ^их времен. Ек^атерина не любила мистического, потому и масонства («Шаман Сибирский», «Обманщик» []), «Обольщенные» []), «Тайна против-нелепого общества») ⁶⁰.

Новиков, воздержавшись от матерьялизма Вольт^ера, высосал, как пчела «лучшие» скептические соки (ср^авн^{ивается} трактат Вольтера — «Аме» ^а и статья в «Покоящемся Трудолюбце» ⁶¹).

«Темные» (?), чувственные (?) стороны Вольтерианства отразились на Вас^{илии} Майкове и Богдановиче — тоже — в комич^{еских} операх Аблесимова, Вас^{илии} Майкова, Княжнина (?).

Матерьялизм выразился в журналистике — «Всякая Всячина» 1769—1770 — редакц^{ия} Ек^атерины II — полемика с «Трутнем». «Ни то ни с^о [«], в прозе и стихах» — цин^{изм} и матер^{иализм} — отрицание всего; эпитафия из Проперция: *Maxima de nihilo nascitur historia!* ⁶

Масонство — не менее сильно выразилось, чем матерьялизм. О масонах ^в: Ешевский, Собр^{ание} соч^{инений}. М. 1871, ч. III.

Пыпин, «В^{естник} Е^{вропы}». 1867, 2, 3, 4; 1868, 6, 7; 1870, 10; 1872 1, 2, 7 ⁶².

Россия особенно богата мас^{онскими} рукописями, но б^{ольшей} ч^{астью} неизданными.

«Род «светского монашеского ордена» ⁶³.

Аскетизм. Мистич^{еское} знание Бога, природы и человека не дается положит^{ельными} религиями, достигается чудесным единением с высш^{им} миром — вне деят^{ельности} сухого рассудка. Мир — царство дьявола и тьмы. Елагинские правила мас^{онства} — «любовь к смерти». Никаких земных радостей и привязанностей. Все земное — средство для нравоучений. Отриц^{ание} искусства. Запрещение смеяться над пороками ^г.

Первое масонство — Английское — просто нравств^{енные} цели, простой ритуал. На континенте мас^{онство} осложнилось. — В России по показ^{аниям} Новикова — 4 вида мас^{онства}: англиское, шведское (тамплиерство), рейхельское (сист^{ема} слабого наблюдения) и берлинское (розенкрейцерство — братство златорозового креста). Русские масоны стремились к позн^{анию} тайн (дел^{ать} золото и т. д.). Мас^{оны} счит^{али} себя продолж^{ателями}

^а Душа (лат.)

^б Наипространнейшая из ничего рождается повесть (лат.).

^в Библиографическая справка отчеркнута по левому полю.

^г Абзац отчеркнут по левому полю.

Апостольской Церкви. Церковные предметы, обряды, таинства (стр. 136—137 — Незеленов).

Масоны подпали искушению «греха плоти» (цитата из Вл. Соловьева)⁶⁴: занялись тайными средневековыми науками, алхимия, философский камень (обращение металла в золото), приготовление панацеи — универсального лекарства (жить несколько сот лет). Братья последней степени — маги.

По верованиям масонов — грешно и опасно вызывать духов, но возможны сношения с сверхчувственным миром (видеть Христа лицом к лицу), экстастика (подобно хлыстам). Также усложнился соответствующий ритуал.

Вся эта глава написана у Незеленова с позитивной точкой зрения, но дает интересные материалы^а.

Переводные масонские сочинения

«Дружеское учение обществу» имело в своей среде многих масонов. (Лопухин, Иван Петрович Тургенев, Николай Никитич Трубецкой, Шварц⁶⁵) Новиков — плохой масон.

Особенно замечательны из иностранных:

1) Феофраст Парацельс. Химическая псалтырь. М., 1784. **Догматическая**. О приготовлении философского камня.

2) Апология или защищение вольных каменщиков⁶⁶ — **защита ордена**.

3) Масон без маски. СПб., 1784⁶⁷ — **враг ордена**.

Сочинения русских масонов: Шварца, Лопухина, Гамалея⁶⁸.

Относить последние три журналов Новикова к масонству — **ошибочно** (мало масонских статей).

Херасков — один из выдающихся масонов.

Творения Хераскова — 12 томов.

Краткая биография и список сочинений Хераскова — Лонгинов «Русский Архив» 1873⁶⁹.

III Третье направление — непосредственно народное⁷⁰.

Комедии

Фонвизина

Сатирические журналы

Радищев — и другие сочинения о крепостном праве.

^а Фраза отмечена слева фигурной скобкой.

Все три направл<ения> развивались параллельно в теч<ение> приближ<ительно> 30-ти лет (60-е — 90-е годы).

Вне направлений — Новиков и Державин.

Литерат<урная> деят<ельность> Новикова — начал<ась> в 1769 году (Трутень). До 1770^а 71.

Живописец — 1772—73.

Кошелек 1774.

Древняя российская Вивлиофика (с 1772).

В полов<ине> 70-х годов — Новиков «на распутьи между вольтерьянством и религией» (собств<енные> слова).

1775 — вступл<ение> в Мас<онский> орден — без обычных обрядов посвящения и без клятвы хранения тайн.

1777 — Утренний свет.

1781—85 — «Моск<овское> Изд<ание>», «Вечерн<ая> Заря», «Покоющ<ийся> Трудолюбец», «Прибавл<ения> к Моск<овским> Ведомостям».

В серед<ине> 80-х годов — начало преследов<ания> Новикова.

1792 — заключ<ение> в Шлюссельбурге⁷² («И<стори<ческий> В<естник>»⁷³ и здесь^б статья отд<ельная>).

1796 — выпущ<ен> из крепости Павлом.

[В книге Незел<енова> 395 стр.]^в

II том «Записок» Болотова

Восьмая часть. Продолж<ение> ист<ории> военной службы и пребыв<ания> в Кенигсберге; столб<ец> 5 — мирные занятия во время войны (об этом неск<олько> раз и ниже). История войны. — Новый губерн<атор> Суворов (отец) — вместо Корфа (31)⁷⁴. Чонжин (о нем и ниже — его услуги⁷⁵), пирушка (32). Губернат<ор> обрат<ил> вним<ание> на А. Т. (35). Иордань в Кенигсб<ерге> (36)⁷⁶. Лишение губернат<орского> стола (37). Хозяева устранив<ают> Б<олотову> обеды (38). Аттестаты (39). Колебания — ехать или нет? (39 и ниже). История с образком (письмо 86-е)⁷⁷. Весь 1761 год — учебный, особ<ая> любовь к богосл<овским> сочин<ениям> (Крузий), колебания между верой и неверием, Крузий спасает (56 и до конца 86 письма). Зульцер приуч<ает> к красот<е> природы (66). Библиотека Б<олотова> (67). Отнош<ение> к военной службе (68). Ист<ория> с капитаном и отпр<авление> книг в

^а до 1770 вписано позже.

^б «И<стори<ческий> В<естник>» и здесь вписано позже.

^в Квадратные скобки Блока.

Петерб<ург> (69 и ниже)⁷⁸. Упомин<ание> о Суворове-полководце (74). Донос на графа Гревена и поручение Болотову — прекрасная и трогательная история, очень характерная для А. Т. (75—95)⁷⁹. История войны [до 122 стр.]^а. Чтение духовных книг, проповеди (122 и ниже)^б. Смерть Елизаветы (126). Отнош<ение> к этому (127)⁸⁰. Новый губернат<ор> Панин (128 и ниже)⁸¹. Маниф<ест> о вольности дворянства (131 и ниже) — характ<еристика> Болотова⁸². Назнач<ение> А. Т. флиг<ель>-адыут<антом> к Корфу в Петерб<ург> (135). Сборы в путь. Товарищи, хозяева. — Последний взгляд на Кенигсберг (143) после 4-х лет жизни там^в. Трусость (145)⁸³. Въезд в Петербург (149).

Заметки из моего реферата о Болотове

(о его детстве, воспит<ании> и военной службе, кончая 1762 годом).

[Реферат <прзб.>]^г

О воспитании XVIII в. — у нас и на западе — Щепкина, Чечулин.

Об отнош<ении> к масонам: Записки, том II, История Петерб<ургской> службы — стр.^д 165—166, 220⁸⁴.

*
*

*Книжка Чечулина, Рус<ское> пров<инциальное>
общ<ество> — XVIII в. Ист<орический> очерк.*

Отрицат<ельно> относ<ятся> к р<усскому> общ<еству> XVIII в. — Незеленов, В. Семевский, Дубровин, Гольцев. Более положит<ельно> — Лонгинов⁸⁵, П. А. Вяземский и Лев Толстой. Слова Толстого («Р<усский> А<рхив>» 1868, стр. 516 — «Несколько слов по поводу книги «Война и мир». Нет в собр<ании> соч<инений>»^е).

«Я знаю, в чем состоит тот характер времени, которого не находят в моем романе, — это ужасы крепостного права, закладывание жен в стены, сечение взрослых сыновей, Салтычиха и т. п.; и этот характер того времени, который живет в нашем представлении, — я не считал верным и не желал

^а Квадратные скобки Блока.

^б (122 и ниже) вписано позже.

^в после 4-х лет жизни там вписано позже.

^г Реферат и следующее густо зачеркнутое слово в квадратных скобках Блока вписаны в углу страницы красным карандашом.

^д стр. повторено два раза.

^е Нет в собр<ании> соч<инений> вписано в углу страницы красным карандашом. Слова Толстого и — ниже — Вяземского отчеркнуты по левому полю красным карандашом.

выразить. Изучая письма, дневники, предания, я не находил всех ужасов этого буйства в большей степени, чем нахожу их теперь или когда-либо. В те времена так же любили, завидовали, искали истины, добродетели, увлекались страстями, та же была сложная, умственно-нравственная жизнь, даже иногда более утонченная, чем теперь в высшем сословии. Ежели в понятии нашем составилось мнение о характере своевольства и грубой силы того времени, то только оттого, что в преданиях, записках, повестях и романах до нас доходили только выступающие случаи насилия и буйства. Заключать о том, что преобладающий характер того времени было буйство — так же несправедливо, как несправедливо заключил бы человек, из-за горы видящий одни макушки дерев, что в местности этой ничего нет кроме деревьев. Есть характер того времени (как и характер каждой эпохи), вытекающий из большей отчужденности высшего круга от других сословий, из царствовавшей философии, из особенностей воспитания, из привычки употреблять французский язык и т. п. и этот характер я старался, сколько умел, передать.»⁸⁶

Слова к<нязя> Вяземского (Полн<ое> Собр<ание> Соч<инений> 1880, т. V, [стр.] 6).

«Царствование Екатерины Великой или Великого, по счастливому выражению принца де-Линь, должно было служить новым и сильным побуждением к направлению поэзии нашей, замеченному выше (выше указано у Вяз<емского>, что господствующая черта наш<ей> литер<атуры> — **лирика**). Сие царствование, громкое, великолепное, восторженное, имело в себе много лирического.»⁸⁷

Недостаточно изучать только **нравы** XVIII в., надо изучать параллельно — **быт и нравы**.

Провинц<иального> общ<ества> до маниф<еста> о вольт<ерности> дв<орянства> — не было. Дурное состояние городов: часто — одна церковь, одна улица, буераки, соломен<ные> крыши, нет лавок, одни базары, нет аптек, нет почтовых контор. **Усадьбы** — мелкие помещики — гнездами (3—4 двор<ьянские> усадьбы рядом). Дома похожи на крест<ьянские> избы, грязь, крысы, мыши, бедность. Более зажиточные мало отличались.

Образ жизни [— встав<али> рано (5—6 ч<асов>) — завтракали. Обед — в 12 ч<асов>. Отдых. Полдник. Чай. Ужин. В 10 ч<асов> — спали.]^а Щи, окрошка, ветчина, солонина, каша. Выпивки. Хозяйство, и свободн<ое> время — дворовые игры. Уединенная жизнь — редко видятся. Разгов<оры> — охота, анекдоты, сальности. Редкость книг, не-

^а Квадратные скобки Блока.

поним<ание> природы, любовь к тяжбам, почтение к старш<им> по чинам, суеверное благочестие, масса пример<ов> (особ<енно> у женщин)⁸⁸. Сельские священники нередко уважаемы и влияют (впосл<едствии> — все меньше). Вообще типы выражались очень резко. К эт<ому> врем<ени> относ<ится> дело Салтычихи. Свадебн<ые> обряды (жен<их> л<ет> 25, нев<еста> — л<ет> 13—14) — часто незнакомые. На невесте — вместо флер д'оранжа — венок из красных роз. Подробности<о> обряды.

Детство и воспит<ание> детей — тяжелое, беспорядочное (см. мой реферат). Служба — тяжелая и скучная жизнь офицеров.

Маниф<ест> о воле<ости> двор<яства> (18 февраля 1762 г.^a) сильно изменил провинц<иальную> жизнь (его содерж<ание> — позволяло дворянам служить и выходить в отставку по собств<енному> желан<ию>, жить, где угодно, в России и за границей и учить детей чему и как угодно — последнее скоро несколько ограничено)^б.

В 60-х годах жизнь провинции<и> стала менее замкнутой благодаря наплыву новых помещиков. Комиссия об уложении 1767 г. (через 5 лет) показала, что многие двор<яне> попрежн<ему> косны, но многие послали указы хорошо обдум<анные> и изложенные. Начали меняться способы хозяйства, первые признаки чувства изящного, но это в главном — уже относ<ится> к началу 70-х годов.

Библиотеки, картины, «ученые и важные разговоры»⁸⁹, следят за литерат<урой> (и фр<анцузской> и нем<ецкой> и русск<ой> [] — Сумароков, Ломоносов⁹⁰), дух чести и преданности отечеству (указ<ание> Карамзина⁹¹), лучшее обучение детей, больше «манер» — все это к области<ой> реформе Екатерины.

Областн<ая> реформа 1775 г. Полож<ила> нов<ый> след на последнюю 1/4 XVIII в. Это — учреждение о губ<ернском> следствии, котор<ое> указ<ал> Болотов (также — Висский, Добрынин, кн<ягиня> Е. Р. Дашкова, кн<язь> Ф. И. Голицын, гр<аф> Сиверс, Карамзин⁹²). Единств<енный> несочувств<енный> отзыв — у кн<язя> М. М. Щербатова («О повреждении нравов в России») ⁹³ в. Теперь у помещ<иков> обязат<ельно> новые обществ<енные> интересы. Губернатор группирует вокр<уг> себя, светскость, вежливость, маскарады. Библиотеки, картины — все больше, любовь к чтению распространяется, книжная торг<овля> во мног<их> провинц<иальных> город<ах>. В Москве уже

^a у Блока ошибочно 1862.

^б Абзац отчеркнут карандашом по левому полю.

^в Прямая скобка Блока.

до 20-ти книжи <ых> лавок. Много молодых людей, ведущих жизнь «философическую», заним<аются> науками, занимаются литер<атурой>, изящн<ыми> искусствами (смешное увлечение стихотворством), ездят за границу (часто уже^а из моды), волтеррианство проникает (насмешки над религией), распростран<ается> вера в магию, таинств<енные> гадания, появляются заезжие астрологи, придумываются «разные замысловатые алфаветы, которых разгадать невозможно»⁹⁴, сочиняют загадки в стихах, составляют разные цветы из красок. Обращение с крепостными осталось прежнее — не преувелич<енно> жестокое. Вообще все больше сглаживалось разл<ичие> между столицей и провинцией. Трупы актеров, оркестры, в конце 80-х годов — мания визитов. Улучш<ение> воспитания. Женщины учатся наравне с мальчиками, танцы, наряды, обязательно румяниться (но [не] белиться — необязат<ельно>). Духовенство улучшилось, но потеряло влияние на дворян, и купцы лучше, доктора; взятки по-прежнему, а скоро и больше. Протекции на службе, дамы — охотницы хлопотать. **К концу века нравы заметно портятся** (влияние столицы). Похождения, роскошь (относительная, конечно — больше барственности), развитие карточной игры до невероятных размеров (даже иногда прекращ<ались>^б присутствия в каз<енных> учрежд<ениях>), страсть к охоте, кутежи, фиктивные мужья, фаворитство (во всем этом нужно быть осторожным и не преувеличивать). Императрица, по-видим<ому>, уже не польз<уется> таким благоговением, как прежде (кн<язь> Щербатов).

Общ<ие> выводы. Несомненен большой шаг, сдел<ан>ый > дворянством от быта почти крест<ьянского> к быту близк<ому> к современному> (журн<алы> все время отраж<ают> современную> жизнь). Многие исследователи не могут простить крепостн<ого> права, но **вопрос, мож<ет> ли быть иначе и в голову не приходил:**

Сумароков не мог предст<авить>, откуда без крепости<ых> возм<ется> прислуга.

Фонвизин говор<ил> о неизб<ожности> подчин<ения> для разв<ития> общества.

Новиков — «нужное подчинение», но **не** обращ<ение> в «несносное иго рабства».

Радищев не отпускал крепости<ых> своих на волю.

Лопухин пис<ал>, что невозм<ожно> уничт<ожение> крепостных.

Болтин и Карамзин — тоже⁹⁵.

Высокое мнение о дворянском достоинстве.

^а уже вписано позже.

^б иногда прекращ<ались> вписано позже.

Важн<ый> недост<аток> — плохое судопроизводство и взятки.

Направл<ение> литер<атуры> — серьезное и хорошее (общ<ее> напр<авление> — дидактическое — общая и частная постановка вопросов о нравств<енном> и безгр<ешном>, должн<ом> и недолжн<ом> — и т. д.). Отн<ошение> к литер<атуре> и литераторам сначала презрительное потом улучшилось.

В самой литерат<уре> — все [боле] меньше робости мысли. Она еще заметна у Сумарокова. Критика, очень слабая сначала, развивается.

Так все растет ...

* *

*

Книжка т-те Щепкиной «Старинные помещики». По^а главам: I — Старые поколения — XV, XVI, XVII вв. II. Покол<ение> эпохи преобразований — дед и отец А. Т. Болотова. III. Воспитание в XVIII в. — на западе и у нас (см. выше)⁹⁶; философия, слова Канта⁹⁷, Франция, Германия, прибалт<ийские> пров<инции>, польское шляхетство и Малороссия. Наши отличия — в худшую еще сторону (?). Воспит<ание> А. Т. Болотова. IV. Сельская жизнь и хозяйство полов<ины> XVIII в. V. Военная служба. VI. Походы Апраксина. VII. Гросс-Эгерсдорфская битва. VIII. В Кенигсберге.

NB IX. Популярная литература в серед<ине> XVIII века.

В первой 1/3 XVIII в. — утилитаризм — (с Петра) — в просвещении. Понемногу выдвиг<ается> новый интерес к литерат<уре> — книжный^б (характерно) — льготы дворянству Анны Иоанновны (можно дольше учиться и меньше служить). Книжность — всл<едствие> недостатка школ и учителей. Уже при Елизавете — много [,] лиц со страстью относ<ится> к чтению. Выписыв<ают> транспорты книг из-за границы.

Болотов намеренно умаляет значение франц<узского> просв<ещения> на счет немецкого.

«Аргенида» — сочинение англичанина Баркляя, напис<ано> по латыни в 1619 году⁹⁸ (отголос<ки>^в политич<еских> споров о лучших формах правления; автор — монархист — наставление государям <)>. Для истолков<ания> этого романа был ключ, т. е. сборник комментариев — доказ<ательство> успеха его в З<ападной> Европе. Обилие запут<анных> приключ<ений>, сентим<ентализм>, пере-

^а По вписано позже. Номера глав подчеркнуты дважды.

^б утилитаризм и книжный подчеркнута дважды.

^в отголос<ки> вписано позже.

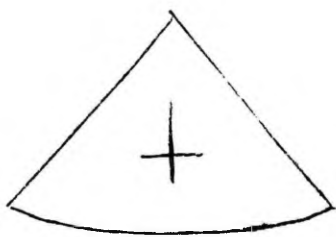
в<ел> Тредьяковский. «Житие^а Клевеланда [или] философа английского» [и 3) «Маркиз Г.»] — сочин<ение> аббата Прево д'Экзиля, автора «Maupin—Lescaut». Русск<ий> перевод<од> Клевеланда^б (без имени переводчика) вышел в 1760 г.⁹⁹ с предисловием о пользе романов. Фабула сложна (из эпохи первой англ<ийской> революции). Герой — побочный сын Кромвеля. Популярный **рационализм** — идея^в человека сильного разумом^г.

«Маркиз Г», соч<инение> Прево (подл<инник> — «Les mémoires d'un homme de qualite») ¹⁰⁰.

Этими романами зачитыв<ались> и Державин (кроме Болот<ова>) и субретка в комед<ии> Ек<атерины> «О время», и И. И.^д Дмитриев. Строго поучит<ельный> учебный роман (указ<ан> Геттнером): «Островитянский Мандарель или географическо-историческо-политическое описание всех островов земного шара» ¹⁰¹. Далее — робинзонады (подраж<ание> Дефо). Нравоучит<ельные> изд<ания> немцев — под влиянием «Spectator»'а «Опекуна» ¹⁰² (англ<ийские>) — в Герм<ании> — «органы проснувшегося мещанства» (Бидерман) ¹⁰³. Зульцер — «Moraliche Betrachtungen über die Werke der Natur» 1745^е («Разговоры Сульцера о красотах естества») — плохое^ж подраж<ание> Попу («Опыту о человеке» его ¹⁰⁴). На русск<ий> Зульцер плохо перев<еден> Протопоповым в 1771 году (только) ¹⁰⁵.

«Дамское училище» — соч<инение> г-жи де-Бомон ¹⁰⁶. Эта книга (и вообще сочин<ения> г-жи де-Бомон) расхвалены в сочин<ении> аббата Сабатье де-Кастра: «Les trois siècles de la littérature française». 1803¹⁰⁷.

* * *

^а Житие вписано позже.

^б Клевеланда вписано позже.

^в идея вписано позже.

^г Абзац отчеркнут по левому полю красным карандашом.

^д Инициал отчества вписан позже.

^е Год вписан позже.

^ж плохое вписано позже.

Характер Болотова. Его отношение к масонству. К Новикову.

[Литература, относ<ящаяся> к А. Т. Болотову Н. И. Новикову^а и его эпохе (1738—1833)]^б

В основу этого сочинения положены след<ующие> труды: *Записки Б<олотова>*

Словарь Венгерова — V, 90—122 (там же литература и опис<ание> рукописей)¹⁰⁸.

Источники к слов<арю> того же господина (I, 310)¹⁰⁹.

История Соловьева — в т. 5 (указатель [том 2] М[ихаила] С. Сол<овьева>)¹¹⁰.

Брокгауз-Ефрон. Словарь — IV, 318 (там же — род Болотовых)¹¹¹.

Ист<ория> литерат<уры> Пыпина. [Порф<ирьева> Галахова]¹¹².

Н. Чечулин. Русское провинц<иальное> общ<ество> во втор<ой> полов<ине> XVIII в. Истор<ический> очерк. СПб., 1889 (из Ж<урнала> М<инистерства> Н<ародно-го> Пр<освещения> в того же года)¹¹³. 5 глав — всего 115 стр.)^г.

Незеленов. Новиков, издатель журналов 1769—1785. СПб. 1875. Незеленов^д — либерал, отрицает XVIII век, но^е обстоят<ель-ко> говор<ит> о журналах.

Лев Толстой. Неск<олько> слов по пов<оду> книги «Война и мир». «Р<усский> А<рхив>» 1868, ст<олбец> 516 (не попало в собр<ание> сочин<ений>.)^ж.

М. Н. Лонгинов. Новиков и московские мартинисты. М. 1867 / VI 1955 / ЕИ 1644 /^з.

[*Н. Булич. Сумароков и соврем<енная> ему критика. СПб. 1854.*

Афанасьев. Русские сатирические журналы 1769—1774 годов. М. 1859.

^а Н. И. Новикову вписано позже.

^б Зачеркнуто синим карандашом.

^в В дальнейшем — ЖМНП.

^г Все перечисленные выше источники отчеркнуты по левому полю красным карандашом. На правом поле рядом с записями о книгах Чечулина и Незеленова красное нет, перечеркнутое синим двойным перечеркиванием.

^д Незеленов вписано позже.

^е Но вписано позже.

^ж Запись о статье Толстого отчеркнута по левому полю красным карандашом. На левом поле запись в косых скобках: *Сдел<аны> вып<иски> в этой тет<ради>*¹¹⁴.

^з На правом поле помета: (Здесь указ<ана> и предш<ествующая> литер<атура> о Новикове) о Лопух<ине>. Чуть ниже красное нет. Вся помета перечеркнута синим двойным перечеркиванием. Библиотечный шифр вписан позже.

С. Аксаков. Семейная хроника. [и воспоминания]^а

Благово. Рассказы бабушки. СПб. 1886]^б.

Е. Н. Щепкина. Популярная литература XVIII <в.> ЖМНП 1886, апрель. Составляет главу в книге: **Е. Н. Щепкина.** Старинные помещики на службе и дома. Из семейной хроники 1578—1762. СПб. 1890. Ц<ена> 1.20^в.

Незеленов. Литерат<урные> направ<ления> в Екатерининскую эпоху. С порт<ретами> Ек<атерины> II, Хераск<ова>, Фонвиз<ина>, Капн<иста>, Новикова. СПб. 1889.^г Было в «Ист<орическом> В<естнике>» 1882—83—84—86—87 годов^д.

Незеленов. Новиков в Шлиссельбургской крепости (Ист<орический> В<естник> 1882, № XII)^е.

[Якушкин — в Сборнике О<бщества> Л<юбителей> Р<оссийской> Сл<овесности>. «Почин». М. 1895]^ж 115.

Ключевский. Восп<оминание> о Новикове и его времени. «Русск<ая> Мысль» 1895, № 1.

[[Пылин. Времена Екатерины II (масонство) «В<естник> Е<вропы>» 1895, № 7^з 116.

В. Н. Сторожев. Книговедение (ред<актор> Торопов) — <18>94, <18>95¹¹⁷].

М. Лонгинов. Новиков и Шварц. Матер<иалы> для ист<ории> р<усской> лит<ературы> конца XVIII в. М. 1857 (из «Рус<ского> В<естника>» 1857, № 19)^п.

[Н. Рябов. О Гамалее и Новикове. Московск<ие> Ведом<ости> 1859, № 18]^к 118.

[Записки И. В. Лопухина. М. 1860, из «Чтений» Моск<овско>го Общ<ества> Ист<ории> и др<евностей> росск<ий>ских> (2, 3); <(> также — изд<ание> Герцена в Лондоне 1860 г.)]^л 119.

^а На правом поле синее двойное перекрещивание; рядом запись: *не получ<ил>.*

^б Зачеркнуто синим карандашом.

^в Книга отмечена на левом поле синей фигурной скобкой.

^г Фраза вписана позже.

^д На правом поле запись: *есть о Лопух<ине>.*

^е На правом поле фигурная скобка и запись: *В прилож<ении> к предш<ествующей> книге.* Два последних источника отмечены на левом поле синей фигурной скобкой. Три последние работы отчеркнуты по левому полю красным карандашом.

^ж Зачеркнуто синим карандашом.

^з На правом поле запись: *То же в «Ист<ории> Лит<ературы>» т. IV; (масонство) вписано позже.* Квадратная скобка Блока. Эта и следующая книги зачеркнуты синим карандашом.

^п Книга отчеркнута по левому полю красным карандашом; на правом поле запись: *взгляд на мас<онство>, как на древн<ую> мудрость.*

^к Зачеркнуто синим карандашом.

^л На правом поле фигурная скобка, запись: *См<отри> ниже новейшее издание,* перечеркнутые синим карандашом, и запись этим же карандашом:

С. Ешевский. Московские масоны восьмидесятых годов прошедшего столетия (1770—80). «Р<усский> В<естник>» 1864 (№ 8), 1865 (№ 3) — или «Сочинения<»> Ешевского, т. III, стр. 443—568^а 120.

Пыпин. Статьи в «В<естнике> Е<вропы>» 1867 (II—IV) — по поводу книги Лонгинова («Русск<ое> Мас<онство> XVIII в.» и др<угие>») ^б 121.

Пыпин. Русское масонство до Новикова В<естник> Е<вропы> 1868 — июнь, июль (Елагинская система) ^в.

[Посмотреть литер<атуру> у Мезьер] 122.

Пыпин. Материалы для истории масонских лож. В<естник> Е<вропы> 1872, январь есть, февраль, июль, [ноябрь?] ^г и Ал<ександр> I 123 д.

Пыпин. Хронологический указатель русских лож от первого ^е введения масонства до запрещения его. 1731—1822 СПб. 1873 ^ж.

[Пыпин Notunculus. Эпизод из алхимии и из ист<ории> р<усской> литер<атуры>. Сборник Моск<овского> Общ<ества> Любит<елей> рос<сийской> слов<есности>, «Почин». 1896 г., стр. 51—66] ^з 125.

П. Пекарский. Дополнения к ист<ории> мас<онства> в России. СПб. 1869 (из Сб<орника> ст<атей> Отд<еле- ния> р<усского> я<зыка> и сл<овесности> И<мпе- раторской> Ак<адемии> № 4, т. VII ^п).

[В. Ермилов. Н. И. Новиков (по пов<оду> 100 л<етия> со дня рожд<ения>. «Артист» 1894, февраль (неоконч<ено> за прекраш<ением> журнала).] ^к

далее см<отри> NB. Название книги перечеркнуто густой елочкой синим карандашом.

^а На правом поле синий косой крест, заходящий на текст, и запись: не получ<ил> и [выпис<ать>?].

^б На правом поле синий знак вопроса. Запись в скобках вписана позже.

^в На правом поле синие значки: косой крест и галочка. (Елагинская система) вписано позже.

^г Запись о работе Пыпина отчеркнута по левому полю красным карандашом; слово *есть* вписано позже; *январь* обведено синим карандашом; *ноябрь?* вычеркнуто тем же карандашом. Пыпин подчеркнуто дважды.

^д и Ал<ександр> I вписано позже красным карандашом. На правом поле тем же карандашом: Под<черкнутое> красн<ым> есть в Шах-м<атове> 124.

^е первого вписано позже.

^ж На левом поле запись: Изд<ано> в виде рукописи; на правом поле синий косой крест и запись: Также о Лопух<ине>.

^з Зачеркнуто синим карандашом.

^п На левом поле запись: Также указ<ана> вся лит<ература> о мас<онстве>; на правом поле запись: В приложении: Хронологич<еский> указат<ель> событий из ист<ории> мас<онства> в России в XVIII ст<олетии>. Вся запись о работе Пекарского и заметки на полях обведены красной чертой; заметка на правом поле — частично черной.

^к Зачеркнуто синим карандашом.

В Якушкин. Н. И. Новиков. «Почин» 1895 г. (стр. 151—181, кратко но обстоятельно) ^а.

[**Антикварная книжная торговля Шибанова: Новиковские издания и книги, напечатанные в типографии Новикова.** М. 1894.] ^{б 126}.

В. Н. Сторожев. Памяти Новикова. Сборник Правоведения и общестественных знаний (труды Московского Юридического Общества), т. V, СПб. 1895, стр. 88—103 ^в.

Н. Тихонравов. Биография и заметки о Новикове. Сочинения Тихонравова, т. III, ч. 1-ая [(стр. 130—162)], ч. 2-ая [(стр. 49—84)] [обе части III-его тома — М. 1898.] ^г

[Там же (т. III, ч. 1-ая) — биография Шварца, основная на его автобиографии (стр. 60—81)], а также — в Русской Старице — ниже ^{д 127}.

[**Лабзин.** Воспоминания. «Сионский Вестник» 1818, февраль ¹²⁸.
Ф. Терновский. Русское вольнодумство при Екатерине II. Труды Киевской Духовной Академии 1868, №№ 3, 7 ¹²⁹.

Д. Языков. Вольтер в русской литературе. Историография — библиографический этюд. СПб. 1879 (из «Древней и Новой России» 1878, № 9) ^{е 130}.

[**Милюков.** Главные течения русской исторической мысли XVIII—XIX столетий. М. 1897 (2-е изд. — 1898) ^ж.

История царствования Екатерины II — Соловьева, Брикнера и других ¹³¹.

[**В. Ключевский.** Императрица Екатерина II. «Русская Мысль» 1896, № 11.

П. Морозов. Екатерина II, как писательница. «Образование» 1896, № 11.

В. Бильбасов. Памяти Екатерины II. «Русская Старица» 1896, 11.

Н. Стороженко. Воспоминание о Екатерине II. Сборник «Призыв» М. 1897, стр. 249—266.] ^з

[**Мордовцев.** Обличительная литература первых русских

^а На правом поле запись: [выписать?] и синее косое перекрещивание.

^б Зачеркнуто синим карандашом. На правом поле синее косое перекрещивание.

^в На правом поле запись: [выписать?].

^г Последние квадратные скобки Блока. Н. Тихонравов подчеркнуто дважды.

^д Против всей записи о работах Тихонравова на правом поле вертикальная красная черта и большой синий крест; незачеркнутая часть записи — также синим карандашом.

^е Работы Лабзина, Терновского и Языкова зачеркнуты красными косыми крестами.

^ж Эта и следующая записи густо зачеркнуты синим карандашом.

^з Все четыре работы зачеркнуты синим карандашом.

журналов и стеснение гласности «Рус<ское> Слово» 1860, февр<аль>, март.]^а

[В. Ф. Солнцев. «Всякая Всячина» и «Спектатор». СПб. 1892 (из ЖМНПр¹³²).

В. Ф. Солнцев. «Смесь», сатир<ический> журнал 1769. СПб. 1894 (из журн<ала> «Библиограф»¹³³).] ^б

Алексей Веселовский. *Западное влияние в новой русской литературе.* Изд. 2-ое переработ<анное>^в — М. 1896. ц<ена> 1.75 р.

[С. Аксаков. Мартинисты. (Собр<ание> Соч<инений> т. III — «Семейные и литерат<урные> воспоминания»).] ^д 134

[Батенков. Материалы для истории мас<онской> ложы. «В<естник> Е<вропы> 18>72 г., 7.] ^е 135

[Березин-Ширяев. Статья о переводн<ой> мистич<еской> литерат<уре>. «Российская Библиография» 1880, № 76 и 1881, №№ 78, 90, 91 ^ж 136.

Записки Лопухина. Изд. 3-е (с примеч<аниями> и портретом). «Р<усский> Арх<ив>» <18>84 г., 1.] ^з 137

Н. Иванина. Массонство в России в XVIII и XIX в. «Р<усская> Ст<арина>» <18>82 г. 9, 10 ^и 138.

[Афанасьев. И. В. Лопухин (обстоятельная биография). «Арх<ив> истор<ических> и прак<ических> свед<ений> Калачова», 1860 г., кн. I-ая] ^к.

[Матерьялы для ист<ории> русск<ой> литерат<уры> в конце XVIII в. «Р<усский> В<естник>» 1857 (19 и 21) и 1858 (4 и 15).] ^л 139

[Исторические очерки русского масонства и его главных представителей. Орловск<ие> Епарх<иальные> Ведом<ости> 1869 г., № 6 и след<ующие> ¹⁴⁰.

^а Статья Мордовцева отчеркнута по правому полю синим карандашом и зачеркнута красным.

^б Работы Солнцева зачеркнуты синим карандашом.

^в переработ<анное> вписано позже.

^г На правом поле красное нет, густо перечеркнутое синим крестом.

^д На правом поле синий косой крест. Запись перечеркнута красными косыми крестами.

^е Запись густо зачеркнута синим карандашом.

^ж На правом поле запись: [выпис<ать?>].

^з На правом поле галочка, перечеркнутая тремя горизонтальными чертами, и запись: не получил. Книги Березина-Ширяева и Лопухина зачеркнуты красными косыми чертами.

^и На правом поле галочка, перечеркнутая двумя горизонтальными чертами.

^к На правом поле запись красным карандашом: [выпис<ать?>].

^л На правом поле запись: [о Друж<еском> литер<атурном> общ<естве>].

Мазеев. Дружеское литературное общество. СПб. 1892 (от-т<иск> из «Библиографа»)]^{а 141}.

[М. Лонгинов. Мартинисты и их противники. «Соврем<ен-ник>» <18>57 г., 4.

М. Лонгинов. Матерьялы для ист<ории> русск<ого> про-свещ<ения> и литерат<уры> в конце XVIII в. «Р<ус-ский> В<естник>» 1857 (19, 21), 1858 (4, 15, [] 22), 1859 (22): О Друж<еском> Лит<ературном> Общ<естве>; Новик<ове>, Шварце]^{б 142}.

Любопытное сообщение Н. Н. Селифонтов<а> о проклятом сборище франк-масонском. «Чт<ения> Общ<ества> ист<ории> и др<евностей> российских» 1871 г. III^{в 143}.

[**Мартинизм** в русск<ом> обществе XVIII в. (разбор «За-писок» Лопухина). «Отеч<ественные> Зап<иски>» 1861 г., 4 (стр. 86—124)]^{г 144}.

[**Записка И. П. Елагина.** Новые материалы для ист<ории> масонства. «<Русский> Арх<ив>» 1863, 1.]^д

[Е. Опочинин. Неск<олько> ист<орических> свед<ений> о фр<анк>-мас<онах>. СПб. <18>93. ц<ена> 40 к<о-пеек>]^{е 145}.

С. А. Петровский. Очерки из ист<ории> русск<ого> ма-сонства в XVIII ст<олетии>. «Христ<ианское> Чт<ение>» 18>89 г., IV—VI (часть II)^ж.

[**Подлинные** реестры книгам, взятым по Высоч<айшему> по-вел<ению> из палат Новикова в Моск<овскую> дух<ов-ную> и светск<ую> цензуру. «Чт<ения> Общ<ества> ист<ории> и др<евностей> рос<сийских>» 1871 г., кн. 3]^{з 146}.

[А. Попов. Дело Новикова и его товарищей «В<естник> Е<вропы>» 1868, № 4.

Д. Рябинин. Высылка из России братьев массонов в 1797 г. Рассказ из времен имп<ератора> Павла I. «Р<усская> Ст<арина>» 1876 г., № 3¹⁴⁷.

В. Сиповский. Новиков и Шварц и Моск<овское> масонство

^а На правом поле запись: [выпис<ать?>]. Две последние работы зачеркнуты большими красными чертами.

^б Работы Лонгинова перечеркнуты красным карандашом: сначала параллельными вертикальными и горизонтальными чертами, потом по диагонали. На правом поле галочка и синий косой крест.

^в На правом поле галочка, перечеркнутая двумя горизонтальными чертами.

^г На правом поле запись: [выпис<ать?>] и не получил. Запись пере-черкнута крестами красным карандашом.

^д На правом поле галочка.

^е Книга зачеркнута красным карандашом.

^ж На правом поле косой крест, перечеркнутый двумя горизонтальными чертами.

^з На правом поле значки: галочка, перечеркнутая двумя горизонталь-ными чертами и NB. Запись зачеркнута синим карандашом.

(1-ое прилож<ение> к книге «Н. М. Карамзин...»¹⁴⁸) СПб. 1899^а.

А. Степанов. Принятие в мас<оны> — расск<аз> в «Р<усской> Ст<арине>» 1870 г., т. I.]^{б 149}
Учение древнего любомудрия, и богомудрия, или наука своб<одных> кам<енщиков>, из разных творцов светских, духовных и мистических собранная, и в 5-ти частях предложенная И. Е., великим российским провинциальной ложи мастером. Начато в MDCCCLXXXVI году. «Р<усский> Арх<ив>» 1864 г., I^{в 150}.

[У. Т. Финдель. Ист<ория> фр<анк>-масонства от возникнов<ения> его до настоящ<его> времени. Перев<од> со 2-ого нем<ецкого> изд. Изд<ано> 2 т. СПб. <18>72—<18>74. ц<ена> 2 р.]^{г 151}

[Ф-ов. Великая тайна масонов. Посмертные записки. «Век» 1882 г., 2, 3.

С. Усов<а>. Новиков, его жизнь и обществ<енная> деятельность. Изд. Ф. Павленк<ова>. СПб. 1891.]^д

Н. И. Новиков в переписке с кн<язем> Н. Н. Трубецким. «Р<усская> Ст<арина>» <18>90 г., 9 (стр. 456—467). Сообщ<ено> Тихонравовым^е.

[А. Афанасьев. Новиков, биографический оч<ерк>. «Библ<иографические> зап<иски>». <18>58 г., 16, т. I (стр. 161—181) * ж

Шелгунов. Попытки русск<ого> сознания. Гл. I. Бессилие мысли и масонство. (Собр<ание> соч<инений> Ш<елгунова>, т. I)¹⁵².

Е. Гаршин. «Мартинист и филантроп прошлого века». «И<сторический> В<естник>» <18>87, IX.]^з

[Автобиография Шварца. Напечат<ана> Тихонравовым в «Лет<описях> русск<ой> лит<ературы> и др<евностей>». М. <18>63, т. V, отд. II (стр. 96—110).] ^{и 152а}

^а На правом поле синий крест.

^б Записи от работы Попова до этого места перечеркнуты крестами красным карандашом.

^в На правом поле галочка, перечеркнутая двумя горизонтальными чертами.

^г Запись перечеркнута синим карандашом.

^д Записи перечеркнуты крестами красным карандашом.

^е Сообщ<ено> Тихонравовым вписано позже карандашом.

^ж На левом поле записи: *выпис<ать>?*. Примеч. Блока внизу страницы: *Библ<иографические> записки выходили в М<оск>ве 2 раза в месяц 1858, <18>59 и <18>61 год. (Три больш<их> тома — 2 столбца). Указат<ель> — при «Р<усском> Арх<иве>» 1864 г.*

^з Записи перечеркнуты крестами красным карандашом.

^и Запись перечеркнута синим карандашом.

[У Мезьер — подробн<ый> обзор литерат<уры> о Новикове, масонах, мемуарах времен Екатерины]^а.

[Неустроев. Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках от 1703 до 1802 год<а>. Спб. 1874 (между пр<очим> — и библиогр<афическое> опис<ание> журналов.]^б зам<етки> о характ<ере> напр<авления> журнала). Поправки — у Л. Майкова^в 153.

Ср<а>вн<ить> «пьянство и шумство» Ломоносова за границей (Ист<ория> Соловьева, т. 22, стр. 546—547)¹⁵⁴.

Справиться у Соловьева о Московской чуме и мятже, а также о друг<их> истор<ических> фактах, рассказываемых у Болотова. Сравнить для проверки искренности Болотова. И. И. Дмитриев и Б<олото>в — очевидцы казни Пугачова. Ср<а>вн<ить> показания^г 155.

Список сочин<ений>, напечат<анных> при жизни Болотова и в каком году — в слов<аре> Венгерова.

Выбрать все литературные факты.

Таблица кратких событий каждого года по Запискам.

Болотов. Из «Пам<ятника> претекш<их> врем<ян>». **Часть I^а. Записки 1706 г.** (в Богородицке) — всего 387 длинных и кратких заметок.

8 января. Умнож<илась> пыш<ность> двор<яства>. Шампанские — воровские, богатые шубы. 12 янв<аря> — оттепель и таль¹⁵⁶. 13 янв<аря>. Новые газеты такие же, как в предыд<ущем> году, только новая печать, известия о французах и кораблях. Изд<ание> «Полезное и приятное препровождение времени» продолж<ено> с друг<им> издат<елем> (вместо Подшивалова¹⁵⁷ — Сохацкий¹⁵⁸). Прошлогоднее — хорошо, «преисполнено прекрасными местами в стихах и прозе». Новое — «по началу судя, с великим и тонким духом и редкими способностями». Тут же — о продаже дома и книг Новикова (см. выше¹⁵⁹). 14 янв<аря>. Еще о Новик<ове> (см. выше). О Языкове¹⁶⁰ — писателе — молод<ой> гвард<ейский> офицер, упражн<ается> в науках и пишет хорошо, по слухам хочет издав<ать> в П<етер>б<ур>ге журнал «Муза». Генерал Волков сочин<ил> стих<отворение> «Глас Москвы» (1795)¹⁶¹ против французов (чтобы

^а Запись о книге Мезьер отчеркнута по левому полю красным карандашом и зачеркнута косыми чертами тем же карандашом.

^б Запись перечеркнута синим карандашом.

^в Поправки у Л. Майкова вписаны позже.

^г Две последние фразы вписаны позже карандашом.

^д Часть I подчеркнута дважды.

выгнать их из М<оск>вы []], его тайно списывают (у переплетчика) и обнародывают <)>. 15 янв<аря>. Молодой Тамбовский поэт и сочинит<ель> Кованько¹⁶² — хороший, но «бедный и несчастный». «Подкрепляет» его дворянин Полежаев — друг его. 16 янв<аря>. Один из детей Походяшина (купца — относ<ится> к Новик<ову> — см. выше) — «попал в мартинизм и впал в беду оттого». Дмитриев (И. И.) «славный новый наш поэт» «уже не молод, имеет сына, и сам гвардии офицер и друг Карамзину». Державин — татарин... «был страшный безбожник, но после покаялся». 18 янв<аря>. Афанасий, поп в Калуге — не христианин: запивает. 19 янв<аря>. Воронежский «префект» Болховитинов «перевел Попия в прозе»¹⁶³, «защитник ептинизма и желания (?)»¹⁶⁴. 20 янв<аря>.^a Ода «Счастье» Державина (1795)^{164a} носилась в народе «морганически». 23 янв<аря>. Стихи на пляску великих княжен (это стих<отворение> Держ<авина> «Хариты» на пляску А<лексан>дры и Елены Павловны. — Соч<инения> Держ<авина>, изд. А<кадемии> Н<аук> т. I, стр. 718¹⁶⁵). Отсюда — кратко^b. 10 февр<аля>. Ода Магницкого «Страшный суд»¹⁶⁶. 24 февр<аля>. Писатель Клушин («Росс<ийский> Меркурий») ¹⁶⁷. 2 марта. Поп издал книгу «Пространное поле»¹⁶⁸. 6 марта. Книжка «Милина», изд. Карамзина¹⁶⁹, в первый раз карманный формат. Стихи гр<афа> Потемкина «Глас невинности»¹⁷⁰, Митавский университет предполагается. 12 марта — сатиры на Потемкина, сатирич<еские> картины. В Москве около 15-ти театров, музыка в М<оск>ве, славный Моск<овский> проповедник Матвей Михайлович. «Водопад» Державина. Стих<отворение> Держ<авина> «Человек»^{170a}. Сочин<ение> в стихах — «Пострижение овечки»¹⁷¹, сочин<ение> «Немогузнайка»¹⁷², изд<атель> «Полезн<ого> препровожд<ения> времени». 22 марта. Еще о Клушине. 16 апр<еля>. Соч<инение> Завалишина «Сувороида»¹⁷³^b

* *

*

«Р<усская> С<тарина>» 1871 г. Т. I.¹⁷⁴

Из зап<иски> Каразина Ал<ександру> I-му: Вольтер — против дворянства, защита дворян (22—26 и сл<едующие>)¹⁷⁵. Паралл<ель> с зап<исками> Болотова (быт дворянский) — записки Добрынина (1752—1827)¹⁷⁶ — быт

^a 20 янв<аря> вписано позже.

^b Отсюда кратко вписано позже.

^b Красными точками позже отмечено, что конспект не закончен.

духов<енства> тех же врем<ен> (начин<ая> со стр. 119). Князь Щербатов — «О поврежд<ении> нравов в Рос-сии» — продолж<ение> стр. 672 (с главы VIII) ¹⁷⁷.

Записано необход<имое> для сочин<ения> (<нрзб>) ^а

Записки, т. II, стр. 299—300 ^б часть X (с письма 101) [запис<ано?> важн<ейшее> из него в конспекте (оглавление) ¹⁷⁸.] Краткое содерж<ание> эт<ого> пер<иода> 300—301 ^в.

Начало первого ^г деревенского периода жизни А. Т. — самого цветущего (27—37 лет<ний> возр<аст>) — 12 лет (299).

373 — рассужд<ение> о преимущ<ествах> богатой невесты ^д. Девица Бакеева понравилась, чуть не влюбился, но с успехом поборол страсть, вспомнив философию (385 [и дал <ее>] — 86). Равнодушие Бакеевой (423). Телематология Крузия (431) ^е ¹⁷⁹. «Детская философия» ¹⁸⁰ в подражание г-же де Бомонт ¹⁸¹ — изъясн<ение> метафизики или естеств<енного> богословия для детей (443).

Часть XI. 1764—65 ^ж «Я женитьбу почитал всегда наиважнейшим в жизни человеческой делом и всегда был того мнения, что совершается она не иначе, как по особливому Божескому Провидению и произволу» (461). Однако думает и о деньгах — практик. Мысли перед свадьбой — 531; характер жены — 554 ^з выпис<ать> — 554 — равнодушие жены к прощептивическому ящику ¹⁸².

[1764 г.] 1764 г. ^и Заботы новой императрицы (Екатерины) о сельск<ом> хозяйстве ^к — 560 ¹⁸³. В 1764 г. А. Т. Б<оло-тову> пошел 27 год жизни. Начало 1765 года — 577 стр.] ^л. Помешательство Писарева — 607 ¹⁸⁴. Таинства и догматы веры ¹⁸⁵. Литерат<урные> упраж<нения> — 609.

1766—69 ^м

Часть XII — с начала 1766 года (до 1769) ^н. Отрицательное отношение к «Комиссии для составл<ения> проекта Нового

^а Фраза вписана позже; на левом поле запись красным карандашом: 1762—63.

^б стр. 299—300 вписано позже.

^в Фраза вписана позже.

^г первого вписано позже.

^д Фраза вписана позже.

^е Две последние фразы вписаны позже.

^ж 1764—65 вписано позже.

^з Две последние фразы вписаны позже.

^и 1764 г. вписано позже. На левом поле скобка синим карандашом.

^к о сельском хозяйстве вписано позже.

^л Квадратная скобка Блока.

^м Даты вписаны позже красным карандашом.

^н (до 1769) вписано позже.

Уложения<»> (в 1767 г.) — 654. Игра в карты — предыдущая и 661—662. Грушка Мавринька — 673^{а 186}. [Для себя и имеющих уши — «анекдот» на столбце 689 — не «она ли мчится по ржи...? <»> (коровья смерть)^б Древнее ...¹⁸⁷ Домашний гусь бежит пешком за дикими гусями — 700^{188 в}.

Часть XIII — (1769—1770). Отсюда отчеркив<ал> в книге литерат<урные> факты¹⁸⁹. / На стр. 848—849 — художеств<енное> описание цветов и праздника Святой недели.

Часть XIV (1770—71). Описание города Дмитрова — 992.

Конец II тома

III том «Записок Болотова» (1771—1784)^г

Часть XV (со 151 письма) — (1771—1773). Начин<ается> с опис<ания> чумы и мятежа в Москве¹⁹⁰. / Загадки Болотова — 133¹⁹¹.

Часть XVI — (1773—1774). Нужное мне только в последних двух письмах¹⁹².

Часть XVII (1774—1775). В Киясовке.

Часть XVIII (1775—1777). В Киясовке и Богородицке.

Часть XIX (1777—1780) — в Богородицке. Знакомство с Ник<олаем> Ив<ановичем> Новиковым (с сент<ября>^д 1779 г.).

Часть XX (1780—1782). В Богородицке.

Часть XXI (1782—1784). В Богородицке.

Конец III тома.

Болотов всегда говорит о «мартинизме» заранее отрицательно. Никогда, сколько я мог заметить, в нем не проявляется дух критического отношения к масонам, скорее — к вольтерьянцам. Он всецело почти догматик¹⁹³. Первый вопрос — обосновать это догматическое отношение 1) биографическими данными и 2) историей идей и литературных фактов в^е жизни Болотова.

^а Вдоль всего предыдущего текста по левому полю запись синим карандашом: См<отри> также оглавление.

^б (коровья смерть) вписано позже.

^в Квадратные скобки Блока. Запись в скобках зачеркнута синим карандашом.

^г (1771—1784) обведено красным карандашом. Со слов с опис<ания> чумы до конец III тома запись красным карандашом.

^д 2 сент<ября> вписано позже над годом. Выделенное подчеркнуто дважды.

^е в вписано позже.

План сочинения:

Вступительные слова о Болотове, времени^а его жизни, [эпохе] литерат<урной> деятельности (главное для нас — мемуары). Один из наиболее интересных вопросов для нас — отнош<ение> Болотова к движению, назыв<аемому> масонством, ввиду того, что в этом движении замешана личность Новикова, а Болотов имеет к нему житейские и литературные отношения.

«Расцвет» Болотова относится к эпохе критической. Отголоски критического века и в России (просветительные идеи [.] Елизаветинского и Екатерининского царствования, [об осво<бождении?>] мысли Екатерины об освобождении крестьян, образование, просвещение^б, сатира журнальная, Новиков, Бецкой¹⁹⁴ — вкратце).

Руссо. Монтескье. Беккарий — критика социальная.

Кант — спекулятивная критика, падение философского догматизма.

Болотов в Германии, его университетские занятия, любознательность, сознательность, стремление к просвещению редкое по тому времени для русского — и — догматизм в отношении к [крайности<м?>] важному факту русской литерат<уры> — масонству. Вопрос — чем это объяснить:

1) Биография. [Как сложи<лась?>] [История <нрзб> детства] Натура и^в [и] воспитание — достаточное (только) количество фактов для обрисовки характера и указание на догматизм, лежащий в природе [(может быть — методом «расы, среды и момента<»>? ¹⁹⁵)]. Вытекающая из природы же этого^г человека — созерцательная наклонность (в противоположность окружающему «Sturm und Drang») — и переход к истории идей и литерат<урных> фактов. [Биография может дойти пожалуй здесь до тех пор, как мирозозерцание установилось, и выяснился созерцательный тихий, но и практический склад души, т<о>е<сть> — до пересел<ения> в дер<евню>, женитьбы] е. т. с. ^д

2) Мирозозерцание Болотова; силы, созидающие его (немецкая философия изв<естного> порядка (протестантская) — на первом месте) отвечали потребностям души (чему особенно способствовал самообразовательный характер обучения и приобрет<ения> знаний).

Выяснив основы мирозозерцания, — перейти к истории ли-

^а времени вписано позже.

^б просвещение вписано над словом образование как вариант.

^в Натура и вписано сверху.

^г этого вписано позже. созерцательная подчеркнуто дважды.

^д Зачеркнутое вписано позже; взято Блоком в большие прямые скобки.

тературных фактов: а) интересных, как таковых, б) подтверждающих все сказанное об истории идей Болотова. [В отношении литературных фактов] История литерат<урных> фактов может касаться: 1) читанного Болотовым (в его окраске желательно). 2) Писанного и печатанного им и особенно^а 3) фактов, характеризующих отношение к масонам и Новикову, как литературным явлениям.

Возможные выводы; например:

Болотов не был характерно русским (аккуратность, рассудительность, **протестантизм** отсутствие обществ<енных> интересов^б и ми<огое> др<угое>). Следовательно, нельзя делать выводы о русской жизни на основ<ании> его характера.

Болотов интересен преимущественно, как один из достовернейших мемуаристов, давший огромный материал для **фактической** (преимущ<ественно>) истории литературы, [и] жизни, быта, нравов, событий и пр. и пр. Пожалуй, как личность, характерная для XVIII века в [многих] некоторых^в отношениях.

Продолж<енне> Записок где-то в позднейшей «Р<усской> Ст<арине>» (также см<отри> «Р<усский> Арх<ив>»)¹⁹⁶. Обрат<ить> вним<ание> на «Пам<ятник> врем<ян> претекших».

В. О. Ключевский о Новикове в «Русской Мысли» — 1895.

Небывалое на Руси явление (39).

Краткая история чтения в России (39—44)^г — пока книга не стала враждовать с просвещением (от себя: Болотов — пример того же — с другой т<очки> зр<ения>)¹⁹⁷. Новиков — против этого в сатире. Результатов сатиры — нет.

Болезнь «галломания». — «Др<евняя> Росс<ийская> Вивлиофика» Новикова¹⁹⁸.

Сатира.

Черты хар<актера> Новикова 48, 50.

Вера в могущество книги у Новикова (48). NB. — Болот<ов> с этой т<очки> зр<ения>.¹

Почему пришлось русским по праву Руссо? — 49.

Лопухин. Шварц и Гамалея — их восторженная характеристика (15 и дал<ее>).

^а особенно вписано позже.

^б отсутствие обществ<енных> интересов вписано позже.

^в некоторых вписано над зачеркнутым *многих*.

^г (39—44) вписано позже.

¹ этой т<очки> зр<ения> вписано позже.

Сомнения кружка первоначально. 53.

Запоздалость русск<ой> публики и культурных работников, раздвоение. (53—54).

Деятельность Новикова (56—57).

Впервые пробуждается обществ<енное> мнение (в «новиковское десятилетие»). 58.

Нравств<енная> связь Моск<овского> унив<ерсите-та> и Моск<овского> общ<ества> через Новик<ов-ский> кружок. 60.

Незеленов («Новиков, издатель журналов»...). 1875.

Предисловие — о малой разработ<анности> взглядов на частные вопросы жизни Н<овико>ва и на его личность в целом. Особ<енно> X—XI—XII стр.

Гл<ава> I^а. Нравы русского общества Ек<атеринин-ского> вр<емени> ^б. Невежество — вельмож (кн<язь> Щербатов. [См. Р<усская> Ст<арина> 18>72 г. ян-в<арь>] ^{в 198а} [и], Порошин ¹⁹⁹, [и] гр<аф> Сегюр ²⁰⁰; Гри-бовский ²⁰¹), — служащ<их> сословий — военн<ого> и гражд<анского>, — духовенства. Отн<ошение> к книге (5) ²⁰².

Невеж<ество> происх<одит> от неустройства образо-вания. 7.

Дурные нравы. 16. Браки, фавориты, разврат (иллюмина-ты. Мас<оны> способств<овали> развр<ату> по За-пискам Жихарева ²⁰³, стр. 21—22 у Незел<енова>) ^г. Будто это все от французов, наши писатели о них, отнош<ение> Руссо к женщинам. Вольтер у нас, влияние его и французов. Роскошь.

Источники доходов — служба и крестьяне.

Общая картина нравов — по Незеленову — ужасная. 77.

Гл<ава> III^д. Отнош<ение> Фонвизина (Также Держав<ина> ²⁰⁴) ^е и Новик<ова> к литерат<уре> — про-тивопол<ожно> 143 ^ж. Новиков был и писателем. 144.

«Notunculus» А. Н. Пыпина

Алхимическое предание XV—XVI вв.

Громадная литер<атура> тайных наук (XVI — нач<а-ло> XIX в.).

^а Гл<ава> I вписано позже на левом поле и обведено чертой.

^б Ек<атерининского> вр<емени> вписано позже.

^в Квадратные скобки Блока.

^г Абзац отчеркнут чернилами по левому полю.

^д Гл<ава> III обведено чертой. III подчеркнуто дважды.

^е (Также Держав<ина>) вписано позже.

^ж 143 вписано позже.

Гете взял из Парацельса (его сочинение) «De generatione rerum»^{204a}; у него главный ingredient — sperma hominis и пособие — arcana sanguinis humani)^a.

Обширный материал рукописной масонской литературы — в Императорской Публичной Библиотеке и в Московском Румянцевском Музее.

В Публичной Библиотеке — собрание рукописей и коллекция очень редких печатных изданий — принадлежали М. Ю. Виельгорскому, Ф. И. Прянишникову и др.

Интересны следующие рукописи Публичной Библиотеки...

История микрокосма Роберта Флюда. Перевод с латыни 1619. Оппенгейм. Публичная Библиотека III, F 18²⁰⁵.

Георгия Веллинга сочинения магокабаллистические и теозофические. Публичная Библиотека III F 25; другая экзemplар — III F 41.

Откровенная герметическая наука. — III F 34.

Евангельская магия. III Q 63.

Гермеса Трисмигиста²⁰⁶... III, O. 25.

Божественная магия (III, O. 30). Целое собрание колдовства.

Между прочим — и Notunculus.

И многое другое (часть указана у Пыпина в этой статье).

Издание Ефремова. Материалы для истории русской литературы. СПб., типография Ив. Глазунова. 1867. 8^о XII + 216 стр. (рецензии: 1) Тихонравов в «Отечественных Записках» 1867, 5^б и «Собрании сочинений» (т. III, ч. 2)²⁰⁷ и 2) Л. Майкова — «ЖМНП» 1867, 5²⁰⁸).

[в этой книге помещен «Опыт исторического словаря о российских писателях» Новикова, первое изд. 1772 г.].

Орбинский. Английские деисты XVII и XVIII столетий. Одесса, 1868, «Записки Императорского Новороссийского Университета» т. III, вып. 1.

^a О порождении вещей; ingredient — человеческая сперма; тайная человеческая кровь (лат.). У Блока ошибочно humanum вместо humani. Слово начало подчеркнуто дважды.

^б 1867, 5 вписано позже над названием журнала.

^в т. III, ч. 2 вписано позже, над словами «Собрание сочинений».

^г Опыт вписано позже.

Кроме этой литерат<уры> (указ<анной> здесь, причем перечеркнутое выше *имеет значение* — *только* не использовано в моем сочинении) — см. еще записи<ая> книжка 1904 года (осенн<ая>). Там же еще материалы^а 209.

**С. А. Петровский. Очерки русск<ого> мас<онства>. Хр<истианское> Чт<ение 18>89 г.
II.**

1.) Западн<ое> мас<онство>. Легенды.

Стронт<ельные> общ<ества> своб<одных> кам<енщиков> в средн<е>век<овые> всюду. Ложи. 3 степени. Символич<еское> значение инструментов, постор<онние> цели. Тайна архитектурной символики. Критика существующей церкви [позбр<ажение> монахов и монахинь в неприличн<ых> позах; лисица, проповедующая стаду гусей в Бранденбургской церкви]^б. С конца XVI в. — упадок [стиль Возрожд<ения> вытесняет средн<е>век<овые> стили]^в. Масоны «вместо построения скоропреходящих видимых домов Божиих заботились теперь о возведении единого незримого храма человечности» (Финдель)²¹⁰.

1717 — образ<овалась> великая Лондонская ложа. Ее устав — «книга Конституций» англик<анского> пропов<едника> Якова Андерсона^{210а}, дающая **форму**, в котор<ую> все могли вливать свое содерж<ание> (причина **множества** мас<онов>).

Каждая страна влив<ала> **свое** [го] содерж<ание>:

1. На родине нравств<енного> мас<онства> сохраняются преимущ<ественно> [част<о>] постно (трезво)^г нравств<енные> цели. 3 степени.
2. Франция — умнож<ение> степеней (до 99).
3. Германия — подробности, филос<офские>, религ<иозные> мистич<еские> элем<енты>.

«Строгое наблюдение», основ<анное> бар<оном> Гундом. Огромная организация (9 провинций, во главе всего — S(uperiores) I(ncogniti). Кроме трех Иоанновск<их> степеней (учен<ик>, тов<арищ>, маст<ер>) — еще:

^а Абзац вписан позже.

^б Квадратные скобки Блока.

^в Квадратные скобки Блока.

^г (трезво) вписано над словом *постно*.

- 1) Шотландский мастер (впервые^а введ<ено> во Франц<ии> шотл<андцем> Рамзеем²¹¹).
- 2) Ученик или послушник.
- 3) Рыцарь храма.
 - а) equis (сам барон Гунд — equis ab<s>en-se)
 - б) armiger
 - с) socius.

Позже — еще д) equis proffessus.

Рыцарский хар<актер> степ<еней> и церем<оний>. Скоро господств<ует> в Герм<ании>, примкн<ули> семь государей (на основ<е> тайн<ого> существ<ования> темплиеров).

Видоизмен<енное> «Стр<огое> набл<юдение>»: ду-х<овная>^б ветвь Темпл<иеров> (Иоганн Авг<уст> фон Штарк²¹²). Посл<едние> степени — левиты и священники. Сам Штарк — Archimedes ab aquila fulva. То же Темплиерство легло в основу Циннендорфской с<истемы> (акты и ритуалы из Швеции). Рыцарство тесно связ<ано> с тайными науками. — 9 степеней + 10-ая:

1. Ложа Св. Иоанна (3 обычн<ые> степени).
2. Ложа Св. Андрея (2 степ<ени> — ученик и товарищ).
3. Капитул, или л<ожа> распорядителей — с рыцарями:
 - а) Востока
 - б) Запада
 - в) ближние св. Иоанна
 - д) ближние св. Андрея

10-ая степень — «в высш<ей> степ<ени> просвещ<енные> братья архитекторы».

Смеш<ано> с христ<ианской> символикой (напр<имер>, один из^в симв<олов> — агнец, взял<ющий> грехи мира). Вела борьбу с Шведск<ими> мас<онами>, не призн<ававшими> этой ложи — «великой ложи германской земли».

Розенкрейцерство соединилось с мас<онством> во 2-ой пол<овине> XVIII в. Нравств<енный> идеал отодви-г<ается>, тайные науки — особ<енно> алхимия. К 3-м степ<еням> Иоанновск<им> прибавл<ается> еще 9:

^а впервые вписано позже.

^б дух<овная> вписано позже.

^в один из вписано позже.

juniores, theoretici, practici, philosophi, minores, majores, adepti, exempti, magi). Аскетизм. Магов — 7, высший «Magus magorum» («Он видит Христа, как я его» слова совр<еменника>) ^{а 213}.

Россия — фокус всех мас<онских> теч<ений> (от нравств<енного> идет к Розенкр<ейцерству>).

2) Русское масонство.

При Елизав<ете> — гл<авным> обр<азом> аристократы. С 1750 г. — Елагин ²¹⁴: «Служение Минерве нередко оканчивали торжеством в честь Бахуса». Сочувствие тщеславных, / духовенство (какие-то пис<ания> Гедсона ²¹⁵), а особ<енно> раскольники — против масонства («храм беззакония», «Вавилон любодейства», «град всякия скверны» ^{215а}, отожд<ествляли> с антихристом из слова франкмасон производ<или> звер<инное> число 666).

Петр III — благосклонен.

К нач<алу> 60-х годов успели уже проникнуть Зап<адные> системы (многие ложи снач<ала> даже без законн<ых> утвержд<ений> — (des loges bâtarde). Оживление всего снош<ения> с **Германией** ⁶. «Строг<ое> наблюд<ение>» распростран<ял> гр<аф> Алексей Мус<ин>—Пуш<ин> ²¹⁶, мн<огие> др<угие> ²¹⁷, наконец сист<ема> Мелиссино ²¹⁸ — русского изобретения (семь степеней — каж<ется> не особ<енно> серьезно).

К 70-ым годам — пестрота систем и лож, когда особ<енно> выделяются — в общем расцвете рус<ского> масонства — системы Елагинская англ<ийское> масонство ^в и Рейхелевская циннендорфство ^г.

Елагин — некогда вольнодумец, дважды вступал в масонство, вторично — окончательно. Он испытал то же, что Новиков — «распутье между вольтер<ьянством> и религией» ²¹⁹. Первонач<ально> 3 степени, потом его система не избежала влияния других даже Розенкрейцерства. Особ<енно> действов<овал> на Елагина Сен-Мартен («О заблужд<ениях> и истине») ²²⁰.

2) ^д Рейхель ²²¹ (гвард<ейский> генерал-аудитор) основ<ал> в 1771 г. «Ложу Аполлона», получив акты из Берлина. Много последоват<елей>. Циннендорфство. Интересны его ²²² разгов<оры> с Новиковым — со слезами. Он указал Н<овику>ву два признака истинн<ого> мас<онства>: отс<утствие> политич<еских> тенденций и стремл<ение>

^а От слова *Магов* до конца абзаца вписано позже.

^б **Германией** подчеркнуто дважды.

^в англ<ийское> масонство вписано над словом *Елагинская*.

^г циннендорфство вписано над словом *Рейхелевская*.

^д 2) вписано позже.

к нравств<енному> соверш<енству> без «пьянственных пиршеств и развратности нравов»²²³.

В 1776 г. Елаг<инская> и Рейх<елевская> системы соединились.

В 1777 г. кн<язь> А. Б. Куракин²²⁴ привез из Швеции сист<ему> строг<ого> наблюд<ения>. Елагин, не подчинившись, выделился. Так, каж<ется>, было в П<етер>-б<ур>ге до закрытия всех лож (извест<ия> отрывочны).

С 80-х годов знач<ение> **Петерб<ургского> мас<онства>** падает. Центр мас<онства> перенос<ится> в Москву.

Москва. Шварц и Н<овико>в. Магические слова «magister dixit<»>²²⁵.

В 1780. Основыв<ается> ложа «Гармония»^a — лучшие силы масонов.

Н<овико>в стремится к познанию. Он осуждает по собственным словам («стр. 357») ^b 226. Желание отдел<иться> от Шведск<ой> системы.

В 1781. — Шварц загран<ицей> ищет истинн<ое> мас<онство>.

1796 год — уже не слышно о масонстве в России.

Н. Иванина (Р<усская> Ст<арина>). Цитаты.

Перевод с немецкой рукописи одного масона Петерб<ургской> ложн²²⁷. Писано ок<оло> 1827, по-видим<ому> откров<енно>.

Лефорт²²⁸ — масон. Сообщ<ил> свед<ения> о мас<онстве> Петру, тогда учред<ен> мас<онский> орден Св. Андрея и для его облачений приняты отличительные [черты] цвета разных его степеней.

Граф Брюс²²⁹ — высокопосвященный масон. Имел сведения о законах природы и их стихийных действиях. Рассказ о смерти Брюса и просьбе его к Петру²³⁰.

Французские якобинцы прикрывались внешними формами лож (544 стр. Р<усской> Ст<арины> 1882, т. 35).

Примечания Иваниной (Р<усская> Ст<арина> XXXVI, 68 — сл<едующие>)²³¹.

О видах добра. Заметка Ек<атерины> II пис<анная> для графа А. С. Строганова (Р<усский> Арх<ив> 1864, стр. 587<)>.

(о масонах:)

^a У Блока ошибочно «Германия».

^b После скобки и точки — карандашный значок вставки (γ); на правом поле карандашом: *что осуждал проверь*.

L'inutilité pour l'humanité de ses instituts^a cependant a été si universellement reconnu dans les pays les plus éclairés, qu'on s'est fait une étude d'en diminuer le nombre. A quoi servent ces momeries (дурачества)^b, ces accoutrements (внешности)^в aussi ridicules que frivoles, à l'homme qui fait le bien pour faire le bien?^г

Н. И. Новиков, ст<атья> Якушкина (Почин, см. выше).

Сделана попытка заимствовать статью из «Живописца» для народн<ого> журн<ала> «Мужичек» 1862 года (стр. 158).

Справиться^д

Реферат ²³² [посмотреть<?>]	стр.
1) Поход<ения> Телемака	5 сверху
2) Сокращ<ение> истории Курасова	} 5.
и 3) Ист<ория> походов принца Евгения	
4) Эпаменонд и Целериана (роман)	6.
5) Жильблаз.	} 11
6, 7) Гибнеров географ<ический> словарь и газетный словарь	
8) Гофман «О спокойствии душевном»	} стр. 14 (к стр. 19 тетради ²³³)
9) Нравоучит<ельное> сочин<ение> графа Оксенштирна	
10) Гольберг	
11) Куносова ода ²³⁴ (es ist ein Gott...) ^е	
	17.

Тетрадь^ж

12) «Детское училище» г-жи де Бомонт — к стр. 6.

Книговедение журнал. Ред<актор> Торопов.

1894 г. Несколько заметок, относ<ящихся> к XVIII в. Маловажных. Портрет Новикова, Записка о Н<овико>ве Карамзина (Императору Ал<ександру> I-ому)²³⁵.

^a У Блока ошибочно instituts.

^b (дурачества) вписано над словом momeries.

^в (внешности) вписано над словом accoutrements.

^г Тем не менее бесполезность для человечества этих учреждений до такой степени всеми признана в странах, наиболее просвещенных, что придумываются средства, как бы уменьшить число их. Человеку, делающему добро просто для добра, нужны ли на что-нибудь эти дурачества, эти внешности, столь же странные, как и легкомысленные? (франц.; перевод из «Русского архива», же. 587—588).

^д Справиться вписано позже.

^е это бог (нем.). У Блока ошибочно est и gott.

^ж Тетрадь вписано позже.

1895 г.

[№ 2] Редкости из книгохранилища К. П. Медокса

1.) «Краткие разговоры. О разных; до наук и до любопытства, касающихся: весьма курьезных вещах. В вопросах, ответах, представленные. Изданы от ректора лионского университета Павла Таверниэ 1579 года. С французского на российской язык перевел сию книгу, Надворный Советник Сергей Волчков. 1757. Печатана при Сенате первым тиснением; в Санктпетербурге 1761 года». 16 × 20. 542 стр., Старин<ный> черный кожан<ый> переплет.

Сергей Саввич Волчков²³⁶ — стар<инного> двор<янского> рода — секретарь Ак<адемии> Н<аук>, впол<седствии> дир<ектор> Сенатской типографии. Перевел и издал 22 сочинения с 1731 по 1773 г., в том числе и эту книгу. В книге говорится между прочим о regrettiuin mobile, о стихийном и простом огне, о хиромантии. Содержание (приведено в Книгов<едении>)^a очень обширно, ответы на вопросы о самых разнообраз<азных> вещах очень курьезны, особенно кас<ательно> объяснений естественно-научных (Книгов<едение 18>95, II).

2.) «О заблуждениях и истинне или воззвание человеческого рода ко всеобщему началу знания... Философа неизвестного переведено с Французского. Иждевением Типографической Компании (в Москве) в Вольной Типографии И. Лопухина, с Указанного дозволения, 1785 года 8^о стр. 542.

Надпись на книге: «изъ кни́гъ Ильи Кожина» (кажется, масон — есть его мас<онские> рукописи<и>). Громадное колич<ество> отделов (Содерж<ание> привед<ено> в Книгов<едении>).

Это — сочинение Saint Martin (Луи Клод) теософ 1743 † 1803. Учение его излож<ено> в книге «Des erreurs et de la vérité» изд<анной> на франц<узском> яз<ыке> в 1) 1775 и 2) 1781 г. Продолж<ение> изд<ано> в 1784 г.

Лопухин стал масоном, прочтя эту книгу [и книгу Арндта «Об истинном христианстве»²³⁷]^b. В 1786 соч<инение> Saint Mart<in> было арестов<ано> у Новикова. Сопиков № 4138 говор<ит>, что книга «довольна редка» и прилагает выписки (Книгов<едение 18>95/6—8).

3.) Квинта Курция история о александре великом царе македонском с дополнением Френсгейма и с примечаниями переведена с латинского языка вторично степаном крашенинниковым Академии Наук Профессором. 2 тома. В Санктпетербурге при Императорской Академии Наук 1750 года (8^о) [609].

^a (приведено в Книгов<едении>) вписано позже. Заглавие выписок подчеркнуто дважды.

^b Квадратные скобки Блока.

Qu<int> Curt<ius> Rufus — первые века по Р<ож-
дестве> Хр<истовом>. История напечат<ана> на ла-
т<инском> языке в XV—XVIII вв.

Рим — 1470.

Ба(зе)ль — 1507.

Венеция — 1537.

Ба(зе)ль — 1545.

Страсбург — 1648.

Амстерд<ам> — 1673.

Париж 1678.

Лейпциг 1688.

Дрезден 1700.

Дельфт (Голл<андия>) 1724.

Перевод с изд. 1648 г. (до-
п<олнения> Frenshemius)

Сопик<ов> № 4798—4804.

Первый перевод был по по-
вел<ению> Петра Вели-

кого изд<ан> в 1709 (4⁰).

Стоила книга 5 р.

(Книгов<еделение> 18>95,

VI—VIII).

Остальное — там же^а

4.) Роллен. Римская история (длинное заглавие) пере-
в<од> Треднаковского. Том I — СПб. 1761. 338 стр.

II	1762	324
III	<17>62	278
IV	<17>62	355
V	<17>63	340
VI	<17>63	328
VII	<17>63	328
VIII	<17>63	348
IX	<17>64	304
X	<17>63	348
XI	<17>64	323
XII	<17>65	[316] ²³⁸
XIII		
XIV		
XV	<17>66	316
XVI	<17>67	396

4⁰

Charles Rollin (1661 † 1741) «L'histoire romain» при нем все-
го 5 частей (1738—41). Остальные части издал после него
Louis Crevier. Ц<ена> 20 р. (Сопик<ов> 4881).

5.) Плачь или Ночные мысли о жизни, смерти и бессмертии,
Англинское творение г<осподина> Ионга, с присовок<упле-
нием> двух поэм 1) Страшный Суд, 2) Торжество веры над
любовью, и 3) Вольного предложения из книги Иова... С двумя
гравир<ованными> порт<ретами>. 2 ч. СПб. 1799. Стр.
503.

Young Edward (1681 † 1765). Сочин<ения> изд<аны>

^а Запись о книге Квинта Курция отчеркнута по левому полю красным
карандашом.

на франц<узском> яз<ыке> в 1769—70 г. (4 т.) и 1792 г. — в Лонд<оне> на англ<ийском> яз<ыке> (3 тома). Сопик<ов> 8279. Перев<едено> с немецк<ого> Александ<р>ом<ом> Кутузовым.

6.) Всемирный Путешественатель (длинное заглавие) Аббата де ла Порт. Перев<едено> с франц<узского> в СПб. 1794 (печ<атано> у И. К. Шнора). Стр. 372. (Перев<ел> Як<ов> Булгаков).

Еще напечат<ано> в 1780 г. }
1786 г. } в СПб.
1794 г. }

Joseph de la Porte — компилятор (1713 † 1779). Le voyageur français. (42 тома).

7.) «Наставление народу» в рассуждении его здоровья, сочиненное г<осподином> Тиссотом (титуты). С франц<узского> перев<ел>... Николай Озерецковский (ц<ена> 180 коп.) в СПб. при И<мператорской> Ак<адемии> Н<аук> 1731 г. стр. 548. 8^о.

Samuel-André Tissot (1728 † 1797). Essai sur les maladies des gens du monde, изд. 1770 г.

8.) Полный латинский геснеров Лексикон с российским переводом, с прибав<лением> к нему Греческих слов и Российского Реэстра, вновь испр<авленный> и умнож<енный> Имп<ераторского> Моск<овского> Унив<ерситета> Публичн<ым> Ордин<арным> Професс<ором> Философии Коллежск<им> Ассесор<ом> Дмитрием Синьковским. Москва. В Унив<ерситетской> Типографии у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия 1796. 8^о. В 3^х частях. Сопик<ов> 5903.

Gesner I. Matias. Филолог. 1691 † 1761. Thesaurus linguae (Leipzig 1749).

в августе Болот<ов> хочет «вытеблить» из унив<ерситетской> типогр<афии> экз<емпляры> «Детской философии» (III, 856).

2 сент<ября>. Болот<ов> познак<омился> с Новик<овым> (Ж<изнь> и Пр<иключения> III, 858—59). Он «не слыхивал» прежде о Новикове. Новик<ов> уже знал Болотова по эконо<мическим> и нравств<енным> сочин<ениям> и имел о его способн<остях> «весьма выгодн<ые> мысли». Он предложил Бол<отову> немедл<енно> издав<ать> «Экон<омический> Магаз<ин>» и продолж<ение> «Детской филос<офии>». (Ж<изнь> и Пр<иключения> а III 858—862 условия⁶).

^а Ж<изнь> и Пр<иключения> вписано позже.

^б условия вписано позже; от этого слова поставлена стрелка к цифре 858.

Новик<ов> переех<ал> в Москву в нач<але> 1779 г., взяв, по предлож<ению> курат<ора> Моск<овского> ун<иверситета> Хераскова, на аренду Моск<овскую> уни<верситетскую> типографию и изд<ание> «Моск<овских> Введом<остей>».

О масонстве и связях Новикова (III, 865) ^а.

«Хр<истианское> Чт<ение>» 1889, II, 356 ²³⁹.

Новиков уведомл<ает> Бол<отова> о хорош<ем> успехе и пр. (Ж<изнь> и Пр<иключения> III 877—79).

3 янв<аря>. Новиков обжился в Москве, он ласково принял Болотова в хорошей квартире (Ж<изнь> и Пр<иключения> III, 925).

4 янв<аря>. Болотов опять у Новикова. Гости, разговоры ²⁴⁰ (Ж<изнь> и Пр<иключения> III 928—29).

8 янв<аря>. Опять у Новикова. Предложение вступить в масоны Болотову ^б и ответ его (Ж<изнь> и Пр<иключения> III, 932—935).

9 янв<аря>. Распространение книжной торговли (Ж<изнь> и Пр<иключения> III. 935—936).

10 янв<аря>. Литерат<урный> разговор<ор> Болот<ова> с Нови<ковым> ^в о книге Тидена ²⁴¹ и др<угих> (937) ²⁴². Новиков просит у Болотова о распростр<анении> лекарств<енного> порошка (943) ^г.

14 янв<аря>. ²⁴³ Болотов ^д у Новикова (о «Генриэтте» ²⁴⁴) и Хераскова (944—48).

1781. Проповедь Иерузалема (перев<од> Болотова) ^е помещена в Московском ежемес<ячном> изд<ании> Новикова (III, 962) ²⁴⁵.

В конце года Болотов хочет прекратить «Экон<омический> Магазин», но Новиков уговаривает его продолжать (III, 1006—1018).

1782.

Болотов опять ^ж часто у Новикова (о «Магазине» и пр<очем>) — III, 1021—22.

[Шварц]

^а Курсив Блока.

^б Болотову вписано позже.

^в с Новик<овым> вписано позже.

^г Фраза вписана позже.

^д Болотов вписано позже.

^е (перев<од> Болотова) вписано позже.

^ж опять вписано позже.

16 июля — мас<онский> конвент в Вильгельмсбаде. На нем между пр<очим> — вопрос о восстановл<ении> ордена Темплиеров (Еш<евский> «Р<усский> В<естник>» 1864, 461 — авг<уст>) ²⁴⁶.

Список ост<альных> провинций — у Еш<евского> *ibid.* Лекции (прив<атные>).^а Шварца, по слов<ам> **Ешевского**, сплошь проникнуты мас<онским> напр<авлением>. **Тихонравов** говорит напротив, что ничего подобного в них нет ²⁴⁷.

1783.

В конце января Болотов находит Новикова уже женившимся (?) и в нов<ом> доме у Никольских ворот. Молодые люди принадлежащие к секте (III, 1080).

В августе Новиков просит матерьялы для «Эк<ономического> Маг<азина>» и прислал Гецена в напечатан<ном> виде ²⁴⁸ (III, 1113).

Болотов видится с Новиковым в этом году далеко не так часто, как при первом приезде (III, 1087).

1784.

В феврале Бол<отов> упомин<ает> о тайных собраниях у Новикова (III, 1134).

Новиков прислал напечат<анную> книгу Болотова «О благополучии» (III, 1136) ²⁴⁹.

1784 г.

В конце года Новиков опять просит о продолж<ении> «Экон<омического> Магаз<ина>», которому кончается уже 5-ый год и 20-ая часть (III, 1207—1208).

1785. В марте Болотов в Москве у Новикова (расчеты) — Ж<изнь> и Пр<иключения> ^в IV, 13.

В конце 1785 г. Болотов полагает, что Новиков будет опять ^в просить продолж<ать> «Экон<омический> Магаз<ин>» (IV, 62).

В 1786 г. Болотов не раз видится с Новиковым, посл<едний> с ним ласков и зазывает на вечеринки (но, «ведая какие они» ²⁵⁰) — IV, 88^а—89.

^а (прив<атные>) вписано позже.

^б Ж<изнь> и Пр<иключения> вписано позже.

^в опять вписано позже.

^г 88 вписано позже.

В конце 1786 г. Новиков опять просит Болотова о продолжении «Экономического Магазина» (IV, 98).

Весной 1787 г. Болотов готовит материалы для «Экономического Магазина». Дело с «Детской Философией» не пошло (Новиков не стал печатать). (IV, 129.).

1787. Болотов озаботился и закопшился²⁵¹, услышав от племянника Новикова, что последнему угрожает «великое несчастье» (IV, 193).

в августе 1787 Болотов переделывает «Детскую Философию» для нового перепечатания по просьбе Новикова (IV, 184).

Осенью Новиков хочет еще печатать вторым изданием два первые года «Магазина» (8 частей — разошлись). IV, 195.

18 ноября проездом заехал к Болотову. VI 196²⁵².

1788. В феврале Болотов прочел в газетах, что его «Путеводитель»²⁵³ избежал участи других конфискованных книг Новикова — продается. IV, 242^a.

1788. В начале поста Болотов заезжает к Новикову, разговоры, хорошее отношение Новикова. Болотов^б Получил от Новикова 500 рубл^{ей} за «Экономический Магазин» обедал, встретил Левшина²⁵⁴, которому Новиков дал переводы 12-ти томов «Хозяина и хозяйки»²⁵⁵. Там же — Ключарев²⁵⁶ и Карамзин.

У Новикова подряд неск^{олько} этих дней — IV, 274—78.

1788 Болотов опять по просьбе Новикова готовит материалы для «Экономического Магазина» на следующий год (IV, 414).

1789. В начале года Болотов пишет Новикову «о заготовлении следуемых денег и о нерастеривании посылаемых писем» (IV, 498).

На маслянице Болотов узнает^в о критическом положении Новикова: запрещении, опечатании книжной лавки и отнятии университетской типографии. Рассуждения и расчеты, смущения. IV — 524—525.

^a Абзац вписан позже на верхнем поле листа.

^б Болотов вписано позже.

^в узнает вписано позже.

1789. Болотову надоел «Экон<омический> Маг<азин>», он думает о новом^а «нравственном» журнале, жалуется на малую прибыль от Новикова (да и у того дела запутаны!) ²⁵⁷ — IV, 533.

В январе 1790 [Новиков] Болотов поручает сыну письменно добиваться денег от Новикова (долг 634 рубля) и о книгах (IV, 712).

1791 — 12 окт<ября>. Новиков мимоездом у Болотова (по дороге в Елецкий уезд для свидания с родными []) — Хрущевыми.) IV, 864.

5 мая 1792 г. До Болотовых доходит из Тулы весть об аресте Новикова. Книги и дом опечатан. Болотов, «сожалея» о Новикове, очень радуется за себя (IV, 924) ^б.

Хронологический указатель русских лож от первого введения масонства до запрещения его. 1731—1822. Издание в виде рукописи. 99 экземпляров. СПб. 1873 г. (Несколько экзempl<я>ров) ц<ена> 1 руб.²⁵⁸.

Книжный склад М. М. Стасюлевича ^{258а}. СПб. В<асильевский> О<стров> 5 лин<ия> д<ом> 28.

Les plus secrets mystères des hauts grades de la maçonnerie dévoilés ou le vrai rose-croix. (Traduit de l'anglois. Suivi du Noachite). <Traduit de l'allemand>. Jérusalem^в. 1768.

Recueil précieux de la Maçonnerie adonhiramite. Philadelphie^в. 1787. 4 р<убля>.

У Клочкова ²⁵⁹.

II. Болотов и Новиков.

Главы 1—4.

1904 л.

Записки Добрынина. Р<усская> Ст<арина> 1871. [1770] род<ился> 1752 † 182 [3] 4.

Быт духовенства. Юмор<истическое> оти<ошение> к духов<енству>, филос<офам>, стих<отворцам> и пр<очим>.

^а *новом* вписано позже.

^б На левом поле **NB**, подчеркнутое дважды.

^в Разоблачение сокровеннейших тайн высших степеней масонства, или истинной розенкрейцер. (Переведено с английского) С присовокуплением потомка Ноя, переведенного с немецкого (*франц.*).

^г Сборник драгоценный адонирамского масонства (*франц.*).

^л Заголовок на обложке тетради № 2.

Статуя в церкви: «Святая Пятница»²⁶⁰ (Р<усская> Ст<а-рина> III^а, 159).

«Об историческом изложении»²⁶¹ (против галломании) — 270.

Против французмании — 413 (у помещика Тютчева)²⁶².

Тредьяковский, Кв<инт> Курций, Сумароков, Лесажа, Вольтер, Монтескю — 603²⁶³.

По поводу княгини Дашковой — IV^б, 204 (стихи)²⁶⁴.

«Исповеди» Руссо и Фонвизина — 314²⁶⁵.

О стихотворцах и смертях Ек<атерины> II и Павла — 326²⁶⁶.

Желание умереть. († стариком на 73^{см} году).

Остроумие, усталый смех и грустные ноты.

Начитан и довольно образован, чуждак.

КОММЕНТАРИИ

¹ Имеется в виду рассказ Болотова о том, как монах-хиромант предсказал его бабке, что если она «замуж буде <...> пойдет, то жизнь ее только пять лет продлится».

² Рассказ Болотова о событиях, сопровождавших его рождение: у клавшей поклоны повивальной бабки крест застрял в щели пола; она не могла освободиться и оказать помощь роженице, умоляя ее подождать. Этот случай, по мнению мемуариста, предсказал в его жизни не только горестные, но и веселые минуты (I, 28—30).

³ В «Записках» Болотова много места уделено рассказам о жестоких и бессмысленных избиениях его учителем немецкого языка Миллером (I, 65—67, 71—73 и др.). Ср. об этом в тексте сочинения (Собр. соч. в 12-ти тт., XI, 14—15).

⁴ Имеется в виду рассказ Болотова о неправильно выросшем у него молочном зубе. Зуб был удален полковым лекарем, но вызвал нарушения в расположении постоянных зубов. Этот феномен чрезвычайно интересовал Болотова, который расспрашивал своих знакомых об аналогичных случаях (I, 69—70).

⁵ Анекдот о скудном угощении, поданном курляндским дворянином приглашенным на обед офицерам (I, 74—76).

⁶ Похождение Телемака, сына Улисса сочинено г. Фенелоном учителем детей короля французского, бывшим потом архиепископом Камбрейским, и князем Римской империи. Переведено на русский язык в 1734 году [А. Ф. Хрущевым] и по особливому высочайшему повелению <...> напечатано. Ч. 1—2, Спб., при Императорской Академии Наук, 1747.

⁷ Имеются в виду следующие книги по истории, которыми зачитывался малолетний Болотов: 1) Описание жития и дел принца Евгения герцога Савойского и генералиссимуса над армиями его римского цесарского величества и всея Империи <...> [Перевод И. К. Тауберта]. Спб., 1740; 2) Введение в генеральную историю изданное на немецком языке от Гильмара Кураса а на российской язык переведено канцелярии Академии Наук секретарем Сергеем Волчковым. Спб., 1747 (2-е изд. 1750 г.). См. ниже упоминание этих книг в списке литературы, прочитанной Болотовым (с. 91 наст. изд., № 2, 3).

^а III обведено чертой, дважды подчеркнуто.

^б IV обведено чертой, дважды подчеркнуто.

⁸ Подзаголовок второй части «Записок». Подзаголовки следующих частей 1-го тома («История» военной службы» и т. д.) Блок воспроизводит не точно, пропуская всюду притяжательное местоимение «моей».

⁹ «Бронзовый мопсик» — деталь проданных отцовских часов, которых Болотову было жаль (I, 132).

¹⁰ Восторги по поводу учености сына и его способностей к рисованию, но потом ворчание и «предики» за его «шалости».

¹¹ Имеются в виду помещенные на столбце 154 1-го тома два рисунка и план родового дома Болотовых.

¹² Блок имеет в виду жестокие детские «шалости» Болотова: игра с кошкой, в результате которой он задушил ее, попытка сбросить в речку дворового мальчика, нанесение себе глубокой раны топором при заготовке дров.

¹³ «История о Епомедонде и Целериане, которая содержит в себе 16 книг и разделена на тома. Переведена с французского языка на русской 1741 года. В Санкт-Петербурге» — рукописный роман, который, по словам мемуариста, оказал на него большое влияние: «...я получил понятие о любовной страсти, но со стороны весьма нежной и прямо романтической, что после послужило мне в немалую пользу» (I, 181—182).

¹⁴ Имеется в виду рассказ Болотова о непреодолимом смехе, напавшем на него и его товарищей по учебе; смех не могли остановить ни уговоры, ни розги (I, 189—191).

¹⁵ То есть рассказы о попытках сестры Болотова сохранять жизнь ее умиравших младенцев с помощью точного следования различным приметам. Болотов осуждает суеверия (I, 201—202).

¹⁶ Рассказ о том, как Болотов-мальчик должен был открывать бал в паре со своей сверстницей; плохо умея танцевать, он смущался и отказывался; наконец, преодолев смущение, танцевал успешно (I, 204—205).

¹⁷ Quintus Curtius Rufus, *Historiae Alexandri Magni Macedonis*. Сведения об изданиях и о русском переводе, которым, по-видимому, пользовался Болотов, см. в списке книг, выписанных Блоком из журнала «Книговедение» (с. 92—93, № 3).

¹⁸ «Камень веры» Стефана Яворского и «Четыи Миней» оказали, по признанию Болотова, на него большое влияние (особенно «Четыи Миней», которые он воспринял как историческое произведение — I, 232).

¹⁹ Блок снова отмечает жестокие и примитивные развлечения Болотова и его двоюродного брата. Вводя материал этого письма в текст сочинения, Блок ошибочно приписывает поступки младшего брата Болотову (Собр. соч. в 12-ти тт., XI, 17).

²⁰ Блоковская трансформация рассказа Болотова о том, как он «чуть лунатиком не сделался»: перегревшись у печки, лег спать и проснувшись «в самую полночь вдруг увидел себя стоящего <...> у печки и греющегося.» Речь здесь идет не о призраке (привидении), а о бессознательном поступке Болотова.

²¹ G. Bagclay. *Argenis*. (1619). Позже Болотов купил «Аргениду» в переводе В. К. Тредиаковского: Аргенида, повесть героическая <...> Перевод с латинского, с мифологическими изъяснениями В. К. Тредиаковского. Ч. 1—2. Спб., 1751. Книгу рекомендовал Болотову гость его родственницы как произведение, в котором «все можно найти — и политику, и правоучение, и приятность, и все, и все» (I, 259). См. подробней об этой книге в блоковском конспекте IX главы монографии Е. Щепкиной с. 66—67).

²² Блок упоминает этот эпизод как еще один пример трусости Болотова, который, «всходя» на колокольню «много страха натерпелся...»

²³ Место под Ригой, где стоял полк, в котором должен был начать службу шестнадцатилетний Болотов. Рисунок воспроизведен на столбце 272 1-го тома.

²⁴ Имеется в виду рассказ Болотова о припасенных впрок леденцах, которые растаяли в сумдучке, что очень его огорчило.

²⁵ Имеется в виду рассказ Болотова о покупке им в Академической

лавке в Петербурге «Аргениды» в переводе В. К. Тредиаковского и «Жиль-блаза» А. Р. Лессажа. Обе книги очень понравились Болотову и имели успех у его товарищей по службе.

²⁶ Johann Hübner. Kurtze Fragen aus der neuen und alten Geographie biss auf gegenwärtigen Zeit continuirt und mit einer nützlichen Einleitung für Anfänger ... (1693; русский перевод вышел при Петре I — М., 1719) и Он же. Reales Staats-Zeitungs und Conversation Lexicon (1704). Болотов имел эти книги по-немецки и делал из них переводы, которые пропали; каким из многочисленных переизданий он пользовался, неясно.

²⁷ В обязанность Болотова входило каждое утро делать переписку каторжников, которых сторожил его полк. Он заметил, что во время этой процедуры один из каторжников «напускал» на него вшей и «велел дать ему за то слишком более ста ударов, ибо бить их состояло в моей власти» (I, 340). Факт этот отразился Блоком в связи с его размышлениями о характере мемуариста, в котором сочеталась жестокость с сентиментальностью (см. ниже запись: «стыдливое обращение с мызницей»); эту смесь Блок считал «характерной чертой эпохи» (Собр. соч. в 12-ти тт., XI, 20).

²⁸ Имеется в виду рассказ Болотова о покупке им книг в Ревеле: «Книги, купленные мною при сем случае, были немецкие и состояли в нескольких романах, кроме одной, в которой вмещалась хиромантия и другие подобные тому любопытные науки». По этой книге Болотов обучался хиромантии и переводил ее на русский язык; здесь же он отмечает, что позже узнал «пустоту и неосновательность» этой науки.

²⁹ Упоминание Болотова о том, что один унтер-офицер подарил мемуаристу, в благодарность за производство его в сержанты с помощью зятя Болотова, список трагедии А. П. Сумарокова «Хорев» и научил декламировать.

³⁰ Рассказ Болотова о случае с его зятем, на котором загорелся кофак, чего тот не замечал, считая, что свет исходит от него самого, имея чудесное происхождение. Болотов, прибежав на изумленные крики зятя, разъяснил недоразумение (I, 353—355).

³¹ «Малослыханная и бедственная жизнь и похождения Якова Пикартуса, бывшего потом Милордом в Англии» — немецкий анонимный роман, купленный Болотовым в Ревеле.

³² Речь идет о Семилетней войне (1756—1763), в которой принимал участие Болотов.

³³ Имеется в виду следующий отрывок из мемуаров Болотова: «Человек сей был превеликого роста и с большими усами; лежал совсем обнаженный навзничь и от жара весь раздувшийся и отекий, как от водяной болезни; черви кишели у него под всею вздувшеюся кожей, так что без ужаса и внутреннего содрагания смотреть на него было не можно» (I, 474).

³⁴ Видимо, описание военных походов в «Записках» Блок читал бегло, так как на предыдущих страницах Болотов подробно рассказывает о кончине С. Ф. Апраксина (1702—1758) и назначении главнокомандующим второго прусского похода графа В. В. Фермора (1702—1771), при котором Болотова и «потянули в Пруссию».

³⁵ Имеется в виду рассказ Болотова о всеобщих насмешках над его сослуживцем Бачмановым, которого дразнили сочиненной мемуаристом песенкой; ее текст приведен на столбцах 668—670 1-го тома.

³⁶ Описывая на ст. 718—719 1-го тома балаганные представления, Болотов осуждает бессмысленность и несвязность ярмарочных зрелищ. Интерес к массовым зрелищам и увеселениям (таким, как балаган, цирк, луна-парк и пр.) был свойствен Блоку в течение всей жизни, с гимназических лет до времени создания поэмы «Двенадцать» (см. об этом: Б. М. Гаспаров, Ю. М. Лотман. Игровые мотивы в поэме «Двенадцать». — Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975; Б. М. Гаспаров. Поэма А. Блока «Двенадцать» и некоторые проблемы карнавализации в искусстве

начала XX века — *Slavica Hierosolymitana*. V. I. Jerusalem, 1977; а также посвященную этой проблеме статью Ю. М. Лотмана, помещенную в наст. сборнике). В этом отношении характерен интерес Блока к данному эпизоду. Ср. в тексте сочинения: «В этом скелете многих великих трагедий А. Т. усмотрел только «кривляния, коверкания, глупые и грубые шутки и вранье, составляющие сущие вздоры»» (Собр. соч. в 12-ти тт., XI, 21).

³⁷ *Panseeés de M. le comte D'Oxenstirn sur divers sujets, avec les reflexions morales du même auteur*. Paris, 1756 (русский перевод — 1771 г.). Книга Оксенштирна оказала на Болотова большое влияние. Он переводит некоторые ее статьи. См. упоминание книги в конспектах Блока, с. 87, № 9.

³⁸ Краткая запись рассказа о покупке мемуаристом книг в лавке. Один из сослуживцев Болотова, местный немец, увидев огромную массу купленных им книг, начинает руководить чтением Болотова: он отбирает серьезные книги, а остальные относит назад в лавку, потом записывает Болотова в частную городскую библиотеку и дает ему ознакомиться с «печатным реестром» всем книгам этой библиотеки.

³⁹ Речь идет о диалоге о непредосудительности танцев для молодых людей.

⁴⁰ J. G. Sulzer. Versuch einiger moral. Betrachtungen über die Werke der Natur (1745; 2-е изд. 1750; русский перевод — 1777 г.). Книги немецкого эстетика и педагога И. Г. Зольцера (1720—1779) оказали большое влияние на Болотова. Подробнее об этой книге см. в конспекте IX главы монографии Е. Щепкиной, с. 67.

⁴¹ Имеется в виду составленный Болотовым «для удобнейшего приписывания рифм» «некоторый род пиитического словаря».

⁴² См. об этой записи в нашей статье (наст. изд. с. 41—44).

⁴³ Болотов вспоминает, как его сослуживец Ф. Б. Пассек показал ему первые сконструированную им самим электрическую машину («лейденскую банку»). Пассек Федор Богданович (ум. ок. 1796 г.) — поручик, помещик Смоленской губернии; с 1794 г. председатель Вольного Экономического общества, автор пьесы о прививании оспы.

⁴⁴ В «Записках» рассказывается о замысле Гр. Орлова и Зиновьева организовать любительский театр и поставить трагедию Ломоносова «Демофонт» (а не «Хорева», как ошибочно указывает Блок, не только в данных конспектах, но и в тексте сочинения — Собр. соч. в 12-ти тт., XI, 21), в которой Болотов должен был играть одну из ролей.

⁴⁵ J. A. Hoffmann. Zwey Bücher von der Zufriedenheit nach den Gründen der Vernunftium des Glaubens. Hamburg, 1754; русский перевод — 1760 г. Книга оказала большое влияние на Болотова, который называет ее «фундаментом <...> философической жизни» (I, 896). См. упоминание книги Гофмана в конспекте Блока, с. 87, № 8.

⁴⁶ «Приключения милорда Кингстона» — «небольшой немецкий роман», переведенный Болотовым (I, 958).

⁴⁷ Имеется в виду «*Moralske Tanker*» (1744) датского драматурга Гольберга (1684—1754).

⁴⁸ Готшед Иоганн Крнстоф (1700—1766) — немецкий писатель и критик, представитель раннего немецкого Просвещения. Интересовал Болотова как популяризатор вольфганской философии. Ниже, на ст. 983 1-го тома, Болотов упоминает о том, что ему больше всего нравились «Готшедовы начальные основания всей философии» (т. е., «*Erste Gründe der gesamten Weltweisheit*», 1734).

⁴⁹ Прогулка Болотова на шлюпке носила совсем не благонаправный характер, и он с ужасом вспоминает о пьянстве своих сослуживцев, пригласивших его на пикник, и об опасном возвращении с этой «увеселительной» прогулки. Блок, возможно под влиянием неточного пересказа «Записок» в монографии Е. Щепкиной, называет этот эпизод в числе добропорядочных развлечений мемуариста (Собр. соч. в 12-ти тт., XI, 22).

⁵⁰ Имеется в виду записная книжка, в которую Болотов заносил «всякую хорошую <...> мысль и всякое хорошее чувство души своей» (I, 982).

⁵¹ Вольф, Христиан (1679—1754) — немецкий философ и математик, представитель рационализма, популяризатор идей Лейбница. Крузиус, Христиан Август (1715—1775) — немецкий теолог и философ-идеалист, критик философии Лейбница-Вольфа.

⁵² Тулубьев, Николай Еремеевич (ум. в 1761 г.) — выпускник кадетского корпуса (1741 г.), морской офицер, лейтенант, друг Болотова; в тексте сочинения вслед за Е. Щепкиной Блок отмечает, что в переписке с Тулубьевым Болотов «особенно ценит собственные письма» (Собр. соч. в 12-ти тт., XI, 22).

⁵³ Языков, Степан Антонович (ум. в 1760 г. в Кенигсберге) — генерал-поручик; начав службу при Анне Иоанновне, особенно выдвинулся во время Семилетней войны.

⁵⁴ Походяшин, Максим Михайлович (ум. в 1781 г.) — купец, промышленник, отец Г. М. Походяшина.

⁵⁵ Походяшин, Григорий Максимович (1760—1820) — сотрудник Н. И. Новикова, масон, крупный жертвователь на масонские благотворительные мероприятия.

⁵⁶ Незеленов ссылается на «Опыт российской библиографии» В. Сопикова, где указаны русские переводы Вольтера, сделанные в XVIII в. (Незеленов, 7).

⁵⁷ См. эту статью в библиографии Блока, с. 71.

⁵⁸ Имеется в виду стихотворение А. С. Пушкина «К Вельможе» (1830). Черты Вольтера в характеристике Пушкина складываются, по мнению Незеленова, в образ Мефистофеля. Незеленов развивает это сравнение (Незеленов, 8—10).

⁵⁹ Незеленов приводит примеры издевательского отношения Вольтера к любви и женщине и аристократического презрения к народу (Незеленов, 17—19). Традиционной нравственной оценки Вольтера как «кошунственного» поэта и скверного человека, судя по всему, придерживался и Блок (Собр. соч. в 8 тт., V, 412; VI, 471).

⁶⁰ «Шаман Сибирской», «Обманщик», «Обольщенные» — комедии Екатерины II, направленные против масонства; написаны и впервые опубликованы в 1786 г. «Тайна противонелепого общества (Antiabsurde), открытая непричастным оному» (1780?) — брошюра, приписываемая Екатерине II; представляет собой пародию на масонские правила, символику, обрядность.

⁶¹ Имеется в виду статья «Человек наедине рассуждающий о неудоборешимых пневматических, психологических и онтологических задачах», напечатанная во втором номере «Покоящегося Трудолюбца» (1784); Незеленов сравнивает ее со статьей Вольтера «Душа», помещенной в его «Философском словаре» (1764—1769), находя в «Человеке» прямые цитаты из трактата Вольтера (Незеленов, 43—45).

⁶² Незеленов ссылается на следующие работы: С. Ешевский, Московские масоны восьмидесятых годов. В его кн.: Сочинения. Т. III, М., 1870, с. 445—568 (Незеленов ошибочно указывает дату выхода III-го тома: 1871); А. Н. Пыпин. Русское масонство в XVIII в.; он же. Русское масонство до Новикова; он же. Материалы для истории масонских лож; он же. Очерки общественного движения при Александре I. Блок внес эти работы в свою библиографию (см. с. 74).

⁶³ Незеленов, 137.

⁶⁴ Незеленов цитирует книгу Вл. Соловьева «Религиозные основы жизни» (М., 1884, с. 29): «Искушению «греха плоти» «подпадают обыкновенно (говорит высокий мыслитель нашего времени) последователи мнимого духовных, мистических сект, в которых превеличинная и самодавлющая духовность сменяется полным разгулом чувственности, и свобода духа, переходя в свободу плоти, кончается рабством плоти» (Незеленов, 138).

⁶⁵ Лопухин, Иван Владимирович (1756—1816) — видный масонский деятель, писатель, переводчик; Тургенев, Иван Петрович (1752—1807) — масон; переводчик с немецкого, сотрудник «Утреннего света»; Трубецкой, Николай Никитич (1744—1821) — масон; поэт и переводчик; Шварц, Иоганн Георг (1751—1784) — масон, инициатор создания «Дружеского ученого общества»; профессор Московского университета.

⁶⁶ Апология, или защищение ордена вольных каменщиков, написанная братом ****, членом Шотландской *** ложи, в П***. Перевод с немецкого. 1784.

⁶⁷ Масон без маски, или подлинные таинства масонские, изданные со многими подробностями точно и беспристрастно. Спб., 1784. Книга написана бывшим членом масонского ордена, ставит своей задачей разоблачение масонства как ложного учения.

⁶⁸ Гамалей, Семен Иванович (1743—1822) — масон; переводчик.

⁶⁹ Незеленов ссылается на статью М. Н. Лонгинова «М. М. Херасков» («Русский архив», 1873, № 8).

⁷⁰ Весь третий раздел книги Блок, видимо, читал очень бегло и конспектировал только названия глав.

⁷¹ Даты закрытия «Трутня» нет у Незеленова. Блок вписал ее позже из другого источника.

⁷² Возможно, Блок специально дает архаическое написание названия крепости (ср. у Незеленова, 380 в тексте письма Екатерины II: «Шлюшенбург»).

⁷³ Имеется в виду: А. И. Незеленов. Новиков в Шлиссельбургской крепости. (По новым документам). — «Исторический вестник», 1882, № 12. Статья перепечатана в качестве приложения к настоящей монографии (с. 359—386). См. упоминание этой работы в библиографии Блока, с. 73.

⁷⁴ Суворов, Василий Иванович (1705—1775) — отец полководца А. В. Суворова; в 1760—62 гг. генерал-губернатор Пруссии; Корф, Николай Андреевич (1710—1766) — барон, генерал-губернатор Прусского Королевства; при Петре III — Санктпетербургский генерал-губернатор.

⁷⁵ Чонжин, Тимофей Иванович (ум. в 1803 г.) — статский советник, секретарь канцелярии прусского генерал-губернатора. Имеется в виду рассказ Болотова об услуге Чонжина, который рекомендовал мемуариста новому губернатору как умелого художника. Болотов скопировал для него миниатюру ордена «Святой Анны», в результате чего ему было позволено отложить до весны поездку в действующую армию (II, 48—52).

⁷⁶ Речь идет об обряде водосвятия, устроенном новым губернатором на реке Прегеле.

⁷⁷ См. комм. 75.

⁷⁸ Рассказ Болотова о том, как он перевел для капитана, владельца галиота, на немецкий язык нужный ему документ; в благодарность за это капитан предложил отвезти болотовские книги в Петербург (II, 70—72).

⁷⁹ Болотову был поручен арест прусского дворянина графа Гревена. В тексте сочинения Блок отмечает, что мемуарист вел себя в этой шекотливой ситуации «как хороший офицер, культурный, а главное, доброжелательный и любезный человек» (Собр. соч. в 12-ти тт., XI, 22).

⁸⁰ Имеется в виду следующее место из мемуаров Болотова: «Все <...> находились в <...> смущении духа, все тужили и горевали о скончавшейся, все желали ей царствия небесного. И все поздравляли друг друга с новым монархом, но поздравляли не столько с радостным сколько с огорченным духом».

⁸¹ Панин, Петр Иванович (1721—1789) — военный и государственный деятель, генерал; брат Н. И. Панина.

⁸² Болотов сам себя характеризует здесь как человека, ненавидящего «шумную и беспокойную военную жизнь» и мечтающего, после того как манифест войдет в силу, «посвятить себя мирной и спокойной деревенской жизни и проводить достальные дни свои посреди книг своих» (II, 133).

⁸³ При переезде через залив по слабому мартовскому льду.

⁸⁴ На ст. 165—166 II-го тома «Жизни и приключений» Болотова идет речь о принадлежности к масонскому ордену Петра III, чему Болотов имел точные доказательства, столкнувшись в Кенигсберге с «шайкой» масонов, писавших поздравительное письмо императору. На ст. 220 Болотов высказывает свое отрицательное отношение к масонству.

⁸⁵ На работы перечисленных авторов ссылается Чечулин. Он имеет в виду: А. И. Незеленов. Новиков, издатель журналов 1769—1785; В. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Спб., 1881; Н. Ф. Дубровин. Пугачев и его сообщники. Т. I, Спб., 1884; В. Гольцев. Законодательство и нравы в России XVIII в. М., 1886; М. Н. Лонгинов. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. См. работы Незеленова и Лонгинова в библиографии Блока (с. 72); книга Незеленова законспектирована (с. 85).

⁸⁶ Блок цитирует Толстого по книге Чечулина (с. 6—7) с ошибкой в последнем слове цитаты (нужно «выразить», а не «передать»).

⁸⁷ Приведенные слова Вяземского — из его статьи «Фонвизин», Блок цитирует по Чечулину (с. 17).

⁸⁸ Блок имеет в виду следующее место из книги Чечулина: «...благочестие тогдашних помещиков и особенно помещиц <...> соединено было с не менее искренним суеверием: часто ходили в церковь, служили всенощные на дому, «поднимали» на дом образа, предпринимали поездки и хождения в отдаленные монастыри — и вместе с тем боялись леших, бук, верили всяким приметам, снам, гаданьям, иные носили с собою разные корешки, камешки, обходили бумажки, попадавшие на полу или на земле, опасаясь, что быть может, это нарочно кем-нибудь подброшенная бумажка с наговором, а тогда наступить на нее считалось опасным, ходило множество самых нелепых, но всеми почти принимаемых за истину, рассказов о сестрах лихорадках, о чудесных силах разных трав, о коровьей смерти, то есть, чуме рогатого скота, бегающей по полю в виде белой женщины и т. д.» (Чечулин, 36—37). Ср. запись о «коровьей смерти» (с. 82); см. об этом также в нашей статье, с. 40—41.

⁸⁹ Блок приводит помещенный у Чечулина (с. 62) перефраз из различных мест II-го тома «Жизни и приключений» Болотова, где рассказывается о любви мемуариста к беседам и описываются его собеседники.

⁹⁰ Чечулин указывает, что дворяне начинают рассуждать и об отечественной литературе, сравнивают Сумарокова и Ломоносова, «причем приносят издания их сочинений и с восторгом прочитывают некоторые их произведения» (Чечулин, 62).

⁹¹ Имеется в виду приведенная Чечулиным в примечании 3 на с. 62—63 главы VIII («Братское общество провинциальных дворян») цитата из «Рыцаря нашего времени» Н. М. Карамзина: «Добрые люди, мир вашему праху! Пусть другие называют вас дикарями: Леон в детстве слушал с удовольствием вашу беседу словоохотную, от вас заимствовал Русское дружелюбие, от вас набрался духу русского и благородной дворянской гордости...»

⁹² Чечулин приводит цитаты из: мемуаров Г. С. Винского «Мое время» («Русский архив», 1877, т. I, с. 179, 186—187) и Г. И. Добрынина (см. с. 80—81; 98—99 наст. публ.), «Записок» Е. Р. Дашковой (Лондон, 1859, с. 288—289) и Ф. М. Голицына («Русский архив», 1874, т. I, ст. 1293—1294); «Исторического похвального слова Екатерине II» Н. М. Карамзина (Сочинения. Спб., 1848, т. I, с. 275—380) и слова Я. Е. Сиверса, которые исследователь цитирует по статье Д. И. Иловайского «Граф Яков Сиверс» (Д. Иловайский. Сочинения. М., 1884, с. 540—541, 546, 548, 570—572). Во всех этих отзывах дается сочувственная оценка губернской реформы. Записки Винского и Дашковой имелись в библиотеке Блока (РО ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 388, л. 29об, 55).

⁹³ См. прим. 177 и с. 80, 85 наст. изд.

⁹⁴ Блок приводит помещенную у Чечулина на с. 78 цитату из неуказанного источника.

⁹⁵ Чечулин извлекает приведенные сведения: из возражений А. П. Сумарокова на «Наказ» Екатерины II, цитируя их по статье С. М. Соловьева «Рассказы из русской истории XVIII века» («Русский вестник», 1861, т. XXXV); из комедии Д. И. Фонвизина «Выбор губернера»; из «Трутня» Новикова (1769, л. 24, с. 190); мысли Лопухина и Болтина пересказаны по книге П. Я. Порфирьева «История русской словесности»; мнение Карамзина — из «Записки о древней и новой России».

⁹⁶ См. блоковский конспект реферата, с. 66 наст. изд.

⁹⁷ Имеется в виду фраза из книги Щепкиной: «Недаром великий Кант говаривал, что детство в тот век было временем ига египетского: «Eine wahre ägyptische Jochzeit» (Щепкина, 68—69). Ср. слова Блока в конспекте I-го тома «Записок» Болотова: «Много раз, как секли» (с. 59).

⁹⁸ См. комм. 21.

⁹⁹ A.-F. Prévost d'Exiles. Le philosophe anglais ou l'histoire de Monsieur Cleveland fils naturel de Cromwell, écrite par lui-même T. 1—8. 1731—39. Русский перевод: Англинской Философ, или житие Клевеланда, побочного сына Кромвелева, писанное им самим. Сочинение г. Превост д'Ескиля. Перевод с французского. 9 частей. Спб., 1760—1771.

¹⁰⁰ A.-F. Prévost d'Exiles. Memoires et aventures d'un homme de qualité que s'est retiré du monde. T. 1—7, 1728—33. Русский перевод: Приключения маркиза Г., или жизнь благородного человека, оставившего свет. Сочинение аббата Превост. Перевод с французского И. П. Елагина и Вл. Лукина. 6 ч. Спб., 1756—1764.

¹⁰¹ Речь идет о романе немецкого писателя Гаппеля (Happel, Eberhard Werner. 1647—1690) «Der Insulanische Mandorell, Beschreibung Mer Insulem in einer Lielles- v. Heldengeschichte» (1682), упомянутом в книге немецкого историка литературы Г. Гетнера (1821—1888) «История всеобщей литературы XVIII века», т. 3, кн. 1 (русс. пер.: М., 1872, с. 291).

¹⁰² «The Spectator» («Зритель», 1711—1712) и «Опекун» («The Guardian», 1713) — ежедневные журналы Ричарда Стиля (1672—1729) и Джозефа Аддисона (1672—1719).

¹⁰³ Имеются в виду приведенные у Щепкиной слова из работы немецкого историка литературы и публициста Г. В. Бидермана: «Они <журналы — И. В., М. Г., К. К.> были литературным достоянием средних классов, по словам Бидермана — «органами проснувшегося мещанства» (Щепкина, 194).

¹⁰⁴ Поп, Александр (1688—1744) — английский писатель-просветитель, автор «Опыта о человеке» (1732—34). Французский перевод «Опыта о человеке» 1772 г. был в библиотеке Бекетовых (РО ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 389).

¹⁰⁵ См. прим. 40. Блок повторяет ошибку Щепкиной: перевод Протопопова вышел в 1777 г.

¹⁰⁶ Имеется в виду: J.-M. Leprince de Beaumont. Instructions pour les jeunes dames qui entrent dans le monde. T. 1—4. 1764.

¹⁰⁷ О рисунке, сделанном ниже красным карандашом, см. в статье, с. 54.

¹⁰⁸ С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. V. Спб., 1897.

¹⁰⁹ С. А. Венгеров. Источники словаря русских писателей. Т. I. Спб., 1900.

¹¹⁰ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. 1—6. Спб., «Общественная польза», б. г. Указатель вышел отдельно. Это издание С. М. Соловьева имеется в библиотеке Блока, хранящейся в Пушкинском Доме.

¹¹¹ Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауза — И. А. Ефрона. Т. IV, полутом 7, с. 318—319.

¹¹² А. Н. Пыпин. История русской литературы. Т. IV. Спб., 1899; И. Порфирьев. История русской словесности. Ч. I—II, Казань, 1870—1891; курс истории Порфирьева выдержал несколько изданий; А. Д. Галахов. История русской словесности, древней и новой. Т. II, Спб., 1868;

курс Галахова выдержал несколько изданий; издание 1880 г. имеется в библиотеке Блока (ПД).

¹¹³ ЖМНП, 1889, № 3—6.

¹¹⁴ См. с. 66—67 наст. изд.

¹¹⁵ См. характеристику этой статьи ниже в списке литературы, с. 75, и выпуск из нее, с. 91.

¹¹⁶ Имеется в виду работа Пыпина «Времена Екатерины II (Журнальная деятельность Екатерины II. — Новиков)»; опубл. не в 7, а в 5 номере журнала за 1895 г.

¹¹⁷ В. Н. Сторожеву принадлежит в журнале «Книговедение» за 1894 и 1895 гг. целый ряд публикаций по истории русской литературы второй половины XVIII в.

¹¹⁸ Имеется в виду следующая публикация Н. Рябова: Еще несколько сведений о Н. И. Новикове и С. И. Гамалее. (Письмо к редактору «Московских ведомостей»).

¹¹⁹ Имеются в виду: Записки некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника сенатора И. В. Лопухина, сочиненные им самим.

¹²⁰ См. прим. 62.

¹²¹ Имеются в виду книга М. Н. Лонгинова «Новиков и московские мартинисты. Исследование» (М., 1867) и отклик на нее А. Н. Пыпина «Русское масонство в XVIII веке».

¹²² А. В. Мезьер. Русская словесность с XI по XIX столетие включительно. Библиографический указатель произведений русской словесности в связи с историей литературы и критикой. Книги и журнальные статьи. (Русская словесность XVIII и XIX столетий). Ч. II, Спб., 1902. Дальнейшие библиографические ссылки взяты Блоком из этого указателя.

¹²³ «Александр I» — имеется в виду статья А. Н. Пыпина «Очерки общественного движения при Александре I» («Вестник Европы», 1870, № 10).

¹²⁴ В публикации П. А. Жукова «Шахматовская библиотека Бекетовых — Блока» (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 358, Тарту, 1975) под № 190 указана только IX книга «Вестника Европы» за 1872 г.

¹²⁵ См. конспект этой работы ниже, с. 85—87.

¹²⁶ Каталог редких и замечательных русских книг антикварного магазина П. П. Шибанова. Вып. 61 вышел под названием «Новиковские издания и книги, напечатанные в типографии Н. И. Новикова» (М., 1894).

¹²⁷ Имеется в виду: Н. С. Тихонравов. К истории Московского университета. IV. Профессор И. Г. Шварц. В кн.: Н. С. Тихонравов. Сочинения. Т. III, ч. I, М., 1898. Фраза «а также — в Р<усской> Ст<арине>» — ниже», по-видимому, дает отсылку к сообщению Тихонравова «Н. И. Новиков в переписке с князем Н. Н. Трубецким» (см. ее описание в списке литературы, с. 78).

¹²⁸ Блок выписал эту библиографическую справку из указателя Мезьер (с. 263). Никаких воспоминаний А. Ф. Лабзин не оставил. Может быть, речь идет о воспоминаниях о Лабзине М. А. Дмитриева («Русский архив», 1866, с. 837—860) или о сборнике воспоминаний о Юнге Штиллинге («Слова воспоминания об усопшем». М., 1818), вышедшем в переводе А. Ф. Лабзина и с его предисловием.

¹²⁹ Точное название: Русское вольнодумство при императрице Екатерине II и эпоха реакции.

¹³⁰ Книга Д. Языкова называется «Историко-библиографическим очерком». Блок повторил ошибку из указателя Мезьер (с. 263).

¹³¹ Имеется в виду «История России» С. М. Соловьева (см. комм. 110 и 154) и «История Екатерины II» А. Г. Брикнера (Спб., 1885).

¹³² ЖМНП, 1892, № 1, отд. II.

¹³³ «Библиограф», 1893. № 7.

¹³⁴ С. Т. Аксаков. Встреча с мартинистами (Воспоминание из петербургской жизни); очерк был опубликован в III т. всех вышедших к этому

времени собраний сочинений С. Т. Аксакова (1886, 1895, 1902 гг.). Неточное название дано в указателе Мезьер (с. 534).

¹³⁵ А. Н. Пыпин. Материалы для истории масонских лож. VII. Масонские воспоминания Батенкова (см. с. 74). Воспоминания Г. С. Батенкова могли привлечь внимание Блока сведениями об идеологии, а также символике, обрядности масонства, структуре масонских организаций.

¹³⁶ Я. Ф. Березин-Ширяев. Библиографические заметки о редких книгах, брошюрах и периодических изданиях, находящихся в моей библиотеке. (Масонские и религиозно-мистические сочинения). — «Российская библиография» 1880, № 73, 76, 1881, № 78, 90, 91.

¹³⁷ См. прим. 119.

¹³⁸ См. конспект этой публикации с. 90.

¹³⁹ Имеется в виду серия статей М. Н. Лонгинова «Материалы для истории русского просвещения и литературы в конце XVIII века», напечатанных в «Русском вестнике» за 1856—59 гг. Ряд из них посвящен масонству и Н. И. Новикову.

¹⁴⁰ Автор статьи — В. И. Водовозов; она опубликована в 1—5, 7, 9, 12 и 13 номерах за 1869 г. Блок повторил ошибку из указателя Мезьер.

¹⁴¹ «Библиограф», 1892, № 12. Статья Н. М. Мазаева посвящена дружескому литературному кружку С. Д. Пономаревой и не имеет отношения к масонству.

¹⁴² См. прим. 139.

¹⁴³ Имеется в виду публикация Н. Н. Селифонтова «Изыяснение нескольких известных дел проклятого сборища франк-масонского (1761)».

¹⁴⁴ Автор статьи — К. Н. Бестужев-Рюмин.

¹⁴⁵ Ошибка Мезьер: книга Е. Опочинина вышла в 1883 г.

¹⁴⁶ Имеется в виду: Письмо И. И. Фонвизина к А. А. Тейльсу. 30 апреля 1794 г. (По поводу высочайшего повеления об отобрании из книжных лавок, под ведомством Московского университета состоящих, вредного и недозволенного содержания книг в реестрах означенных).

¹⁴⁷ Блок повторил ошибку Мезьер, которая включила в главу «Материалы для истории масонства в России» (с. 535) статью о братьях Массонах, Карле (1762—1807) и «Иване Яковлевиче» — французах на русской службе. Статья Д. Рябинина опубликована в № 3 и 6 «Русской старины».

¹⁴⁸ Точное название: Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника».

¹⁴⁹ Имеется в виду: Рассказ и письмо А. Н. Степанова о поступлении его в масонскую ложу 1815 г. Сообщил П. А. Степанов. «Русская старина». 1870, № 1, февраль.

¹⁵⁰ Автор — И. П. Елагин.

¹⁵¹ Речь идет о книге Иосифа Габриеля Финделя. Блок заимствовал ошибку в iniciaлах из указателя Мезьер.

¹⁵² Выходные данные Собрания сочинений — Спб., 1891.

^{152a} Записка И. Г. Шварца об отношениях к нему П. И. Мелиссно (опубл. по-немецки).

¹⁵³ Имеется в виду рецензия Л. Н. Майкова на «Историческое разыскание», помещенная в ЖМНП, 1876, № 7, отд. II, а также в его кн.: Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. Спб., 1889. Аннотация к книге Неустроева выписана из указателя Мезьер (с. 536).

¹⁵⁴ См.: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Т. 1—29. М., 1851—1879 и др. многочисленные издания. Сближение Ломоносова и Болотова связано с идеей Блока о «немецком» характере воспитания и образования последнего (ср. с. 83, 84).

¹⁵⁵ Во II-м т. «Записок» Болотов неоднократно возвращался к описанию «страшного моря», охватившего многие губернии России в 1770—1771 гг. (II, 1046, 1060, 1082 и след.; ср. ниже в конспектах Блока, с. 82); в III-м т. он подробно описывает казнь Пугачева, очевидцем которой ему пришлось быть (III, 481—491). Блок предполагал сравнить эти воспомина-

ния с мемуарами И. И. Дмитриева «Взгляд на мою жизнь». В тексте курсового сочинения этого сравнения нет.

¹⁵⁶ Слово «таль» вошло в словарь Блока. Он употребляет его в стихах II тома, причем в строке «Где дымилась весенняя таль...» (Собр. соч. в 8-и тт., II, 16) в «Собрании стихотворений» 1912 года поэт делает примечание: «Слово «таль» — старое русское. Оно встречалось еще в XVIII веке — у А. Т. Болотова». Ср. также: Собр. соч. в 8-и тт., VI, 171 и VIII, 89, где упоминается стихотворение Болотова «К весне во время еще первейших зimoю талей».

¹⁵⁷ Подшивалов, Василий Сергеевич (1765—1813) — журналист, переводчик.

¹⁵⁸ Сохацкий, Павел Афанасьевич (1766—1809) — профессор Московского университета, журналист.

¹⁵⁹ Здесь и далее Блок ссылается на свои более ранние выписки из «Памятника» (см. с. 62).

¹⁶⁰ Языков, Дмитрий Иванович (1773—1845) — писатель и переводчик, офицер лейб-гвардии Семесовского полка.

¹⁶¹ Волков, Авраам Степанович (1730—1803) — действительный статский советник, вице-президент медицинской коллегии; вероятно, речь идет о стихотворении «Дух гражданина и верного подданного, в стихотворстве никогда не упражнявшегося, на старости злодеяниями французских бунтовщиков возмятенный» (М., 1794).

¹⁶² Кованько, Иван Афанасьевич (1764—1830) — поэт, сотрудник журнала «Полезное и приятное препровождение времени». член «Вольного общества словесности, наук и художеств».

¹⁶³ Болховитинов, Ефимий Алексеевич (будущий митрополит Евгений; 1767—1837) — переводчик, библиограф. С 1789 г. исполнял должность преподавателя общей церковной истории в Воронежской семинарии. Работал над переводом «Опыта о человеке» А. Попа уже в 1793 г.; перевод опубликован: Опыт о человеке, поэма г. Попе. Перевод в прозе с историческими и философическими примечаниями. М., 1806.

¹⁶⁴ Вопросительный знак Блок перенес из публикации «Памятника» П. С. Киселева, где он означает невозможность дешифровать запись.

^{164a} Дата появления оды «На Счастье» — 1789 г.; ошибка Болотова.

¹⁶⁵ В скобках комментариев издателя «Памятника» П. С. Киселева.

¹⁶⁶ Магницкий, Михаил Леонтьевич (1778—1844) — поэт; в будущем — крупный государственный деятель. Ода «Страшный суд» опубликована в «Приятном и полезном препровождении времени». ч. IX.

¹⁶⁷ Клушин, Александр Иванович (1763—1804) — писатель, переводчик, журналист; сотрудник И. А. Крылова, И. А. Дмитриевского, П. А. Плавильщикова; соиздатель «Зрителя» и «Санктпетербургского Меркурия» (а не «Российского», как ошибочно сообщает Болотов).

¹⁶⁸ Речь идет об Иване Петровиче Алексееве (ум. в 1800—1803 гг.) — московском священнике, авторе первой русской энциклопедии: Пространное поле, обработанное и плодотворное, или Всеобщий исторический оригинальный словарь, из наилучших авторов, как российских, так и иностранных, выбранный, сочиненный, и по азбучным словам расположенный священником Иоанном Алексеевым. Т. 1—2. М., 1793—1794.

¹⁶⁹ Имеется в виду карамзинский перевод книги Жермсны де Сталь «Миллиа» (М., 1796).

¹⁷⁰ Потемкин, Павел Сергеевич (1743—1796) — государственный деятель и писатель. В 1784—1788 гг. был саратовским и кавказским генерал-губернатором; через 10 лет был обвинен в соучастии в убийстве и ограблении персидского принца Идент-Хана. Умер под следствием. Рукописный «Глас невинности», сочиненный Потемкиным в ответ на обвинения, пользовался широкой популярностью. Напечатан в «Русском архиве», 1870, т. III.

^{170a} Ошибка Болотова. Может иметься в виду: 1) державинская ода «Бог» (1784; напечатана в «Собеседнике любителей русского слова»,

ч. XIII и отдельной книжкой в 1792 г.) 2) ода А. И. Клушина «Человек»; опубликована в «Санктпетербургском Меркурии» (1793, апрель); приписана Державину в собрании его сочинений издания Смирдина (ч. I—II, Спб., 1847) вслед за «Одесским Альманахом на 1831 год».

¹⁷¹ Сведений о названном Болотовым сочинении обнаружить не удалось.

¹⁷² Сведений о названном Болотовым сочинении обнаружить не удалось.

¹⁷³ Имеется в виду: Сувороида, поэма героическая. Творения Иринарха Завалишина, Фанагорийского гранадерского полку подполковника. Сочинена в Варшаве в 1795 году. Спб., 1796. Завалишин, Иринарх Иванович (1770—1821) — поэт и переводчик, крупный военный деятель, отец декабристов.

¹⁷⁴ Ниже Блок аннотирует II—IV тт. «Русской старины» за 1870—1871 гг.

¹⁷⁵ В своей «Записке» В. Н. Каразин (1773—1842), не упоминая имени Вольтера, выступает против энциклопедистов, считая, что они в дурную сторону повлияли на образ мыслей европейских государей, в том числе и Александра I. В частности, с точки зрения Каразина, защищающего институт дворянства, вредно их отрицание аристократии. «Записка» опубликована в т. II—III «Русской старины». Блока заинтересовала ее антипросветительская направленность.

¹⁷⁶ См. ниже, с. 98—99, конспект записок Добрынина. Там Блок исправляет ошибочно приведенную в «Русской старине» дату его смерти (1827 на 1824).

¹⁷⁷ О повреждении нравов в России. Записки князя М. М. Щербатова. — «Русская старина», 1870, т. I, № 2, 1871, т. III, № 6 (начало публикации не учтено Блоком).

¹⁷⁸ Блок ссылается на оглавление в конце II тома, где кратко пересказывается содержание всех писем, в том числе и письма 101.

¹⁷⁹ Телематология — учение о природе и действии воли. Блок имеет в виду слова Болотова о том, как с помощью «изящной Крузневой философии» и особенно «новой его науки телематологии» он преодолел несчастную любовь (II, 431). Болотову принадлежал рукописный перевод книги Крузния «Нравоучения, как жить благоразумно или Телематология или наука о силах и свойствах человеческой воли».

¹⁸⁰ Детская философия, или Нравоучительные разговоры между одною госпожою и ея детьми. Ч. I—II. М., 1776—1779. Начало работы Болотова над этим сочинением относится к описываемому времени.

¹⁸¹ Речь идет о книге: J.-M. Leprince de Beaumont. Magasin des enfants, ou Dialogues entre un sage gouvernante et plusieurs de ses élèves (1757). Русский перевод: Детское училище или Нравоучительные разговоры между разумною учительницею и знатными разных лет ученицами сочиненное госпожою Ле Пренсь де Бомонт. Перевел П. С. Свистунов. Ч. I—4. Спб., 1761—1767. Перевод выдержал ряд изданий.

¹⁸² Т. е., стереоскопу, собственноручно сделанному Болотовым.

¹⁸³ Речь идет о «Манифесте о генеральном размежевании земель» (19 сентября 1765 г.).

¹⁸⁴ Писарев, Иван Тимофеевич — помещик, друг Болотова. На ст. 607—608 II-го тома рассказывается о душевной болезни и самоубийстве Писарева.

¹⁸⁵ Что имеет в виду Блок — неясно. В мемуарах Болотова обнаружить соответствия не удалось.

¹⁸⁶ Имеется в виду рассказ Болотова о грушевом дереве, разбитом молнией, из корней которого выросло множество молодых груш, одну из которых мемуарист назвал, в память своей матери. «Мавринькой» (II, 672—673). Этот эпизод Блок использует в своей рецензии на монографию А. Н. Веселовского (Собр. соч. в 8-ми тт., V, 573).

¹⁸⁷ См. об этой выписке в нашей статье, с. 40—41.

¹⁸⁸ Имеется в виду рассказ Болотова об охоте на стадо гусей. После долгой беготни был изловлен гусь, которого охотники считали подранком,

т. к. он не летел, а бежал за другими гусями; гусь же оказался домашним (II, 700—701).

¹⁸⁹ С книгами из библиотеки Блока, в том числе и с «Записками» Болотова, хранящимися в библиотеке ИРЛИ (Пушкинский дом), мы не имели возможности познакомиться. Характеристику этих маргиналий Блока см.: Описание библиотеки А. А. Блока. Составители Н. А. Колобова и О. В. Миллер. Л., 1980 (в печати).

¹⁹⁰ Ср. с записью на с. 79.

¹⁹¹ Речь идет о 16 загадках, придуманных Болотовым к святкам и помещенных в 156 письме.

¹⁹² Т. е., письма 169 и 170. Вероятно, Блока интересует список прочитанных и переведенных Болотовым книг, упомянутых в этих письмах (ср. с. 79).

¹⁹³ Идею Блока о «догматизме» как основной черте характера Болотова см. с. 83. Ср. также запись в записной книжке 1904 г. (Собр. соч. в 8-и тт., IX, с. 66).

¹⁹⁴ Бецкой, Иван Иванович (1704—1795) — государственный и общественный деятель. Вероятно, Блок, следуя концепциям законспектированных им источников (Щепкина, Чечулин), предполагал противопоставить деятельность Бецкого, осуществлявшего правительственную программу школьного образования, истинной культурно-просветительской деятельности Новикова.

¹⁹⁵ Метод «красы, среды и момента» — основан на положении, по которому основные черты произведения искусства объясняются психологией художника, которая является частным случаем выражения общественной психологии; последняя же, в свою очередь, определяется тремя условиями: расой (врожденными национальными особенностями), средой (климатом и социально-политическими обстоятельствами), и историческим моментом (влиянием традиций). Методика культурно-исторической школы, к которой принадлежал и Шляпкин, оказала существенное влияние на филологические шутки Блока.

¹⁹⁶ Продолжение мемуаров Болотова печаталось в «Русской старине» (1889, т. LXII и LXIV и 1895, т. LXXXIV). Вероятно, Блока заинтересовала и публикация «Любопытные и достопамятные деяния и анекдоты государя императора Павла Петровича (Из Записок Болотова)» — «Русский архив», 1864, № 1—3, 5—8.

¹⁹⁷ Конспект рассуждения Ключевского о том, что поверхностное чтение и вольтеризанство порождают анемию нравственного чувства, несовместимую с понятием «истинной культуры». Блок не относит к деятелям «истинной культуры» и Болотова, но по другим причинам, что и отмечает в своем конспекте.

¹⁹⁸ Прямого сопоставления борьбы Новикова с галломанией и издания «Древней российской вивлиофики» у Ключевского нет. Оно принадлежит Блоку.

^{198a} М. М. Щербатов. Письмо к вельможам — правителям государства.

¹⁹⁹ Записки Порошина, служащие к истории <...> Государя Павла Петровича. Незеленов ссылается на издание 1844 г.

²⁰⁰ Записки гр. Сегюра о его пребывании в России в царствование Екатерины II. Перевод с французского. Спб., 1865.

²⁰¹ А. М. Грибовский. Воспоминания и дневники. Незеленов ссылается на издание 1864 г.

²⁰² Блок имеет в виду приведенную у Незеленова (с. 5) цитату из «Записок» Н. С. Селивановского («Библиографические записки», 1858, № 17): «В ту пору книга была нечто пустое, неважное, и еще не думали, что она может быть вредна».

²⁰³ Записки С. П. Жихарева. Ч. I. Дневник студента. Спб., 1859, с. 388—390.

²⁰⁴ Сопоставление Фонвизина и Державина, непрофессионально относящихся к литературе, принадлежит Блоку.

^{204a} См. об этом с. 45—47, 47—48.

²⁰⁵ Здесь и ниже Блок выписывает приведенные Пыпиным шифры рукописей в Публичной библиотеке.

²⁰⁶ Гермес Трисмегист — вымышленный автор теософского учения, изложенного в нескольких книгах и отрывках египетско-греческого происхождения, известных под его именем (герметические книги). Учение Гермеса Трисмегиста было популярно у средневековых алхимиков, а затем в масонстве.

²⁰⁷ Н. С. Тихонравов. «Опыт исторического словаря о российских писателях» Новикова. Рецензия на кн.: Материалы для истории русской литературы. Изд. П. А. Ефремова. Спб., 1867. — «Отечественные записки», 1867, № 10 (Блок ошибочно указывает № 5), а также в кн.: Н. С. Тихонравов. Сочинения. Т. III, ч. II, М., 1898.

²⁰⁸ Ошибка Блока. Рецензия Майкова помещена в ЖМНП, 1867, № 7.

²⁰⁹ Отражение работы Блока над сочинением в записных книжках см. в нашей статье, с. 37—38, 56. Списков литературы в сохранившихся записных книжках 1904 г. нет.

²¹⁰ См. эту книгу в блоковской библиографии (с. 78). Блок цитирует Фиделя по Петровскому, с. 126.

^{210a} Андерсон, Яков (Anderson, 1680? — 1739) — пресвитерианский священник и проповедник; писатель; масон. «Книга Конституций» («The Constitutions of the Free Masons...») вышла в Лондоне в 1723 г.

²¹¹ Рамзей, Андре Мишель (Ramsay, 1686—1743) — французский писатель, друг Фенелона; видный масонский деятель.

²¹² Штарк, Иоган Август (Starck, 1741—1816) — немецкий теолог и историк.

²¹³ Петровский, с. 368: ««Magus magorum», пишет в своем дневнике неизвестный розенкрейцер, «видит Христа, как я его»».

²¹⁴ Елагин, Иван Перфильевич (1725—1794) — поэт, драматург, переводчик; директор петербургских театров; основатель первых масонских лож в России. Блок цитирует Елагина по Петровскому, с. 145.

²¹⁵ Гедеон Криновский (Ричковский; 1726—1763) — епископ Псковский, архимандрит Троицкой лавры; собрание его проповедей выдержало три издания (1754—56; 1760; 1855).

^{215a} Блок цитирует по Петровскому (с. 146), где это цитаты из анонимного стихотворения, а не слова раскольников.

²¹⁶ Мусин-Пушкин, Алексей Иванович (1744—1817) — государственный деятель; археолог и собиратель рукописей, открывший «Слово о полку Игореве».

²¹⁷ Т. е., системы масонства.

²¹⁸ Мелиссино, Иван Иванович (1718—1795) — директор Московского университета, обер-прокурор Синода.

²¹⁹ Блок цитирует слова Новикова по Петровскому, с. 154. Ср. эту фразу и в конспекте книги Незеленова «Литературные направления...», с. 65 наст. публ.

²²⁰ См. об этой книге и авторе ниже, в блоковских выписках из журнала «Книговедение», с. 92, № 2.

²²¹ Рейхель, фон А. — гвардейский генерал-аудитор, крупный деятель русского масонства.

²²² Т. е. Рейхеля.

²²³ Блок цитирует Новикова по Петровскому, с. 157.

²²⁴ Куракин, Александр Борисович (1752—1818) — оберштадтмейстер, сенатор, фаворит Павла I.

²²⁵ Блок имеет в виду следующее место из статьи Петровского: «Он <Шварц — И. В., М. Г., К. К.> был преимущественно теоретиком, и его воззрения служили законом для братьев. Магические слова «Magister

dixit» подавляли всякое недоумение и оканчивали все споры между московскими масонами» (Петровский, с. 353).

²²⁶ Блок имеет в виду следующее место из статьи Петровского: «Новиков, в своем письме резко осуждал «понятия о малых капитулах, о великих капитулах, о братьях фиолетовой ленты, о магистрах храма, о клерикате» и т. п. «Фиолетовая лента», писал он, «может служить только знаком отличных познаний, а не существом оных»» (Петровский, с. 357).

²²⁷ Автор рукописи — Карл Лисснер.

²²⁸ Лефорт, Франц Яковлевич (1656—1699) — крупный государственный деятель, сподвижник Петра I.

²²⁹ Речь идет о Якове Виллимовиче Брюсе (1670—1735), генерал-фельдмаршале и авторе известного календаря. В изложенной ниже легенде (см. прим. 230) он спутан со своим братом Романом, который умер еще при жизни Петра I, в 1720 г.

²³⁰ Имеется в виду следующее место из публикации Иваниной: «...находясь на смертном одре, Брюс просил Петра Великого, что в случае того, если император найдет, что жизнь его еще может быть полезна, то чтобы император приказал, когда он скончается, натирать его одною из составленных им жидкостей, и когда это было исполнено, то жидкость эта оказала такое действие на умершего Брюса, что он начал приходить в чувство и владеть языком» (Иванина, 534).

²³¹ В примечаниях Иванина помещает еще ряд документов из архива Лисснера. Далее в конспектах Блока идет опущенный нами фрагмент: «Старые основные законы...», вошедший в опубликованный черновой вариант кандидатского сочинения (Собр. соч. в 12-и т. т., XI, 51).

²³² Настоящие записи представляют собой систематизированные материалы, касающиеся круга чтения Болотова. См. комм. 6, 7, 13, 25, 26, 45, 37, 47, 106.

²³³ Отсылка к плану сочинения (с. 83 наст. публ.)

²³⁴ Куно (Cunus), Иоганн Христиан (1708—1780) — немецкий поэт и ботаник. Блок приводит цитату из его поэмы «Moralische Briefe» (1747), которую любил Болотов.

²³⁵ Записка о Н. И. Новикове историографа Н. М. Карамзина, написанная для императора Александра I 20-го декабря 1818 г. — «Книговедение», 1894, ч. 4, № V—VI.

²³⁶ Даты жизни: 1707—1773.

²³⁷ Книга немецкого теолога Иогана Арндта (Arndt; 1555—1620) «Wahren Christenthums» (1609).

²³⁸ Начиная с IV т. столбик страниц смещен у Блока относительно столбца томов.

²³⁹ Ссылка на статью Петровского «Очерки из истории русского масонства в XVIII веке». На с. 356 говорится об открытии в 1780 г. ложи «Гармония» и перечисляются ее члены. Ср. с предыдущей записью и конспектом статьи Петровского под 1780 г. (с. 90 наст. изд.).

²⁴⁰ Имеются в виду разговоры об издании «Экономического магазина» и возможном переводе Болотовым книги «духовной, немецкой, сочинения славного г. Тидена...», содержащей «в себе вечерние размышления на каждый день года» (III, 925—926).

²⁴¹ Теден (Theden) Иоганн Христиан (1714—1797) — врач, писатель, масон системы «строгого наблюдения», немецкий «руководитель» новиковского кружка.

²⁴² Болотов отказался от перевода книги Тедена и договорился о печатании собственных «утренних и вечерних набожных размышлений» (т. е.: Чувствования Христианина, при начале и конце каждого дня в неделе, относящиеся к самому себе и к Богу. М., 1781).

²⁴³ У Болотова разговор датируется 18 января.

²⁴⁴ Имеется в виду сделанный Болотовым перевод немецкого романа: Адам Бевийс. Генриетта, или Гусарское похищение, приключения проис-

ходившие во время недавно бывшей последней войны у пруссаков с цесарцами... Ч. I—III, М., 1782.

²⁴⁵ Проповедь немецкого богослова эпохи Просвещения Иерузалема Иоганна Фридриха Вильгельма (1709—1789) «Безумие идущих против воли Божией и неверующих его провидения» была опубликована во II части «Московского ежемесячного издания» за 1781 г.

²⁴⁶ С. В. Ешевский. Московские масоны восьмидесятих годов прошедшего столетия 1780—1789. См. описание этой статьи в списке литературы (с. 74). Страница указана неверно; нужно: 401.

²⁴⁷ Блок ссылается на полемический фрагмент статьи Ешевского (см. предыд. прим.), где автор развивает мысль о том, что «лекции Шварца могли служить лучшим приготовлением к масонству» (с. 393). Ешевский полемизирует с мнением Тихонравова о том, что «в чтениях Шварца не было ничего подобного и быть не могло, потому что масонство всегда составляло тайну» (Н. С. Тихонравов. К истории Московского университета. IV. Профессор И. Г. Шварц, с. 75; см. прим. 127).

²⁴⁸ Имеется в виду: И. М. Геце. Рассуждения о начале и конце внешнего и о состоянии будущего мира. Пер. с немецкого А. Т. Болотов. М., 1783.

²⁴⁹ Книга вышла под названием: Путеводитель к истинному человеческому счастью или Опыт нравоучительных и отчасти философических рассуждений о благочестии человеческой жизни и о средствах приобретения оного. Ч. I—III, 1784.

²⁵⁰ Болотов остерегался масонских знакомств, боясь быть втянутым в орден (ср. III, 1134).

²⁵¹ Ирония Блока по поводу слов Болотова: «Но как услышал я от него <племянника Новикова А. И. Хрушева — И. В., М. Г., К. К.> некоторые неприятные вести о дяде, и что оный угрожаем был великим несчастьем, то и сие меня озаботило и смутило; я опасался, чтобы не пропали оставшиеся еще на нем за журнал мои деньги и чтоб не пресеклось чрез то самое издание оного» (IV, 193).

²⁵² Имеется в виду посещение Болотова Новиковым.

²⁵³ См. комм. 249.

²⁵⁴ Левшин, Василий Александрович (1746—1826) — писатель и переводчик, сотрудник Новикова, секретарь Вольного экономического общества.

²⁵⁵ Х. Ф. Гермерсгаузен. Хозяин и хозяйка, или Должности господина и госпожи во всех видах и всех частях, до домоводства относящихся. Сочинение в систематическом порядке и XII частях состоящее <...> С немецкого языка переведено Василием Левшиным. Ч. I—8. М., 1789.

²⁵⁶ Ключарев, Федор Петрович (1751—1822) — поэт, драматург; масон, сотрудник Новикова.

²⁵⁷ В скобках ремарка Блока.

²⁵⁸ См. этот источник в библиографии Блока, с. 74 наст. изд.

^{258a} Стасюлевич, Михаил Матвеевич (1826—1911) — основатель и издатель журнала «Вестник Европы», владелец типографии. Выходили многочисленные каталоги книжного склада типографии и магазина М. М. Стасюлевича. Видел ли Блок книгу на складе или нашел ее в одном из многочисленных каталогов, не совсем ясно. Экземпляр книги 1766 года есть в ГБЛ.

²⁵⁹ Клочков, В. И. — владелец антикварного книжного магазина в Петербурге. Возможно, Блок нашел описание этой книги в одном из выпусков каталогов этого магазина (всего их вышло к концу 1904 г. 380); несколько экземпляров этой книги есть в ГИБ.

²⁶⁰ Имеется в виду рассказ Добрынина о выносе по повелению архиерея из Кромской соборной церкви женской деревянной скульптуры, которую верующие почитали как святую Пятницу.

²⁶¹ На ст. 270 Добрынин формулирует свои требования к художественному и документальному повествованию: понятность, ясность, полезность.

²⁶² Добрынин иронизирует над французоманией помещика О. П. Тютчева, в доме которого ему довелось побывать (III, 412—413).

²⁶³ Блока интересует круг чтения Добрынина в сравнении с болотовским. Тредиаковский у Добрынина выступает как переводчик «Истории» Ш. Роллена. Особенно высоко Добрынин оценивает сочинения Лессажа, Вольтера и Монтескье; они, по словам мемуариста, «суть явления, отвергающие умственный глаз подобных им человеков, и оживотворяющие ощутительно душу мыслящего существа» (III, 603).

²⁶⁴ Имеется в виду анонимное стихотворение по поводу предполагавшихся финансовых злоупотреблений княгини Дашковой на посту директора Российской Академии.

²⁶⁵ Имеется в виду следующее место из «Записок» Добрынина: «Славный, но больше того известной Жан-Жак Руссо, в книге исповеди своей, показал свою откровенность, даже до таких своих действий, которые ни ему, ни читателям ни к чему не служат, кроме соблазна; а наш почтенный Фон-Визин, по-видимому, из подражания Жан-Жаку, назвав одну из своих сочинений «исповедью» исповедывается, что «он сочинил оперу, и для прочтения оной представлен был к государыне императрице Екатерине II»; как будто это такой грех, который стоит больше исповеди, нежели фастовства. Для чего же и мне не подражать сим славным людям? Стану и я исповедоваться, с тем только от них различием, что моя исповедь действительно во грехе, а не в празднословии соблазнительном Жан-Жака Руссо и не в фастовстве — Фон-Визина» (IV, 313—314).

²⁶⁶ Имеется в виду введенная в мемуары Добрынина пародия перифрастического поэтического стиля: «Несчастье, которое стихотворцы стали бы изъяснять: взошла мрачная туча и среди-дневной свет покрыла ночьюю <...> а довольно сказать: умерла государыня императрица Екатерина II» (IV, 326—327). На столбце 327 Добрынин сообщает о смерти Павла одной лаконичной фразой: «Павел I скончался 1801 г. в марте месяце».

А. БЛОК В ПОЛЕМИКЕ С МЕРЕЖКОВСКИМИ

З. Г. Минц

7 января 1919 г. Александр Блок, обдумывая свой путь поэта, записал в дневнике: «Вот — я — до 1917 года, путь среди революций; *верный* путь». * Путь поэта «среди революций» был сложен. Однако сквозь все сложности и противоречия, которых так много в поэзии и личности Блока, протянута как бы тугая струна: от уюта — на холод, от эстетизма — к поэзии как суровому долгу, к убеждению, что писатели «должны играть роль тончайших и главнейших органов ее <родины. — З. М.> чувств» (5, 444). Это был путь к демократии, к «миллионам» «бедных рук» и «исстрадавшихся глаз». На этом пути Блоку приходилось рвать много кровных связей. Но и здесь был главный и вечный противник, в отношении к которому Блок, пожалуй, не испытывал колебаний. Противник этот был — сытый либерализм, глухое к трагедиям жизни доктринерство. Изучение этой стороны творчества Блока — актуально и необходимо.

В последние годы значительно активизировалось изучение истории русского либерализма и консервативных общественных тенденций между первой и второй русскими революциями. Ряд объемистых трудов появился за границей¹. Советские авторы этому вопросу уделяют, к сожалению, значительно меньше внимания. В появившихся, однако, пока еще немногочисленных, работах советские историки исходят из учения В. И. Ленина об «исторических этапах поворота русской либеральной буржуазии от демократии к защите реакции». В работах ряда зарубежных авторов проводится противоположная мысль — о ведущей роли либерализма в прогрессивном общественном движении XX века. Спор этот имеет прямое отношение к творческой биографии Блока. Путь Блока к демократии пролегал через многочисленные «разрывы». Среди них особое место занимает полная драматизма история разрыва

* Александр Блок. Собрание сочинений в 8 тт. Т. 7. М.—Л., ГИХЛ, 1963, с. 355. Ниже все ссылки на это издание — в тексте, с указанием тома и страницы.

Блока с Мережковскими. Отношения их в советской литературе о Блоке почти не освещены, что дает основание некоторым зарубежным авторам тенденциозно изображать историю этих отношений в идиллическом свете, представляя связи Блока с кругом Мережковских чуть не основным фактором его поэтической судьбы, а конечный разрыв — как событие случайное и малозначительное².

Задача настоящей работы — во всеоружии фактов восстановить историческую истину отношений Блока с Мережковскими как отношений идейной борьбы. Внутренняя напряженность этой борьбы связана с тем, что разрыв здесь в значительной мере был уходом, уходом из родного и привычного мира, с которым поэт был связан многими нитями.

Разрыв Блока с Мережковскими, в конечном итоге, шел по линии главного водораздела, по которому раскололась русская интеллигенция между двумя революциями. Мережковские принадлежали к тем, кто, по словам В. И. Ленина, «боятся движения масс *более*, чем реакции», Блок же видел в движении масс ту музыкальную стихию истории, которая призвана спасти Россию. «Двенадцать» не были случайным эпизодом творческого пути поэта. Они были его закономерным итогом.

Восстановить полную картину отношений Блока и Мережковских невозможно, не обращаясь к материалам их переписки. Авторитетный исследователь эпистолярного наследия Блока В. Н. Орлов отмечает, что переписка Блока с Мережковскими «касалась важных литературно-общественных вопросов <...>, по которым у корреспондентов возникали споры и разногласия»³. Разумеется, первостепенно важными для нас являются письма Блока, *его* позиция в идейном диалоге. Однако, поскольку «до нас дошли только черновики самых ранних писем, сохранившиеся в составе юношеского дневника Блока (1902 г.), и черновик знаменитого письма от 31 (18) мая 1918 г.»⁴, то особый интерес приобретают письма З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского и Д. В. Filosofova к Блоку. По ним можно зачастую довольно точно реконструировать содержание (а иногда — по цитатам — и стиль) блоковских писем. Испещренность писем Гиппиус цитатами из писем Блока, его «словечками», заставляет нас стремиться цитировать их как можно полнее.

Материал переписки важен не только тогда, когда в ней прямо обсуждаются важные литературно-общественные проблемы. Порой значимы для реконструкции отношений и, казалось бы, мелкие и малозначительные записочки. Таковы, например, краткие письма З. Г. Гиппиус 1902—03 годов, через которые недвусмысленно раскрывается картина первых (пока не удавшихся) попыток Блока «убеждать» от воздействий «петербургских мистиков», найти свои пути в жизни и искусстве. Наконец,

все письма Мережковских, адресованные Блоку, весьма существенны для построения его полной научной биографии, и публикация их — важный материал для готовящейся сейчас «Летописи жизни и творчества Блока».

В сложном творческом пути Блока, — пути, в котором сам поэт считал наиболее художественно и нравственно ценным именно движение, развитие¹, — особую роль сыграли его схождения и отталкивания от ближайшего — символистского — литературного окружения. На фоне детально прослеженного в советской науке «сюжета» взаимоотношений Блока и Андрея Белого², все чаще привлекающих внимание исследователей тем «Блок и Брюсов»³, «Блок и Вячеслав Иванов»⁴ и др.⁵, бросается в глаза огромное «белое пятно» — почти полная неизученность биографических и творческих контактов Блока и Мережковских. Замечания к этой теме либо связаны с комментированием отдельных блоковских текстов⁶, либо констатируют лишь самые общие особенности «пути» поэта (в юности «был связан», а потом «преодолеl воздействия» и после Октября «окончательно порвал» с Мережковскими). Выраженная в последнем случае формула столь же бесспорна, сколько и лишена конкретно-исторического и культурного содержания. В чем и когда проявлялись тяготения Блока к Д. С. Мережковскому и З. Н. Гиппиус? Когда началось преодоление их влияний, и в чем оно выразилось? Какую роль сыграли в творчестве Блока и как в нем отразились сложные перипетии отношений поэта с «петербургскими мистиками»? — Все эти вопросы, по сути, до сих пор остаются безответными. Только в книге В. Н. Орлова «Гамаюн» освещены некоторые эпизоды из истории связей Блока с Мережковскими⁷, но они касаются лишь самого раннего периода взаимоотношений и — в соответствии с общим характером работы — лишь биографических их аспектов.

Между тем, супруги Мережковские были первыми «мэтрами» русского символизма, с которыми Блок познакомился и в доме которых стал бывать регулярно, и последними видными представителями «нового искусства», с которыми он продолжал встречаться (несмотря на многочисленные попытки разрывов) до Октябрьской революции. Окончательный разрыв с Мережковскими в 1918 г. сам Блок склонен был считать событием большой важности, имеющим далеко не только личный, но и общий, символический, смысл. Можно утверждать с полной ответственностью, что значение предлагаемой темы и очень велико, и не определимо вне эволюции общемировоззренческих, литературных и личных связей Блока и супругов Мережковских.

Блок знакомится с Мережковскими в 1902 году, однако, воздействие их творчества он испытал значительно раньше. Почти все, что было связано у Блока периода «Стихов о Прекрасной Даме» со стремлением понять и сформулировать свою творческую программу, в большой степени определено критическими воззрениями автора брошюры «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1892) и историософией «Толстого и Достоевского» и трилогии Мережковского. Разумеется, широко известный факт пребывания Блока 1900—1902 гг. «под знаком» Вл. Соловьева этим утверждением ничуть не колеблется. Но (что тоже хорошо известно) Вл. Соловьев Блока потряс прежде всего как поэт, певец «Вечной Женственности». Блок пытается читать философские сочинения этого «гиганта» (7, 23), но с трудом пробирается сквозь умозрительные построения Соловьева и (вначале, видимо, не сознаваясь в этом даже себе) скучает над его «собранием сочинений». Критические и художественные произведения Д. С. Мережковского Блок начала XX века первоначально воспринимает как раскрытие идей Вл. Соловьева. Несколько позже он почувствует и другую сторону дела: то, что Мережковский — популяризатор и схематизатор соловьевства, а затем увидит и существенные отличия философии Соловьева от ее интерпретаций Мережковским, испытавшим в 1890-х гг. воздействия Ницше и декадентского миропонимания и эстетики. Вместе с тем очевидно, что там, где речь идет не о лирике, а о попытках осознать собственное эстетическое credo, идеи Мережковского, облеченные в типичную для символистского панэстетизма форму «искусства об искусстве», «поэзии поэзии», оказываются для Блока более близкими и попросту зачастую более понятными, чем рассуждения Вл. Соловьева. Не случайно первый (оставшийся незавершенным) набросок блоковской статьи о русской поэзии (декабрь 1901 — январь 1902) насквозь «прошит» цитатами и реминисценциями из Мережковского, пересказами его идей. Мережковский становится для Блока важнейшим посредником при осмыслении философской стороны «соловьёвской» (младосимволистской) лирики.

Тем не менее личное знакомство Блока с «петербургскими мистиками» затягивается и происходит тогда, когда апогей его восторженного преклонения перед «Девой Радужных ворот» (лето 1901 года) уже пройден и появляются первые «кошунственные» сомнения в достижимости высокого идеала. Это, как мы увидим, наложит существенный отпечаток на отношение Блока к Мережковским и Мережковским к поэту.

И все же, знакомясь с Мережковскими 26 марта 1902 года, Блок продолжал еще воспринимать их как самых близких себе

символистов-мистиков, борющихся и с «позитивизмом», и с «декадентством», как верных учеников Вл. Соловьева и своих учителей. Летом 1901 года поэт называет своей невесте «Вечных спутников» Мережковского в числе «заветнейших книг» русского символизма.⁸ Весной 1902 г. он стремится, сразу же по выходе «Толстого и Достоевского», прочесть эту монографию («Прочесть Мережковского о Толстом и Достоевском. Очень мне бы важно» 7, 45), а в процессе чтения очень высоко оценивает (ср. запись от 28 июля 1902 г.: «Читаю талантливейшего господина Мережковского» — 7, 53). С Мережковским связаны у Блока, прежде всего, напряженные мысли о необходимости подчинить творчество религии: «Да неужели же и я подхожу к отрицанию чистоты искусства, к неумолимому его переходу в религию. Эту склонность ощущал я (только не мог формулировать, а Бугаев, Д. Мережковский и З. Гиппиус вскрыли) давно <...> Что ж, расплывусь в Боге, разольюсь в мире и буду во всем тревожить Ее сны» (весна 1902 г.; 7, 44—45). Решение это, как видно из тона записи, одновременно удивленного («Да неужели же...») и покорного («Что ж...»), далось Блоку нелегко, но он все же утверждает правоту требований «петербургских мистиков». Следует отметить, что требование служить идеалам религии было первой захватившей Блока-поэта идеей *искусства как служения*. Оно включало такие важнейшие для него понятия, как долг, цель — понятия, остававшиеся основными на всех этапах эволюции Блока, — и в этом смысле оказалось важной вехой блоковского пути.

Другой круг размышлений связан у Блока с идеей «двух бездн» («Толстой и Достоевский») и с трактовкой Мережковским соловьевских представлений о «синтезе», с мыслями о «реабилитации плоти». По Мережковскому, «расколотость» и несовершенство земного бытия проявляются в вечном единоборстве «бездны тела» («антихристовой» бездуховной материальности, чувственности, разврата) и «бездны духа» (аскетической морали отречения от земного, воплощенной, прежде всего, в «историческом христианстве» средневековья). Взятая в своей отдельности, исключительности, каждая «бездна» гибельна, но как часть грядущего «синтеза» духа и плоти, «небесного» и «земного» она содержит элемент реализуемой в будущем «святости» (таковы языческое поклонение Красоте и христианская устремленность к Добру). История человечества в целом и каждой отдельной личности предстают, с одной стороны, как борьба «Антихриста» («бездны тела») и односторонне понятого христианства (влекущего в «бездны духа»), с другой, — как бесконечно разлитая в мире жажда «синтеза». На путях человечества и человека лежит множество соблазнов «ложных синтезов», оказывающихся скрытой победой одной из «бездн», но Мережковский с позиций «третьего завета», «Иоаннова еван-

гелия» (апокалипсиса) чаёт в близком будущем конца исторического процесса и сотворения подлинно «синтетического» бытия — «царства Божия на земле», «новой земли и нового неба».

Читая «Толстого и Достоевского», Блок замечает: «Вижу и понимаю, что надо побережь свою плоть. Скоро она пригодится. «Отречение от крайностей мистицизма» (мое) не столь просто. Это шаг не назад, а вперед...» — 7, 53). И здесь навеянные Мережковским размышления оказываются безусловно плодотворными для Блока. Блоковская интерпретация «плоти» (реальности, земной жизни) впоследствии далеко уведет его от Мережковского, но сыграет важную роль в его эволюции к темам «горестной земли».

Но ближе всего раннему Блоку, конечно, Мережковский-художник, в первую очередь — прозаик, автор трилогии «Христос и Антихрист». «Юлиан Отступник» и «Леонардо да Винчи», видимо, прочтены им уже в конце 1890-х — нач. 1900-х гг.⁹, «Петр и Алексей» — во время создания романа и сразу по выходе (8, 47—48). В последней части трилогии Блок мог найти, кроме центральных для Мережковского уже названных мыслей о «синтезе», чуть ли не «энциклопедию» тем, мучивших его не только в начале 1900-х гг., но и значительно позже: образ России, ее исторических судеб, самобытности и связей с Западом; интерес к народным движениям (старообрядчество, сектанты), экзистенциальное пророчество о конце мира, красной нитью проходящее через весь роман (от старообрядческих легенд и «знамения» — кометы, увиденной правдоискателем Тихоном в детстве, до финального: «Осанна! Антихриста победит Христос») ¹⁰. Столь же значим для Блока и созданный в трилогии образ Петра I (воспринятый поэтом как связующее звено между пушкинским «Медным всадником» и петровской темой у символистов), особенно — сложное сочетание в нем черт жестокости и исторически неизбежной активности «нищенской» сильной личности, гениального «демиурга» новой России ¹¹. Двойственность образа Петра и послепетровской Руси отразится и в неоконченной «Петербургской поэме» (1904) Блока, и в его лирике и драматургии («Король на площади», 1906) 1904—06 гг.

Не могла не привлечь блоковского внимания в романе Мережковского и линия царевича Алексея и его любовницы Ефросиньи (Апроськи). В ней звучат и мотивы «святой плоти», и отождествление возлюбленной с Венерой (ср. у Блока: «И мнилась мне Российская Венера...» — 1, 91), и — с годами все разрастающаяся в блоковском сознании — тема отношений народа (зачастую воплощенного в женском образе) и интеллигенции (сложно связанной с образом лирического «я»). «Демо-

нический» образ красавицы Ефросиньи, загадочной и пошлой одновременно, истолкование ее жестокого предательства как мести, выходящей из рамок личного и отразившей вековую ненависть крестьянки к «барину», — все это связано с представлениями о народе, которые у Блока выйдут на поверхность лишь к середине 1900-х гг.

Наконец, трилогия (как в силу особенностей жанра, его новизны, так, возможно, и из-за некоторой художественной незрелости) ярко демонстрирует, почти иллюстрирует новые принципы символообразования становящегося искусства¹² (подчеркивание «тайного» сходства между героями и ситуациями всех частей трилогии, отчего одни образы оказываются символами других; соотношение изображаемого с разнообразными мифами и приравненными им художественными и историческими текстами, становящимися как бы «ключами» к раскрытию глубинного смысла произведения, поэтика цитат, лейтмотивные повторы и т. д.). Эти — и многие другие — особенности трилогии не раз отзовутся в позднейшем блоковском творчестве.

Кроме того, юный Блок, видимо, хорошо знает и Мережковского-поэта (в основном, его лирику и поэмы 1890-х гг.). Тексты Мережковского и З. Гиппиус Блок еще в конце 1890-х гг. включает в свой репертуар декламатора. В блоковской папке «Моя декламация» сохранились сделанные Блоком в конце XIX — нач. XX вв. списки стихотворений Д. С. Мережковского «Безымянные цветы», «Мать», «Соренто», «И вновь как в первый день творенья...», а также двух переводов Мережковского из Петрарки — сонетов «О красоте твоей молчать стыжусь, Мадонна...» и «Лукавый бог любви, я вновь в твоей темнице...»¹³ Отзвуки образов поэзии Мережковского, ее интонаций, ритмов, рифмовки и т. д. будут долго жить в блоковском сознании, порой, вероятно, даже неосознанно¹⁴, но с годами не стираясь, а, напротив, становясь все более идейно значимыми и зачастую превращаясь в объект художественной полемики.

Высоко ценит Блок 1900—02 гг. и творчество З. Н. Гиппиус. В поздних автобиографических заметках (30/17 августа 1918 г.) он выделит рассказ Гиппиус «Зеркала» в числе важных впечатлений своей юности (7, 342). Мотив «зеркальности» отразится и в беседах с Любовью Дмитриевной летом 1901 г., и, как справедливо отметил В. Н. Орлов, в стихотворении «Пытался сердцем отдохнуть я...» (1902; ср.: ЗК, 35 и 41). В упоминавшейся папке «Моя декламация» хранятся и списанные Блоком стихотворения З. Н. Гиппиус «Крик» (1896), «Осень», «Вечер», «Молитва» (1896), «Любовь — одна» и выписанное из альманаха «Десница» (1900) стихотворение «Порой всему, как дети, люди рады...»¹⁵. Блок высоко оценивает поэзию Гиппиус: списывает для себя стих. «Электричество» (ЗК, 26), использует ее произведения при подготовке статьи о русской поэзии (см.:

ЗК, 27), а 12 декабря 1903 г. уже после многих разочарований в «Зиночке», пишет Белому: «...Но стихи, стихи Зинаиды Николаевны! И уморительны и гениальны!» (8, 75). Как очень важную для себя, Блок помечает осенью 1901 г. знаком «три креста» пьесу Гиппиус «Святая кровь» (альманах «Северные цветы» за 1901 г.; см.: ЗК, 22). Последнее знаменательно: символично-фантастическая пьеса Гиппиус ставит тему трагической неизбежности и «святости» преступления (=насилия), всю жизнь волновавшую Блока и в каком-то смысле подготовившую образы «святой злости» в поэме «Двенадцать». Воздействия Мережковских, как уже говорилось, особенно заметны в теоретических рассуждениях Блока. Вл. Орлов справедливо пишет, что отразившиеся в дневниках и записных книжках Блока мысли «об антиномии языческого и христианского <...>, о религии и мистике, о мистике и декадентстве, о мифологии, о борьбе с материализмом и позитивизмом ближайшим образом восходят <...> к Мережковскому»¹⁶. Отобразились эти размышления и в блоковской лирике.

Итак, еще до знакомства с Мережковскими Блок находил в их творчестве не только черты, «созвучные» своему мистицизму, но и многое из того, что станет мощным стимулом его будущего поэтического развития. Отношение Мережковских к Блоку, напротив, вначале было очень холодным. В. Н. Орлов отметил эпизод, предшествовавший знакомству художников, — посылку в сентябре 1901 г. О. М. Соловьевой (двоюродной сестрой матери Блока) блоковских стихов Гиппиус и резко отрицательный отзыв о них обоих Мережковских¹⁷. Лишь восторженные оценки лирики Блока Андреем Белым, О. М. и С. М. Соловьевыми постепенно склонили Гиппиус к большей снисходительности к «начинающему».

26 марта 1902 г. состоялось знакомство Блока с Мережковскими, сразу же введшими его в круг новинок «мистической» литературы (7, 42). С апреля начинается переписка Блока с Гиппиус. Блок часто бывает у Мережковских дома, а с 1903 г. — и в редакции «Нового пути». Первое письмо З. Н. Гиппиус к Блоку датировано 22 апреля 1902 г. и связано с обстоятельствами приглашения Блока на «среды» к Мережковским. В ответ на высказанное Блоком (при первой встрече или в одном из недошедших писем поэта к З. Гиппиус)¹⁸ желание посещать эти «среды» Гиппиус пишет:

«Понедельник. 22. 4. <19>02

Литейный 24

Спб

Не думайте, Александр Александрович, что мы о вас забыли. Но случилось такое несчастье: я потеряла Вашу карточку с адресом и все [это] время всячески старалась добыть этот адрес.

Один мой знакомый студент узнавал его в университете (тут еще на праздниках все закрыто) — в университете нет; тогда он же достал справку в адресном столе (дикую какую-то) — и наконец я могу написать вам. Здоровы ли Вы? Отчего не были в Рел<игиозно>-Фил<ософском> обществе на чтении Дм<итрия> С<ергееви>ча — «Гоголь и о<тец> Матфей»? Ведь вам была послана повестка (Только по какому адресу? В университет, кажется). Ежели вы здоровы и в городе — не зайдете ли к нам в эту среду вечером? будет не собрание, а просто хотим Вас повидать. В 9 часов я даже поеду к доктору, а потому приходите в 10 час<ов>, я, вероятно, уже вернусь, а ежели бы ровно в 10 и Д<митрий> С<ергеевич> вышел гулять — вы не уходите, это лишь будет значить, что мы с<ей>час вернемся. Пишу так на всякий случай, в 10 я всегда возвращаюсь.

Пожалуйста, приходите!

Душевно ваша

З. Гиппиус-Мережковская.»¹⁹

Дружественный тон этого письма свидетельствует об очевидной заинтересованности Мережковских в том, чтобы ввести молодого поэта в круг единомышленников.

Однако отношения сразу складываются трудно. Неожиданно возникли интимные сложности: с первых дней знакомства Блока с Мережковскими Любовь Дмитриевна начала горько ревновать своего жениха к «умной» и «демоничной» Гиппиус и уже в сентябре 1902 года просила Блока «оставить всех Мережковских» (ЗК, 42)²⁰. Прямых оснований для ревности не было. Много позже, 25 июня 1911 г., фиксируя в дневнике свой сон о Гиппиус, Блок писал: «Который раз вижу ее во сне, и в знак чего? Никогда ничего и не было, кроме тайных влияний» (ЗК, 183). «Тайные влияния» состояли, однако, не только в стремлении Гиппиус «мистически» воспитывать Блока, но и в — обычной для нее — «демонической» игре с постепенно признаваемым поэтом, о красоте и обаянии которого сразу стали ходить легенды. В этой декадентской игре собственно женское, наверное, было даже менее важным, чем честолюбивое желание учительствовать, но оно все же, видимо, окрашивало отношение Гиппиус к Блоку в некие дополнительные тона, а, с другой стороны, заставляло Блока в письмах к невесте раздувать и несколько аффектировать свое (постепенно, действительно, нараставшее) раздражение против Мережковских (ср. в письме от 18 декабря 1902 г.: «Скоро мы «оставим всех Мережковских». Зип<аиду> Ник<олаевну> я понял еще больше, она мне теперь часто просто отвратительна»)²¹.

Однако на грани мистического и скептического этапов блоковского творчества (конец 1902 — нач. 1903 гг.) связи Блока

с Мережковскими еще разнообразны и крепки. Летом-осенью 1902 г. идет оживленная переписка между живущим в Шахматове Блоком и уехавшей с мужем в Заклинье (под Лугой) Гиппиус. 22—21 сентября Блок по приглашению Гиппиус гостит в Заклинье (см.: ЗК, 42).

Переписка Блока с Гиппиус первостепенно значима для понимания его эволюции. Деловая линия в ней летом 1902 г. постепенно отодвигается философскими, религиозно-этическими, психологическими и др. размышлениями и спорами. В письмах Гиппиус Блок, безусловно, находил много важного для себя. Ее умные, исполненные своеобразного «мистического рационализма», но тонкие, искренние письма говорили о том, что мучило и интересовало Блока. В письме к З. Н. Гиппиус от 14 июня 1902 г. из Шахматова Блок продолжает тему их петербургских мистических бесед и сразу же намечает некоторые важные линии будущих расхождений. Соглашаясь, в основном, с общесолювьевскими размышлениями Гиппиус о грядущем «белом» синтезе, долженствующем сочетать и «очистить» <...> эстетику и этику, эрос и «влюбленность», язычество и «старое» христианство», Блок утверждает, однако, два очень важных для него положения. Это, во-первых, мысль о непостижимости мистического идеала и «путей к нему» посредством «нашей «логики»» (8, 29) и, во-вторых, неясный, но постоянно зреющий протест Блока против «мистико-общественной» активности Мережковских, заглушающей, по мнению поэта, «Великий шорох» подлинно мистических событий. Оба возражения впоследствии окажутся центральными при попытках Блока отделить свою позицию от «петербургских мистиков». Протест против мистического рационализма, против точных рецептов построения «царства Божия на земле» станет первой формой неприятия их идей. Гиппиус не сразу отвечает на это письмо. В их переписку входит новая важная нота. 9 июля 1902 г. Гиппиус описывает путешествие Мережковских на Керженец и озеро Светлояр («Невидимый град Китеж»). В письме говорится о тех же впечатлениях, которые отразятся в статье З. Гиппиус в «Новом пути» «Светлое озеро» (1904, № 1—2), но говорится под свежим впечатлением, взволнованно:

«г. Луга, Спб. губ.

Им <енье> Заклинье

9 июля <19>02

Дорогой Александр Александрович.

Ваше письмо от 14 июня я получила только **вчера**, ибо уезжала на месяц в интереснейшее путешествие на Керженец и озеро Светлояр (невидимый град Китеж). Все, что мы там видели и слышали, до такой степени неожиданно и прекрасно, что мы до сих пор не можем опомниться и возвратиться к отвлеченным

мыслям и рассуждениям. Я очень много ездила по Европе, но ни одно путешествие не производило на меня столь ошеломляющего впечатления во всех отношениях, как в «деловом» — так и в эстетическом, самом утонченном. Правда, приходилось ночевать в избах, 300 верст на перекладных, по неслыханной дороге, — но мы все забыли, так прекрасно и необходимо то, что мы там нашли, «тò» и «те».

Пишу вам сегодня лишь несколько строк, чтобы вас не удивляло мое молчание; на ваши вопросы (очень важные вопросы, и многое имею сказать) отвечу в следующий раз: я не уверена, что вы в Шахматове и все у вас благополучно: я читала в газетах что-то неприятное именно о Шахматове. Если я ошибаюсь и вы там — черкните мне строчку, и я тотчас же отвечу, теперь никуда не собираюсь уезжать, отдыхаю. Нам, наконец, разрешили журнал «Новый путь». Надеюсь, дадите мне стихов (не декадентских, а мистических, какие у вас — есть). Бугаев написал мне длинейшее письмо (безответное), но [я] ни я, ни Дм<итрий> С<ергеевич> ничего не понимаем. Это, все-таки, необходимо — быть хоть кому-нибудь понятным! Итак — кончаю и жду от вас хоть самой коротенькой записочки.

Ваша душевно
З. Гиппиус»²²

Эти впечатления от «глубинной» Руси, более «мистически направленные», чем блоковские — от Шахматова, но столь же проникнутые интересом к народному, национальному, были не только вполне созвучны Блоку — они подталкивали становление его идеала, новых тем творчества. И опять-таки эти идеалы и темы воплотятся затем столь своеобразно, что даже Мережковские не увидят в них «своего». Вторая часть приведенного письма свидетельствует о прежнем тоне личной заинтересованности Гиппиус в делах Блока (1 июля 1902 года скончался его дед) и о стремлении привлечь его к сотрудничеству в задуманном «петербургскими мистиками» журнале «Новый путь». Блок отвечает на это важное для него письмо (см.: 8, 34—35), стремясь выяснить у Мережковских и мучившие его мистические вопросы. Блок пишет З. Гиппиус о своих эсхатологических чаяниях, в которых «апокалипсические ожидания» (8, 35) конца мира слились с глубоко «личной мечтой» о «конце известного духовного периода» как «символе вселенского» (8, 34). Здесь же — просьба рассказать еще «что-нибудь о Китеже, потому что мало что на свете лучше «Китежей» (по правде сказать, их и нет на свете!)» (8, 35). «Китеж» Блок сразу же осмысляет как воплощение прекрасной мечты о будущем «царствии Божиим на земле». Хотя Блок и считает «Китежи» только «мечтой», он впервые связывает свои личные «чаяния» с всенарод-

ными. Эта связь для Блока и впоследствии будет ассоциироваться с идеями Мережковских, с памятью о надеждах начала века.

Ответное письмо З. Гиппиус, видимо, утрачено (ни Блок, в последние годы жизни тщательно приводивший всю свою переписку в порядок, ни работники архивохранилищ этого не заметили: нумерация писем и страниц — как самая ранняя, возможно, восходящая к Блоку, так и позднейшая — сплошная. Однако первоначальное наличие еще одного письма Гиппиус очевидно из ее позднейшего письма от 6 августа 1902 г.). Введенная в этом позднейшем письме Гиппиус новая тема — вопрос о вреде для художника «отвлеченности», о необходимости для него «жизненности» и простоты — также не могла не заинтересовать Блока.

«6 авг<уста 19>02
Луга, Заклинье

Я не всегда даю себе позволение, дорогой Александр Александрович, писать такие отвлеченные, образно-отвлеченные, письма, как мое прошлое. Я слишком склонна к отвлеченности, игра с **этим** огнем — для меня опасна. Приходится тогда уже полунасиленно возвращать себя из разных «белых лестниц» к самым обыкновенным, ведущим от моей «светлицы» в столовую, от воображаемых «притихших» детей — к шумным и грязноватым деревенским ребятам, с которых сестры мои делают этюды, — и писать Перцову письма о том, удалось ли найти квартиру для редакции на Невском, и почему лучше ей и «Литературной книжной лавке» быть на Невском, чем на Знаменской. Уверяю вас, что вреднее всего для писателя и поэта быть — **главным образом** поэтом. Сначала как будто ничего, но скоро чувствуешь непобедимое внутреннее обмеление. И вот мне хочется, чтоб вы написали мне какое-нибудь реальное письмо, о том, что вы делаете, с кем и как живете, что видно из вашего окна, и есть ли около вас (или где-нибудь) люди, с которыми вы ни в чем не одиноки. Это, я понимаю, гораздо труднее написать, нежели самое стройное рассуждение о «синтезе», но мы оба знаем, что «рассуждение о синтезе», самая его стройность, зависит от жизни и от воли в жизни (также, впрочем, как жизнь и воля — от этого «рассуждения»). Одни отвлеченные письма и разговоры окончательно убивают человека для человека, делают из него призрак, и укрепляют ту стену, которая и так стоит между людьми, созданная всем фальшивым, что было в истории и культуре».

Поднятый Гиппиус вопрос о вреде «отвлеченности», о необходимости «реальности» — один из важнейших для Блока. Вся жизнь будет он горько размышлять о лежащем на нем «про-

клятии отвлеченности» и пламенно взывать (не только к современникам, но и, прежде всего, к самому себе): «Реальности надо нам» (7, 134). Любопытна и связь мыслей о «реальности» с толстовским пафосом простоты и правды. Очевидно, что и эта тема переписки находила у Блока отклик. Однако в письме З. Гиппиус от 6 августа уже заметны и те ноты поучения, «воспитания» (просьба написать «реальное письмо» и даже... указание примерной его тематики!), которые вскоре начнут раздражать и утомлять Блока.

Цитированное письмо продолжается и завершается интересными подробностями общения студента Белого с редакцией «Нового пути» (домашний запрет на контакты Белого с Мережковскими) и любопытным отзывом Гиппиус о Брюсове, продолжающим важную для Блока линию критики «декадентов»:

«Не слышали ли чего-нибудь о Бугаеве? После того «непонятного» письма, о котором я вам говорила, ничего о нем не знаю. Писать же нам к нему, как вам известно, запрещено. Если слышали о нем, напишите. Вы любите стихи Брюсова? Они не без таланта. Только Брюсов большой «грешник» (ежели помните мое стихотворение «Что есть грех»), — и частенько вся его мистика «второй ступени» даже и не эта мистика, а просто «...Благоразумное полубезумие...», в чем он и сам, вздыхая, сознается. Не знаю, писала ли я вам, что он будет секретарем в Новом пути и переезжает в Петербург.

Если не выпадет снег или не выдует нас ветер, — надеемся остаться здесь подольше. А вы? Еще не скоро в Петербург?

Жду от вас реального письма с первой почтой, а пока крепко жму вашу руку

З. Гиппиус»²³.

«Реальное письмо» Блока (от 16 августа 1902 г. — см.: 8, 42—43) вряд ли удовлетворило Гиппиус: оно довольно кратко и мало напоминает исповедь, хотя по-блоковски правдиво. Блок отвечает на все вопросы своей корреспондентки, но отвечает коротко и сухо. Он пишет и о том, «что видно из его окна» («вид из окна великолепный...» и т. д. — 8, 43), и о близких «людях, с которыми» он «ни в чем не одинок» («Близкие люди у меня есть»), и о своих летних занятиях. Блок, вероятно, действительно, как он пишет, «очень оценил» слова Гиппиус о «непобедимом внутреннем обмелении», наступающем в результате «крайнего мистицизма» (8, 43). Но в письме продолжает ощущать и стремление Блока внутренне противостоять авторитету «петербургских мистиков». Так, в ответ на выпад против Брюсова Блок лишь кратко возражает: «Стихи Брюсова я очень люблю, некоторые особенно» (там же). Здесь — зародыш будущего противопоставления Блоком символистов-критиков и их

«отвлеченных» теорий и символистов-художников с их существенным вкладом в русское искусство. Так мысли, идущие от Гиппиус (критика «отвлеченности») и творчески претворенные Блоком, становятся для него впоследствии оружием полемики с Мережковскими.

Отвечая на письмо от 6 августа, Блок рассказал З. Н. Гиппиус о своем, уже прошедшем, увлечении театром и желании быть актером (8, 42). Это признание открыло новую тему переписки. 1 сентября Гиппиус пишет Блоку ответ. Письмо начинается в дружески «исповедальном» тоне, который З. Гиппиус постоянно стремится навязать и Блоку. Грустные размышления о человеке и природе (особенно любопытные как знак разочарования в пантеизме, типичном для обоих Мережковских в 1890-х гг.) сменяются полемикой о театре. Высказанные З. Гиппиус мысли о кризисе современного театра и условиях его преодоления, вероятно, запомнятся Блоку; многое близкое оживет в его статьях о театре 1906—08 гг.

«1. 9. <19>02
Луга, Заклинье

Давно не писала вам, дорогой Александр Александрович. Боюсь, что это письмо уже не застанет вас в деревне. Печально теперь в деревне! Очень люблю хорошую осень — но не такую беспощадную, достойную дочь жестокого лета. Было несколько ярких деньков — и опять, опять этот гул дождевого ветра. Страшно, потому что кажется в такие дни, что природа — сама по себе, а мы — сами по себе, и до нас ей нет дела.

У меня сегодня такой тоскливый строй души, что это мне даже не нравится. А ваша меланхолия (если можно употребить такое пошловатое слово) — кончилась? По-моему — у нас фон души у всех — грусть; неподвижное дно пропасти, одинаково темное; только ходят, [за] застилают его разноцветные облака; и у иных дно обнажается чаще, у других — реже, вот и все.

А может быть это и не так, только «настроение». Мысли мои последнее время были совсем не темного цвета, я много думала о ... «белом чорте». Как-нибудь объясню вам эту теорию, уверена, что вам она покажется близкою. Хочу даже написать со временем целую мистерию об этом.

Вот странно, что вас увлекала сцена! Говорят, в молодости все более или менее проходят это увлечение; я никогда ему не была подвержена. Искусство ли это? Способность и практика ... И слишком уж сцена — прошлое. Говорить о будущем со сцены нельзя, это факт. В настоящий момент, чтобы сцена обновилась — нужны события жизни, которым в свою очередь следует слегка миновать, чтобы попасть на сцену.

Кстати, будете ли на первом представлении «Ипполита»

Эврипида (пер<свод> Д<митрия> С<ергсевича>) в Алекс<андринском> театре? На первом Д<митрий> С<ергеевич> будет читать вступительную статью. Постановка возможно точная. Занавес, декорации — все новое. Во всяком случае будет любопытно.

С «Новым Путем» заминка, Перцов еще по делам в Казани, будет только десятого. Тогда и выяснится время выхода первой книжки (думаю, в ноябре). Объявление составлено.

Напишите, переехали ли или когда переезжаете в СПб. Если написали что-нибудь — пришлите. Я как-то бросила писать стихи.

До свиданья.

Душевно ваша

З. Гиппиус — Мережковская»²⁴

В ответе от 8 сентября на это письмо (пересланное ему из Шахматова в Петербург) Блок не соглашается с Гиппиус. В его душе еще живет символистская утопическая мечта о театре как литургии: «Мне странно то, что Вы пишете о сцене, о том, что с нее нельзя говорить о будущем. Мне иногда кажется, что, несмотря на все внешнее опошление современного театра, стоит актеру иметь талант <...>, чтобы сейчас запахло литургией. И даже в самой закулисной личности актера иногда заметна священная черта, какое-то внутреннее бескорыстие и глубокая важность <...> привычка быть королем, жрецом... и немного пророком» (8, 44—45). В качестве примера такой высокой игры приводится исполнение Далматовым роли Лира (см. там же). И здесь мы видим характерную черту контактов Блока с Мережковскими: они *дают толчок* развитию и изменению важнейших представлений поэта, но дальше, идя, как будто бы, по указанному «учителями» пути (критика современного театра, скепсис в адрес символистских утопий «литургического» театрального действия), Блок придет к выводам глубоко самобытным.

В ответе Гиппиус (10 сентября 1902 г.) многое опять должно было быть важным для Блока: и религиозные сомнения, и продолжение полемики о театре, и, конечно, отзыв о посланном Блоком для «Нового пути» стихотворном «диптихе». Здесь читаем:

«Луга.

Заклинье.

10 сент<ября, 19>02.

Как это странно! Получив ваше письмо вчера — я пожалела, что не могу вам отвечать: у меня исключительная слабость памяти относительно вашего адреса, все помню без записи — а ваш не помню и запись теряю. Посетовала, что у вас

нет привычки ставить адрес в заголовке письма, гадала, куда лучше написать — в Унив<ерситет> или в Шахматово — и вдруг, неизвестно для чего, открыла ящик, который никогда не открываю, и увидала там... вашу карточку, — единственную — которую ей Богу не брала с собою из города и даже не видала перед отъездом. На обороте был ваш адрес. Это или «перст», или случайность. Если, однако, это случайность — то, значит, **может** быть случайность; а если может быть случайность — то может случиться и бессмысленность. А возможна бессмысленность — возможно, все — бессмысленность; и даже не возможно, а наверно, что все бессмысленность. Таким образом, для человека последовательного, час, когда он допустил возможность самонаименьшей случайности — неизбежно последний час: скорее веревку и вешаться! Слава Богу, что никто у нас не убежден **вполне**, что есть случайность.

Нет, нет! Прокляните меня за нетерпимость, — но я все-таки признаюсь, что если б на завтра была назначена моя литургия, — я не пустила бы и к дверям «господина» Далматова! Я не видала его в Кор<оле> Лире, но видала... во всех видах. Тем-то сцена и печальна, что, в лучшем случае, она обезличивает **человека**; а в худших случаях, и в большинстве, — озверевает его. Еще бы! Ведь **теперь** нет ни в ком веры и нигде — событий. Со времен греческой трагедии не было священнослужений, а у первых Христиан не было культуры и театра. Подождем говорить о сцене. Лучше помолчать, нежели облекать Далматова в ризу священника. Первое ваше стихотворение мне очень нравится. Хороши эти повторения белого, бледного... Во второй части, по-моему, слабее форма, есть и декадентский туман. Куда «воспарил»? С чего вдруг? Словом — маки не победили снега. И это мне жаль.

Последняя страница моего письма оказалась грязной, а потому я кончаю здесь. Скоро увидимся, тогда поговорим об Ипполите. Если мы решим остаться здесь еще после 15-го — то не сможете ли приехать к нам на денек-два? Мы будем одни в совершенно пустой, широкой и уединенной даче. Напишите.

Душевно ваша.
З. Гиппиус.

Получила письмо от Бугаева. Какой удивительный, гениальный, милый и бедный мальчик!»²⁵

14 сентября Блок, отвечая З. Н. Гиппиус, впервые намекает на обстоятельства и надежды своей личной жизни и определяет новые настроения как «мистический реализм» («возможность строить здание не на песке» — 8, 46). Само это определение вполне в духе разнообразных «синтезов» и утопических надежд Д. Мережковского. Однако в этом же письме Блок — тоже

впервые — пытается четко отделить свою позицию от Гиппиус и Мережковского. Пока что он может определить ее скорее негативно — «декадентство», против которого столь активно выступала З. Гиппиус. «Декадентство» здесь — скепсис, ирония, неверие в реализацию мистического идеала, но — вместе с тем — и нечто большее: путь от «старых» мистических идеалов к новым, еще неясным для поэта («декаденты ведь ангелы, не забывшие о своем начальстве, но «оставившие» свое жилище»; в конечном итоге «падший ангел» вернется к исполнению высокого долга: «Припомню окончательно то, что мне было когда-то завещано, и тогда уже без колебаний исполню» — 8, 46). Как известно, первое, что отделило Блока от большинства символистов-«соловьевцев», — это утверждение им права на самостоятельные художественные и мировоззренческие поиски. Формулировка этих поисков 1906—06 гг. как «декадентства» имела и некоторые основания по существу, и *полемический смысл* отделения себя от «учителей».

Последнее письмо Гиппиус из Луги датировано 15 сентября. Это уже не те письма, которые Блок определял как «вполне мистичные» и «почти не выходящие из круга умозрения» (см. письмо отцу от 5 августа 1902; 8, 41), а краткая и вполне «реальная записка» с настойчивым повторным приглашением Блока в Заклинье:

«15. 9. <19>02.

Луга, Заклинье

Беккерова дача

Дорогой Александр Александрович. Мы остаемся здесь еще неделю-полторы и очень хотели бы, чтобы вы нас навестили. Пожертвуйте нам денек-два. Здесь просторно, холодно и безмолвно, кругом все светложелтое, вода и небо — серосиние. Ваши стихи (те) пойдут, я надеюсь, в первой книжке, а «Монах» во второй или третьей. Перцов в вас просто влюблен, — вроде Бугаева. C'est <p>as trop fort, я нахожу. Ну, поговорим при свидании обо всем. Ждем вас от среды. Чем скорее, тем лучше. Я не очень верю в «нельзя». Ça sent Бугаев. Все делается возможным при желании.

Ваша З. Гиппиус»²⁶.

Блок оказался в щекотливом положении. 13 сентября 1902 года он фиксирует в своей записной книжке слова Л. Д. Блок: «Я прошу Вас оставить всех Мережковских» (ЗК, 42), 14-ого отказывается от первого приглашения в Лугу («Мне очень хотелось бы поговорить с Вами и быть у Вас в Луге» — 8, 46), однако после письма Гиппиус от 15 сентября все же меняет свои планы и проводит 21 и 22 сентября «у Мережковских в

Заклиньи» (ЗК, 42). 26 сентября он так характеризует эту поездку в письме отцу: «На днях я провел два дня около Луги на даче у Мережковских <...> Разговоры были, разумеется, довольно отвлеченны — об Антихристе и «общем деле» <...> Впечатление мое от самих доктрин Мережковского затуманилось еще более, и я уже совсем не могу ничего ни утверждать, ни отрицать, а потому избрал в этой области роль наблюдателя с окраской молчаливого мистицизма». В целом к осени 1902 года в отношении Блока к идеям и личности обоих Мережковских наступает заметное охлаждение (все еще расцениваемое самим Блоком как уход от «мистицизма» в «декаданс»), и его слова в письме к Л. Д. Блок от 18 декабря 1902 года об «отвратительности» для него З. Г. Гиппиус (см. выше, стр. 125), видимо, содержат лишь небольшое преувеличение.

Разочарование это отразилось в письмах и творчестве Блока. В письме к М. С. Соловьеву от 23 декабря 1902 г. он жалуется на «петербургские выверты Мережковских» (8, 48), выдвигая как существеннейший пункт расхождений, кроме уже известных нам, отношение к наследию Вл. Соловьева: «М-те Мережковская однажды выразилась, что Соловьев устарел и «нам» надо уже идти дальше. Чем больше она говорила таких (а также и многих других!) вещей, тем больше я на нее злюсь, и иногда даже уж до такой степени злюсь, что чувствую избыток злобы и начинаю напоминать себе о ее несомненных талантах» (8, 49). Эта оценка своего отношения к Гиппиус, весьма близкая к сказанному в письме к невесте, показывает, как изменился менее, чем за год, взгляд Блока на «петербургских мистиков». Если в 1901 г., а также еще и летом 1902 года Блок постоянно говорил о «силе Мережковского» (8, 18), о современности его и гиппиусовских «умозрений» (8, 41), о новизне его призывов уйти от «мистического созерцания» к «мистической воле» («Все «отсозерцались». Мережковский говорит: «будем делать»» — 8, 36), то, начиная с этого же лета 1902 г., господствующей эмоцией по отношению к «учителю» постепенно становится жалость (ср. в письме А. В. Гиппиусу от 23 июня 1902 г.: «От Дмитрия Сергеевича у меня в последний раз осталось впечатление ужасной жалости. Мне кажется, что он сильно и мучительно болен» — 8, 32). Блок все отчетливее формулирует свои основные претензии к Мережковским — упрекает их в «безжизненности», отвлеченном теоретизме. В письме Андрею Белому от 3 января 1903 г. Блок пишет о статье последнего «Формы искусства»: «Вы гениально достигли полпути и вдруг свернули, улынулись Мережковскому с его символом-соединением (*δνυ* — *βάλλω* <...> Мертвая филология, «грех, проклятие и смерть», индийский Дионис с его «символическим» атрибутом, скалящий зубы без смеха в глазах, без «созидающего» хохота Вл. Соловьева, с «разлагающим» хохотом Arlekino—Erl—König!)» (8, 52).

В этих, еще очень смутных жалобах, слитно звучат несколько упреков. Это, во-первых, упрек в мистической схоластике («мертвая филология»), в подгонке живого разнообразия мира под универсальную, но «мертвую» оппозицию «двух бездн», требование более сложной картины и оценки явлений действительности и фактов культуры («Разве у Вагнера нет ужаса «святой плоти»? Разве не одуряюще святы Зигмунд и Зиглинда и голос птички <...> «манящей», inferнальной...» — там же). Во-вторых, здесь же видно и то, что Блоку крайне чужда и та «реабилитация плоти», которая связывается с декадентским отказом от оценки явлений, с обнаружением «всего во всем» (позже эти мысли займут важное место в мироощущении Блока эпохи преодоления «мистического анархизма»). Этот двойной упрек: в схоластическом уходе от жизни (ср. в письме к Л. Д. Менделеевой от 27 декабря 1902 г. о Мережковских как «невольно «средневековствующих», монашествующих по бессилию», хотя и считающих, что они «сводят небо на землю»²⁷) и в декадентском «всеприятии» — скажется в двух различных попытках Блока уйти от Мережковских: во временном возврате к соловьевству (1903) и в полном разочаровании в утопиях (1904—06). В обоих случаях, однако, сохраняется новая, значительно более сдержанная оценка значения Мережковского и З. Гиппиус в истории «нового искусства». «Я <...> совсем понял, что центр может оказаться в Вас, а, конечно, не в соединяющем две бездны Мережковском» (8, 54), — пишет он в уже цитированном письме к А. Белому от 3 января 1903 г.

Существеннейшим аспектом критики Блоком Мережковского становится и обвинение его в бессилии, отсутствии именно той «мистической воли», которая так привлекла Блока летом 1902 года. Наиболее полно разногласия с Мережковскими отразились в записи дневникового типа (но на отдельном листе) от 13 декабря 1903 г. Признавая, что логически «теория» Мережковского (речь идет о концепции двухтомной монографии «Толстой и Достоевский») «в основании безукоризненна» (7, 67), Блок тем не менее дает уничтожающую характеристику идеалов «синтеза» в их понимании Мережковским. Определеннее, чем раньше, Блок не принимает мистико-рационалистической схоластики историософии Мережковского, постоянного «перекрещивания» терминов, подгонки живого многообразия мира под заранее заданную дихотомию: «языческое — христианское» и др. (см.: 7, 68). «Конспект углубленного разделения» (7, 67) явлений мировой истории, мистика в сочетании со схоластикой и анализом представляются Блоку «титанически скучной» схемой. Не менее важно и другое. Для Блока Мережковский — недостаточно максималист; он «скучен», неярок, «устал» и в своих разоблачениях исторической жизни, и в своих прозрениях будущего («Скука потенциального (а не свершившегося) конца всемир-

ной истории. Скука — потому что это не конец мира, а только исторического процесса. Усталый взгляд назад <...> Обетование без провиденья» — 7, 67). Блок иронически пишет о непоследовательности Мережковского («лирика между двух стульев»), о его анемичности, усталости («Нет и не будет последнего вопля, все вопли — предпоследние» — 7, 68) как о характерологическом свойстве не только личности, но и теории Мережковского. Ход событий, чувствует Блок, будет совсем иным — страшным, быть может, но не «скучным». И когда наступит подлинный конец, удрученный бесконечной книжной эрудицией Мережковский, иронически пишет Блок, все «поймет», но «услышит и не взглянет. Но медленно, удрученный тяжелой мозговой ленью, пройдет в загроможденный кабинет к ленивому ужасу бесконечных томов и бумаг, ляжет на жесткий диван <...> И... уже нельзя будет даже сойти с ума» (7, 68). За внешним «последним» пафосом пророчеств Мережковского Блок безжалостно обнаруживает книжное, комнатное, бытовое, приземленное («Говорит: «Ей, гряди Господи», как будто: «Зина, нет ли молока?» — 7, 68), а в конце концов — филистерски половинчатое («Привыкли к его миру <...> Болотце обходимее и безопаснее наших трясин» — 7, 68). И хотя критика Мережковского ведется «изнутри» символизма (Мережковскому противопоставлены «мы» — юные мистики — «соловьевцы»), Блок блестяще угадывает и с молодой безжалостностью к «бедному, скромному, больному, измученному <...> заброшенному» (7, 68) учителю обнажает «книжность», «половинчатость», рассудочность и безволие пророка «третьего завета».

Уход от Мережковских Блоку первоначально (конец 1902—1903 гг.) представляется как возвращение к «истинным» догмам соловьевства: к интуитивизму восприятия мистических идеалов, к изображению «белого», «вечно-недвижного» мира Вечной Женственности и игнорированию постоянно врывавшихся в его творчество «суеуловных дел мирских» (1, 106), к уходу от «инфернальной» земной дисгармонии в царство Красоты. Это стремление вернуться назад к Вл. Соловьеву отражается и в его сближении в 1903 г. с Андреем Белым и московскими «аргонавтами»²⁸, и в некоторых любопытных поворотах его лирики. Так, в стихотворении «Царица смотрела заставки...» (14 декабря 1902; 1, 249) Блок противопоставляет простой, «кроткий» и поэтичный мир «царевны» — змеиной премудрости, «глубинности древней» «царицы». Посылая это стихотворение Л. Д. Менделеевой, Блок писал 15 декабря 1902 г.: «Угадай, кто царица. Я уж и на нее не всегда (!) сержусь. Не могу уж сердиться, очень далеко, в тридцатом царстве! Постарайся и ты не сердиться, будет легче, будет звонче»²⁹. Контекст письма весьма прозрачно связывает «царевну» с невестой поэта, а «царицу» — с З. Н. Гиппиус. 18 декабря Блок посылает стихотво-

рение и Гиппиус³⁰. Слова В. Н. Орлова: «Само собой разумеется, что такое приноровление носило характер шутки»³¹, — следует, очевидно, понимать как предупреждение против наивно-биографического истолкования текста. Разумеется, это не «чисто» биографическое стихотворение: его основное противопоставление носит поэтически философский и мифопоэтический характер (ср. также реминисценцию из «Сказки о мертвой царевне» Пушкина:

Царевна румяней царицы — 1, 249, —

придающую образам ряд новых смыслов). Однако характерная для Блока глубинная связь его поэтической мифологии с жизненными, в том числе автобиографическими, впечатлениями отчетливо проявляется и в стихотворении «Царица смотрела заставки...»

С коллизией: «декадентский мир Мережковских» ↔ «истинно мистический» мир любви — связан и ряд других стихотворений Блока. Таково выделенное и В. Н. Орловым «Все кричали у круглых столов...» (25 декабря 1902). Здесь Блок условно поэтически (а, вероятно, и психологически) как бы проигрывает ситуацию: поэт и его «невеста» в кругу «петербургских мистиков» (Вопрос о будущем вхождении Л. Д. Менделеевой в круг Мережковских и о последствиях этого знакомства не мог не волновать Блока. С одной стороны, Л. Д. Менделеева, под влиянием Блока, не просто интересовалась «новым искусством», но и была «заворожена» им. Она стремилась объективно оценивать и «Новый путь», и даже понравившиеся ей «зиночкины» стихи³². Казалось естественным, что после объявления о помолвке или же после женитьбы Любовь Дмитриевна будет представлена Мережковским. С другой стороны, мир «Первой любви» казался Блоку светлой тайной, не совместимой с шумной и во многом «декадентской», несмотря на все декларации борьбы с декадансом, атмосферой «Нового пути». «Недаром он <Блок. — З. М.> решительно уклонился от исполнения настоятельной просьбы Гиппиус познакомить ее с Л. Д. М<енделеевой>»³³, — пишет Вл. Орлов). В лирике все эти размышления отображаются через, по словам этого же исследователя, «сложные и далековатые ассоциации»³⁴ — как антитеза двух миров: «тихого», «кроткого» — и буйного:

Все кричали у круглых столов,
Беспокойно меняя место

...

Вдруг кто-то вошел — и сквозь гул голосов
Сказал: «Вот моя невеста».

Никто не слышал ничего.

Все визжали неистово, как звери... (1, 252).

С подлинной жизнью ассоциируется именно «тихий» мир, а «опьянение» теориями обнажает свою книжную и догматическую природу (ср. в более позднем, от 20 ноября 1903 г., письме Блока к Андрею Белому: «М-те Мережковская создала трудную теорию о браке, рассказала мне ее в весеннюю ночь, а я в эту минуту больше любил весеннюю ночь, не расслышал теории, понял только, что она трудная. И вот женился, вот снова пишу стихи, и милое прежде осталось милым» — 8, 69).

В «Гамаюне» Вл. Орлова названо и третье стихотворение, в котором Блок явно противопоставляет свой мир и мир «петербургских мистиков» — «Ушел я в белую страну...» (16 ноября 1902 года; 1, 524). Здесь те же антитезы уединенного царства «я» и «ты», белого («белая страна», «белый светоч»), тихого («тишина»), спокойного («И в глубинах невозмущенных / Мой белый светоч берегу») — и многолюдного («Им нет числа»), шумного, дисгармонически буйного и «опьяненного» идеями мира «мистиков»:

Ушел я в белую страну,
Минуя берег возмущенный

...

Они ужасней опьяненных.

Характерной особенностью рисуемых здесь отношений двух миров является их внешняя, кажущаяся близость, проявляющаяся, с одной стороны, в «их» самоуверенных поучениях:

Они настойчиво твердят,
Что мне, как им, любезно братство,
И христианское богатство
Самоуверенно сулят, —

с другой, — в молчаливом уходе от «них» лирического «я»:

Я знаю: больше чем преступно
Будить сомнение в их сердцах.

Я кинул их на берегу... (1, 524).

При всей обобщенности этого стихотворения, оно очень тонко рисует общий облик отношений «петербургских мистиков» и Блока, стремящегося вновь уйти в «соловьевство», в конце 1902 г. Сходные мотивы находим и в стихотворениях «В посланьях к земным владыкам...» (27 января 1903 г.), отчасти — «Блаженный, забытый в пустыне...» (октябрь 1902 г.) и др. Три названных стихотворения, однако, отнюдь не исчерпывают в лирике Блока конца 1902 — нач. 1903 гг. эмоций и образов, так или иначе навеянных мыслями о Мережковских. Здесь можно выделить еще, по крайней мере, две группы мотивов, в

которых, хотя и не столь прямо, как в названных выше текстах, отображались те же или близкие мысли и настроения. Это, во-первых, мотивы столкновения «тихой» и «гармоничной» Красоты с ее шумными и бесцеремонными мистическими поклонниками. Таково, например, стихотворение «Они живут под серой тучей...» (октябрь 1902 г.). В нем «проигрывается», по существу, та же ситуация, которая в декабре этого года более выразительно развернется в стихотворении «Все кричали у круглых столов...». В отличие от последнего стихотворения и от «Ушел я в белую страну...», здесь коллизия изображена с точки зрения героини — Вечной Женственности, дочери «голубой Лазури»; она сверху глядит на мир «под серой тучей», изредка нисходит «к ним», но постоянно ощущает чуждость земного мира, стыдится «их» поклонений:

... Я им чужда и не нужна.
Они не вспомнят тех созвучий,
Которым я научена.

Я все молчу и все тоскую
Слова их бледны и темны

...
Но им приятно гладить косы
Моих распущенных волос.

...
Но в предвечерние часы
Мне иногда бывает стыдно
Моей распущенной косы (1, 522).

Во-вторых, с Мережковскими (особенно с Д. С. Мережковским) связан и часто возникающий в поэтическом сознании Блока этих месяцев образ все понимающего, но слабого и бессильного, большого «учителя» (мудреца, философа, «старика»).

Прежнее восторженное отношение к Мережковскому в последний раз опосредованно отразится в стихотворении «Мы — чернецы, бредущие во мгле...», написанном 24 сентября 1902 г., т. е. сразу же по возвращении из Заклинья. Как и написанный в тот же день второй вариант стихотворения «Экклесиаст» (см.: 1, 220; более ранний вариант — 1, 355; ср. комментарий В. Н. Орлова — 1, 611 и 644), стихотворение отражает впечатления от поездки к Мережковским: «эсхатологические» темы разговоров («Экклесиаст») и попытку обобщенно-поэтически осмыслить мир «бредущих во мгле» служителей «третьего завета». Вождь «чернецов, бредущих во мгле, / Куда ведет <...> факел знания», — это

...старый жрец с морщиной на челе,
Изобличающей страданья

(1, 360; ср. письмо А. В. Гиппиусу о болезни Мережковского).
Но болезнь не мешает «жрецу» вести «чернецов» вперед:

Мы дрогнем. Прозвенит, упав, кирка —
Взглянуть в глаза не всякий смеет...
Лишь старый жрец — улыбкой свысока
На нас блеснет — и страх рассеет (1, 360).

Однако уже к октябрю 1902 г. меняется не только отношение к «жрецу», но и его образ. В цитированной выше дневниковой записи неоднократно повторяются такие детали развенчиваемого образа «учителя», как его «скука», «усталость», «ужас» жизни, отгороженность от мира книгами, лень, лежанье на диване, и, в плане духовных характеристик, — «всепонимание» при невозможности действия. Образ этот и формально, и по существу иногда совпадает с лирическим «я» и, по всей вероятности, осознается как один из самых трагических «двойников» лирического героя (ср. портрет отъединенного от всех, усталого и больного «я» в стихотворениях, лирическая природа образа и автобиографический подтекст которых несомненны: «Я просыпался и всхлипывал...» — 18 сентября 1902 г.; «Когда я стал дрыхнуть и стыннуть...» — 4 июня 1903 г.; «Возвратилась в полночь. До утра...» — 9 октября 1903 г.; «...И снова подхожу к окну...» — 26 октября 1903 г.; «Среди гостей ходил я в черном фраке...» — 18 декабря 1903 г. и др.), как его «старый» и страшный «alter ego» (ср. стих. «Двойник» — 30 июля 1903 г. — с упоминанием «дряхлого старика» и того же «шута—Арлекина», что и в цитировавшемся письме к Белому при описании идей Мережковского). Зачастую, что вообще присуще Блоку, образ этот навевается и другими обстоятельствами биографии поэта (смерть деда и др.). Однако, что весьма показательно, этот образ сильно тяготеет и к формальной объективации (3 л. ед. ч.: «он», «кто-то») или к объективации стилистической (ирония). В кругу этих поэтических представлений — и персонаж посвященного Белому стих. «Я смотрел на слепое людское строение...» (5 декабря 1902). Здесь рисуется приход на землю «вестницы» конца этого и прихода нового мира:

...Занавески шевелились и падали.
Поднимались от невидимой руки.
На лестнице тени прядали.
И осторожные начинались звонки.

(Ср.: «Внезапно в доме № 24 по Литейной сверху донизу во всех этажах раздадутся звонки. На пустой лестнице застучат...» — 7, 68). Все, слышащие «вестницу», «думали: за утром наступит день». Но —

... Выше всех кричащих и всклокоченных
Под крышей медленно загоралось окно.
Там кто-то на счетах позолоченных
Сосчитал, что никому не дано.

И понял, что будет темно (1, 248;

ср.: «Ни старые, ни молодые ничего не поймут. <...> Он поймет» — 7, 68). Здесь наивная, но жизненно необходимая и, в конечном счете, детски истинная вера противопоставляется трагизму и мертвенности логических «исчислений». Сложными, опосредованными связями соединен этот образ и со стих. «Сижу за ширмой. У меня...» (18 октября 1903 г.). Конечно, герой этого иронического стихотворения — не Мережковский: связь образа с портретом Канта из «Драматической симфонии» Андрея Белого (1902) достаточно известна и не раз подчеркивалась и Блоком, и Белым (краткую сводку высказываний см. в комментарии В. Н. Орлова — 1, 623). Однако, следует обратить внимание на слова Блока о том, что и после женитьбы он может «писать о том же, о чем прежде, и даже об Иммануиле Канте, как *оказалось впоследствии* из анализа стихотворения «Сижу за ширмой»» (8, 69; курсив мой. — З. М.). Из этого письма (20 ноября 1903) очевидно, что в момент создания стихотворения Блок не соотносил его героя с Кантом (хотя, безусловно, он знал к этому времени «симфонию» Белого, и образ Канта в его сознании *подспудно присутствовал*). Название же «Испуганный», близкое к дневниковой характеристике Мережковского, и упоминание стихотворения в контексте опровержения мыслей Гиппиус (ее «метафизической сплетни» о том, что Блок, женившись, «перестал писать стихи» — 8, 69) позволяет включить и этот текст в круг начатой Блоком (пока только в лирике, дневниках и письмах) полемики с Мережковскими.

Хотя внешнего разрыва с Мережковскими в 1902—03 гг. не наступает, письма З. Гиппиус свидетельствуют о взаимном охлаждении. Осенью 1902 — весной 1903 г. ее письма утрачивают «метафизический» и «исповедальный» характер. Теперь это — краткие и суховатые по тону деловые записки, главным образом, связанные с приглашением Блока к Мережковским для обсуждения «новопутейских» (или — литературных) вопросов. Впрочем, стиль их, возможно, связан и с перемещением контактов на встречи. Таково уже первое письмо после возвращения Мережковских из Луги:

«Понедельник
7. 10. <19>02
Литейный 24 СПб

Дорогой Александр Александрович.

Все время я в делах, заботах, ни единой спокойной минутки. Никак не могла успеть написать вам раньше и устроить, когда повидать вас. И теперь выбираю, мож<ет> б<ыть>, неудобное для вас время — но как же быть? Хочется поговорить с вами и об Ипполите (Как он хорош! Как все могло бы быть хорошо! Какие дивные декорации!) и познакомить вас с П. П. Перцовым. Поэтому приходите в среду обедать, к 7 часам. Днем я занята, вечером тоже, вероятно, придется почитать с П<ерцовым> отчеты собраний. Эти два-три часа свободны. Пожалуйста, приходите, П<ерцов> тоже обедает.

Ваша З. Гиппиус³⁵.

В записках этого времени лейтмотивом проходят жалобы на редкость визитов Блока к Мережковским. Очевидно (это явствует и из писем Блока к Л. Д. Менделеевой), он старается теперь как можно реже посещать «петербургских мистиков», хотя деловые интересы связывают его с «Новым путем» в это время особенно тесно: «Новый путь» обещает статью и в 1903 г., действительно, становится первым журналом, систематически печатающим стихи и рецензии Блока³⁶. Недатированная записка (видимо, от 14 ноября 1902 г.) говорит о связывающих корреспондентов редакционных делах и о стремлении Блока помогать начинающим авторам.

«Милый Александр Александрович.

В субботу или в воскресенье жду вас непременно с: 1) несколькими рецензиями 2) с **одним** (наилучшим) стихотворением (для январ<ской> книжки). У нас будут семь стихотворений семи «светильников» (не последней «волны»). Пусть так для начала.

Верховского я кое-что возьму (хотя это не «рассказы»), но мне хотелось бы с ним поговорить. Если он **«опаздывает»**, вы бы его за ручку привели.

Ваша

З. Гиппиус

Четверг. <14 ноября 1902?>»³⁷

В недатированной записке (скорее всего от 15 ноября 1902 г.) читаем:

«Пятница <15 ноября 1902 ?>

Александр Александрович,

Ваши стихи очень хороши и те, которые вы не успели мне прочесть. Давно вас не видала. Много журнальных бед. Не придете ли ко мне завтра (в субботу) вечером? Я все еще больна, — такая скучная досада!

Ваша З. Гиппиус

Р. С. Дам вам прочесть письмо Бугаева, gesement reşue, кот<орое> мы напрасно старались понять с Сологубом. Еще что-то надо было вам сказать — да я мгновенно забыла.

Знаете ли Брюсова? Он теперь здесь.»³⁸

Визиты к Мережковским теперь обычно разочаровывают Блока. Он часто отговаривается болезнью. В другой близкой по времени недатированной записке З. Гиппиус пишет:

«Среда
20 <XI. 1902?»

Вы выздоровели, неправда ли? Если да — жду вас сегодня (среда) вечером в 9. Если еще больны — напишу. Но очень будет жаль.

З. Гиппиус.

Оттого и больны, что переехали в 13 квартиру»³⁹

Записке этой, по всей вероятности, предшествовало письмо Блока с сообщением о его болезни. Настойчивые приглашения повторяются в записках от 6 декабря:

«Дорогой Александр Александрович!

Если вы здоровы — приходите к нам, пожалуйста, в этот понедельник, около 10 веч<ера>

Хорошо?

З. Гиппиус

6. 12. <19>02.

Литейный 24

СПб»⁴⁰ —

и от 10 января 1903 г.:

«Александр Александрович, живы ли вы? По крайней мере откликнитесь, если вы еще больны. А если здоровы и выходите — не придете ли завтра, в субботу, вечером ко мне?

Ваша З. Гиппиус

10. 1. <19>03.

Литейный 24. СПб»⁴¹ —

из которых видно, что и письма Блока Мережковским теперь очень редки. Прежний тон сердечности и сочувствия ощутим лишь в письме З. Гиппиус от 16 января 1903 г., связанном с получением известия о смерти М. С. Соловьева и о самоубийстве его жены О. М. Соловьевой — двоюродной сестры матери Блока:

«16 янв.<аря 19>03
СПб

Александр Александрович,
очень просим вас, если знаете что-нибудь точное и более определенное об этом ужасном несчастье — смерти Мих<аила> Серг<еевича> и Ольги Мих<айловны> Соловьевых в

<ночь. — З. М.> на 16-ое, — сообщите нам. Мы прямо отказываемся верить несмотря на то, что это так. Напишите две-три строки, или зайдите сами, если тоже не уехали в Москву, как все Соловьевы и Манасеина. Я узнала об этом сегодня вечером из краткого письма Манасеиной, которая и сама, очевидно, ничего не знает (как и другие) кроме телеграфного извещения.

Душевно ваша

З. Гиппиус.

Как мир делается страшен, когда с ним соприкасается другой!»⁴² Затем — вновь деловая записка, свидетельствующая о постоянном стремлении З. Гиппиус вовлекать Блока в круг журнальных дел (о помощи Блока «Новому Пути» Гиппиус пишет в своих воспоминаниях) и — шире — различных «мистико-общественных мероприятий»:

«Пожалуйста, Александр Александрович, придите завтра (среда) вечером. Очень вас нужно. Поможете сделать одно важное дело.

З. Гиппиус.

8. 4. <19>03.

вторник

Пораньше, и на весь вечер.

Если письмо опоздало — то дайте знать, и приходите в четверг.»⁴³

Весной 1903 г. Блок, видимо, мотивирует «неявки» в редакцию и к Мережковским также и своей занятостью в Университете. Ср. записку, приблизительно датируемую серединой апреля 1903 г. Начало и тон записки свидетельствуют, что она является либо ответом на не дошедшее до нас письмо Блока, либо продолжением разговоров во время апрельского визита поэта к Мережковским:

«Желаю вам нынче успеха. А если преодолете усталость и придете во вторн<ик> вечером — получите «Северн<ые> Цветы», особый экз<емпляр>, присланный нам на ваше имя.

З. Гиппиус»⁴⁴

Судя по письму от 23 апреля, Блок 15, во вторник, был у Мережковских (получив свой экземпляр «Северных цветов» за 1902 г.). Из письма видно и то, что Блок, несмотря на сложность отношений с Мережковскими, помогает Гиппиус налаживать связи со студентами Петербургского университета, начинающими поэтами, и (что будет особенно характерно для зрелого Блока) заботится о публикации их произведений:

«23. 4. <19>03.

Александр Александрович.
Сделайте отдых в вашем «учении», приходите в эту субботу (26) в «Новый путь». И прошу вас дать знать Семенову, Смирнову и Фридбергу. Вечером в 9 ч<асов>.

Если не **можете** дать знать кому-нибудь из этих трех, то напишите, **кому** не можете; я постараюсь где-нибудь достать адреса и напишу сама. Если будете молчать — значит дали весть **всем трем**. Семенова спросите, не принесет ли он свою «Тайну» в субботу, — ее бы можно на май.

Если не знаете адресов Смирнова и Фридберга — то кто знает?

Душевно Ваша
З. Гиппиус.

Упились «Цветами»? А по-моему... впрочем, зачем вас расстраивать перед экзаменами!

Розвадовский живет Пушкинская, 7 — так? Пишу ему»⁴⁵.

Из письма Блока к Л. Д. Менделеевой от 25 апреля 1903 г. узнаем о все еще длящихся подозрениях его невесты («А в отнош<ении> к т-те Мережковск<ой> я не мальчик и Ты напрасно подозреваешь, разные возможности. Моя Дорогая, не то время и не таков я, чтобы переносить на меня эти подозрения в возможностях»⁴⁶) и о том, что в субботу (26 апреля) Блок у Мережковских не был⁴⁷. Однако между 23 и 25 он, вероятно, был у Мережковских или писал им, т. к. в записке З. Гиппиус от 25 апреля продолжается обмен мыслями (о «белых цветах», о необязательности приглашения Фридберга), а в письме к Л. Д. Менделеевой Блок пишет об ожидаемом 25-ого приходе в редакцию «Нового пути» А. И. Розвадовского, — это сообщение также могло исходить только от Мережковских, а в письме Гиппиус содержались лишь слова о приглашении Розвадовского. В письме от 25 апреля читаем:

«25. 4. <19>03.

Не думаю, Александр Александрович, чтобы в субботний вечер, при теперешней погоде, как раз и расцвели белые цветы. Посылаю, чтобы никакой «искорки» не упустить, если решите отдать этот вечер Новому пути, — который, кстати сказать, очень нуждается в сочувствии: цензура вычеркнула из книги... **четыре с половиной** листа! C'est quelque chose... Если уже написали Фр<идбер>гу — то все равно, пусть. Вам даже будет утешение: он раздаст всем веточки ландышей: вот вам и белые цветы, и уж получать какие в субботу вечером — то эти: получите вернее. О, романтизм! Он хорош лишь преображенный!

З. Г<иппиус>»⁴⁸

Характерно возобновление иронически «поучающих» инто-

наций Гиппиус («белые цветы», заподозренные в наивно-пошловатом «романтизме» — образ из стих. Блока этого времени.: ср. «Разгадал я, какие цветы...» — 9 февраля 1903, «При посылке белой азалии» — 5 апреля и др.).

Так прошел «сезон» 1902—03 гг. Летом 1903 года в отношениях Блока и Гиппиус наступает новое резкое охлаждение. В не дошедшем до нас «коротком <...> письме» от начала июня 1903 г.⁴⁹ Блок сообщает З. Гиппиус о своей готовящейся свадьбе и просит пока сохранять это известие в тайне. В ответном письме З. Гиппиус бесцеремонно и резко (хотя и искренне) излагает свою точку зрения на брак вообще и на женитьбу Блока — в особенности.

«Луга СПб. губ.
дача Киселевой
17. 6. <19>03

Дорогой Александр Александрович. Ваше письмо я благополучно получила в Луге. Отвечаю вам за границу, еще успеете получить там. Как это вы забыли, что давно сообщили мне о вашей женитьбе? Еще, кажется, в начале или конце марта, в тот вечер, когда переписывали письмо. Вы не говорили мне имени вашей невесты, но сказали, что женитесь, и даже не прибавили, что это секрет, а потому я и не держала этого в тайне. После Карташов сообщил мне имя вашей будущей жены. Я была в Москве и видела Бугаева, мы с ним говорили о вас и о том, что вы предлагали ему быть шафером (отец Бугаева тогда был еще жив). Но даже если б и отец был жив — думаю, Бугаев вряд ли согласился бы шаферствовать, он был очень удручен вашей женитьбой и все говорил: «Как же мне теперь относиться к его стихам?». Действительно, к вам, т<о> е<сть> к стихам вашим, женитьба крайне нейдет, и мы все этой дисгармонией очень огорчены; все, кажется, даже без исключения. Вы простите, что я откидываю условности и вместо того, что принято по-житейски говорить в таких случаях, — говорю лишь с точки зрения абсолюта. По-житейски это все, вероятно, совсем иначе, и я несколько не сомневаюсь, что вы будете очень «счастливы».

Хочу отдохнуть от непосильных забот о «Новом пути» и с жадностью сдала его приехавшему Перцову. Не знаю, что там и делается. Надо написать рецензию о Скорпионе и Грифе, она на мне лежит, но я все-таки ничего не делаю, только лежу в гамаке. Отчего так скоро возвращаетесь из-за границы? В Науегейме я не была, но около Фр<ейбурга?> долго жила, там очень хорошо.

Если вздумаете написать что-ниб<удь> в хронику Нов<ого> Пути, — присылайте сюда, Перцов опять скоро уедет.

До свидания, поправляйтесь.
Ваша З. Гиппиус»⁵⁰

Письмо весьма типично для манеры человеческих общений З. Гиппиус: общие представления («брак — мещанство», несовместимость семейной жизни с платоническим культом Прекрасной Дамы и т. д.) прямо проецируются на интимную жизнь знакомых; возникает характерно гиппиусовская смесь комического логизирования и теоретизирования в житейских вопросах, императивности непрошенных поучений и бесцеремонного вмешательства в чужие дела. Блока с его скрытностью и глубоким «старомодным» тактом письмо привело в бешенство.

19 июня (2 июля н. с.) Блок пересылает это письмо из Bad-Nauheim'a своей невесте, добавляя, что оно для него «страшно важно» — и «не по маленькому своему тону, а потому, что *содержание* его открывает <...> глаза на многое». Блока глубоко коробит то, как им «там» интересуются, и то, что этот интерес приобрел характер закулисных сплетен. «Мистики» потянули его смесью книжности и житейской непорядочности. Блок готов остаться один, порвав не только с «петербургскими мистиками», но и с Андреем Белым: «Остаться *одному даже* в покидаемом литературном лагере мне не только не страшно, но и весело, и хорошо, и дерзостно. Господа мистики <...> очевидно, совершенно застряли в непоколебимых математических вычислениях. Я *в первый раз* увидел настоящее *дно* этого тихого омута, посыпанное безобиднейшим желтым житейским песочком <...> Я <...> теперь *молчу еще более*. Никто из них *ничего* не поймет из *моего*. Я буду говорить ВСЕ Тебе»⁵¹. Настроения необходимости ухода от «петербургских мистиков», одинокого, обособленного от всех, кроме «Нее», мистицизма отразились и в лирике этих месяцев:

Многое замолкло. Многие ушли.

Много дум уснуло на краю земли.

Но остались песни и остались дни.

Истина осталась: мы с тобой — одни. (июнь 1903; 1, 367);

Один среди вас, но родной, но чужой,

Расцвету я, свободный и сильный душой.

И не знаю, в какую страну полечу,

Но наверное знаю, что вас не хочу! (июнь 1903; 1, 535;

ср. также «Пристань безмолвна. Земля близка...», «Я — меч, заостренный с обеих сторон...» — июль 1903 и др.). Отход этот (как мы видим из текстов стихотворений, не только «веселый и дерзостный», но и весьма тяжелый для поэта) был важным шагом его поэтического самосознания. Теперь он не только против «мистического рационализма», «математических

вычислений» и схематизма Мережковских и против их бесцеремонной учительности. Он хочет (хотя время для этого еще не настало) уйти и от Андрея Белого, а, в случае необходимости, и от С. Соловьева. Лето 1903 г. — крах его надежд на все, известные Блоку до сих пор формы «мистического братства» символистов. И хотя противопоставление «темного», демонического Петербурга «светлой» Москве в его творчестве еще будет повторяться⁵², Блок теперь ищет путей и вне петербургской мистической схоластики, и вне поэтического и игрового (близкого ему прежде именно своей спонтанной эмоциональностью и внетеоретичностью) «жизнестроения» московских «соловьевцев» — «аргонавтов»⁵³. Свой одинокий и самобытный путь сам Блок связывает, как уже говорилось, с «декадентством». Будущее показало, что это — путь *через* «декадентство» к реальности, демократическим и национальным идеалам.

Внешне пока еще, однако, разрыва не произошло. Осенью 1903 — весной 1904 гг. Блок продолжает встречаться с Мережковскими (главным образом, в связи с «новопутейскими» делами). З. Гиппиус, вероятно, обиженная тем, что жена Блока ей все еще не представлена (но, возможно, и сама все еще не признавая «неправильной» женитьбы Блока), неизменно зовет его на собрания *одного*. В записке от 18 <ноября 1903?> она пишет:

«Вторник 18 <ноября 1903 ?>

Дорогой Александр Александрович!

Приходите в эту субботу вечером на тесную «холостую вечеринку» в ред<акцию> Нового пути. Без вас никак нельзя! Кстати же вы тогда уже родитесь.

Отчего давно к нам не заходите? Работаем до утомления. В воскресенье П. П.<ерцов> уезжает на месяц в Казань!!!

Ваша З. Гиппиус»⁵⁴

Ходит он в редакцию, видимо, все реже и реже. Ср.:

«Вторн<ик>

24. 2. <19>04.

Дорогой Александр Александрович, мы так давно вас не видали, ни у себя — ни в Н<овом> П<ути>. Не придете ли завтра вечером (среда) в редакцию? По средам мы там часто собираемся.

Ваша душевно

З. Гиппиус»⁵⁵.

Трения в это время нередко вызывались и деловыми связями Блока с редакцией «Нового Пути». Получив летом — осенью 1902 г. две подборки блоковских стихов (см. выше, стр. 130), Гиппиус сообщила 15 сентября: «Ваши стихи (те)⁵⁶ пойдут, я надеюсь, в первой книжке, а «Монах» во второй или третьей» (см. стр. 131—132). Однако в первом (январь 1903 г.) номере

«Нового пути» блоковской подборки не было (она, как известно, пошла в мартовском номере), и Блок огорченно и с недоумением обсуждает это с Л. Д. Менделеевой. З. Гиппиус и в дальнейшем регулярно просит у Блока стихов и рецензий для «Нового пути» (см. письмо от 17 июня 1903 г. и др.), причем порой публикации их тоже задерживаются, что вызывает к 1904 г. уже сильное раздражение Блока. Ср. черновик неотправленного письма к П. П. Перцову от 20 <?> мая 1904 г., где Блок пишет не только о задержке публикации «рецензий на книги Бальмонта и Вяч. Иванова» в майской книжке «Нового пути» (Зк, 64—65), но и о каких-то «недоразумениях постороннего и непонятного <...> характера» (Зк, 65) с прошлыми публикациями. П. Перцев подтверждает, что по отношению к рецензиям Блока Мережковские были в «оппозиции»⁵⁷. Впрочем, в «иерархии недоразумений», постоянно возникавших в 1903—04 гг. между Блоком и Мережковскими, затыжки с печатаньем играли роль скорее предлогов для конфликта, нежели их глубинной причины: «Новый путь» все же систематически, хотя и с оттяжками, печатал Блока, а сам поэт никогда не придавал решающего значения «внешним» факторам (не случайно он не посылает письма Перцову, приписывая в записной книжке: «Стало грустно, и не захотелось писать письма <...>, обид не бывает» — ЗК, 65).

Летом 1904 г. Блок и Гиппиус, в отличие от лета 1902 и 1903 г., видимо, не переписываются вообще.

Осенью 1904 г. в расхождении Блока и Мережковских делается еще один — и очень важный — шаг, связанный с холодной оценкой «мистиками» «Стихов о Прекрасной Даме». По возвращении в Петербург Гиппиус сообщает Блоку:

«24. 11. <19>04.
СПб

Александр Александрович.

Мы возникли оба, хотя еще не совсем. Все же зайдите, лучше всего в воскресенье до обеда (в воскресенье я буду дома всегда, даже когда стану выходить). Кончаю длинную рецензию о ваших стихах. А. Крайний не умеет кратко! М<ожет> б<ыть> в воскресенье покажу вам.

Ваша З. Гиппиус»⁵⁸.

Читал ли Блок рецензию до выхода журнала, — неизвестно (скорее всего, судя по характеру отношений и частоте встреч, — читал). Но можно с уверенностью сказать, что, с одной стороны, статья Гиппиус не могла стать причиной подготавливавшегося разрыва (Блок принимал все упреки Гиппиус, хотя и продолжал идти своим путем), но, с другой, — ее появление не могло не углубить трещины между Блоком и «петербургскими мистиками».

Рецензия Х. (З. Гиппиус) начинается похвалой «нежной книжке молодых стихов»⁵⁹. Подобно Белому и Вяч. Иванову⁶⁰, она отмечает «соловьевскую» природу блоковского поэтического идеала, но, в отличие от них, резко подчеркивает и неполноту, неотчетливость «соловьевства» в «Стихах о Прекрасной Даме»: в книжке Блока она видит «только отдаленный намек на ту красоту, правду и сиянье, которые должны спуститься с небес на землю и властно обвить жизнь»⁶¹. Гиппиус упрекает Блока в расплывчатости идеала Прекрасной Дамы («Кто Она <...> Мы не знаем, вряд ли ее знает и ее рыцарь») ⁶² и, сравнивая лирического героя «Стихов...» — рыцаря со «старым, вечным «Бедным рыцарем»⁶³, решительно отдает предпочтение «старому» романтизму, противопоставляя его героичности (««Бедный рыцарь» — кидался в битвы») изнеженности современного «эстетства», которое «пленяет отрывом от земной крови», а не борьбой со злом⁶⁴. Далее следуют резкие упреки в «безрелигиозности, безбожественности» блоковской «прекрасной мистики»⁶⁵, отождествляемой со «страшным» «кумиром эстетики»⁶⁶ — с декадентством. Господствовавший в письмах (и, вероятно, беседах) поучающий тон сменяется прямыми «пророческими» угрозами опасностей «страшной и разъедающей веры эстетической»⁶⁷. Гиппиус приходит к выводу, что именно путь Блока ошибочен: «первая часть» «Стихов...» «гораздо лучше остальных частей»; в последних же разделах «стихи без «Дамы» — часто слабый, легкий бред»⁶⁸, та непонятность, которую и не хочется понимать⁶⁹. Такова итоговая оценка «петербургскими мистиками» движения Блока от «соловьевства» к «распутьям», ведущим его к современности.

В начале 1905 г. отношения все еще продолжают. Они отражены в записке от 17 февраля с жалобой на связанную с перлюстрацией недоставку писем:

«Дорогой Александр Александрович.

Я вам писала по почте, но вчера видела двух людей, которым в понедельник отправила письма вместе с вашим — и эти письма не получились. Боюсь поэтому, что и ваше исчезло в чьих-то недрах. Повторяю на всякий случай приглашение к нам сегодня вечером.

Я знаю, что вы были у меня в позапрошлом воскресенье. Так досадно, что я должна была на целый день уехать.

Ваша

З. Гиппиус.

17. 2. <19>05.

СПб»⁷⁰, —

а также в записке от 4 марта:

«Дорогой Александр Александрович.

Мне очень досадно, что я так давно вас не видала. Пожалуйста, приходите в это воскресенье днем! Есть и дело к вам, немаловажное.

Ваша

З. Гиппиус.

4. З. <19>05.

СПб»⁷¹

В марте раздражается последний конфликт, на три с лишним года прервавший отношения Блока с Мережковскими. Прямой повод его не вполне ясен, но сводится к прямо выраженному поэтом (в не дошедшем до нас письме или в разговоре) нежеланию участвовать в каком-то очередном «мистико-общественном» «общем деле» (возможно, в том самом «немаловажном» деле, о котором шла речь в предыдущей записке)⁷². Говоря на навязанном ему Мережковскими же языке, Блок, по-видимому, мотивирует свой отказ, как и раньше, желанием «декадентского» ухода в «пустоту» и обстоятельствами личной жизни. В ответ Гиппиус 29 марта 1905 г. рвет отношения с Блоком, резко осуждая его за «антиобщественность» и пошлость «всесемейных» идеалов:

«29. З. <19>05.

Мы оба, я и Дм<итрий> Серг<еевич>, считаем ваш отказ просто некрасивым ломаньем. Боясь потерять ваше декадентское достоинство — вы весьма вредите человеческому, ибо у всякого из нас, я думаю, должно быть некоторое чувство солидарности, той общности, взаимопонятия и взаимопомогания, которые делают нас людьми.

Уходите в «пустоту». Но не там придет к вам «Ясная», будьте уверены.

«Всечеловеческое» Она любит; но провал «всечеловеческого» и простого во имя «всесемейного» и неинтересно, безлюбовно, старомодно-вычурного — не думаю... не думаю...

З. Мережковская.»⁷³

Этим письмом (скорее всего оставленным Блоком без ответа), а также неприходом его к Мережковским до отъезда в Шахматово (см.: 8, 124) начинается *более чем трехлетний перерыв в контактах* Блока с Мережковскими (часть этого времени Мережковские проводят во Франции).

Таким образом, Блок был не только идеологически, но и биографически точен, когда в непосланном письме к З. Н. Гиппиус от 31 (18) мая 1918 г. писал, что их «разделил не только 1917 год, но даже 1905-й» (7, 335). Блок порывает с Мережковскими через 2,5 месяца после «кровавого воскресенья» и возобновляет отношения в 1908 году — в эпоху Столыпинской реакции. Эти даты, во многом случайные, вместе с тем выяв-

ляют отмеченную Блоком глубинную закономерность: «Мы встречались лучше всего во времена самой глухой реакции» (7, 335).

Отношения Блока с Мережковскими в 1902—05 гг. не следует упрощать. На молодого Блока повлияли не только концепции «двух бездн» и «синтеза», не только отдельные темы и образы Мережковского и Гиппиус. Парадоксальность отношений сказалась в том, что Мережковские были первыми близкими Блоку людьми, от которых он услышал об «общественности» (разумеется, «религиозной»), «общем деле», о внеположенных эстетике задачах и целях искусства. Идеи имели такой облик и преподносились так, что Блок, идя к революции 1905 г., не мог против них не взбунтоваться как против безжизненных «теорий». Но когда эта же революция привела Блока к идеям *совсем иной* «общественности», уроки Мережковских, порой полностью переосмысленные, сыграли определенную роль в блоковском становлении.

Столь же парадоксальным было и воздействие Мережковских на тематику и поэтику Блока. Постоянно стремясь направить блоковское творчество в русло религиозной поэзии, Мережковские на деле одними из первых толкнули Блока к тому, что все трое определяли как «декадентство», — к «мистицизму в повседневности». Идеи «реабилитации плоти», высокого смысла земного бытия Блок воспринял именно в плане поворота к современности, быту. И здесь «уроки Мережковских» были для Блока довольно важны, а их творческие результаты — настолько своеобразны, что ни З. Н. Гиппиус, ни Мережковский не опознали в них ничего «своего».

Следует отметить еще одно — только кажущееся мелким — обстоятельство. Блок, весьма чуткий ко всему «чужому» в «словечках и привычках» (3, 314), какое-то время находился под обаянием языка Мережковских. С ним в поэтический мир Блока вошло не только множество «словечек» (например, весьма значимый для Мережковских эпитет «последний» — ср. в рассмотренной выше записи Блока пародийно ироническое: «... все вопли — предпоследние»). В бекстовском доме и в доме матери поэта, с их почти полным равнодушием к обряду, а, в известной мере, и к религии, для Блока совсем не был раскрыт не только духовный, но и образно-стилевой мир славянской Библии. Он мог ассоциироваться разве что с казенными уроками закона Божия во Введенской гимназии, а позже — с университетскими академическими штудиями. Мережковские были не менее Блока равнодушны к обряду. З. Н. Гиппиус пишет, что для Мережковского характерен «живой интерес ко всем религиям, к их истории, ко всем церквам, христианским и нехристианским равно» и полное «равнодушие ко всякой обрядности»⁷⁴. Однако

новозаветный мир и особенно апокалипсис был для «петербургских мистиков» живым и постоянным источником размышлений, бесед, споров, цитаций и толкований. Это «сегодняшнее» и весьма далекое от официальной церковности, порой резко кощунственное (ср. идею историко-культурной равнозначности начал Христа и антихриста) осмысление Евангелия, его эстетизированное восприятие живо отозвались в душе и творчестве Блока. До знакомства с Мережковскими у Блока встречаются лишь редкие отзвуки ветхозаветных образов и сюжетов (см. стихотворение «Но прощай, о, прощай, человеческий род!..» — 1, 485, где отразились — под видимым влиянием Вл. Соловьева — мотивы Книги Исхода). Теперь, наряду с активизировавшейся ветхозаветной образностью (ср. образ «огнистого столпа» <Исх., XIII, 21—22> в стихотворении «Я шел — и вслед за мною шли...» — 1, 155), в лирику Блока широко входят и новозаветные, резко переосмысленные и весьма неоднозначно — зачастую богоборчески и антихристиански — истолкованные.

Любопытно, что подавляющее число евангельских цитат и реминисценций у Блока (не только в рассматриваемый период, но и значительно позже) совпадают с текстами, так или иначе отозвавшимися у Мережковского. Особенно интересно почти полное совпадение круга блоковских новозаветных цитат с характерным памятником русского «богоискательства» — текстом «Службы Иоанновой церкви», составленной Мережковскими (и отправлявшейся Мережковскими, Д. В. Filosoфoвым, а также двумя младшими сестрами З. Гиппиус и С. Карташовым на квартире Мережковских), хотя степень знакомства Блока с этим документом нам неизвестна. Здесь и важное для Блока: «И Дух, и Невеста говорят: приходи» (Апок., XXII, 17)⁷⁵ — эпитаф к блоковскому «Верю в Солнце Завета...» (1, 170), и молитва о «Совершенной любви, изгоняющей страх»⁷⁶ (1-ое Посл. Иог., IV, 18) — слова, поставленные эпитафом к «Песне Судьбы» и не раз цитировавшиеся в статьях о народе и интеллигенции, и известное определение Св. Троицы: «Единая, Нераздельная и Неслиянная»⁷⁷ — отозвавшееся у позднего Блока (1919) в характеристике жизненных противоречий (ср.: «...Впервые выросло сознание нераздельности и неслиянности искусства, жизни и политики» — 3, 296; там же: «Трагическое сознание неслиянности и нераздельности всего» и т. д.). Зачастую совпадение (порой кощунственного) текста «Службы» и круга блоковских заимствований ведет нас и к другим общим источникам: к Достоевскому, а также к фольклору (ср.: «Поцелуй землю сырую, мать нашу великую»⁷⁸ — и мотивы «землепоклонства» у Блока «Нечаянной радости», а также мысли о «земной» русской культуре в статьях 1906 г. «Поэзия заговоров и заклинаний», «Девушка розовой калитки и муравьиный царь» и др.), к Ницше (ср. «Поклонимся Солнцу»⁷⁹ и

«Гимн» Блока; впрочем, мотивы земле- и солнцепоклонства обычны в символистской лирике начала XX в.)⁸⁰, к поэтической традиции (ср. «Молитву о преображении Угля души в пламя»⁸¹ и поэтическую мифологию «третьего тома» блоковской лирики о превращении «угля души» в пламя или в алмаз)⁸² и т. д., и т. п.

Евангелие как образно-идейный источник было, безусловно, если не открыто, то воскрешено Блоком в мире Мережковских. Тем более символическим оказывается то, что, отходя от Мережковских, Блок в 1910-х гг. противопоставлял себя «постывшимся» ему «людям, уныло ждущим Христа» (3, 82), а в 1918 г. поставил своего Христа впереди ненавидимых Мережковскими «хамов».

II.

Расставшись с Мережковскими в такие важнейшие для его эволюции годы, как эпоха Первой русской революции, Блок, конечно, не полностью порывает все личные связи с ними (как и Мережковские — с Блоком). Однако контакты резко ослабляются, и становится заметной новая «асимметрия» их отношений, столь не похожая на «асимметрию» восторженного отношения юного адепта символизма к его «мэтрам» и холодности самих «мэтров» к новичку. Теперь разрыв для Блока почти не чувствителен. Впечатления Первой русской революции, резкая перестройка мирозерцания (разочарование в «соловьевских» утопиях, но и напряженное преодоление собственного «декадентства»), драматические коллизии семейной жизни — все это сделало для Блока почти незаметным и безболезненным исчезновение Мережковских с его литературного и личного горизонта. 19 мая 1905 года (то есть до последнего письма Гиппиус) Блок еще, кажется, жалеет о «глупом» разрыве: «А я не простился с Мережковскими, и вообще кончилось с ними как-то глупо и досадно, из-за Зинаиды Николаевны» (8, 124). Однако 2 октября этого же года он пишет о конфликте уже совсем отрешенно: «Куда-то совсем ушли Мережковские, и я перестал знать их, а они совершенно отвергли меня. Можно сказать, наплевали. Не знаю, надо так или не надо. Надрыва же никакого нет» (8, 136). Блок в 1906 году даже изредка навещает Мережковских — настолько внутренне безразлично поэту их отношение к нему (ср. в письме Андрею Белому от 3 января 1906 г.: «Вчера я был на минуту у Мережковских <...> Зинаида Николаевна опять ломалась и литературничала» — 8, 146—147; ср. в письме от 28 января 1906 г.: «Все не могу собраться к Мережковским по-настоящему <...> опять разное думаю о них. Я люблю их, но мне часто начинает казаться, что они — ужасные келейники» — 8, 148). Что же касается «келейников», то их отно-

шение к Блоку было в эти годы значительно более раздраженным, обиженным и удивительно необъективным. Не видя эволюции Блока, все еще считая его либо наивным «старым» романтиком, либо «декадентом», Мережковские крайне недоброжелательно (видимо, оскорбленно-недоброжелательно) относятся и к Блоку-человеку. Не случайно в 1906 г., в период трагического разлада между Блоком и Любовью Дмитриевной и начинавшегося романа Любови Дмитриевны и Андрея Белого, З. Гиппиус и ее сестра, художница Т. Н. Гиппиус, безоговорочно и активно приняли сторону Белого⁸³. Блок, однако, и к этому, весьма бесцеремонному вмешательству в его личную жизнь относился равнодушно. Мережковские как люди для него в годы революции, действительно, «куда-то ушли».

Впрочем, Блок, литературные оценки которого всегда (или почти всегда) были свободны от его личных отношений с писателями-современниками, к концу периода расхождений с Мережковскими дважды откликается на творчество «петербургских мистиков». В октябре 1906 года в статье «Безвременье» он говорит о прозе З. Гиппиус, и в этом же году Блок пишет для сборника «Хризопрас» (М., 1906—07) рецензию на третье издание «Вечных спутников» Мережковского («Пушкин», СПб, 1906). Первый из этих отзывов как бы подводит итоги отношений с Мережковскими в 1903—05 гг., второй — намечает линии будущих схождения (1908—09 гг.).

В статье «Безвременье» Блок развивает идущие от публицистики Достоевского образы русских писателей как «демонов», вводя в этот круг и самого Достоевского. «Зрячих» демонов Лермонтова и Гоголя он противопоставляет «слепому и могучему» Достоевскому (5, 76) по признаку: «романтический скепсис, неверие в земное воплощение идеала (скука, ирония)» — «вера в «вечную гармонию»» (5, 79), стремление к воплощению, страдание и гибель от «необретения» земного идеала. Противопоставление это затем переносится на современную Блоку литературу. В чем-то оно совпадает с важнейшей для поэта оппозицией не ждущего никаких жизненных «воплощений» «чисто» эстетического крыла символизма («декадентского», «модернистского» его полюса) и его мистико-эстетического (утопического) крыла.

Рассматривая в этом ракурсе творчество З. Гиппиус и Ф. Сологуба, Блок неожиданно объявляет их обоих наследниками романтизма Лермонтова и Гоголя, а не мечтающего о «вечной гармонии» Достоевского: «От первых перешла к нам мудрость <т. е. неверие в «преображение» земного мира Красотой. — З. М.>, от второго, может быть, — только опыт его страдания» (5, 80). «Преображение» мирового хаоса в рассказах Гиппиус «совершается в глубинах зеркала» (5, 80), в мире легкой и тихой фантазии, которая самоценна в своей «бесцельной сво-

боде», лишена земных страстей и ничего не хочет от реальности (там же). Это — условно, только в фантазии художника существующее «преображение» (в творчестве Сологуба ему соответствует преобразование «мглы стихий» «незапятнанно-чистым языком» художника, а также вера в истинное Преображение — в смерть — 5, 81) Блок сопоставляет с «тишиной прекрасной», в которой живут «добровольно сиротеющие», от всего в жизни отказавшиеся «странники» — современные русские люди, анархические разрушители всех догм — но и всех идеалов. И, внезапно, меняя тон, как бы вставая на позицию пламенного утописта Достоевского и используя его образы, Блок резко и с ужасом отказывается от условного счастья, *только в искусстве существующего преобразования мира*: «А что, если вся тишина земная и российская, вся бесцельная свобода и радость наша — соткана из паутины? Если жирная паучиха тклет и тклет паутину нашего счастья, нашей жизни <...> кто будет рвать паутину?» (5, 82). И Блок недвусмысленно говорит Тишине условных преобразований, воспеваемых художниками-символистами, свое: «Да не будет так» (5, 82).

Глубокая полемичность оценки творчества Гиппиус в «Безвременье» раскрывается при сопоставлении этой оценки с позицией самой Гиппиус — с ее постоянной критикой «декадентства» и ироническим отношением к «романтизму», с ее и Мережковского постоянными апелляциями к Достоевскому, с ее убежденностью в своей противоположности «декадентам» и в собственном напряженном служении высоким целям, наконец, с ее постоянными упреками Блоку в его «декадентстве» и холодности к идеям «религиозной общественности». Блок с большой тонкостью показывает именно «декадентскую» природу творчества самой Гиппиус — и ее примиренность с «паучьей» сущностью жизни. Любопытно, однако, что основные линии блоковской критики во многом восходят к статьям (и письмам) самой Гиппиус, а затем, преобразованные, направляются против нее же.

Совершенно в ином ключе написана краткая рецензия на брошюру Мережковского. Здесь Блок, под сильным впечатлением историко-литературных работ Мережковского, говорит о его эволюции. Когда-то, пишет Блок, «легко было <...> принять Мережковского за эстета, индивидуалиста, космополита» (5, 635) и «юные мистики считали Мережковского как бы своей личной собственностью» (там же). Теперь, однако, считает Блок, Мережковский — «истинный писатель, то есть тот, кто воистину подарил себя и свое — родной литературе» (5, 635), «за спиной его — Россия; он — сын ее и слезами обливается за нее, болью ее горит, тоской ее тоскует» (5, 636). Это и дает Мережковскому право говорить о средоточии русской культуры — о творчестве Пушкина.

Восторженный тон блоковской рецензии связан, по-видимому, не столько с оценкой работы о Пушкине (она была известна Блоку и раньше), сколько с ощущением общей эволюции Мережковского в предреволюционные годы. Блок, полностью оторвавшись от личных конфликтов с Мережковским, приветствует его отход от эстетства 1890-х гг. к национальной теме и мыслям об исторической миссии России в начале XX века. При этом Блок-критик (как это с ним бывало и в ряде других случаев) осмысляет чужую эволюцию в свете своей собственной...

Рецензия Блока на «Вечных спутников» как бы подготавливала его вторую «встречу» с Мережковскими. Однако до наступления «самой глухой реакции» она — весьма символично! — так и не могла состояться.

III.

Годы революции Блок провел в отдалении от «петербургских мистиков». Без них он порвал с «детским», «сказочным» мистицизмом младших символистов — «соловьевцев», без них подошел к лирике политической и социальной, без них начал свою резкую критику «интеллигентского» индивидуализма и модернизма, без них пришел к традициям русского демократизма и реализма XIX века, к главной теме своего зрелого творчества — теме России и народа и неизбежности грядущей революции, ведущей к «новой жизни».

К осени 1908 года Блок оказывается в довольно заметной изоляции от ведущих русских символистов. Разрыв с Андреем Белым⁸⁴, охлаждение к Вяч. Иванову, определенное резкой критикой Блоком «мистического анархизма» и стимулированное ослаблением личных связей с Ивановым после смерти его жены, Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, осенью 1907 г.⁸⁵, обычное отсутствие тесных личных связей с В. Брюсовым, все растущее недоброе отношение Мережковских — таково было положение Блока внутри символизма ко времени создания им первых статей о народе и интеллигенции. Блок и сам прекрасно понимал это. Идеалы его в это время прочно связались с обращением к «революционным заветам» русской культуры XIX в. Он мечтает «о журнале с традициями добролюбовского «Современника»» (ЗК, 113). Фиксируя свое полное одиночество в среде символистов, Блок пишет 26 июня 1908 г.: «Хвала Создателю! С лучшими друзьями и «покровителями» (А. Белый во главе) я внутренне разделался навек. Наконец-то! (разумею полупомешанных — А. Белый, и болтунов — Мережковские)» (ЗК, 108—109).

Однако отношения с «болтунами» как раз в это время претерпевают известные изменения. В начале 1908 г. Мережковские, и живя в Париже, и сразу по возвращении в Петер-

бург, обращают Блоку резкие упреки в «декадентстве». При этом они (как и большинство критиков-символистов) либо не замечают в блоковском творчестве ничего нового, не видят в Блоке ничего, кроме гимнов «Вечной женственности», либо не признают этого нового, толкая поэта назад — к «Стихам о Прекрасной Даме». Так, Мережковский в статье «Декадентство и общественность» (1906) рассматривает Блока 1906 г. лишь как прежнего певца «Девы»: «Нежный Блок из новейших все поет себе самому про к нему одному приходящую, им одним виденную «Царицу», «Деву» <...> Видит себя и ее, для себя и для нее слагает гимны»⁸⁶. Странно читать эти слова, адресованные автору «Балаганчика» и других драм 1906 г. и сб. «Нечаянная Радость» (1907). Однако, когда Блок пишет нечто и для себя и для читателя совершенно новое — свои статьи 1907—08 гг., З. Гиппиус с крайним высокомерием говорит о его публицистике: «Зачем он пишет в «Перевале» свои детские, несчастенькие статьи, о «Михаиле Бакуanine» — срываясь из «общественности» на Деву Радужных Ворот? Ну, какой он общественник!»⁸⁷. Еще более высокомерны гиппиусовские оценки Блока в статье «Засоборились». «Все опыты его в критике — ниже всякой критики <...> Для критики, да еще «всеобъединяющей», мало интуиции, нежности, вдохновения: нужны мысли. А мысли Блока — это мухи, беспомощно мечущиеся под проволочной кондитерской сеткой. Выступая как критик, он каждый раз роняет себя»⁸⁸. Надменный тон критики неожиданно дополняется упреками этического плана: близкий к Мережковским Д. В. Философов обвиняет Блока... в измене «мистическому анархизму» и предательстве по отношению к Чулкову⁸⁹.

Все это готово было превратиться в травлю Блока (даже Г. Чулков, высоко оценивавший Блока-поэта, полемизировал с его статьями)⁹⁰. Однако к лету 1908 г. Мережковские, постоянно критиковавшие «декадентство», начинают относиться к статьям Блока сдержанно, ощущая известное родство позиций. Напомним, что годы Первой русской революции — это время наибольшего политического радикализма Мережковских. Враждебные марксизму, они, однако, сближаются с эсерами и особенно — с неопределенным «неонародничеством» второй половины 1900-х гг. (см., например, их книгу «Царь и русская революция»). Именно этот всплеск радикализма, интереса к народным движениям определил новую волну критики индивидуализма и декадентства и создал предпосылки для «перемирья» с Блоком. 12 сентября 1908 г. З. Гиппиус пишет первое после трехлетнего перерыва письмо к Блоку. Из письма видно, что Блок мельком виделся с Мережковскими в 1908 г. еще до своего отъезда в Шахматово и что Мережковские почувствовали наконец перемену в его взглядах (а Блок, напротив, не воспринял нового в их облике).

«12. 9. <19>08.
Литейный 24
СПб

Дорогой Александр Александрович.

Нам очень досадно, что пришлось увидеть вас лишь мельком, после такого долгого промежутка. Но я надеюсь, что вы скоро приедете, и что ваша теперешняя слава не заставит вас совершенно забыть старых друзей.

Пишу вам вот по какому случаю. С сегодняшнего дня журнал «Образование» и газета «Утро» окончательно перешли в **наши руки**, и будут издаваться оба под редакцией одного и того же «редакционного комитета» (чисто-политической и экономической частью заведуют Богучарский и Прокопович). Наш первый № Утра выйдет в понедельник; а первая **наша** книжка Образования — сентябрьская. Кажется, имя ваше уже стоит в числе сотрудников того и другого издания (если нет, то вы, ведь, позволите его поставить?), и нам особенно было бы приятно, чтобы вы что-нибудь теперь же прислали нам. В Образовании стихи мы намереваемся печатать по несколько, как в Новом Пути. Вообще, хотя со времен Нов<ого> Пути и многое изменилось, но кое-что я вспоминаю с удовольствием, верю, что и вы не смотрите с презрением на свое прошлое. Может быть, благодаря этому, вы с дружелюбием посмотрите и на новое наше дело, — если не такое горячее, как прошлое, то лишь потому, что не такое наивное. Жду вашего ответа, и очень приветствуем мы все вас и Любовь Дмитриевну. Хотя и в ее жизни произошли большие перемены (она будет, кажется, играть у Коммиссаржевской нынче?), но, думается, и она вспомнит симпатию, с которой я к ней относилась в продолжении краткого нашего знакомства.

Сердечно ваша

Зин<аида>

Гиппиус-Мережковская»⁹¹.

В это время З. Гиппиус пишет эссе «Милая девушка» — символическое описание блоковской «музы». Лирическое описание это (в его объекте мы узнаем то блоковское творчество, то черты Любви Дмитриевны Блок) неожиданно дружелюбно и лирично, хотя и не без обычной для Гиппиус назидательности: Гиппиус уговаривает «сошедшую на землю» музу поэта «увести его в стан погибающих за великое дело любви»⁹².

Написанная по поводу доклада Блока «Народ и интеллигенция» (прочтенного в Религиозно-философском обществе 13 ноября 1908 г.) статья Д. Мережковского «Интеллигенция и народ»⁹³ по существу весьма далека от Блока. Мережковского более всего интересуют вопросы «религиозной общественности»,

движение интеллигенции 1907—08 гг. от «позитивизма» к религии. Этими проблемами Мережковский стремится заменить мучащий Блока *социальный* вопрос об интеллигенции и народе. Однако внешне Мережковский не только не полемизирует с Блоком, но и соглашается с ним. На заседании в Литературном обществе 12 декабря 1908 г., где Блок второй раз читал доклад, Мережковский выступил в защиту идей Блока (см.: 8, 269).

Перемена во взглядах Мережковских на Блока повлекла и возобновление личных контактов.

3. Гиппиус и Мережковский в это время предпринимают активные попытки вновь организовать журнал и получить «свой» отдел в газете, — попытки, связанные со стремлением к общественной деятельности, прорыву к широкому читателю. Их планы в какой-то мере соответствовали мечтам Блока о своем журнале. Не удивительно, что на предложение 3. Гиппиус войти в число сотрудников журнала «Образование» и газ. «Утро» Блок отвечает сразу же. Содержание этого утраченного (как и все письма Блока к 3. Гиппиус этих лет) ответа частично реконструируется из последующего письма Гиппиус. Блок ответил на первое письмо (прибывшее на станцию Солнечногорское 14 сентября и, видимо, полученное адресатом в тот же или на следующий день) очень быстро. 20 сентября 3. Гиппиус пишет:

«Лит<ейный> 24 СПб
20. 9. <19>08.

Милый Александр Александрович.

Вашим письмом вы доставили мне (и всем нам) редкую и самую реальную радость, — должна прибавить «нечаянную»; ибо со всем тем, что вы пишете, ехали мы в Россию, но не чаяли найти никакого отклика, и менее всего в новейших кругах литературных, где, казалось нам, безнадежно поселились: дешевое гениальничанье, ребяческое легкомыслие, стилизованная порнография, некультурное словесничанье и **выдуманные** трагедии. Мы приговаривались молчать и **ничего не делать**, так как нам казалось, что в **нашем** каком-нибудь деле мы не найдем помощников, а в ваши здешние дела (как они нам рисовались) мы никогда бы не пошли. Случилось иначе; с первых дней мы почувствовали, что чуждое нам — отвечает, и только это чувство позволило нам подумать о возможности какого-нибудь общего дела. Ваше письмо так ярко формулировало самые близкие наши мысли и надежды, что, поверив этому, вы поймете и нашу радость. Меня печалит в письме вашем — оговорки: если вы еще помните время наших прежних отношений — вы должны бы помнить и склонность мою ко всякой прямоте слов, хотя бы упреков; я не признаю, что какая бы

то ни было прямога могла повести к ссоре; я, как и вы, считаю постыдными легкомысленные ссоры и примирения, столь частые в новейших «кружках». Столь же прямо, как и вы, я скажу вам, что мы намерены ни с кем не ссориться, оставляя при этом за собою право свободного, **серьезного** литературно-критического слова. Перед нами стоит очень трудная задача: ведь сейчас происходит выбор **имен**, а не произведений; мы же этого не хотим. Вы сам пишете о «строгом манифесте», вот и мы об этом мечтаем. Скажем, к примеру: я не люблю... кого? ну хоть Каменского или Осипа Дымова; но я могу представить себе, что кто-нибудь из них напишет рассказ недурной, возможный для напечатанья; но я не могу себе представить, что я должна печатать **все** Дымовское, что бы он ни дал. А на таком, или подобном, принципе строятся нынешние литературные предприятия. Другая наша задача — создать **связь** людей, и связать их именно общностью дела. Вот вы говорите, что у Вас есть люди на примете; давайте их, я всегда верила, что было бы место, а люди найдутся, ибо они **есть**. Если мы на что до сих пор оказывались годны, то на посильное создание общей почвы для встречи людей. В Париже паркет нашей комнаты — и тот оказался важным, и многому мы тут научились сами, многое узнали и навсегда поняли. Ведь и вы не знаете наших изменений и переживаний со дней нашей с вами разлуки...

Несколько откровенных слов относительно ваших упреков. Я ни на йоту не переменяла взгляда моего на Г. И. Чулкова. Считала и считаю его писателем не особенно умным и не даровитым, что выступает ярче там, где он теряет свое место и старается занять ему неподходящее; в общем же он очень невинен, и ни малейшего зла я к нему никогда не питала, если не считать секунд досады, когда он выкрикивал слова, к которым мы привыкли относиться бережно и строго. (Кстати: Г<еоргий> И<ванович> дал согласие участвовать и в «Утре» и в «Образовании»). Я даже подчас удерживала пылкость Бугаева, безмерное раздражение тут, которого я не одобряю, не понимаю и понимать не хочу. По **особым** настояниям Брюсова, который **лично** просил меня писать о «мист<ическом> анархизме» — я давала мои заметки, от которых по существу и теперь не отказываюсь, но пользы которых и тогда не видала. Прибавлю, однако, еще раз: если придется — я непременно буду писать против мист<ического> анархизма и мист<ических> анархистов, как и против всякой семейно-литературной кружковщины, **чьи бы имена это ни затрагивало**. Верно, однако, что не будет нужды возвращаться ко многому из отживающего: ваше письмо мне в том порукой.

Теперь я перехожу к самому главному, им и закончу. Ближе всего нам, теперешним, — ваша мысль о будущей революции

и о народе (тут, вероятно, будут у нас несхождения мыслей кое-какие, поговорим лично). Принимая это все (плюс ваш взгляд на журнал, как **на строгое общее дело**), — за истинное, искреннее выражение ваших мыслей, веря этому вашему направлению воли (ваше «хочу») — мы говорим вам: не стихи **только** от вас нам нужны, но все, где вы будете высказываться с наибольшей полнотой. Вы этим окажете настоящую помощь... не нам только, быть может. Мы хотим работать не для себя (о, сколько раз повторяли мы, что для обретения себя — надо не «сберегать» себя!), и потому у нас сейчас **нет самолюбий**, хотелось бы быть тут с вами равными. Мы хотим открыть вам наши двери для общего строительства и **совместной** работы, и если вы тут пойдете действительно нам навстречу — можно будет легче смотреть вперед и побольше верить, что делаем нужное дело.

Ваша

З. Гиппиус.

Р. S. С нетерпением ждем вашего приезда и Люб<овь> Дм<итриевну>»⁹⁴.

Письмо это — одно из самых важных в обильной корреспонденции, адресованной З. Гиппиус Блоку. Его значение и в формулировке общественно-политической позиции Мережковских в 1908 г., и главное — в том, что на его основании довольно точно реконструируется, вероятно, одно из интереснейших писем Блока 1908 г., излагающее его социальную и эстетическую программу эпохи статей о народе и интеллигенции. Слова Гиппиус о путях обретения себя через утрату «я», сложно контаминируя с евангелием, «Выбранными местами из переписки с друзьями» и с цитатой из Мережковского, Блок повторит в статье «Народ и интеллигенция» (ноябрь 1908; см.: 5, 326).

Испытанное Мережковскими ощущение близости к Блоку не следует преувеличивать. Речь идет, конечно, не о сходстве какой-то политической программы. Кадетские симпатии Мережковских, приходящие на смену эсеровским увлечениям, могли быть Блоку 1907—08 гг. только враждебными; сохранявшиеся же связи их с подпольем (эсеры) и «религиозной общественностью» («гогофские христиане», сектанты) весьма интересовали поэта, но этот глубокий интерес на блоковском языке не формулировался в терминах «партий». Близость, которую почувствовали Мережковские, состояла в общем резко отрицательном отношении к «позорному строю» русской жизни в эпоху Столыпинской реакции, во взрыве бунтарских настроений, критике «декадентства», модернистского эпигонства, безответственного «революционерства» «мистических анархистов» и «стилизованной порнографии», в стремлении к общественной и литературно-критической деятельности и поисках путей к ней.

Наибольшая близость проявилась в литературно-обществен-

ных планах: «Вы <...> пишете о «строгом манифесте»». Эти слова Блока совпадают с блоковской записью от 12 сентября 1908 г. (за 2—3 дня до получения письма Гиппиус; см.: ЗК, 113). По всей вероятности, Блок в письме, о котором идет речь, развивал мысли, кратко зафиксированные в записной книжке: «Мечты о журнале с традициями добролюбовского «Современника». Две интеллигенции. Дряньность «западнических» кампаний («Весы», мистический анархизм и т. п.). Единственный манифест и строжайшая программа. Чтоб не пахло никакой порнографией, ни страдальческой, ни хамской <...> Бойкот новой западной литературы» (там же). Борьба с модернизмом, «порнографией», тяготение к национально укорененной литературе — все это, казалось бы, давало основание для будущих сближений.

В письме Блока, как видно из ответа Гиппиус, содержались какие-то оговорки относительно условий будущего сотрудничества. Это, по-видимому, призыв поэта отрешиться от разъедавших символизм мелочных межгрупповых и личных ссор. Отвечая Блоку, Гиппиус пишет: «Я, как и вы, считаю постыдными легкомысленные ссоры и примирения, столь частые в новейших «кружках»» и т. д.

Вторая «оговорка» Блока касалась защиты «мистического анархиста» Чулкова от резких печатных нападок З. Гиппиус.

Следует отметить внутреннюю сложность соотношения настроений корреспондентов. С одной стороны, Блок не менее активно, чем Гиппиус, не принимает «мистического анархизма» и так же, как и она, призывает к принципиальному разговору. В адрес Чулкова в его записных книжках содержатся очень близкие к З. Гиппиус мысли о безответственности «выкриков» Чулкова («напыщенная риторика» — ЗК, 96), о его несамостоятельности («У него если пафос, так похож на чужой» — там же) и т. д. Однако Блока возмущает травля Чулкова в символистской прессе. В это время, под влиянием обращения к традициям культуры XIX в., в сознании Блока выдвигаются на первый план мысли не только об общественном долге художника, но и о связанной с этими идеями этике, нормах поведения. «Эстетические» нормы поведения русских символистов: «жизнестроение», игровое отношение к действительности, декадентский субъективизм и «демонизм» — становятся все более неприемлемыми для Блока. И хотя внешне борьба с декадентством ведется Мережковскими не менее энергично, чем Блоком, а З. Гиппиус тоже стремится обосновать свою позицию не как личную, кружковую или эстетизированную, однако, сам стиль полемики обнажает коренное различие ее основ: ориентацию Мережковских на позицию мэтров и идущую от 1890-х гг. «многоликость» поведения — и блоковское стремление отказаться

от всякой, вообще, маски, эстетизированной позы, утвердить гуманность как норму литературных отношений и т. д.

Завершение ответа Гиппиус, пока весьма мажорное, снова дает возможность частично восстановить содержание блоковского письма: «Ближе всего нам, теперешним, — ваша мысль о будущей революции и о народе <...> Принимая это все (плюс ваш взгляд на журнал как на строгое общее дело) <...>, мы говорим вам: не стихи только от вас нам нужны, но все, где вы будете высказываться с наибольшей полнотой». Предложение это, несколько странное, если учесть недавние резко отрицательные отзывы З. Гиппиус и Мережковского о блоковской публицистике, вместе с тем, показывает, что сближение их с Блоком теперь опирается на уважительное отношение к его взглядам, в какой-то мере — даже отражает их воздействие.

«Мы хотим открыть вам наши двери для общего строительства и совместной работы, и если вы тут пойдете действительно нам навстречу — можно будет легче смотреть вперед и больше верить, что делаем нужное дело», — эти несколько широковещательные заявления не могли, однако, не быть в чем-то созвучными Блоку. По всей вероятности, он ответил согласием сотрудничать.

Однако переговоры с «Утром» и «Образованием» сорвались, сменившись — тоже неисполнившимися — надеждами Мережковских на активное участие в публицистическом отделе московской «Русской мысли». В письме от 20 октября 1908 г. (дата по почтовому штемпелю) Гиппиус делится этими планами с Блоком.

«Понед<ельник, 20 октября 1908>

Решила никогда более не писать о вас, ибо всякий раз глупые недоразумения. В то время, как я махала всю корректуру, — ее схватили ночью, в типографии, и в сыром виде тиснули — в воскресенье! Я наскандалила, но помочь уже было нельзя.

Ждем вас завтра (вторник) вечером, обязательно. Не забудьте. Увенчалась ли сегодняшняя ваша миссия успехом?

З. Г<иппиус>

Мы окончательно вошли в «Русск<ую> мысль»⁹⁵

Упомянутое в этой записке «недоразумение» касается эссе «Милая девушка» и, по-видимому, опять характеризует известную непрямоту Гиппиус, намекающей на ее стремление написать, якобы, нечто значительно более дружественное, чем то, что вышло из-под ее пера. Однако само эссе, как мы видели, более «пробловское», чем все, написанное Гиппиус ранее. Если верить письму З. Гиппиус от 3 декабря и ее воспоминаниям, разрыв Мережковских с «Русской мыслью» был вызван

нежеланием редколлегии опубликовать статью Блока — доклад «Россия и интеллигенция» (ср. в письме матери от 16 ноября 1908 г. о «совершенном возмущении» П. Струве этим докладом — см.: 8, 261). Письму предшествует открытка от 27 ноября, в которой уже чувствуются трения с «Русской мыслью».

«Еще ничего не знаю. Присылайте рецензии! Адрес: Отель Националь, Тверская.

3. Г<иппиус>»⁹⁶

3 декабря, в конце своего визита в редакцию «Русской мысли», 3. Гиппиус сообщает из Москвы:

«Сообщаю вам грустные, скучные и противные для нас обстоятельства, Александр Александрович. Вину не знаю, на кого наложить, да, может, и никто не виноват, а, может, и все, — «дело наше такое, — бездомное...»

Мы разошлись с Русск<ой> М<ыслью> и остаемся, — для приличия и для того, чтобы не «посадить» Кизеветтеров, — еще 2—3 месяца редакторами **чисто-беллетристического** отдела. Предлог, т<о> е<сть> повод, который выявил нашу полную несходимость и вообще бессмыслицу этого предприятия, — была ваша статья. Д<митрий> С<ергеевич> в смысле «как» был, м<ожет> б<ыть>, не прав, — зачем резкости? Но в смысле «что», т<о> е<сть> разрыва, я вполне с ним солидарна. Таким образом, я посылаю вам рукопись, которую очень советую отдать поскорее Кусковой. Ее газета мне вообще нравится. Вот уж где нет ни капли хулиганства, да нет, кажется, и той мерзости, кот<орую> мы встретили в Русск<ой> Мысли.

Должна вам сказать, что Москва на меня произвела потрясающее впечатление в смысле ужаса, и должна признаться, что мы оказались не на высоте положения, не устояли перед всяческими «провокациями» и считаем себя во многом виноватыми. Ну, это хорошо, иметь уроки опыта, и я от них никогда не падаю духом.

Кончаю письмо, ибо лучше расскажу вам все лично. Мы, к величайшему моему огорчению, приедем не раньше понедельника. Если бы вы зашли днем **во вторник**, я бы рассказала вам все подробно.

Приветствуем вас все нежно.

3. Гиппиус

Р. S. Ваша рецензия о 15 поэтах очень мне понравилась. Мы ее отдали в редакцию, наверно они ею воспользуются. Но теперь мы больше никаких рецензий не заказываем, пусть они как хотят. А только: я механически читаю всю беллетристиче-

скую дрянь, кот<орую> и отсылаю с пометками. Желала бы скорейшего освобождения. Пожелайте и вы мне его

3. 12. <19>08

Москва»⁹⁷

В это время, по-видимому, Гиппиус, как и Мережковский, меняет отношение к публицистике Блока (ср. в том же письме: «Ваша рецензия о 15 поэтах⁹⁸ очень мне понравилась») и полностью (или, по крайней мере, во многом) ощущает себя его единомышленницей.

Конец 1908 — начало 1909 г. идут под знаком известного сближения — и мировоззренческого, и личного. Однако и теперь постоянно возникают характерные конфликты и недоразумения. Так, в письме от 11 декабря 1908 г. З. Гиппиус резко выступает против членов «кружка одиноких» — литературного содружества молодых писателей неопределенно демократической ориентации, стремившихся к контактам с Л. Толстым, Блоком и др. и переписывавшихся в 1908 г. с Блоком.

Блок интересовался «одинокими». 1 мая 1908 г. он приглашает одного из них, А. С. Андреева, на чтение «Песни Судьбы», считает с его мнением «свежего человека» (ЗК, 106); А. С. Андреев пишет Блоку заинтересовавшее его письмо (см.: 8, 262 и 268)⁹⁹, и Блок отвечает ему 19 августа (см.: ЗК, 112). 12 сентября Блок заносит в записную книжку любопытные слова: «Из «одиноких» может что-нибудь выйти. <...> «Одинокий» — *tabula rasa*. Искать людей. Написать доклад о единственно возможном преодолении одиночества — приобщение к народной душе и занятие общественной деятельностью. Только чувствуя себя гражданином, — и т. д.» (ЗК, 114). Пишет Блоку и основательница кружка М. Либерсон, и одно из ее писем, возможно, полученное после их встречи у Евг. Иванова 7 декабря (см.: 8, 268), он передает Мережковским, видимо, для чтения и обсуждения на одном из заседаний Религиозно-философского общества. З. Гиппиус отвечает резкой отповедью Либерсон (а, в подтексте, — и Блоку):

«Четв<ерг, 11. XII. <19>08>

Нет, конечно, читать это было бы просто скучно, — прежде всего. А вообще — вы бы убедили барышню, поговорили бы с ней, заставили бы ее подумать... Мне показалось это трогательным, добрым и — страшным. Страшно, что это может существовать, как факт жизни, все это. Страшна такая наивность, прямо ужасающая. Ведь уж лучше «корабль всемирного ребячества». «Приласкать», «согреть» «всех одиноких», полить маслом их «одиночество»... Да знаете, чем звучат эти младенческие слова? Если бы барышня сказала: ах, на свете столько голодных! Я хочу их накормить! — это бы звучало менее наивно. Или: бедные мужички! У них нет хлеба! Отчего они не

едят пирожного, в таком случае? — Вот это что такое, — только еще непозволительнее, потому что легче соблазняет малых сих. Нельзя так несерьезно относиться к глубине жизни и к глубине человеческой души, никакие нежные, самые искренне-добрые, «чувствительные чувства» не могут этого оправдать. Если у барышни есть хоть капля настоящего ума, — ему нужно помочь работать в настоящую сторону. Мне воистину жаль было этих «одиноких», но не за «одиначество» их, а за то, что они эти письма писали; настоящий одинокий, которого стоило бы спасти и помочь ему, — не напишет такого письма и не пойдет. А эти — либо бездельники, либо беспомощные несчастные, которые все-му поверят и которых тем менее можно обманывать. Скажите пожалуйста, курсистка от отчаяния идет в кухню с кухаркой разговаривать «о ценах на мясо...» да, может, кухарка «одинокее» ее! И почему устроительница «всеобщего кормления душ» думает, что она непременно всем «одиноким» даст пищу лучше кухаркиной! «Привет и ласку!» Скажите на милость! Люди тысячи лет быются над словами «любите друг друга», «накормите голодных», на этом весь огромный мир вертится, а тут пришла барышня и тотчас устроила всемирный союз одиноких! «Одиначество» — не «связь», а «разделение». Этого самоварами не зальешь. Я вижу с полной ясностью моего разума и моих чувств, что во всем этом — такая оскорбительная **глупость**, что и простить нельзя. Пожалуй, и говорить, и убеждать — бесполезно. Трудно пайти доводы против того, что слишком неоспорно ясно. Как факт жизни — оно больно и горько. О, несчастное, беспомощное, глупое, страшное время! И уродливое вдобавок. Впрочем, тем более ответственны мы, чем более это понимаем. Много бы еще хотелось не говорить, а кричать по этому поводу, но довольно. Лучше помолчать.

До пятницы. Постараемся прийти вас слушать.

З. Г <гиппиус>»¹⁰⁰

Отраженное в этом письме подспудное несогласие Гиппиус с Блоком весьма показательно. С одной стороны, в гиппиусовском возмущении, безусловно, есть резоны и отражается ее резкий, критический ум: идеи «одиноких» не только утопичны, но и, действительно, весьма наивны. Надежды Блока на этот кружок, тоже весьма наивные, конечно же, не оправдались. Но в позиции Блока много привлекательного. Он «по-толстовски» возлагает надежды на личный опыт живого человека — З. Гиппиус верит только в опыт либеральной «общественности», становящейся в эти годы все более бессильной. Блок пронзен максималистским желанием начать все с начала (порвать привычные связи, стать «одиноким» — чтобы потом заново «приобщиться к народной душе») — Гиппиус «историчней», но за историзмом ее позиции видны ненавистные Блоку «кадетизм» и

рационализм. Блок в своих положениях исходит из того, что истину следует искать, — в категорических заявлениях Гиппиус звучит безапелляционная убежденность в собственной правоте. Наконец, Блок постоянно ищет в эти годы опору в «свежих людях»; в «не-символистах», не-филологах, особенно — в молодежи. В негодующих же словах Гиппиус звучит раздражение наивностью «непосвященных», хотя совсем недавно она радовалась, что у Блока есть «люди на примете». И хотя расхождение во взгляде на «одиноких» — мелкий, не получивший продолжения эпизод в отношениях Блока и Мережковских, в нем, как в капле воды, отразилось то, что приведет к их разрыву через 10 лет.

Письма и записки Гиппиус конца 1908 — начала 1909 гг. свидетельствуют об участившихся встречах, известной близости идейно-литературных вкусов. Записка от 4 января 1909 г. как бы возвращает нас к литературным заботам 1902—05 гг. (речь идет, видимо, о публикации стихотворений Ю. Верховского в «Русской мысли», а также о каком-то неясном пока эпизоде <на заседании Религиозно-философского общества — ?>). Воскрешается и тон личной близости — на этот раз не только к Блоку, но и к Л. Д. Блок:

«Воскр<есение, 4 января 1909>

Дорогой Александр Александрович.

Конечно, приходите во вторник. Приходите пораньше, так в 4 1/2, а то вы все в 6. Надо отослать стихи Верховского в Москву.

Отчего вы думаете, что уж так «отвратительно» вели себя? Каждому месту свое «ведение».

Кандидаты ваши записаны. С собранием еще ничего не устроено.

Мы тоже сегодня сонные, усталые, хотя ушли и раньше вас.

Целую Любу. До вторника
Ваша Зин<аида> Гиппиус¹⁰¹

Недатированная записка этого же времени говорит об одном из эпизодов приезда Белого в Петербург:

«Милый А<лександр> А<лександрович>

Боря сегодня приехал, хотя и совсем больной. М<ожет> б<ыть> останется до вторника, но вряд ли

Привет!
Ваша З. Гиппиус

Суб<бота>»¹⁰²

О нем же — в следующем письме:

«Понед<ельник>

Милый Александр Александрович!

Если у вас дома еще нет событий, то непременно приходите на доклад Дм<итрия> Вл<адимировича>. Я очень жалею, что написала вам предыдущую записку, благодаря которой и не видела вас вчера у себя. Потому что записка была напрасна. Вечером в субботу Вяч<еслав> Ив<анович>, пользуясь Бориной неврастенией, дошедшей до невиданных мною размеров, фактически **взял** Борю к себе, **запер** его у себя и никуда не пускает, так что мы его не видали. Приехал затем Сер<ежа> Соловьев, кот<орый> надеется завтра вечером вырвать Борю и увезти в Москву. Во всей этой истории, несмотря (или благодаря этому!) на мелочную уродливость подробностей, комизма — есть что-то, что меня очень за Борю расстраивает; словами этого и не расскажешь. Так дурно, и позорно, и смешно пахнет. Бедный, больной Боря! Я его все-таки люблю, а потому и мучительно, что хочется отстраниться. Вяч<еслав> очень, особенно, смешон, но, конечно, невинен и не возбуждает во мне ни малейшего укора.

Порвите эту записку и — очень прошу — не сплетничайте. А письмо Розанова? А разоблачения Нов<ого> Вр<емени>? Тайны мадридского двора! Приходите же завтра.

Ваша З. Г<иппиус>»¹⁰³

Особенно интересно (написанное, видимо, до двух последних записок) письмо от 28 января 1909 г., которое содержит развернутый отзыв о «Песне Судьбы» и позволяет реконструировать еще одно важное письмо Блока Мережковским, так как по словам Гиппиус, их впечатление от пьесы «почти до последних подробностей сходно» с блоковским, о котором он «только что написал» («Просто удивительно, чуть не те же слова»). Гиппиус считает, «что вся драма — переломная», что «она местами аллегорична», что в ней «есть схема — при всей ее «молодости», жизненной и умственной наивности». Подобные оценки драмы существуют и в современном блоковедении. Но самое любопытное — в том, что Гиппиус «вполне нравятся» не столько «отдельные места» драмы, сколько «ее сущность, сама ее переломность, мне нравится, что вы написали драму, которая не «нравится» и не может «нравиться». З. Гиппиус «ужасно нравится все», что Блок «сейчас в письме о себе написал. Кроме мысли, я чувю тут пробуждение и воли». Эти слова дают возможность предположить, что письмо Блока по содержанию близко к его известным письмам В. Розанову от 17 и 20 февраля 1909 г. (см.: 8, 273—275 и 276—277). Положительный отзыв Мережковских о драме, видимо, очень поддержал Блока: он надолго запомнил его (см. запись от 1 декабря 1912 г.: 7, 188).

Сообщая о своих встречах с «*нелегальным*» <курс. мой. —

З. М. > расстриженным священником» И. Брхничевым, обсуждая «самое замечательное» из «писем сектанта», Гиппиус пишет: «Мысли, кот<орые> мне приходили в голову, мысли деятельные, насчет вас и его <И. Брхничева. — З. М.> вместе. Не размышления, а планы». Последние слова также знаменательны. Блок в это время постоянно размышляет о необходимости перехода от слов к делу, и слова Гиппиус, связывая Блока и нелегального деятеля «голгофских христиан» И. Брхничева, «мужичка», испытывавшего влияния социалистических идей, указывают на одну из возможных линий этого «перехода».

Привожу письмо:

«28. 1. <19>09
СПб

Мне так много нужно бы вам рассказать, что я отказываюсь писать, сержусь на длинные письма. Сначала и прежде всего — о драме. Мы все трое (розно) прочли ее, лишь когда все прочли — стали высказывать мнения, и, в сущности, сошлись. Мнение это длинно не приходится выписывать, ибо оно почти до последних подробностей сходно с вашим собственным, кот<орое> вы только что написали. Просто удивительно, чуть не те же слова. Я говорила еще, что вся драма — переломная, стоит на самом моменте первого восстания **мысли** и **от этого** (как ни странно, что от этого, но я объясняю себе) — она местами аллегорична, она вся двойственна; есть схема — при всей ее «молодости», жизненной и умственной наивности. Некоторые места и мне вполне нравятся; но мне нравится ее сущность, сама ее **переломность**, мне нравится, что вы написали драму, которая не «нравится», — и не может «нравиться»... мне самой, с известной точки зрения.

Ну, при свидании — подробнее. Пока прибавлю только, что ужасно мне нравится все, что вы сейчас в письме о себе написали. Кроме мысли, я чувю тут пробуждение и воли, и мне отраднo смотреть на это, радость — смотреть на это, я люблю — это, люблю, что оно — так. Тут правда.

Как думала о вас вечером в воскресенье! Истинно жалела, что ушли. К нам пришел нелегалън<ый> расстриженный священник Иона Бр.<ихничев> (верно слышали?) — он настоящий мужичок, и какая сила! Он сидел все время, потом остался ночевать, потом ушел и больше его не было. Увидимся — подробно расскажу о нем, и мысли, кот<орые> мне приходили в голову, мысли деятельные, насчет вас и его, вместе. **Не** размышления, а планы.

Теперь: я спуталась и не могу понять, когда же вы успели возратить нам самое-то замечательное из «писем сектанта»,

одно из последних — «старец об Александре Добролюбове?» Читали? Что скажете? По-моему, это **самое** потрясающее. А вы о нем не пишете.

Из-за Ионы я в понед<ельник> простудилась немного и **к счастью** не поехала, а Д<митрий> В<ладимирович> пострадал, т<ак> к<ак> телеграмма получилась через 1/4 часа после его отъезда. Были там всякие другие, на вас негодующие без вины. Завтра поеду, вероятно, ибо уже почти здорова. Ну, вот, кажется, все написала. Держите нас в близкой известности событий, а когда можно — приходите, без предупреждений, я вечно днем дома.

Любу поцелуйте крепко.

Ваша Зин<анда> Г<иппиус>»¹⁰⁴

Завершение переписки этих лет знаменательно. Мережковские постоянно интересуются домашними делами Блоков. Письмо от 3 февраля 1909 г. связано с рождением ребенка Л. Д. Блок

«Вторн<ик> 3. 2. <19>09

Поздравляем вас, милые.

Мы звонили в Любину больницу поздно в воскресенье — сказали, что еще ничего. А потом утром вчера; кажется, в самый момент рождения, ибо ответили: «Только что родился мальчик. Вы — муж?» Из этого заключили, что вас там не было.

Скажите нам из больницы, как теперь здоровье обоих. Наш телефон 111-06.

Целуем все — всех.

Ваша З. Гиппиус»¹⁰⁵,

следующее — с днями после смерти новорожденного:

«27. 2. <19>09.

Милый Александр Александрович.

Узнали, что Люба вчера уже уехала домой. Не черкнете ли нам строчку, как ее здоровье? Я вас ждала все эти дни, но, думаю, вам было некогда. Лежит ли Люба еще, или уже встала?

Очень мы по вас все соскучились.

Ваша З. Гиппиус»¹⁰⁶

Наконец, в письме от 4 марта 1909 Мережковские «благодаря» измученных Блоков на отъезд в Италию. Письмо точно характеризует ситуацию, в которой происходит второе сближение Блока с Мережковскими, — эпоху реакции («безумное удущье охватило нас...»).

«4 м<арта> 19>09

Милый друг.

Как хорошо вы это придумали, — поехать за границу! И поезжайте в южную Италию или на итальянскую Ривьеру, а то, пожалуй, Любе не отдохнуть в больших, и всегда волнующих, городах вроде Рима и Флоренции. Во всяком случае ей бы надо начать с тихого южного места.

Мы тоже мечтаем уехать после Пасхи, м<ожет> б<ыть> из Венеции на Корфу и в Грецию, а м<ожет> б<ыть> не заберемся так далеко. Безумное удушье охватило нас... За-
раза здешнего удушья... Много ему причин...

Знаете, вы нам так близки, понятны и дороги искренностью вашего письма. Словами это рассказать — было бы, пожалуй, дико. Но слова — это беспомощные дети, которые ничего не понимают, или еще очень мало. Казалось бы, ваше письмо должно нам показать вашу дальность, а почуялась близость, получилась вдруг для меня в вас сверхсловная прозрачность, и — вот так хорошо. Да будет так.

К вам обоим растет у нас хорошее уважение и зерно любви. (Но лики ваши мы разделяем, вы — не одно и то же). Хочется сказать вам с радостной нежностью: идите, милые! Идите, живите, думайте, делайте, радуйтесь, печальтесь, идите **сами**... и как ясно верится (или хочется верить?), что в провал последний вы не оступитесь и не к одиночеству придете.

Но это все опять «глупые дети — слова», так что в точности их принимать не следует.

У нас много было неприятного, и глубокого, и мелкого. Большой разрыв с некоторыми, — разрыв **вопреки** согласию в словах. Отношения с людьми... какая это загадка! Ну, и еще всякого было.

Зайдите же к нам. А как только Люба поправится больше — я сама приеду.

Ваша Зин.<анда> Г<иппиус>»¹⁰⁷

В это время письма Гиппиус вновь меняют тональность: становятся přátельски «домашними». Частое переключение отношений из плана «общественности» в личный станет особенно характерным для конца 1900-х — начала 1910-х гг.

1907 — нач. 1909 гг. — время продолжающихся и углубляющихся разрывов символистских связей Блока. Лишь с Мережковскими пути Блока вновь временно перекрещиваются. Но, как точно скажет Блок после Октября, это сближение, в основном, опиралось на близость негативной части программ (отрицание реакции, критика «декадентства»). Вынашивание Блоком любых положительных программ примерно с середины 1907 г. происходит, по существу, вне символистских «дружб» и общенаправленческих исканий.

IV.

1909—11 гг. — совершенно особый период в жизни и творчестве Блока. Глубокая личная трагедия (смерть усыновленного им ребенка Л. Д. Блок) и ощущение надвинувшейся «ночи» — Столыпинской реакции — определяют вспышку пессимизма, чувство непробиваемости сложившихся форм жизни, временное угасание интереса к политике, общественной борьбе. Поездка в Италию, «обжегшую» Блока искусством, способствовала временному переключению интересов поэта в «имманентные» области искусства, противопоставляемого действительности («Лишь в легком челноке искусства // От скуки мира уплывешь» — 3, 108), новому сближению (хотя и кратковременному) с символизмом (см. в особенности «О современном состоянии русского символизма», 1910).

Значительно более высокая, чем в 1907—08 гг., оценка символизма определяет и личные пристрастия Блока в 1909—11 гг. Он вновь сближается с многими символистами. В ночь с 11 на 12 июня (по новому стилю) 1909 г. (во время итальянского путешествия) Блок записывает: «Я хотел бы иметь своими учителями Мережковских, Валерия Брюсова, Вяч. Иванова...» (ЗК, 145). В статье «Мережковский» (январь 1909) Блок высоко оценивает его как писателя. Он стремится разгадать его «бездны» (см.: 5, 362) — противоречие между религиозно-философской публицистикой, пугающей своими «Христами» — «огромными буквами и холодными словами» (5, 360), «безглагольными» «мужицкими» идеалами — и художнической (скажем: символистской) тягой к красоте, любовью к культуре. В нем, как в душах средневековых крестоносцев, пораженных красотами «языческого» мира, борются религиозный и общественный долг, «ревность по Дому» «и волнение от прелести человеческой, от прелести культуры» (5, 362). Блок принимает в эти годы обе стороны души писателя, хотя (как и раньше) отдает предпочтение Мережковскому-художнику (см.: 5, 366). Принимает он (хотя и с долей грустного скептицизма) «центральнойшее место» учения Мережковского — надежду на грядущий «синтез» культуры и религии, ведущий в «новый Иерусалим» (5, 363).

Все еще продолжают и сложные, но важные для Блока личные отношения с Мережковскими. Теплота их заметней всего именно в 1909 г. — в самое глухое время реакции. Он часто (как перед поездкой, так и после возвращения из Италии) посещает Мережковских (ср. письма от 13 марта 1909 г. — 8, 280; от 2 октября 1909 г. — 8, 294; записи от 23 декабря 1911 г. — 7, 105—107 и др.). Близость отражается и в переписке 1909 г. Так, из уже цитировавшегося письма З. Гиппиус от 4 марта 1909 г. выясняется, что Блок пытался в начале 1909 г. выявить, — с присущей ему всегда честностью, а теперь —

и прямой, — линии расхождения с Мережковскими. Гиппиус однако — с отнюдь не свойственной ей раньше мягкостью — уверяет Блока в глубинных связях между ними.

В письмах из-за границы (от 9 июля 1909 г. и др.) З. Гиппиус постоянно подчеркивает близость своего мировосприятия блоковскому (ср.: «К Италии вы слишком справедливы, я вполне с этим согласна», — позволяющее представить содержание еще одного письма Блока — от весны 1909 г., об Италии). В переписке возникает новая важная тема — Россия и Европа.

В письме от 9 июля из Лугано тема Европы только ставится, возникая на скрещении мировоззренческих и биографических представлений:

«9. 7. <19>09. Lugano.

Милый мой Александр Александрович!

Пишу вам несколько слов пока, только чтобы сказать, как обрадовало нас ваше письмо, кот<орое> нам сюда переслали. О вас давно скучно было, я даже собиралась Жене Ив<анову> писать, где вы, — все адрес его царскосельский доставала. С нами было то, что я уехала из СПб совсем больная, попали во Фрейбург, где сначала было недурно, но потом пошел дождь, у меня сделался ларингит, и мы уехали в Лугано (на границе Италии, где мы чуть не каждый день бывали). Только здесь и была хор<ошая> погода, везде дождь или снег. Здесь мы было хорошо отдохнули, но случились нек<оторые> обстоятельства, <о> кот<орых> напишу вам в след<ующий> раз, и завтра мы уезжаем. Напишите мне два слова в Lucerne (Suisse) poste rest.<ante>, — я получу. Тогда все выяснится, и все, по возможности, расскажу. К Италии вы **слишком** справедливы, я вполне с этим согласна, но мне не хочется быть к ней справедливой, она связана с юностью, когда не рассуждаешь и все одинаково кажется прекрасным, и за это я ее люблю. Я была во всех ваших городах, — Флоренцию полюбила я только в **третий** раз, но милее всего мне Рим, где я тоже должна была пожить сначала. А какой милый, тихий Фрейбург! Он бы вам понравился. Были мы в гостях у Риккерта. У него лысая жена. Места нет.

Обнимаю вас и Любу.

Не бойтесь, никуда мы не денемся, еще раньше в СПб вернемся, чем я хотела!

Ваша Зин<аида> Гиппиус»¹⁰⁸

Письмо от 8 августа 1909 г., прежде всего, интересно как свидетельство о еще одном принципиальном письме Блока к Мережковским («таком важном и хорошем», по словам Гиппиус). Видимо, письмо Блока продолжило диалог о России и Европе и содержало противопоставление романской и германской культур.

Отношение к Европе у Гиппиус более двойственно, чем у Блока, однако имеет и ряд сходных черт. Во Франции ее духовно «веселила и печалила праведная демократизация чужой страны». В письме от 8 августа 1909 г. Гиппиус, однако, судит Европу (Германию) более резко, чем Блок. Письмо Гиппиус — одно из подтверждений переживавшихся Блоком в этот период «германофильских» настроений (ср.: «О, если бы немцы взяли Россию» — ЗК, 149), обнажающее и корни этих мыслей у Блока — неприятие России эпохи реакции, отрицание французской культуры (в традициях «галлофобии» славянофильства и почвенничества).

Отношение к реакции — вторая главная линия сближения корреспондентов. В своем ответе Блоку от 8 августа, рассказывая о «личных» неприятностях, З. Гиппиус видит в них проявление общего спада революционных настроений — «декаданс нам дорогого такой, какого еще не ожидали». Примеры общественной реакции — «небывалый успех сборника» «Вехи», цензурные гонения и т. д. И пессимистический взгляд Гиппиус на перспективы творчества в эпоху реакции, и мысли о буржуазных формах проявления реакции, антикадетские выпады («Фармацевт пошел в партию октябредетов, и партия разрослась и подняла голову») — все это не только близко Блоку, но и сказано языком его публицистики (ср. образ «фармацевта» в статье «Вопросы, вопросы и вопросы» — ноябрь 1908; 5, 337—338). Гиппиус пишет:

«8 авг<уста 1909>

Милый друг,

после вашего письма в Лугано я послала вам открытку в Шахматово, но не знаю, получили ли вы ее? С тех пор нами было хотя и «мало прожито, но много пережито». Писать об этом не буду, тем более, что даже не знаю, где вы. Надеюсь, еще в Шахматове. Письмо ваше было такое важное и хорошее, и если я не ответила на него, как следует, то лишь потому, что тут же закрутились всякие обстоятельства, неожиданно и неприятно бросившие нас в Париж, откуда уже мы не имели сил возвращаться в Швейцарию; поехали в деревушку около Трувиля, к океану, жили в крошечном домике рыбака, рыбацка нам готовила, и было отдохновенно от отелей, и веселила (и печалила) праведная демократизация чужой страны. Океан, серый и грозный, дышал приливами и отливами... Хотелось отдыхать, и нужно было, но мысли, печальные и важные, не оставляли меня.

Париж пока для нас закончен. Я его люблю по многим причинам, но сознаю, что связи с ним сейчас должны измениться, и жить там, даже приехать туда скоро, не стремлюсь. Увы, это не значит, что я возлагаю ясные надежды на будущую петербургскую зиму. Она — не то что пугает меня, но печалит больше, чем вас, уже потому, что мы наверно пристальнее вас

следим за ходом настроения и видим декаданс нам дорогого такой, какого еще не ожидали. Много можно бы написать об этом, но для краткости я приведу только конкретные примеры: небывалый успех сборника «Вехи», тенденция Русского Слова печатать статьи Дм<итрия> Вл<адимировича> только безмысленные (описание Парижа, полет Блерио и т. д.) и, наконец, то, что устроил Гессен с Дм<итрием> Серг<еевичем>. Вообразите, он напечатал **первую треть** его статьи о Глебе Успенском и отослал назад две остальные трети, находя, что ни Глеб Усп<енский>, ни полемика с Булгаковым, ни рассуждения о народе — не ко времени. Спешу прибавить, что статья очень невинная. Этого с Дм<итрием> Серг<еевичем> еще не случилось (— да, кажется, и ни с кем из литераторов не случилось, чтобы возвращали не всю статью, а кусок, т<о> е<сть> ставили в невозможность напечатать ее в другом месте). Дм<итрий> С<ергеевич> написал еще статью о Коне Бледном, очень удачную, по-моему, но он ее и не посылает никуда, хотя она вполне цензурна. Предвижу, что нам придется всем — замолкнуть. Фармацевт пошел в партию октябредов, и партия разрослась и подняла голову. Впрочем, позволительно разводить невинные, вчерашние эстетические бобы, как делает вволю Бенуа в той же Речи. Да, Милюков был в Англии... А Государь в Коусе. Что ж, это все не маловажные события.

Словом — посмотрим, если будет на что смотреть. Дм<итрий> Вл<адимирович> написал о вашей Фаине, но трепещет, что в Русск<ом> Слове не напечатают, ибо это не безмысленно. Если удастся — хотим нынче издать сборник статей, верим, что вы нам поможете, будете с нами.

Отчего, — думалось мне иногда, — судя Италию и Германию, вы судите о них в разные времена? Италию берете теперешнюю, а Германию — прошлую? Лирична ли Германия теперь, сейчас, реальная Германия? Правда, Италия и прошлая — не лирична, а теперь она — мертвая; правда, Германия была лирична... а теперь, что она такое? Не мертвая, о нет! Но что она такое? Боюсь судить, боюсь сказать, но одно знаю, что не прежняя. Иногда мне хочется больше, чтобы Россия умерла, но не стала похожа на Германию. И скорее пусть наивная Франция, упрямая и надутая Англия были бы моей родиной, только не сегодняшняя Германия. По крови я еще больше немка, чем вы, — а вот, гляжу — и боюсь сегодняшней Германии для России.

Впрочем, все это смутные чувства без достаточного реализма. Когда-нибудь поговорим.

Что Люба? Где вы будете жить в СПб-ге? Нет, уж пожалуйста не переезжайте в Москву! Что же это будет?

Черкните мне строчку сюда. В середине сентября мы вернемся. Нежно вас все приветствуем, любим.

Зин<аида> Гиппиус»¹⁰⁹

Видимо, продолжением этого диалога было ответное письмо Блока от 20 августа 1909 (см.: ЗК, 159). Однако и в это время между Блоком и Мережковскими постоянно возникают недо-разумения. Так, уже первая осенняя встреча 1909 г. приносит взаимные разочарования. Их отзвук — в записке Гиппиус от 6 октября 1909 г. (дата — по почтовому штемпелю, — 7 октября) продолжающей, однако, и прежние темы «религиозно-общественной» деятельности:

«Вторн.<ик 6 октября 1909>

Дорогой Александр Александрович, не сохранилось ли у вас письмо Ионы Б<рихничева>, не можете ли вы мне сообщить точно его адрес на Каменном острове? Очень бы хотелось, чтоб вы нам этот адрес поскорее прислали.

Скоро ли мы вас увидим? Правду сказать — мы вами почему-то огорчились; но, кажется, глупо.

Впрочем, успеем это выяснить.

Целую Любу.

Ваша З. Гиппиус»¹¹⁰

В ответ (или, скорее, реагируя на устные разговоры при встрече или по телефону) Блок пишет в начале октября письмо, в котором вновь пытается говорить с З. Гиппиус о коренных отличиях между ними. Приведенная в ответе Гиппиус (8 октября) цитата из этого письма свидетельствует, что Блок формулирует свое отличие от Мережковских почти в тех же словах, в каких когда-то писал о несходстве с А. Белым (а также — с Евг. Ивановым и др.): Мережковские «знают одно Лицо, знания которого» у Блока «нет и не будет». Подобного рода признания — многозначительны: в них и блоковская «исповедальная» искренность, признание в своей, как ему порою кажется, бесцельной «лирике», — и глубинная убежденность в большей правоте поисков по сравнению с готовым, догматическим знанием. Гиппиус вряд ли улавливает все эти нюансы, то успокаивая Блока, что он все же что-то «уже знает», то в прежних (хотя и гораздо более мягких) «учительских» интонациях поучая, что уход в лирику — «опасный путь».

Ответ З. Гиппиус позволяет реконструировать и еще одну чрезвычайно важную тему блоковского письма — тему пути. Исследователь проблемы Д. Е. Максимов чрезвычайно тонко уловил в блоковском развитии «тенденцию к спиралеобразному развитию»¹¹¹. Письмо З. Гиппиус позволяет утверждать, что эта тема возникает у Блока в конце 1900-х гг. и под явным воздей-

ствием эпистолярного (а, возможно, и устного) диалога с Ме-режковскими.

Наконец, здесь же возникает и важный спор о праве Блока на уход в «лирику».

«8. X. <19>09

Милый Александр Александрович,

В вашем письме, конечно, много верного, но кое-что не так. Между прочим: вы написали, что мы «знаем одно Лицо, знания которого у вас нет и не будет». Тут есть противоречие, кажущееся словесным, но оно знаменательно. Если я верю, что у вас **нет знания** этого Лица (а я верю) — то я не могу верить, что «не будет». Если же поверить, что, действительно, «и не будет», то выходит — вы что-то об этом Лице **уже знаете**, как-то оно в вас уже отразилось, — может быть отрицательно, — однако «знание» есть. Вот только эти три слова «и не будет» мне кажутся противоречивыми. Относительно спиралей, если все оно так, то и мы виноваты. Идеально было бы

то есть равной силы линия и основная, и спиральная. И это, конечно, для вас тоже идеал. Отчего мы так за вас все время и держимся, — ведь потому, что в **соединении** — мы и представляем такую идеальную фигуру: наша крепкая основная линия — и ваша крепкая спираль вокруг (это принимая ваше положение, что и спираль и линия у нас одни и те же).

Механическое соединение, конечно, невозможно; но тут главные скрепы — интуитивные, т<о> е<есть> взаимная любовь и вера, доверие.

Думая о вашей «лирике», в которую вы «уходите», я думаю, что это столь же опасный путь, как и мой, противоположный, — путь «опрощения». Я говорю сейчас лично о себе, и не скрываю от себя, что я чересчур «опростилась», а жизнь и упрощение, ясность и «сказанность», так же неправы, убивая лирику, как обратно. Но мне нужен этот перегиб, и он у меня где-то был связан с волей; ваш же, обратный, перегиб с волей у вас не связан.

Иногда мне кажется, что «лирика» такая вещь, о которой даже и говорить нельзя: будет не свято. Она так должна быть, что даже ничего без нее не может быть, а вот говорить о ней и противопоставлять ее чему-то, [хо] из нее, в сущности, теку-

щему — можно ли? — Конечно, я и теперь, и всегда скажу: «идите сами!» Но идите! Идите! Мы огорчились потому, что именно не поняли, **идете** вы или стоите, завертываясь вот так:

И, конечно, любить можно лишь «такого, как есть», но... незаметно любить во имя всех потенций **его** развертывания, во имя меры сил **того человека**, именно его; пусть он даже не так развернется (это второй вопрос), но пусть развернется во всю **свою** широкую силу — жизни. Ну, вот, я тоже косноязычно вам написала, сознаю, но кое-что, может, и объяснила о нас.

Ваша

З. Г<иппиус>»¹¹².

Зима 1909—10 гг. несколько отодвигает эту глубоко и подспудно зреющую полемику. На первый план вновь (как и во многие предшествующие «сезоны») выступают темы литературной злобы дня. Так, письмо от февраля 1910 г., посвященное визиту издерганного и больного Белого в Петербург, повторяет и уже известные темы переписки: сожаления о редких визитах Блока к Мережковским, разговоры о делах Религиозно-философского общества, интерес к сектантству как «настоящему народу»:

«Четв<ерг> февр.<аль> X <1910>

Милый Александр Александрович.

Выходит как-то нелепо: хотим видеть вас — а вы не приходите, при этом совершенно напрасно, т<ак> к<ак> Андрей Б<елый> к нам тоже не приходит. Правда, и он мне сказал, что **не** желал бы встретиться с вами, но не бывает он у нас не исключительно по этой причине, а, вероятно, по полному безволию. За все две недели с лишком пришел всего два раза, один и с Метнером. Он живет у Вяч. Иванова и проводит **все** ночи в разговорах, до 11 утра, так что в конце они уже говорить не могут, а только тыкают друг друга перстами и чертят по бумажке. Впечатление Боря произвел на нас потрясающее: совсем больной душевно человек. Лицо острое, забывает, что сказал, повторяется, видит везде преследования, и всякий с ним делает, что хочет. Впрочем, мы вам расскажем в субботу, приходите в субботу пораньше. Жалко ужасно, но мы уже бессильны помочь. Ему надо бы всю жизнь посвятить, ни секунды не оставлять, да и то неизвестно, помог ли бы. Бывает он там, куда его везет Вячеслав: в христ<ианской?>

секции, в Аполлоне. Я не знаю, когда он уедет и будет ли у нас до отъезда.

А Тата жаловалась, что Люба не была у нее для портрета. Значит, она была больна?

Я нахожусь в том же положении, плеврит не уменьшается и не увеличивается. Думаем недели через три уехать. Пожалуйста, приходите!

Ваша

Зин<аида> Гиппиус.

PS. В это воскресенье на **нашей** секции будет читать еп<ископ?> Михаил: «Можно или нельзя верить во Христа». Прошлый раз было любопытно: федосеевцы (они знают вас). Вот уж настоящий-то народ! Не Пимен. А нынче они и «девиц» своих приведут, на первый раз игуменья не пустила, «пусть сначала наши поглядят, благолепно ли». Был умный и вежливый рабочий-материалист»¹¹³.

Такова и записка З. Гиппиус от 4 февраля, свидетельствующая о позитивном отношении Мережковских к блоковским критическим статьям этой поры (скорее всего речь идет о статье «Противоречия», 11 февраля 1910 г., с характерным для Блока 1909—11 гг. пафосом жизненной сложности и несводимости искусства к абстрактным схемам). Здесь же (тоже не впервые) появляются и глухие упоминания о переписывании чьих-то стихов, — вероятно, не предназначенных для подцензурной печати.

«4. 2. X <1910>

Милый Александр Александрович.

Посылаю вам стихи, сама уже переписала. Зайдите к нам в субботу, пожалуй, мы скоро уедем, хотелось бы видаться. Нам **очень** понравился фельетон ваш, сильно и хорошо написан.

Получили ли проспекты санатории? Д<митрий> В<ладимирович> вам их собирался послать, он их имеет. Целую Любу.

Ваша Зин<аида> Гиппиус»¹¹⁴

Открытка от 30 марта 1910 г. из Сан-Ремо:

«30. 3. X <1910>

Милый А<лександр> А<лександрович>!

Давно хотелось черкнуть Вам строчку, да все мы непритыки еще, теперь едем в Cannes (Alpes Maritimes) poste rest <ante>. Как вы, что вы? Здесь, в Сан-Ремо, скучно и чуждо: сухие пальмы и оливки. Хотим устроиться на вилле. Но вы черкните строчку поскорее.

Все целуем вас, а я еще Любу.

Зин<аида> Гиппиус»¹¹⁵,

а также недатированная открытка от апреля или мая этого же года носят по преимуществу бытовой характер:

«Милый А<лександр> А<лександрович>!

Простите, что так давно не писали вам. Много чего было. Мы едем в Россию. Будем в СПб 14-го. А потом — оттуда — на лето на Валдайку. Наняли там дом целый. Это не очень далеко от вас, надеемся, может приедете? Пока — напишите нам на старую Литейную 24. Целую вас и Любу. Будьте здоровы!

Зин<аида> Гиппиус»¹¹⁶.

Осенью 1910 г. подспудные трения, однако, бурно вырываются на поверхность, вызывая острый конфликт Блока и Мережковских.

Полемизируя со статьями Блока («О современном состоянии русского символизма» — «Аполлон», 1910, № 8) и Вяч. Иванова («Заветы символизма» — там же), Д. С. Мережковский, как известно, в своем фельетоне «Балаган и трагедия» («Русское слово», 1910, 14 сентября) грубо и несправедливо упрекал критиков-символистов с позиций «религиозной общественности» в «измене тому святому, абсолютному, что было в русской революции». Один из первых художников-символистов, создавших «поэтику соответствий» (установления «таинственных» связей между внешне далекими явлениями), Мережковский тенденциозно делал вид, что он не понял символического смысла слов Блока о «соответственности» исторических судеб России и русского символизма («Как сорвалось что-то в нас, так сорвалось оно и в России» и т. д. — 5, 431). Резко упрощенно истолковывая блоковскую символику, Мережковский обвиняет его в отступничестве: «По мнению декадентов, русская революция — балаган, на котором Прекрасная Дама — Свобода — оказалась «картонною невестой», мертвую куклой и человеческая кровь — клюквенным соком <...> Декаденты расстроили себе желудок на пире освобождения, теперь нужна им «духовная диета»¹¹⁷ <...> воздержание от общественности <...> И не видят они, что если в душе у них <...> кончилось «балаганом», то в России продолжается трагедия, и что надо быть черною сотнею, чтобы считать человеческую кровь за клюквенный сок»¹¹⁸.

Блок, как мы видели, изумительно редко оскорблялся на критику. Даже в озлобленных и, по сути, предательских «инвективах» Белого он видел прежде всего нервную болезнь недавнего друга и крупную нужную ему правды. Однако критика Мережковского, соединявшая упрощенное и произвольное истолкование искусства, грубость личных выпадов, резкие

обвинения политического характера с твердой убежденностью в собственной монополии на прогрессивность и с высокомерными поучениями, — глубоко оскорбляла Блока. Он пишет (редкий случай полемики по «личному» поводу в блоковской публицистике!) ответ Мережковскому, который, однако, не завершает и при жизни не публикует (см.: 5, 759). Упрекая Мережковского в «ужасно презрительном и предвзятом отношении к делу» (5, 442), Блок, однако, высоко подымается над «личной» тематикой. Он объясняет поведение критика особенностями его культурной позиции («Мережковский не виноват в том, что его личная тема мешает ему отнестись скольконибудь внимательно к чьей бы то ни было чужой теме») и свойствами эпохи («В тяжелых условиях русской культуры лежит, по-видимому, до сих пор эта непримиримая вражда современников» — 5, 442). Блок поясняет свою концепцию неразрывной связи писателя и Родины: «Мы же, писатели <...> должны играть роль тончайших и главнейших органов ее чувств. Мы — не слепые ее инстинкты, но ее сердечные боли, ее думы и мысли, ее волевые импульсы» (5, 444). Поэтому нет ничего «особенно самоуверенного в том, что писатель <...> сопоставляет себя со своей родиной, полагая, что болеет ее болезнями, страдает ее страданиями, сораспирается с нею» (5, 443).

Любопытный свет на историю этой полемики проливают письма З. Гиппиус и Д. Мережковского лета—осени 1910 г. Уже первое по возвращении Мережковских из Европы письмо Гиппиус этого года упоминает о намерении Д. С. Мережковского полемизировать с Блоком. Упоминает очень глухо, и слова о полемике как бы растворены здесь в интонациях дружеской «болтовни» и в характерном для Гиппиус этих лет трагическом переживании эпохи реакции, одновременно и сближавшем, и отталкивавшем Блока от Мережковских.

«Николаевск.<ая> ж. д.
Ст. Валдайка (Лыкошино).
Имение Сменцево
5 июля X <1910>

Милый друг!

Что вы? Как вы? Отчего не подаете весточки? Из St Germain я вам писала, что мы едем в Россию, ждала от вас в СПб двух строк, но напрасно. В СПб видала Женю Иванова, расспрашивала о вас, но толком ничего не добилась (как всегда от него!).

Мы, как видите, в самом «сердце России», — в Новгородской губернии, — и не очень далеко от вас. Глушь, беднота, нищенство, пьянство и в пьянстве — побоища. А ведь мы всего в 6 верстах от станции. Природа очень нежная. Кругом

леса, березы толстые и высокие, белой ночью — точно Гоголевские мертвецы из Страшной Месты.

Дм<итрий> Серг<еевич> пишет о вашей статье в Аполлоне. Для Русск<ого> Слова. А не попадалась вам там же, недавно, его статья «Любовь к Родине?» Трезвая, я рада, что он уже пришел к этому.

Ну, довольно болтовни, я, ведь, не знаю ничего о вас давно, хотелось бы, право, получить весточку. Что Люба? Здоровы ли вы оба?

Сказала бы вам одну вещь, которая в моих устах очень вас удивит, но откладываю до след<ующего> раза.

Дом у нас каменный, гигантский до нелепости, так что я едва нахожу свою спальню. Когда Дм<итрий> С<ергеевич> и мои сестры уходят гулять — я совершенно погибаю одна среди этих пустырей. Дм<итрий> Вл<адимирович> уехал на 2 недели в имение к матери.

Целую Любу и вас, милый мой, смотрите же, напишите, — не глядя ни на какое настроение.

Ваша

Зин<анда> Гиппиус»¹¹⁹

В ответе Блока, как можно судить по следующему за приведенным письму Гиппиус, звучали какие-то нотки отчуждения и холодности. Возможно, в нем был и вопрос о содержании готовящейся статьи Мережковского. В письме Гиппиус, однако, ответа на этот вопрос нет, хотя и говорится о близком выходе статьи. Здесь продолжает ярко разворачиваться тема уснувшего, реакционного народа и растерянной и растерявшей все свои идеалы интеллигенции:

«СПб.

31. 7. X <1910>

Милый друг.

Ваше письмо какое-то вялое и скучное. Точно вам не хотелось писать, а надо было для гонорара. Отлично понимаю это чувство. Бывает, что душу скосят, как луг: качались длинные желтые и синие цветы, а тут остались стриженные, острые стебли, ни к чему. Бывает это тоже не вообще, а к кому-нибудь. Пишешь письмо — точно тачку с кирпичом на гору везешь.

Боюсь, что сейчас такая тяжесть сообщений между людьми и ощущение взаимоненужности делаются явлением даже общественным. Своего рода чумные и холерные испарения. Неутолимо хочется забраться в щель и там прищипиться, и чтобы уж тебя там не трогали. Утешение, что и некому трогать, ибо другому тоже до своей бы щели.

Впрочем, из вашего письма узнала, что у вас все благополучно во внешнем смысле, — это уже нечто, и весьма важно. У нас не совсем. Д<митрий> С<ергеевич> заболел

упорной лихорадкой, так что мы приехали в Петербург, на развалины квартиры. Теперь лучше, скоро думаем вернуться опять в Сменцево (Валдайка, Новг<городской> губ.). Там неуютно и сыро.

С «народом» не сообщаемся, к чему? У него свои дела, а у нас как будто и вовсе дел нет. У него свои песни, вроде:

Не хочу я чаю пить
Из большого чайника
Хочу очень полюбить
Земского начальника

или:

Сороковочка — сестра,
Полуштофик — братец мой,
Четвертная — мать родная,
Проводи меня домой!

А у нас нет песен никаких. Были — да ни к чему, а теперь точно и вовсе нет.

Статью Дм<итрия> С<ергеевича> о вас и о символизме надо было поправить в смысле цензурном, оттого вышла задержка, на днях она будет напечатана. А «Любовь к родине» (23 июня) вы не читали? Тоже в Русск<ом> Слове.

Ну, до свиданья. А я вас все-таки люблю, это ценно.

Ваша З. Гиппиус¹²⁰.

Блок пытается (возможно, повторно) узнать о статье у Гиппиус, но ответа не получает. Живущий в Шахматове Блок не знает еще содержания статьи даже через месяц после ее выхода! 17 октября он пишет А. Д. Скалдину: «Не попадалась ли Вам статья Мережковского из «Русского слова» <...>? Если она у Вас есть случайно, пришлите, пожалуйста <...>; старался письменно добыть у Зинаиды Николаевны, но безрезультатно» (8, 316). Можно предположить (это явствует и из позднейших писем З. Гиппиус), что позиция супругов Мережковских не была в данном случае единой. Однако уклончиво лицемерное поведение обоих — ещё одно из проявлений тех предательств друзей, которые сыграли важную роль в становлении трагической концепции «страшного мира» у Блока (см.: «Друзьям», 3, 125; «Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух...», 3, 156 и мн. др.) и всегда глубоко ранили поэта — и интимно, и как символ современных человеческих отношений.

Фельетон Мережковского, как уже говорилось, оскорбил и возмутил Блока. Но, стремясь во всех своих человеческих отношениях к полной объективности, он ищет «резонов» и в оскорблениях Мережковского: «заподозривает» свою статью в неясности (см. письмо Белому от 22 октября 1910 г. -- 8, 317).

Вместе с тем, поэт стремится найти «ядро» претензий критика и не без оснований видит его в противоположной Блоку оценке «человека» и «человеческого»: там, где для Блока важнее всего «исповедь», выявление живого, человеческого отношения к миру, Мережковский по-прежнему видит лишь голые «принципы» («Мне больно, что Мережковский отнесся так именно к той статье, которая наиболее исходит от меня-человека; пока я «получеловечно» писал о промежуточном, — об интеллигенции, например <...> — Мережковский принимал; когда заговорил человек, он закричал о мании величия» — там же). Из письма Блока матери от 22 ноября 1910 г. узнаем о примерном времени написания открытого письма Мережковскому — конец ноября (или начало декабря; ср. менее определенную дату «Ноябрь 1910» в собрании сочинений — 5, 445). Не позже 22 ноября (см.: 8, 321) он пишет, видимо, и несколько личных писем Д. С. Мережковскому, прочтя ему «нотацию» (8, 321) — обвиняя в клевете. Ответ Мережковского от 24 ноября — первое из дошедших до нас его писем к Блоку (а, возможно, и вообще первое; как мы видим, переписку «от имени Мережковских», в том числе и деловую, вела с Блоком Гиппиус). Уклончивый, обходящий острые углы, но по-прежнему «учительный», этот ответ совершенно не удовлетворил Блока (ср. в письме Белому от 19 декабря: «Я написал Д. С. Мережковскому несколько <разрядка моя. — З. М.> резких писем. Он отвечал так, что лучше бы и совсем не отвечать» — 8, 323; в письме матери от 29 ноября — видимо, под свежим впечатлением ответа Мережковского и, возможно, перед написанием второго «резкого письма» — Блок называет его ответ «елейным» и «мертвым»¹²¹).

Мережковский писал:

«24 ноября 1910

Литейная 24 кв 10 Спб

Глубокоуважаемый

Александр Александрович,

письмо Ваше застало меня перед самым моим отъездом, но хочется Вам все же ответить, хоть двумя словами.

Оно, ваше письмо, меня глубоко огорчило. Я не могу согласиться с Вами, что я Вас «оклеветал» в моей статье. Клевета предполагает сознательный и злостный умысел, которого у меня не было. Я понял Вас так, как это написал в статье, и если неверно понял, то в этом виновата моя бездарность, **глупость сердца**, которую я в себе в высшей степени сознаю. Но желания причинить Вам вред у меня не было вовсе. Хотелось бы, чтобы Вы если не сейчас, то потом, когда будете спокойнее, поверили одному: я, после Вашего письма чувствую себя виноватым перед Вами — вот в чем: я Вас оскорбил нечаянно,

сам того не желая, от недостатка личного внимания, лично к Вам. Общественной вины моей я перед Вами не понимаю и сейчас. Но если Вы мне ее разъясните, то я готов заранее согласиться с Вами. В чем я Вас обвинял печатно, то скажу Вам и с глазу на глаз в этом письме. У Вас есть м<ожет> б<ыть> бессознательная, но все же вменяемая измена тому святому, абсолютному (не символическому, а воплощенному) — что [есть в] было в русской революции и для Вас когда-то было. Все наше глубочайшее, вовсе не личное и даже не общественное, а **религиозное** разногласие заключается в том, что для Вас наивысшее — Символ, а для меня есть высшее, чем Символ, — Воплощение, и я принесу Ему в жертву все символы. О, конечно, и в том числе и все в сам[ую]ой революци[ю]и, [которая тоже] что в ней лишь символ.

[Но я] Но я принесу [ее] все символы в жертву только Воплощению, а не какому-либо другому равному символу (напр<имер> искусству, нравственн<ому> самоусовершенствованию>, «самоуглублению», или хотя бы Невоплощенной Прекрасной Даме) ...

Все это — неясно. Но я не умею написать сейчас яснее. Я и тороплюсь, и взволнован до глубины души Вашим письмом.

Если Вы напишите мне печатное возражение, то я его прочту внимательно, без малейшего предубеждения и постараюсь всеми силами (почти уверен, что мне удастся это сделать) **печатно же** ответить Вам, так чтобы признать **открыто** мою вину перед Вами, т. е. **невнимание к Вашей личности**. Если окажется, что Вы общественно правы, что Вы вовсе не желали оскорбить святого в революции, я первый буду этому рад.

Во всяком случае, помните — у меня нет и не было ничего кроме доброго чувства к Вам **лично**. Из-за чего же, подумайте, я сейчас пишу к Вам? Ведь житейски, и литературно, и всячески мы бесконечно друг другу чужды. Но я в Вас высоко ценю именно это чуждое, подлинное.

Многое еще хотелось бы написать Вам, но Вы теперь все равно меня не будете слушать.

Если можете, простите, а если нет, то все-таки будет полегче обида [моя] Ваша, когда Вы узнаете, что мне очень тяжело оттого, что Вы на меня сердитесь. Если Вы мне сейчас не поверите, то я знаю, что Вы когда-нибудь поймете, что это письмо совершенно искреннее.

Искренне преданный Вам

Д. Мережковский

Р. S. Если Вам почему-либо трудно будет пристроить Ваш ответ мне в газеты, то я готов Вам в этом помочь, **как бы резко и даже грубо Вы мне ни ответили**. В Русск<ом> Слове не согласятся поместить Ваш ответ, но в Русскую мысль и в

Речь я могу написать письмо, прося, как личной для себя услуги, чтобы они поместили Ваш ответ, **ничего не смягчая**. В случае Вашего согласия, я Вам пришлю это мое письмо к Струве или Гессену. Если Вы согласны, то пришлите мне Ваш ответ, и я пошлю его от себя с моим письмом. Разумеется, если Вы этого не пожелаете, то я все-таки всеми силами постараюсь Вам ответить печатно, так чтобы чувства **личной** обиды у Вас не могло остаться. Но во избежание недоразумений, помните: я не считаю себя **общественно** неправым перед Вами — это же буду утверждать и в моем печатном письме, если Вам не удастся разубедить меня Вашим ответом»¹²².

После второго (или нескольких) ответа Блока, пытавшегося выяснить принципиальную сторону разногласий, переписка (опять!) временно прекращается. В уже упоминавшихся письмах матери и Белому Блок, в духе своих настроений 1910—11 гг., пытается объяснить этот конфликт разногласиями «декадентов» 1890-х гг. и символистов 1900-х гг.: «Восьмидесятники, не родившиеся символистами, но получившие по наследству символизм с Запада (Мережковский, Минский), растратили его, а теперь пинают ногами то, чему обязаны своим бытием» (8, 321); «Для меня неприемлем Мережковский, как его сверстники — Розанов и Минский» (8, 323). Там же — резкая критика Мережковских как «людей мелких» («слишком любят слова, жертвуют им людьми живыми, погружены в настоящее <...> и предаются истерике» — 8, 321).

Однако уже в начале 1911 г., под влиянием направленной против реакции повести З. Гиппиус «Чертova кукла» (1911), а также тех «человеческих» эмоций, которые Блок не только спонтанно испытывал, но и считал чрезвычайно важными, он решает помириться с Мережковскими и пишет им в середине января 1911 г. два письма.

Об их содержании можно судить по ответным письмам З. Гиппиус и Д. С. Мережковского, исполненным, по-видимому, искренней радости. З. Гиппиус пишет:

«24/6—1—2—<19>11

Милый Александр Александрович... нет милый, милый наш, всегда милый Саша Блок! Какую радость вы доставили нам вашими письмами! Вот этими, двумя последними, ко мне и к Д<митрию> С<ергеевичу>. Я-то знала, что так оно будет. Я уж знала, что не может случиться, чтобы вы оставались всегда враждебным Д<митрию> С<ергеевичу> чу и далеким мне. Ведь это не «сушее», это марево, которое застилает крепкое сушее, а оно — хорошая близость и хорошая любовь. Мне хотелось самой написать вам (тем более, что, ведь, мы с Д<митрием> С<ергеевичем> во многом разные люди и ваша враждебность к нему разве только легкой тенью могла падать на меня) — и не написала я лишь потому, что все-таки кое в чем

мне пришлось бы говорить за Д<митрия> С<ергеевича>, говорить о том, что он очень **искренно** огорчен вашим отношением, **искренно** думает о своей возможной вине перед вами и жалеет о ней. А вы бы тогда и мне не поверили. И я решила ждать, веря, что вы сами напишете, сами поймете, что хорошая близость людей — великая ценность, и что вы отнимаете вашу близость у нас, у Д<митрия> С<ергееви>ча не по мере его вины перед вами.

Ну, так и вышло. Вы и написали. Давно бы ответила вам, с первого дня, если бы разные форсе таежугы не помешали. К марту мы вернемся в Петербург. Радостно увижусь с вами, обо всем поговорим. Хотелось бы так много, так много рассказать вам хорошего, важного, светлого. Я знаю, что кое в чем мы с вами не близки и никогда, быть может, не будем вполне близки, — но есть большая жизнь и такие разные в ее саду цветы, и думаю — верьте не верьте — думаю, чувствую, что многие из этих цветов — любимые как вами, так и нами, одни и те же.

«Жизнеописание Юрули» (моя повесть в Русск<ой> М<ысли>) — большие на меня нарекания наводит — со стороны самых близких людей. Упрекают меня, что **неблизкие** — ничего не поймут или поймут наоборот, а потому, ради них, и нельзя так писать. Слишком скрытно, сжато, — «секретно». Что то вездесущее «оно», которое есть Юруля (конечно, он не живой человек!), написано у меня не «обличительно», а не видно, как я к нему отношусь. Но я и не хотела, чтоб это было видно. Да и разве важно, как я отношусь? Оно есть, и такое обыкновенное, такое ... почти банальное, что даже не замечаясь, что оно — и важное. Я хотела его только нарисовать — а себя скрыть.

И очень мне было бы ценно, чтобы вы мне написали, что об этой повести думаете и что в ней видите. Не бойтесь бранить, вы знаете, что я всяким чужим словом только пользуюсь, беру из него себе на потребу и на учение. Да и все написанное — уже прошлое, а я всегда гляжу вперед и надеюсь сделать гораздо лучше.

Напишите о себе. Целую Любу, помню ее всегда. Нашла здесь ее письма ко мне в Париж и с нежностью их перечитывала.

Вас тоже обнимаю сердечно.

Ваша Зин<аида> Гиппиус¹²³.

Письмо Мережковского — родственно по эмоциям:

«Дорогой Александр Александрович, как я обрадовался Вашему письму — точно гора с плеч! Так тяжело было думать, что мы в ссоре, да еще по моей глупой вине. Хотелось бы Вам много, много написать, а чувствую, что писать не могу — надо видеть Вас и говорить с Вами.

Я всегда верил в Вашу силу и правду и внутренний свет. И если «провоцировал» Вас в моей статье так неуклюже и грубо, то потому, что возревновал Вас к Вам же. Может быть, и неверно, и не к стати. Но что-то говорило мне и тогда, что Вы не покинете нас, что Вы будете всегда рядом с нами в том великом религиозном и революционном движении, которое сейчас в России начинается. И что из того, что Вы не знаете в лицо, не называете по имени Вождя — Вы ближе к Нему, чем многие, кто знает и называет. М<ожет> б<ыть>, гораздо ближе меня. В Нем я и **люблю** Вас, ну вот, право же, люблю. Простите, что так козноязычно <так! — З. М.> пишу. Но Вы поймете все.

Д. Мережковский»¹²⁴.

Так состоялось еще одно примирение Блока с людьми, одновременно ему и крайне чуждыми, и в чем-то важном (отношение к реакции, литературные вкусы, а, главное, — по крайней мере для Блока, — память о прошлом, о «зворах» и надеждах начала XX века) пока еще близкими.

Отношения 1911—15 гг. дают весьма пеструю картину. Блок сравнительно часто (хотя реже, чем хотели бы «все Мережковские» — по крайней мере, З. Гиппиус и Д. В. Filosoфов) бывает в гостях у Мережковских (см.: 7, 184; 198; 8, 446; ЗК, 235, 260—261, 263, 264, 276;), часто — и порой подолгу — беседует с ними по телефону (7, 104, 190, 193, 195, 197; ЗК, 262, 274), встречается на собраниях Религиозно-философского общества и у знакомых (7, 166; 7, 182; 8, 441), разговаривает о них с друзьями и «деловыми» знакомыми (например, с Вл. Пястом — 7, 119; с А. В. Румановым — 7, 116; 7, 148; 7, 245; 7, 235; с матерью — 7, 167—168; женой — 7, 191 и др.).

Господствующее чувство Блока к Мережковским — жалость. Он остро ощущает их старение (ср. запись от 25 ноября 1912 г.: «Весь день провел у Мережковских. В пышной и неуютной новой квартире, все они милые, одинокие, печальные, холостые» — 7, 184 — или от 29 декабря 1912 г.: «...К 6-му часу пошел к Мережковским. Им очень скверно. Зинаида Николаевна совсем слаба и больна» — 7, 198; ср. также итоговые в этом плане размышления от 29 апреля: ««Свои» стареются», где «старение» истолковывается и как падение таланта — 7, 246). Как и во всех своих приятельских отношениях 1910-х гг., Блок старается быть с Мережковскими менее всего «теоретичным» и более всего — человечным. Жизнь его почти так же неотделима от забот о Мережковских, как и от бесконечных попыток помогать ближайшим друзьям: Вл. Пясту, Евг. Иванову, Ал. Ремизову. Так, он стремится издать в «Сирине» собрание сочинений З. Гиппиус (7, 203), устраивает в альманахах «Сирин» ее стихи (ЗК, 203 и 204), трогательно сопровождает Гиппиус, неожиданно растерявшуюся перед актерами во время постановки ее пьесы

«Зеленое кольцо», на репетиции (ЗК, 255) и т. д. Связи Блока с Мережковскими зачастую носят деловой характер (например, Блок и Мережковский входят в Петербургский Литературно-театральный комитет; см.: 7, 195, 197, 201 и др.), однако встречи их — отнюдь не только деловые. Блок часто отмечает «по обыкновению долгие» свои визиты к Мережковским (8, 446), «долгие телефонные разговоры» (7, 193) и т. д.

Блок с вниманием относится (может быть, пытается отнестись) и ко всему, что пишут Мережковские (особенно З. Гиппиус). Так, он высоко оценивает мысль нового романа З. Гиппиус «Чортова кукла» (1911), охарактеризовав его проблематику как «величайшую тему нашего времени» (7, 193). В. Н. Орлов справедливо отмечает близость идеи романа (показ «героя небытия» как общественного порождения эпохи реакции» — 7, 490) «Пляскам смерти» и др. блоковским произведениям 1910-х гг. Сравнительно высока и оценка драмы З. Гиппиус «Зеленое кольцо» («Актеры сыграли пьесу в четверть ее роста. Пьеса. неумелая, с массой недостатков, и все-таки — какого она *роста*, какой *зрелости*, даже в руках актеров!»¹²⁵. Ср.: «Мама прочла «Зеленое кольцо», — ей тоже очень нравится, как и мне» — ЗК, 206—207.). Блок хочет в начале 1910-х гг. дать какие-то итоговые оценки творчества Гиппиус и Мережковского. В конце 1911 г. он задумывает (хотя, видимо, и не пишет) статью о Гиппиус, — очень интересную и важную. Творчество З. Гиппиус (вероятно, раннее, 1890-х гг., которое Блок ценил значительно выше позднейшего) он собирался рассмотреть как одно из проявлений русской «запечатанной поэзии», связанной с «Эдгаром По — подземным течением в России» (запись от 6 ноября; 7, 81). Замысел этот частично раскрывается в записи от 10 ноября 1911 г.; говоря об «аристократическом» мировоззрении кн. Волконского, «которое иметь очень ответственно», Блок добавляет: «Не любя демократии, ненавидя всякий американизм, ведь они <«аристократы». — З. М.> не поймут и той тайной, запятанной глубоко культуры, которая есть в По, Гиппиус, Пясте, Пушкине... Это «американское» проявится, когда на нас пойдет великий Китай» (7, 85). Демократизм, возникшие в этой связи идеи борьбы, трагической героики и мужества (ср.: 7, 87—88), противостояния личности «страшному миру», фантастика в показе действительности — таков, по-видимому, круг возможных вопросов, связанных с замыслом Блока. Может быть, с «итоговым» характером этого замысла связано было и желание поэта переоценить кое-что в «декадансе» первых русских символистов (мотивы «страшного мира», «святой крови» — реабилитации насилия — и др.).

Хочет Блок писать и о романе Мережковского «Александр I» (1911; см.: 8, 409). 19 октября 1911 г. он беседует об этой

книге с С. Б. Столпнером (см.: 7, 73), а в двадцатых числах октября читает роман. При неоднозначности впечатления, Блок все же отмечает, что «красота местами неслыханная. Вкус утончился до последней степени» (7, 76).

В дневниках Блока мелькают положительные оценки публицистических статей Мережковского (например, «высокого» «воззвания» в «Речи» о необходимости пробуждения «общественной совести» — 7, 118). А критические оценки своего творчества Д. В. Filosoфoвым Блок в автобиографии 1909 г. назвал в числе тех немногих статей о нем, которые его чему-то «научили» (7, 434).

Иногда контакты обнаруживают существенную общность взглядов. Таково, в частности, письмо А. Блока, П. Соловьевой, З. Гиппиус и Д. В. Filosoфoва в редакцию газеты «Биржевые ведомости» от 16 января 1916 г.; авторы «Письма в редакцию» выражают «искреннее возмущение» печатной травлей Горького (см.: 5, 679—680; вопрос об отношении к горьковской «Летописи» Блок обсуждал с З. Гиппиус уже раньше — 26 декабря 1915 г.; см.: ЗК, 281). При всей органичности этого письма для Блока и неожиданности для Filosoфoва и Гиппиус (см. выше, с. 000), факт сотрудничества в таком вопросе характерен.

В 1910-х гг. у Блока находим и ряд высказываний о Мережковских (особенно о Д. С. Мережковском), носящих характер обобщающий и как бы итоговый для всего дореволюционного периода их отношений. Среди них есть и свидетельства высокой оценки Блоком своих прежних учителей. Так, 5 января 1912 г. он противопоставил свое отношение к Мережковским — чувствам к Вяч. Иванову; последние для него — только память о прошлом, Мережковские же — его сегодняшнее, близкое: «Мережковские — для меня очень много, издавна, я не могу обратиться к ним с воспоминательными стихами, как собираюсь обратиться к Вячеславу» (7, 119); ср. это же, видимо, актуальное для Блока 1912 г., противопоставление в письме от 16 апреля к Белому (8, 387 и 389). Если эти мысли можно частично объяснить личными связями, то ряд оценок имеет характер принципиальный. Такова резкая отповедь В. Н. Княжнину в письме от 9 ноября 1912 г., утверждающем, что Мережковский — художник, «который прожил долгую мучительную жизнь, и написал то, что написал, говорил с богом», и что мир Мережковского — «талантливый и крупный» (8, 404—405). Еще важнее запись от 10 ноября 1915 г., дающая и обобщенную оценку современности, и итоговую оценку деятельности Мережковского: «Одичание — вот слово; а нашел его книжный, трусливый Мережковский. Нашел почему? Потому что он, единственный, работал, а Андреев и ему подобные — тру-ля-ля, гордились <...> «культуры» нет» (ЗК, 277; курсив Блока, разрядка

моя — З. М.). Здесь видно, что Блока и Мережковского объединяет не раз подчеркивавшаяся самим поэтом негативная сторона их видения мира (ненависть к мещанству, «одичанию»; ср.: «Вот — свершилось. Весь мир одичал» — 9 июня 1916; З, 156; в этом и в ряде других стихотворений 1910-х гг. «одичание», «дикий» — «словечки» Мережковского, ставшие у Блока одними из емких символов «страшного мира»). Но видна и общая «позитивная» сторона их схождения — пафос культуры. Очень скоро, однако, выяснится, что эта близость — эфемерна.

Вершинным утверждением близости к Мережковским является фраза в «Автобиографии»: «Из событий, явлений и веяний, особенно сильно повлиявших на меня так или иначе, я должен упомянуть <...> знакомство с <...> З. Н. и Д. С. Мережковскими» (7, 15-16).

Наконец, связи эти проявляются (хотя теперь неизбежно — опосредованно) и в творчестве Блока. Так, в «Итальянских стихах» (1909) с Мережковским связана тема «двойственности» Красоты, причастности ее и небесному, и земному; ср.:

... Ты в глубочайшие соблазны
Всего, что двойственно, проник.

И у тебя во мгле иконы
С улыбкой Сфинкса смотрят вдаль
Полуязыческие жены, —
И не безгрешна их печаль ¹²⁶.

У Блока это ощущение «земного» в красоте отозвалось и реминисценцией:

... И томленьем дух влюбленный
Исполняют образа,
Где коварные мадонны
Щурят длинные глаза

.....

Мать глядится в мутный мрак,
Очи влажные сощура!
(З, 113).

Но важнее, конечно, присутствие этой традиции в таких стихотворениях, как «Глаза, опущенные скромно...» и — в преображенном виде — «Благовещение». Значение этих произведений для зрелого Блока очень велико.

Последний эпизод встречи Блока-поэта с Мережковскими в 1910-х гг. — по сути дела, прощание с ними.

Исследователи отмечали, что I глава поэмы «Возмездие» (работа над ней завершалась Блоком в мае-июне 1916 г.) начи-

нается знаменитым «Век девятнадцатый, железный...», представляющим и по стилю, и по общей мысли реминисценцию из «петербургской поэмы» Д. Мережковского «Смерть»:

О век могучий, век суровый
Железа, денег и машин,
Твой дух промышленно-торговый
Царит, как полный властелин.
Ты начертал рукой кровавой
На всех знаменах: «в силе — право!»

.....

Святую жажду новой веры
Ты осмеял, как бред глупцов.
О, век наш будничный и серый!
Расчет и польза — твой кумир,
Тобою властвует банкир.

LXII.

Газет, реклам бумажный ворох
Недуг безверья и тоски,
И к людям ненависть, и порох,
И броненосцы, и штыки.¹²⁷

Эту обширную переключку вряд ли можно хоть в какой-то мере считать случайной¹²⁸. Блок хорошо знал поэзию Мережковского, а в конце 1911 г., готовя рецензию на «Собрание стихов», перечел его лирику. Скорее здесь — подведение итогов, выделение линий общего «неправления», идущих еще от начала века (отношение к буржуазно-мещанскому строю жизни, бесчеловечному, практически бездушному миру «денег и машин», и к мещанскому «прозаическому» сознанию, отождествленному с «позитивизмом»).

В той же поэме Мережковского находим строки:

... Мы — дети горестных времен,
Мы — дети мрака и безверья!

.....

Нет даже прошлого у нас!¹²⁹

и главу LXVIII (опубликованную также в виде отдельного стихотворения «Morituri», близкого по смыслу к известной поэтической декларации Мережковского 1890-х гг. «Дети ночи»):

...Весь наш род,
Как на арене гладиатор,
Пред новым веком смерти ждет

.....

Придут иные поколения,
Но в оный день, пред их судом
Да не падут на нас проклятья

.....

Грядущей веры новый свет,
Тебе — от гибнущих привет! ¹³⁰

Строки эти ярко отозвались в посвященном З. Гиппиус стихотворении Блока «Рожденные в года глухие...» (8 сентября 1914 г.). Сопоставление с ранними редакциями (см.: 3, 599—600) убеждает, что первоначально замысел стихотворения был иным, включал полемику с «младшими» (в известной мере, видимо, с акмеистами, не знавшими «голоса колокольного», зова революции — 3, 599) и почти не содержал реминисценций из Мережковского. Они появились осенью 1914 г. как констатация еще одного важного «сходства в отрицании» — неприятия мировой войны, а также, быть может, единственного очень важного сходства «в позитивном» — веры в приход нового века (хотя и связанного с гибелью «своего» мира) и благословления его:

...Мы — дети страшных лет России

И пусть над нашим смертным ложем
Взвывается с криком воронье, —
Те, кто достойней, боже, боже,
Да узрят царствие твое!

(3, 278).

Однако эти общие настроения веры — не в настоящем. Они — лишь память о «начале нового века». Теперь Блок одиноко мечтает о «Новой Америке» и мужественно верит среди всеобщего «одичания» в грядущую «Vita nuova». Мережковским эта вера (в ее не отвлеченных, а живых формах: вера в народ, Родину) в 1910-х гг. совсем чужда.

Очевидно, что и в эти годы отношения с Мережковскими весьма далеки от полного духовного единства и подспудно таят в себе возможность надвигающегося разрыва. Господство в личном — жалости и памяти, в мировоззрении — общности отрицания не могло стать устойчивой основой близости. Это видно и в блоковских раздумьях о Мережковских.

Так, по-прежнему ценя раннее творчество Мережковского и Гиппиус, Блок 1910-х гг. не считает их яркими художниками и публицистами. Они для него — деятели вчерашнего дня русской культуры: ««Свои» стареются. (<...> Филосовов — брызжит, либеральничает. Мережковский читает доклады о «Св. Лье», одинаково компрометируя Того и святых. Гиппиус строчит свои бездарные религиозно-политические романы)» (7, 246). Вместе с тем, и главные для Мережковских идеи «религиозной общественности» Блоку чужды и враждебны. В них он видит лишь всегдашнюю «книжность» Мережковских, неумение почувствовать творческие и живые силы реального мира. Особенно раздражают его бесконечные схоластические прения о Христе и антихристе в доме Мережковских и на собраниях Религиозно-философского общества. От домашних шуточных рисунков (вроде изображения Мережковских и Филосова, в нимбах и с крестами, встречающих Л. Д. Блок, которая заявляет: «Нельзя говорить о религии») ¹³¹, писем и раздраженных дневниковых записей («О христовом, если что и ведаешь, лучше молчать (не как Мережковский)» — 3 декабря 1911; 7, 99 и др.) тянется нить к такой важной поэтической декларации, как стихотворение «Мой бедный, мой далекий друг!...» (29 декабря 1912 г.):

... И так ненужны маяки,
И так давно постыли люди,
Уныло ждущие Христа...
Лишь дьявола они находят...
Их лишь к отчаянью приводят
Извечно лгущие уста... (3, 82).

Такая оценка естественно приводила и к постоянным конфликтам и столкновениям. Блок, жалея «стареющих» учителей, все же не всегда в состоянии выносить обстановку дома Мережковских («тяжелую и нудную» — 8, 389; «скучную» — ЗК, 297): он порой избегает визитов к ним (см.: 7, 191), часто не ходит на заседания Религиозно-философского общества (см.: 7, 182 и др.). Жалобы на «ужасную отвлеченность» Мережковских (8, 278) дополняются теперь раздражением против их «застылости», неспособности к развитию: «Мережковские совершенно закрыты для внешних влияний, ничего нового они не увидят ни в чем и ни в ком» (ЗК, 297).

Порой возникают и более резкие разногласия, теперь принимающие любопытный психологический облик: Мережковские (особенно Зинаида Николаевна, а также Д. В. Филосовов) скучают без Блока, видимо, искренне радуются его приходу и по-детски обижаятся, не видя привычного для них внимания, — и ни на ноту не меняют «брызжаще» поучающего тона

по отношению к Блоку, превратно и упрощенно истолковывая его статьи и не понимая крайней литературной бестактности и человеческой жестокости своих неожиданно злобных нападок на Блока. В отношении Мережковских к Блоку все резче выступает не только «капризность», но и лживость, лицемерие («Мережковские очень надменны и многое врут», — с горечью записывает Блок 28 апреля 1916 г. мнение окружающих его «очень разных людей», — неожиданно завершая и это размышление словами нежности: «Люблю ли я Мережковских? — Большею частью думаю, что да» — ЗК, 297). То «предательство друзей», которое Блок так горько изведal в отношениях с Белым, не раз встречал он и здесь. И чем дальше, тем отчетливее считает он эти свойства не только личностными, но и культурно-эпохальными приметамй людей, пораженных «декадентским» индивидуализмом, моральным релятивизмом. Трагические слова Блока, занесенные в записную книжку 28 июля 1914 г. после упоминания о визите к Мережковским и разговоре с Дмитрием Сергеевичем: «Жизнь моя есть ряд спутанных до чрезвычайности личных отношений, жизнь моя есть ряд крушений многих надежд» (ЗК, 235) — имеют в виду, конечно, отношения не только с «учителями», но, в известной мере, и с ними.

Вся эта путаница отношений отражается и в письмах З. Н. Гиппиус к Блоку 1911—16 гг. Теперь, правда, они более редки, чем в начале 1900-х гг. или после примирения 1908 г., но это связано, в значительной степени, с упомянутыми выше участвовавшими телефонными разговорами, визитами Блока, регулярными встречами на заседаниях Религиозно-философского общества и т. д. Письмо З. Гиппиус от 21 декабря 1911 г. — благодарность за присланную Блоком книгу стихов (очевидно, сб. «Ночные часы», М., 1911; Блок получил авторские экземпляры сборника 29 октября и 4 ноября 1911 г. — см.: 7, 80), теплый отзыв о ней, и, как бывает в эти годы, — теплый «домашне», дружески, без анализа (что, между прочим, всегда оставляло возможность для совершенно иных по смыслу и тону публичных высказываний о поэте).

«21. 12. <19> 11. СПб.

Литейный 24

тел. 114-06

Дорогой Александр Александрович, я очень огорчаюсь, что вы так давно у нас не были. Отчего?

Теперь мы уезжаем за границу (в среду, 28-го), и очень бы нам хотелось вас повидать хоть раз еще. Когда получите письмо, не позвоните ли к нам по телефону, не обещаете ли зайти как-нибудь на этих днях? А то и без телефона приходите, хотелось бы только, чтобы вы всех нас застали, всем нам видеть

вас хочется (М<ожет> б<ыть>, сердитесь за что-нибудь? Так и то лучше сказать).

У меня, кроме того, есть одно дело, которое надо мне вам передать до отъезда.

Спасибо за книжку, знаете, она мне очень понравилась. Просто себе очень понравилась. Есть «магия» в ней. Некоторые строчки я даже бессмысленно и безмысленно по дням повторяла — иногда чуть не с досадой, когда уже очень долго. «Поправилось», в сущности, не слово... Впрочем, у вас и раньше бывали строки, именно у вас, которые «мне повторялись», невольно, подсознательно.

Ну, до свиданья, — пусть бы до скорого. Любу поцелуйте — от меня.

Ваша

З. Гиппиус»¹³².

Получив это письмо, Блок 22 декабря звонит З. Н. Гиппиус (см.: 7, 104), а 23 декабря заходит к Мережковским. Письмо Гиппиус от 4 (17) января 1912 г. продолжает разговор, начатый во время блоковского визита. Подробная запись о нем — в дневнике Блока от 23 декабря: «Согласен во многих думах с Зинаидой Николаевной (она велела записать о сходстве дум об «общественной бюрократии» <...>)¹³³ Так же — полное, «умилительное» согласие относительно «Сашки Жерулева» и автора его <...> Что это — «вкус» или больше вкуса? Долгий спор. Я читал письмо Клюева, все его бранили на чем свет стоит, тут был приплетен и П. Карпов. Будто — христианство «ночное», «реакционное», «соблазнительное». Добролюбов и Семенов — высшие аристократы (Философов). Эстетизм мой (Философов) <...> Мережковский <...> вся Индия — нирвана (дохристианское) — ужас, небытие. Не было Имени. «Не донимайте меня» Сергием Радонежским, Серафимом Саровским — «Я знаю, чем это пахнет». — Сыщик у дверей. — Все теперь о «несказанном», это — пустота, отсутствие общественности. *Теперь* такое время, что нужно твердо знать, что «голод — голод, реакция — реакция, смертная казнь — смертная казнь». *Итак — сегодня: полное разногласие* в чувствах России, востока, Клюева, святости. *Полное согласие* во вкусах (если бы более!) относительно Л. Андреева, Чулкова и т. д.» (7, 105—106).

Идеи Мережковского, Гиппиус и Философова (о существовании я скажу ниже) и критика «эстетизма» вызывают у Блока сложное отношение: «Все это не было мне больно, но многословие, что-то не то, или я действительно не понимаю какого-то последнего у Мережковских, если *есть* что понимать, если «их трое»¹³⁴ — реальность, если они действительно бескорыстны» (7, 105). На прощание З. Гиппиус дарит Блоку две книги —

«одну с хорошей, другую с трогательной (если правда) надписью»¹³⁵. Блок «верит», что — «все правда» (там же), договаривается с Гиппиус о сотрудничестве в «Русском слове». Вечером 23 декабря он пишет ей письмо (см.: 7, 106). Мысли, возбужденные спором с Мережковскими, волнуют Блока и на следующий день (см.: 7, 107 и 108).

Гиппиус отвечает Блоку:

«4/17—1—<19>12.

Бог знает, правы ли вы, А<лександр>. А<лександрович>. Может, это и не так т<о> е<сть> не только «вкусы». Вкус — ужасно мало значит, или очень много. Хорошо, если многое вместе **нравится**. Плохо, если **сходится** **ненравление**. А ведь Л. Андреев, «бюрократия» и т. д. — это все общее **ненравление**. Хотелось бы исследовать, найти другое общее. Помнится, было. А после точно затерялось. Но, может, оттого, что редко видимся.

Иные стихи ваши нравятся; но и они — те ли, которые вам? В моей Кукле вам что-то нравилось; не то ли, что не нравилось мне?

Но, конечно, не про это общее **нравление** я главным образом говорю, а про вещи вне нас лежащие. Все равно, существующие уже, или еще нет. Вместе — желанные — это уже много.

Возможно, что найдется то, что и мне, скажем, и вам — **хочется**. Я даже уверена, что иногда мне «хочется» того, чего и вам в иные моменты «хочется». Но опять не об этом. Есть ли то, [чего] о чем я и вы всегда могли бы сказать «**хочу**»? Не «хочется мне», а «я **хочу**»?

Ну, достаточно смутно, или — достаточно ясно. Поговорим о другом. До сих пор я еще ничего не написала в Русск<ое> Слово, — жду вас. Думаю, следует нам с вами, — хотя бы из внешних соображений. Скажите, что вы думаете. Да смотрите на это дело просто.

Здесь все такое иное. Мы переехали столь незаметно из одной квартиры в другую, что иногда я не отдаю себе отчета, где я. Тепло, как в апреле. Французы глубоко чужды. Здешние русские глубоко несчастны. Клюев, пожалуй, счастливее. Но ведь дело не в счастье, а в правде.

Напишите.

Зин<аида> Г<иппиус>»¹³⁶.

Следующее письмо написано после двухлетнего перерыва и касается уже рассмотренного нами «сюжета» — постановки пьесы З. Гиппиус «Зеленое кольцо» (см. стр. 188—189):

«8—2—<19>14.

Дорогой Александр Александрович, вот вам моя (намеренно «мескинная») пьеса. Большая просьба: чтобы это было **только для вас одного**. Ее, и даже о ней, о пьесе, кроме Гиппиуса, знают только два человека в Петербурге: директор и Мейерхольд (Ярцев сейчас не здесь). И все знающие обещали мне о ней не разговаривать.

Надеюсь и на вас. Больше я ее никому не дам.

Сердцем ваша

З. Гиппиус»¹³⁷.

И, наконец, последнее письмо З. Гиппиус от 5 декабря 1915 г., знаменательно и даже как бы символически завершающее эту переписку. Письмо — резкий критический отзыв о статье Блока «Судьба Аполлона Григорьева» (1915), во многом совпадающий со статьей З. Гиппиус в «Огнях» (1916)^{137А}. Видимо, боясь повторений истории с «Балаганом и трагедией», Гиппиус сначала как бы «проигрывает» основные темы будущей полемики в письме Блоку, а затем, 26 апреля 1916 г., читает ему и самую статью — «очень ругательную», по словам Блока (ЗК, 297). Письмо по жанру ориентировано на «открытые письма» в русской публицистике XIX в.

«5 — 12 — <19>15

СПб

«Я полюбил в тебе — **мое страданье...**»

Другая любовь — вовсе и не любовь. Через (или за) понятное изнутри, близкое, похожее на свое, — свое страданье, — полюбишь человека по-настоящему. Тогда его видишь и прощаешь, как себя, негодуешь — но тоже как на себя.

Чем собственное страдание многограннее, тем возможнее любить многих; в разных душах находить и понимать свое.

У кого вовсе нет своего страдания, того нельзя любить, и тот не любит, потому что нечем (Только я не знаю, есть ли на самом деле такие люди, есть ли «марева»?) — Вот вы нашли в А. Григорьеве **свое** страданье и сумели полюбить его. Не знаю только, искали вы найти, или случайно натолкнулись? Есть, ведь, природное желание любить, и оттого все время ищешь в людях своего **страдания**, полубессознательно надеясь полюбить. Ищешь, конечно, там, где легче: где меньше «мешает» сам человек. У нас слабая вообще способность и видеть, и любить; поэтому легче нам с умершими, а через стену и сложность живой жизни (конкретности) не продерешься, устаешь, забываешь, отвертываешься. А в отдалении — чище отделяется именно страдание человека, и проще его увидеть, понять (Может быть, для **простых**, непереходных, людей, с первичным, простым страданьем, — не так; но зато и любовь их первичнее, проще, **общее**).

Мне всегда казалось, что мое зерно настоящей любви к вам

[всегда] питалось вот этим: общностью страдания. Очень уж ваше понятно и близко моему. И Ап. Григорьевскому отсюда, но ... у меня есть что-то, что выливается за края. Как это объяснить? Когда я в этих краях — я ненавижу «либералов» старых, как он и вы. (Разве недостаточно я эту ненависть выявляла, многие годы, и ничего не боялась, как и теперь не боюсь?). Но теперь старых, умерших, не могу ненавидеть и не хочу. Я искала **понять** страдание Белинского, Чернышевского, Бакунина, и у каждого мне что-то понялось, открылось, увиделось во времени, и для меня нет этой «пустоты безвременья», провала между Ап<оллоном> Гр<игорьевым> и нами, он заполнен тоже страданием и любовью. Другая грань, совсем другая; кривое, бедное — потому что неполное, но ценное, потому что для полноты нужное.

Вы — в общности Ап<оллона> Гр<игорьева> — и нас многих — разделяете лики, а в общности «тех» — нет; а я уже и там вижу лики (**любить** безликое нельзя). Уже там разделяю страдание (т. е. «сущее») от несущего. И как-то близко-понятно мне открывается иногда «жертвенность» Белинского, Чернышевского, Бакунина, даже Некрасова (не о «правительстве» же, я думаю, вы понимаете, не об этих «жертвах»). Главное — мне и это нужно, и в этом тоже открывается мое. Благодаря таким просветам, я порою понимаю, что черта разделения не тут проходит. Что тут ее проводили мы и времена, а по существу мы с Апол<лоном> Гр<игорьевым> и Белинский с Чернышевским — «об одном», и может даже явно быть «об одном», если найдете или обнаружится один знак.

Вы сейчас подумаете привычно, что я заговорю о «христианстве». Отнюдь. Да вообще, если бы я могла понятно сказать **свое** об этом, то вы бы, конечно, увидели в нем и ваше. Очевидно, нельзя еще понятно, или другие смогут. Кое-что не о христианстве, а об Ап<оллоне> Григ<орьеве>, о «своем» страдании, любви и Христе я, пожалуй, скажу, но теперь хочу пояснить, почему я не люблю Розанова? Вы же любите (т<о> е<сть> опять «видите в нем **свое** страдание», как в Ап<оллоне> Гр<игорьеве>).

Не хочу играть мыслями. Добросовестно допускаю, что по моей слабости и по близости Розанова (живой, современной) — мне не чисто видно его страдание, все запутывается. Но есть кое-что и кроме этого, быть может. А именно вот что.

В моем, нашем, вашем, Ап. Григорьевском и т. д. страдании (возьмем эту линию, чтоб не путать) вот одна и та же важная черта: движение. Под этим страданием... нет подписи. По крайней мере я не вижу ее ни у кого из «нас», и уж, конечно, не у Ап<оллона> Гр.<игорьева>. — У Розанова же, под этим, пусть нашим, страданием — стоит подпись. Такая важная черта, что может все изменить; подпись превращает

«страдание» — «в самодовленье»; уничтожает его, а с ним — возможность любви. В очерченный и припечатанный круг к Розанову нет путей, и ему оттуда нет. Оттого он и не стыдится ничего, и так невинно раздевается, что для него уже навсегда никого и ничего больше нет. После «подписи» вот это драгоценное мое, тем драгоценное, между прочим, что оно, среди других, от них отлично, и, сближаясь, сохраняет отличность, — это «мое» уходит из времени, от связи, от роста, исчезает даже для себя. Припечатанное, утвержденное, бездвижное, абсолютное «Я» — фактически и логически пропадает, как «Я».

Орубляю это для резкости. Не смею, конечно, и о Розанове сказать, что наверно уже стоит (все меняющая, — вам, например, невидная) — подпись. Но мне она чувствуется, из малой моей любви к Р<озанову> исхожу (при большой к вам). Никогда бы душа вот такого Ап<оллона> Гр<игорьева> не согласилась на «подпись». Он как бы давал ее, сто раз, но ведь в этом было отчаянье — т<о> е<сть> надежда. У кого отчаянье, у того наверно надежда. И нет подписи.

Знаете что? Когда я презирала, ненавидела и огулом осуждала Белинского, Бакунина, Чернышевского, даже Герцена (кот<орый> мне просто лично кажется мелким и несимпатичным) — я была совершенно также немудра и равна им, — «либералам», отрицающим «наше». И вы, защищая Ап<оллона> Гр<игорьева> посредством отрицанья их, делаетесь ими же только обратно. Если один говорит: «Сапоги выше Шекспира», а другой: «Шекспир выше сапогов», то правды нет ни у одного из спорящих. Правда где-то совсем вне этого спора. И не ребячество ли еще тащить Шекспира и сапоги, ставить их рядом на стол и затем бить друг друга — один сапогами по морде, другой Шекспиром по башке? Неужели этого мы не переросли? Мне верится, что живи сейчас Ап. Григорьев и Белинский — они, сейчасные, о другом бы спорили, или соединились бы, чтобы вместе спорить с другими, по какой-то другой линии разделения. Если сейчас вместо Белинского сидит Пешехонов с теми же прорванными сапогами, то ведь «мы»-то, в конце концов, сидящие на месте Ап<оллона> Гр<игорьева>, — не плоше его, не соответственные Пешехоновы; и не должны вести себя, как Пешехоновы, только обратно. Мы — в самом деле сегодняшние Ап<оллоны> Гр<игорьевы>), и сегодня не можем сплошь отрицать Белинского и Черн<ышевского> в их абсолютной, в истории переломленной, в личности отраженной, правде.

Вы, ведь, не усумнитесь, что я кое-что понимаю в любви и стремлении к тому «чего нет на свете» и вообще к святости святого. Но при всем этом, не предавая ни на йоту любви своей, — может быть и бывали миги во времени, когда я с

полной и резкой правдой говорю: «все прекрасное, что создано усилиями творчества людей — не стоит одного вздоха человеческого». Вы тогда скажете: она сапоги поставила выше Шекспира. А я скажу: нет, это была минута, когда надо потерять душу, чтобы найти ее. И когда Белинский, сжав зубы, молот кровавую чепуху Бакунину, утверждая грязь, мелочь, пакость «действительности», когда он, истаявая от неистовой любви к Пушкину, хватался за «сапоги» — он терял душу, чтобы найти её. И вот за это жертвенное страдание я люблю его. Самое это страдание люблю, исторически утверждаю и проявление именно это, и нужно оно мне для полноты моего.

Довольно однако, два дня урывками пишу это путаное письмо. Дм<итрия> Вл<адимирови>ча «огорчила» ваша статья, а меня — вовсе нет, и я пыталась ему объяснить, почему нет, вот, приблизительно, то же говорила, что в этом письме. Не знаю, понял ли он, не знаю, поймете ли вы. Если не теперь — потом поймете, когда-нибудь, что я бы не вынуть хотела из нее — а прибавить. От этого плюса ненужное само бы отпало. Ведь надо же нам порою догадаться сделать и то, чего не «догадывался» Ап. Григорьев...

Да, еще два слова о Христе. Так, рывочно, так неотодрано-православно говорят: «вера в Христа. Я верю во Христа. Я не верю». Зачем? Если б освежить, если б все сначала забыть. Если б можно было взглянуть на Христа. Просто, как мы смотрим на Белинского, Ап. Григорьева, Некрасова, Тютчева, Пушкина. Мы же в лица смотрим, определяем, вникаем. И когда находим свое страдание — того и любим.

Христос тем удивителен, что в нем всякий, на него пристально взглянувший, находит свое страдание, а потому всякий его и любит. Не может не любить. Баба и Чеховский студент, ребенок и мудрец, все равно, при первом взгляде (настоящем) видят вот это свое и уж тогда непременно любят. Это «чудо, вошедшее во внутрь». Т<о> е<сть> ни в какой «вере» не нуждающееся, да и не думаешь тут о «вере» или «неверии». Просто не нужно. Когда ребенку читают про Христа, что «вот, больно» — и ребенок плачет от любви и жалости и больше ничего не нужно.

Думаю, «любовь через близость страданий» — не может быть без жалости. Вы скажете — это «слишком человеческая?» не последняя? Не полная? А «слишком божественная», «только божественная» — полная? Да и есть ли она для нас? Любовь ли?

Любовь — стрела, пронизывающая наше человеческое на пути к божественному.

«Радость — страданье?» Я только сказала бы: «Страданье — радость». Но разве это не одно и то же?

Но я попутно опять отвлеклась в сторону, и дальше. Нет,

о Христе вот это только одно я говорю, и удивляюсь, что не все это знают (от невнимания): что его, Христа, никак нельзя не любить, потому что ни в ком не находишь такой полноты именно своего страдания. Вы бы в нем наверно нашли, даже больше, чем в Ап<оллоне> Гр<игорьеве>. Но и Белинский нашел бы...

И все-таки в том же Христе — великое разделение. Только по иной линии оно проходит. Прочувствовать эту линию могу, но сказать о ней — не умею и не смею.

Простите это длинное и путанное марање «для своей души». Но вы мне так близки бываете в каких-то искрах, точках, в боли, в словах, в немоте, в неправости, что жалостно люблю вас, как себя и говорю, как с собой.

Зин<анда> Г<иппиус>»¹³⁸

Письмо это — действительно квинтэссенция всего того мучительно сложного, что объединяло/разъединяло Блока с Мережковскими в предреволюционные годы. Оно ставит нас перед клубком парадоксов. З. Гиппиус, которая через два года увидит в революции только «хамов» и проклянет ее, сейчас ищет высокое и правдивое в Белинском и Чернышевском, полностью отвергает за реакционность В. Розанова. Блока, идущего к революционному максимализму «Двенадцати» и «Скифов», «почвеннические» симпатии к Ап. Григорьеву заставляют почти полностью зачеркивать революционную культуру шестидесятников; он же выступает как защитник Розанова...¹³⁹

Прежде, чем пытаться размотать этот клубок противоречий, приведем еще некоторые факты.

В 1910-х гг. Блок сближается и с «третьим Мережковским» — Д. В. Философовым. Первые письма Философова к Блоку носят деловой или же личный характер¹⁴⁰. Любопытно письмо из Веймара от 15(28) сентября 1909 г.

«Дорогой Александр Александрович.

Мы будем в Петербурге вероятно 20 сент<ября> ст<а-ро-го> стиля. Шлем Вам привет из Веймара.

Нищие умер тоже здесь, но его дом трудно доступен. Смертные же покои Шиллера и Гете почти «на улице».

Шиллер умер, как русский интеллигент. У него кровать такая, как у прислуги где-ниб<удь> на даче под П<етер-бур>гом. У Гете — большой холодный дом Staatsministra. Видно, что он любил почет со стороны людей, которых презирал. Но спальня, и рабочий кабинет (рядом) очень характерны. Скромные комнаты буржуа старикашки. [За] Около стола, рядом со стулом, на котор<ом> он обыкновенно сидел, стоит высокая корзинка, для большого носового платка. Не знаю,

нюхал ли он табак. Спальня — буквально конура и притом темная. З<инаида> Н<иколаевна> говорит, что теперь она понимает, почему он требовал mehr Licht, умывальник, за которым невозможно умываться. Умер он в кресле. Вообще впечатление неприятное и на портреты его лучше и не смотреть.

Привет Любви Дмитриевне.

Ваш Д. Философов»¹⁴¹.

Письмо от 2 октября (1909 г. <?>) интересно как ответ на недошедшее блоковское, посвященное воздухоплаванию:

«Дорогой Александр Александрович,
страшно рады будем Вас видеть.

Да, воздухоплаватели интереснее! Ведь, в Берлине мы видели аэропланщиков, Латома <?>, Формана, Ружье.

Летали при нас по 2 ч. ³/₄. Делали 150 клм. Это зрелище совершенно необычайное. Дм<итрий> Серг<еевич> бегал по полю, спотыкаясь и крича: «Vive Rougier!»

Итак, до скорого свидания

[Твой] Ваш

Д. Философов»¹⁴².

В недатированном письме от 17 <?> Д. Философов намечает ту «общественную» тематику, которая станет основной в их переписке — речь идет о дружеском вечере в честь отбывшего тюремное заключение Е. В. Аничкова¹⁴³.

Следующая недатированная записка (со содержанию, — видимо, 1911 г.) весьма интересна как выяснение одного из важных истоков поэмы «Возмездие»: как видим, у матери Философова, известной либеральной деятельницы 2-ой половины XIX в. (в поэме — Вревской) сохранились письма к ней А. Л. Блока, которые поэт получил от Философова и, — возможно, достаточно широко, — использовал при описании «салона Вревской» и молодости отца в «Возмездии»:

«Письма Вашего отца я получил и перешлю их маме.

Сегодня пришло Ваше письмо. О Вас мало имели сведений, больше по газетам. З<инаида> Н<иколаевна> все еще очень слаба, и просто не знаю, когда она восстановит свои силы. Со дня на день ждем Тату, Нату и Карташова. З<инаида> Н<иколаевна> вам напишет. Привет Л<юбви> Д<митриевне>.

Ваш Д. Ф<илософов>»¹⁴⁴

Любопытно письмо от 19 октября 1912 г. с приглашением на «расширенное» заседание Совета Религиозно-философского общества и скрыто-полемическим заверением, что на Блока не будет наложено по обществу «никаких обязательств»:

«19. X. <19>12.

Дорогой Александр Александрович,
В [среду] четверг, 25 окт<ября>, у нас будет «расширенное» заседание Совета Р<елигиозно> Ф<илософского> О<бществ>а для обсуждения «программы сезона». Будет Евгений Павл<ович>, М. М. Пришвин и многие другие.

Не придете ли Вы?

Нам это было бы отрядно.

Не бойтесь, никаких обязательств на Вас мы не наложим. Нам просто хотелось бы Вас повидать и кое о чем посоветоваться.

Душевно Ваш
Д. Филосовов.»¹⁴⁵

И, наконец, в это же время разыгрывается один из наиболее важных, с точки зрения этой статьи, эпизодов. В письме от 23 октября 1912 г. Филосовов зовет Блока к себе на именины¹⁴⁶ — Блок из-за тяжелого настроения не смог пойти (см.: 7, 169). Филосовов не просто человечески обижается, но читает Блоку мораль о *нормах этики и «общественного поведения»*.

«27 окт<ября> 1.>912

Дорогой Александр Александрович.
Вы меня очень обидели. Я Вас на пятницу не звал. Мне этот день был очень неудобен. Накануне, до 1 часу ночи длился (неприятный и мучительный) Совет Р<елигиозно> — Ф<илософского> О<бществ>а. В пятницу, Д<митрий> С<ергеевич> и З<инаида> Н<иколаевна> должны были обедать у бесприязательных знакомых, а я должен был идти в Лит<ературное> о<бществ>о, на вечер в память Н. Ф. Анненского.

Получив от Вас письмо, мы с З<инаидой> Н<иколаевной> так порадовались Вашему желанию нас видеть, что все отменили.

В награду получили Ваше пренебрежительное молчанье (у нас есть телефон) и сегодня утром пришло Ваше письмо.

Я верю, что у Вас на душе «гадко», но твердо знаю, что гадко не вам [одним] одному.

Если бы Вы более реально чувствовали, что гадко — не Вам одному, Вы бы и себя лично, чувствовали менее гадко.

Никто не имеет права ждать «подарков к именинам». Но когда подарки «motu proprio» обещают, то их не отымают.

Впредь буду осторожнее.
Любящий Вас Д. Филосовов.

Р. С. Алексея Михайловича тоже не было. Серафима Павловна захворала. В моей жизни прибавился еще один печальный вечер, и не по моей вине. Спасибо.»¹⁴⁷

После извинений Блока (см.: 8, 402—403; 7, 170) Д. В. Философов пишет ему обрадованно и, как будто, с полным пониманием внутренних причин поведения поэта, утверждает их духовную близость.

«28 окт<ября 1912.>

Дорогой Александр Александрович.

Вот и хорошо, что я на Вас «обиделся». Благодаря этому Вы откликнулись и я услышал, пусть тоскующий и страдающий, но живой для меня голос. Я не знаю, что меня (и нас) с Вами связывает, но я знаю, что хоть изредка надо слышать друг друга. «Слышишь, батко?» — «Слышу, сынку». Нужно подавать голос, хотя бы в виде стона. Какая-то связь* несомненно** есть, и я не могу ее не утверждать, иначе все проваливается. Как помогать друг другу, как любить друг друга — я тоже не знаю. Вернее, знаю, но не имею на это сил. И все-таки, несмотря на все, у меня есть же какая-то любовь к Вам, потому что иначе Вы меня не беспокоили бы, мне было бы все равно, что с Вами происходит, как мне, в сущности, все равно; что происходит, ну, хотя бы, с Городецким. Хотелось бы мне одного. Чтобы Вы не подозревали. Ну, наводите тоску и наводите. Подумашь, какие церемонии. Ведь, наводя на меня тоску, Вы даете мне право когда-нибудь навести тоску и на Вас, и почему Вы знаете, что мне это право не дорого.

Хочу еще сказать вот что: я понимаю, что связь с З<инаидой> Н<иколаевной> у Вас, несмотря на все, всего сильнее или ярче. Знаю, что несмотря на отсутствие личных отношений с Дм<итрием> Серг<еевичем>, в каком-то, пусть специальном, углу у Вас с ним тоже есть связь. Самая дряблая связь со мной, потому что я по существу «серее» и кроме того не писатель. Но все-таки я утверждаю свои отношения к Вам, утверждаю поскольку утверждаю себя.

Нежно Вас обнимаю.

Ваш Д. Ф<илософов>»¹⁴⁸

Об этом же свидетельствует и письмо Философова от ноября 1913 г. — скорее всего, ответ на письмо Блока от 18 ноября. Блок выражал несогласие с печатными утверждениями Д. Философова об эстетстве и индивидуализме драмы «Роза и крест»¹⁴⁹, но благодарил его за теплый тон рецензий, за «бережное чувство» к драме (см.: 8, 430). Философов пишет:

«13. <?> XI. <19>13

Дорогой Александр Александрович.

Спасибо за добрые строки. Я болен, а потому Ваше письмо

* Одно слово зачеркнуто.

** Приписано сверху над зачеркнутым словом.

было мне особенно ценно. Я болен не в том смысле, что физически страдаю (это не важно), а что стал крайне впечатлителен. Меня все ужасает и оскорбляет. Знаю, что хочу доброго, а выходит дурное. Годами мы с Вами не видимся, и говорить как будто не о чем, но я почти всегда помню, что Вы есть, и всегда вспоминаю с любовью.

Ваш Д. Философов»¹⁵⁰.

И, наконец, заключительный эпизод переписки, кое в чем напоминающий завершение переписки с З. Н. Гиппиус. 21 февраля 1914 г. Д. В. Философов посылает Блоку (видимо, для альманаха издательств «Сирин») рассказ Ю. Череды «Жидовочка»:

«21 февр<аля> 1914

Дорогой Александр Александрович.

Нездоров я, дел миллион, а завтра уезжаем. Поэтому посылаю Вам рукопись не исправленной (начиная с эпиграфа!), но это неважно. Лучше плохой ремингтон, нежели ужасная рукопись автора.

Посылаю «Жидовочку» для Сирин. Вы, наверное, помните Череду по «Нов<ому> пути» и «М<иру> И<скусства>». Если принципиально подойдет, снесите с автором по телефону, около 6 ч. веч. Он заведует кустарным музеем и днем на службе. Хотел Вам эти дни написать, но просто не успел. Напишу из-за границы.

Всего Вам доброго,
искренне любящий Вас
Д. Философов.»¹⁵¹

Блок, как явствует из его помет на письме Философова, ответил ему в тот же день¹⁵² и предпринял ряд попыток опубликовать рассказ Череды. Однако он не скрыл от своего корреспондента, что считает рассказ слабым, и объяснил, почему он не может быть опубликован в «Сирине». В ответ Философов обвиняет Блока в индивидуализме и камерности его литературных устремлений и узости задач «Сирин»:

«Страстная Пятница <4 (17) апреля>
1914
(числа перепутал, живу по двум стилям)

Дорогой Александр Александрович.

Спасибо Вам за обстоятельное письмо о «Жидовочке». Я отчасти предвидел Ваш ответ, потому что мне самому эта вещь не очень «правится». Но, признаться, цель моя была не в том, чтобы непременно «пристроить» «Жидовочку», вещь написанную 8 лет тому назад. Мне хотелось посодействовать тому, чтобы Юрий Черета опять принялся за литературу. Мне кажется, что такой его рассказ, как На юго-западной (напе-

чтан в Нов<ом> пути), свидетельствует о несомненном даровании автора. Зная Юрия лично, зная его сознательное отстранение от литературы, потому что он боится эстетики и слишком глубоко относится к жизни, а следовательно и к литературе, я хотел через Вас несколько повлиять на него, приободрить его. Это не удалось, отчасти и по моей вине. Я не сумел или, вернее, не успел Вам объяснить, в чем дело. Произошло это и потому, что я не ясно представлял себе, что такое «Сирин». Я думал, что его задача не в том, чтобы печатать двух-трех уже известных писателей-друзей, а в том, чтобы составить новую ячейку в русск<ой> литературе, и в том, чтобы эта ячейка разрасталась и превратилась в живой организм. Мне казалось, что если «Жидовочка» и будет отвергнута, потому что она никому «не нравится», то автор ее все-таки будет допущен хотя бы на «периферию» ячейки. Но по-видимому дело обстоит не так. С моей точки зрения — это очень досадно. И, конечно, не по отношению к Дягилеву, который сам по себе [сб.] значения не имеет. Дело в «Сирине» или вернее в той роли, которую он смог бы сыграть в «Русской Литературе». Боюсь, что он будет находиться в слишком большой зависимости от «плодовитости» своих друзей-писателей. И если эти писатели перестанут ежегодно писать по драме и роману, он окончательно захиреет. В истории литературы останется лишь воспоминание, что вот был культурный издатель, который хорошо издавал вещи своих нескольких приятелей, притом приятелей, вошедших в литературу задолго до знакомства с издателем. Он не был даже повивальной бабкой при их рождении, а просто принял уже на свое попечение очень взрослых людей. В связи с этим, я считаю, что в литерат<урном> начинании, термин «нравиться» — самый неподходящий. Или Вам абсолютно все нравится, что печатается в «Сирине»?

Пишу я это Вам все откровенно, потому что мои отношения с Вами бескорыстны, а во-вторых потому, что я имею некоторое право говорить о меценатстве вообще, и культурном издательстве. В «Мире Иск<усства>» я часто печатал вещи, которые мне не нравились, и не раскаиваюсь в этом. Напр<имер> статьи Шестова, многие статьи Розанова. Мне казалось, что писатель имеет право и на менее субъективную оценку.

Как бы там ни было, говорю совершенно объективно и бескорыстно: если «Сирин» не будет привлекать новые силы, — он, конечно, захиреет. Теперь же, когда [вся] идет такая ясная и яркая борьба между позитивизмом и символизмом, это было бы очень жалко, потому что он мог бы сказать в этой борьбе свое веское <так! — З. М.> слово.

Если захотите ответить — отвечайте на Париж, Avenue Mercédès, 11 ёе. В России будем, вероятно, в конце Фоминой.

З<инаида> Н<иколаевна> очень благодарит за 3 экз<ем-
плара> С и р и н а. Они здесь всегодились.

Душевно Ваш
Д. Философов.

Р. С. Алекс<ею> Мих<айловичу> привет»¹⁵³.

Коллизия — почти та же, что два года спустя отразится в письме Гиппиус: Философов, которого, по более ранним словам Блока, «тошнит от презрения» не только к «реакции», но и к жизни в целом (7,73), упрекает Блока в отсутствии демократизма и в элитарности.

Этот же «рисунок» отношений виден и в печатных выступлениях Мережковского и Философова.

Так, в конце ноября — начале декабря 1912 г. Блок пишет одну из самых сложных своих статей, кое в чем связанную с попыткой его в 1909—11 гг. вернуться к символизму, но отнюдь не укладывающуюся в символистские догмы, — статью «Искусство и газета». В статье сложно сочетаются отвержение буржуазного политиканства и буржуазно-мещанских «дел» (««цивилизации», выборов в парламент, партийных интересов, банковских счетов» — 5, 475) — и неприязнь к политике как таковой; отнесение «народной души» к величайшим мировым стихиям — и пренебрежительная оценка «толпы» (5, 477); борьба с вульгаризацией культуры, с подменой Прекрасного «просто красивым», утверждение великой роли Прекрасного, всемирной миссии искусства — и мысль о «противоречии вечном и трагическом между искусством и жизнью» (5, 478) и т. д. Статья написана в годы близости с Мережковским и отражает воздействие ряда его положений — как недавних (ср. ссылку на статью Мережковского «Осел и розы»¹⁵⁴), так и, по преимуществу, восходящих к его раннему творчеству (мысль о порче языка как о результате воздействия на культуру буржуазных, «денежных» отношений, ведущая к работе «О причинах упадка...»).

«Мережковские», как обычно, поняли статью узко односторонне, не увидели в ней ни живых противоречий блоковской мысли, ни его «чувства пути», ни новизны многих представлений, ни (даже!) влияния некоторых мыслей Мережковского. Они увидели в ней только то, что ожидали увидеть — не Блока, а свое неподвижное представление о нем, отставшее от реальной эволюции поэта лет на десять. Д. В. Философов разглядел в статье (правда, зная лишь ее неполный газетный вариант) только эстетство, антидемократизм, «ложный аристократизм» и презрение к «толпе»¹⁵⁵. В статье «Непонимание или нежелание понять?» (19—20 декабря 1912 г.; о ее написании см.: 7, 194—195) Блок решительно отводит обвинения как в «эстет-

стве» (ибо он и не думал «унизить жизнь на счет искусства, принести ее искусству в жертву» и говорил «не во имя *одного* из этих миров <...>, а во имя *обоих*» — 5, 481), так и в антидемократизме. Принимая мысль Философова: «Подлинный аристократизм связан с демократией», — Блок пишет: «В моей статье есть намек на такую веру», — и завершает свой ответ теми знаменательными словами о «демократии, опоясанной бурей», которые он будет так часто повторять в 1918 г. — в эпоху, когда Мережковские и Философов проклянут революцию и «хамов».

Полемика внешним образом завершилась статьей Д. С. Мережковского «В черных колодцах»¹⁵⁶, где проводилась давно уже чуждая Блоку мысль о религиозном искусстве как единственном противостоянии гибельному индивидуализму и эстетству. Блок Мережковскому не отвечал (см.: 7, 205, 230, 233, а также: 8, 409). Как мы видели, он еще раз убедился, что «Мережковские» неподвижны сами и не видят движения в окружающем и окружающих. Круг полемики замкнулся — но лишь для того, чтобы потом не раз возобновляться по одной и той же схеме: Блок высказывает какие-то новые, порой неясные для него самого, мучительно *становящиеся* чувства и мысли — «Мережковские» «все знают» и, выискивая в новом Блоке следы прежнего, видят только их и поучают поэта, как надо «прогрессивно» думать, вести себя и действовать...

В чем же зерно, основная причина и пружина этих постоянно возобновляющихся и во многом странных конфликтов? Конечно, как и во всех идеологических и личных столкновениях, имеющих длительную и сложную историю, здесь трудно найти одно, единственное объяснение — то слово, которое полностью вобрало бы в себя все остальные. Так, значительную роль играют те же причины, которые определили конфликты 1904—1905 гг.: книжность, догматичность и «всезнание» Мережковских, поучающие интонации, адресованные большому поэту, непонимание масштабов и природы блоковского дара. Не менее важны и отмеченная выше «неподвижность» взглядов Мережковских (неизбежная эволюция здесь не меняет сущности их сложившихся к началу XX века убеждений, а проясняет ее). Неподвижность эта, резко контрастируя с постоянным творческим движением Блока, а в 1910-х гг. — и с его поэтически осознанной установкой на «путь»¹⁵⁷, обуславливает все растущий разрыв и непонимание. Таковы, с одной стороны, неприязнь и ирония Блока в адрес идей «религиозной общечеловечности», с другой — осмысление Мережковскими Блока эпохи «Возмездия» как разочарованного в реальной жизни певца Прекрасной Дамы. Не менее важны и такие причины (относительно не только психологически «личного», но и культурного плана), как во многом «декадентское» поведение Мережковских с его уста-

новой на «многоликость» — и постоянное стремление Блока устанавливать «человеческие» (этические) отношения с людьми.

Однако есть среди этих многообразных причин и такие, которые именно в 1910-х гг. выступают на первый план и как бы предсказывают тот полный разрыв Блока с Мережковскими, который принесет им 1917 год. Это, прежде всего, все растущие «почвеннические» симпатии Блока, выдвижение в его творчестве на первый план темы Родины, ее будущего, — и все четче после затухания «мессианской» веры Мережковского в Россию начала века и сектантских и эсерских увлечений Мережковских 1900-х гг., выступающее на первый план их «западническое» (в определениях Блока) трагическое неверие в Россию. Достаточно сопоставить понимание России в письме Гиппиус и концепцию «страшных лет России» в цикле «Родина» (ср. особенно «Грешить бесстыдно, непробудно...»), чтобы стала очевидной вся разделившая их к началу революции пропасть.

Блок и сам ощущал эту причину расхождений как важнейшую. Еще в 1907 г., резко полемизируя с Мережковским и Д. В. Filosoфoвым об оценке творчества Горького и Л. Андреева, Блок причисляет Filosoфoва к «культурным критикам», которые «поражены <...> великим сном — *магией европеизма*» (5, 107), а в конце 1911 г. в блоковском дневнике появляется иронически зарисованный портрет «европейца» Filosoфа, «которого тошнит от презрения: он открывает институт <«Французский институт». — З. М.>, он сочувствует ученику гимназии, застрелившемуся от несправедливости учителя, он ходит по деревне в гетрах и с Пулькой на аркане, он делает выговоры Волконскому...» (7, 73). Однако эта основная и глубинная причина расхождений порой заслоняется и от Блока более «будничными» и психологическими или культурно-психологическими (Мережковские как «декаденты») объяснениями постоянно возобновляющихся конфликтов.

Но и «западничество» и «почвенничество», пожалуй, были выражением еще более глубинной и коренной противоположности. В Мережковских эпохи реакции все яснее проявляется связь с либерализмом (не случайно и сотрудничество Мережковских в кадетской печати). В Блоке же еще более неудержимо нарастает тот предельный максимализм, который заставит его в 1917 году «слушать революцию», пришедшую «*перделать все*» (6, 12). В годы реакции этот максимализм мог проявляться даже и как отрицание «европейской» культуры шестидесятников («Судьба Аполлона Григорьева») или как защита реакционного «антилиберала» Розанова от «либералов» из Религиозно-Философского общества. Но это всегда был именно максимализм, внутренняя готовность к полному изменению жизни, к грядущим великим и трагическим ка-

тактизмам. Блок, пишет в воспоминаниях К. Чуковский, «был буквально одержим этой мыслью о нависшей над нами беде и, о чем бы ни зашел разговор, возвращался к ней снова и снова <...>. Объекты гибели в то время очень часто менялись, но одно оставалось в его душе неизменным: <...> уверенность, что она непременно наступит»¹⁵⁸. Эта постоянная внутренняя готовность все изменить для человека блоковской культуры имела и другой лик — готовность все отдать. И если пафос принятия «неслыханных перемен» (З, 306), отделяя его от «стареющих» Мережковских, связывался в его сознании с пафосом «петербургских мистиков» начала 1900-х гг., то пафос полной самоотдачи и гибели был, по сути дела, полной противоположностью либерализму и «неохристианству» Мережковских. Он имел и иной, чем у Мережковских, генезис в русской культуре XIX в., и иные формы исторической реализации. Их и выявил 1917 год.

Октябрь разделил людей русской культуры не по их принадлежности к «школам» искусства. Блок в 1918 г. не случайно называет ответственным для него словом «товарищ» футуриста Маяковского (см.: 7, 350), а имя одного из своих первых учителей в «новом искусстве», Мережковского, делает символом позорной реакции («Это ватерклозет, грязный снег, старуха в автомобиле, Мережковский в Таврическом саду, собака подняла ногу на тумбу, m-lle Врангель тренькает на рояле...» (7, 315).

Отношения с многими когда-то близкими Блоку символистами порвались полностью. И первым, видимо, самым неожиданным и горьким ударом было полное неприятие революции Мережковскими и их призывы к «бойкоту» после опубликования статьи Блока «Интеллигенция и революция». 22 января Блок, со слов Есенина, записывает: «... в Тенишевском зале. Гизетти и толпа кричали по адресу сго, А. Белого и моему: «изменники». Не подают руки. Кадеты и Мережковские злятся на меня страшно» (ЗК, 385). То же — 26 января: «Мережковские прозрачно намекают на будущий бойкот» (7, 321). З. Гиппиус обращает Блоку уже не поучающие, а надменно презрительные и исполненные ненависти статьи «Люди и нелюди»¹⁵⁹ и «Неприличия»¹⁶⁰, а затем — стихотворение «Все это было, кажется, в последний...»¹⁶¹. На получение его (вместе со сборником «Последние песни») Блок сначала пробует ответить письмом от 31 (18) мая 1918 г., т. к. хочет сказать Гиппиус «больше, чем лирическое» (7, 335). Здесь, как известно, Блок пишет о давних и серьезных расхождениях с Мережковскими («В наших отношениях всегда было замалчиванье чего-то; узел этого замалчиванья завязывался все туже <...> Великий Октябрь их <узлы. — З. М.> и разрубил» — 7, 336), упрекает Гиппиус в пристрастной оценке событий («Не знаю <...>, почему Вы не увидели октябрьского величия за октябрьскими гримасами,

которых было *очень мало*»), непонимание их всемирного «апокалиптического» смысла («Неужели Вы не знаете, что «России не будет» <...>. Что мир уже перестроился? Что «старый мир» уже расплавился?» — там же). Однако, не отправив письма, Блок перешел на предложенный ему язык лирики, ответив стихотворением «З. Гиппиус (При получении «Последних стихов»)» (1—6 июня 1918). Здесь, отделяя в отношениях личное (его Блок подает в «галантных» и условно жанровых образах:

Ядом напоенного кинжала
Лезвие целую, глядя в даль... — З, 372)

от принципиального, он опять пытается показать «всемирность» своей и узко личный («антимузыкальный») характер позиции Гиппиус:

Но в дали я вижу — море, море,
Исполинский очерк новых стран,
Голос ваш не слышу в грозном
хоре,
Где гудит и воет ураган!

.....

Высоко — над нами — над волнами, —
Как заря над черными скалами —
Веет знамя Интернационал! (З, 372; разрядка моя. —
— З. М.)

Последнее письмо, завершающее 16-летнюю переписку Гиппиус и Блока — вложенное в конверт без адреса стихотворение «Б<ывшему> рыцарю Прекрасной Дамы», переданное Блоку, согласно его приписке на тексте Гиппиус, 7 мая 1919 г. Мережковским. По-видимому, это — воспоминание о случайной встрече с Блоком в трамвае 3 октября 1918 г. (см.: ЗК, 430).

Впереди 12-ти не шел Христос:
Так мне сказали сами хамы.
Но зато в Кронштадте пьяный матрос
Танцевал польку с Прекрасной Дамой.

Говоря — он умер... А если и нет?
Вам не жаль Дамы, бедный поэт?¹⁶²

Блок в мае же ответил стихотворением «Вы жизнь по-прежнему нисколько...», где за грустным и почти дружеским тоном, за характерными для Блока 1919 г. мыслями о временном спаде революционной волны:

...Сменилась полька
У них печальным кикану... (3, 373), —

чувствуется неизменность отношения к революции и народу и
прежнее отвержение антиреволюционной позиции З. Гиппиус:

И что Вам, умной, за охота
Швырять в них солью анекдота,
В них видеть только шантрапу? (там же).

На этом все связи Блока и Гиппиус прерываются.

Значительно резко реагировал поэт на отношение к нему Мережковского (и «Мережковских» как существенного для Блока целого). Дело было отнюдь не только в личной обиде (через них, мы видели, Блок, как никто другой, умел переступать). За несколько дней до начала нападков Мережковских (т. е. до выхода «Интеллигенции и революции») Блок писал, имея в виду газетные и публичные выступления Мережковского: «Я долго (слишком долго) относился к литераторам как-то особенно, полагая, что они отмеченные. Вот моя отвлеченность. Что же, автор «Юлиана», «Толстого и Достоевского» и пр., теперь ничем не отличается от «Петербургской газеты».

Это простой усталостью не объяснить. На деле вся их революция была кукишем в кармане царскому правительству.

После этого приходится переоценить не только их «Старые годы» <...>, но и «Мир искусства», и пр., и пр.

Так это называлось, что они боялись «мракобесия»? Оказывается, они мечтают теперь об учреждении собственного мракобесия на незыблемых началах своей трусости, своих патриотизмов.

Несчастную Россию еще могут продать?» (7, 318-319).

Связь этой ответственной записи об интеллигенции вообще и о символистской «общественности», — в частности, с именем Мережковского не случайна (ср. упоминание «эстетского» «Мира искусства», где печатались первые части трилогии Мережковского). Позиция Мережковского, с его колебаниями (после 1905 г.) между эсерами и кадетством, уже давно представлялась Блоку «интеллигентской», нечуткой к истории, «отвлеченной». Однако в ее последовательно антиправительственном, антимещанском характере, в ее субъективном порыве к народу и искренности Блок никогда не сомневался. Более того, как видно из его полемики с Мережковским в 1910-х гг. и записей личного характера, Блок какой-то стороной своего «я» (хотя и не самой внутренней и «тайной») верил в большую последовательность упрощающего, но верного себе «прогрессизма» Мережковского, в сравнении с его собственными, «лирическими» и меняющимися, взглядами. Поэтому так больно

задело поэта злобное отвержение Мережковскими революции. Поэтому и имя Мережковского становится для него символом реакции.

Почти постоянное для записей начала 1918 г. соединение имени Мережковского с размышлениями об интеллигенции и революции (ср. переход от приведенной выше записи 22 января к выводу: «Господа, вы никогда не знали России и никогда ее не любили!» — ЗК, 385), своеобразная символичность самого его имени объясняет смысл одного важного для статьи «Катилина» (1918), а отчасти и для всей послеоктябрьской публицистики Блока «символа — понятия». «Катилина» — произведение, исполненное пафоса революции и революционного искусства, отрицания старого мира, дышит ненавистью к «профессорам» и «филологам». Мировоззренчески это можно объяснить, поняв образы «филологов» как метонимическое обозначение «интеллигенции», философски — связав с блоковским интуитивизмом и всегдашним предпочтением познавательной силы искусства перед наукой, генетически — вспомнив филиппики Ницше против «филологов» — жрецов мертвой науки, убивающей все живое. Но есть еще один конкретный адресат у этого по-блоковски многолобного образа. Говоря об отличии привлекающих его в годы революции широких исторических параллелей от «мертвых схем», Блок пишет: «Я думаю, что навязывание мертвых схем, вроде параллелей, проводимых между миром языческим и миром христианским, между Венерой и богородицей, между Христом и Антихристом, — есть занятие книжников и мертвецов; это — великий грех перед нравственно измученными и сбитыми с толку людьми, каковы многие из современных людей» (6, 76; разрядка моя. — З. М.). Но мы видели, что установление «тайного» родства язычества и христианства, Венеры и богородицы — мысль, пронизывающая трилогию «Христос и Антихрист», а разговоры о Христе и антихристе для Блока всегда были знаком идей Мережковского. «Книжник» и «мертвец», — это, таким образом, слова о Мережковском (о его отвлеченной «филологичности» Блок писал уже в начале века). Конечно, образы «филологов» и «профессоров» в статье — обобщенные и многогранные. Но живой персонификацией идей отвлеченных и «соблазнительных» для Блока стал Мережковский.

С другой стороны, и вся проблематика «Катилины» может быть теперь рассмотрена как полемически соотнесенная с историсофией раннего Мережковского. Действительно, Блок, подобно Мережковскому в «Смерти богов (Юлиане Отступнике)», любимом блоковском романе, и «Воскресших богах (Леонардо да Винчи)», обращается к эпохе резких культурных сломов, борьбы христианского и языческого миров. Однако романам Мережковского с их романтико-нищенским пафосом сильной

личности как движущей историю силы Блок противопоставляет личность, стихийно «сеющую ветер» грядущих бурь, личность как орудие истории, народных стихий («римский большевик» Катилина далек от каких бы то ни было идей социального равенства и ничего не знает о грядущем в мир Христе). Одновременно типичному для Мережковского эстетизированному уравниванию «тела» и «духа», «Христа и антихриста». Блок противопоставляет ярко оценочное деление эпох на старые, агонизирующие — и новые, историческая победа которых неизбежна. Наконец (имея в виду Мережковского — не художника, а публициста), Блок на место отвлеченных схем стремится поставить ряд художественных образов.

Но и статьей «Катилина» полемика не ограничивается. Можно даже сказать, что в это время центральное для Блока противопоставление двух миров принимает для него облик противостояния концепций катастрофического «кризиса гуманизма» и утопических идей «синтеза».

После разрыва в 1918 году Блок встречается с Мережковскими в 1919 году на заседаниях Союза деятелей художественной литературы (см.: ЗК, 451), в бюро Репертуарной секции Тео НКП (см.: ЗК, 454), в издательстве «Всемирная литература» (см.: ЗК, 459), где 7 мая 1919 года произошло (по инициативе Мережковского) его объяснение с Блоком и где, как уже говорилось, Блок получил от него конверт со стихами З. Гиппиус. В записных книжках 1919—20 гг. фиксируются деловые телефонные разговоры по вопросам перевода для «Всемирной литературы» (см.: ЗК, 461); с грустным удивлением принимает поэт советы Мережковского по спасению своей квартиры от уплотнения (ЗК, 474) ...

У Блока в 1919 г. несколько оживляется когда-то сильный интерес к Мережковскому-художнику (ср. запись от 25 апреля 1919 г. о желании купить его роман о декабристах «14-е декабря» — ЗК, 457). С обычной для Блока объективностью он принимает участие в подготовке к постановке в Большом Драматическом театре пьесы Мережковского «Царевич Алексей». 16 марта 1920 г. Блок присутствует на первой генеральной репетиции пьесы, 24 марта — на второй, а 25 марта — на первом представлении «Царевича Алексея» (см.: ЗК, 489). Тогда же Блок дает интервью по поводу этой постановки в «Жизнь искусства», которое, однако, было «запрещено М. Ф. Андреевой» (ЗК, 489). 26 сентября он снова посещает спектакль, отметив, что «очень замечательны и пьеса и исполнение» (ЗК, 503).

И тем не менее ни о какой близости или доверии к Мережковскому — человеку и писателю — теперь не может быть и речи. Показательно, что пишет Блок незадолго до прочтения драмы «Царевич Алексей», помня лишь последнюю часть трилогии Мережковского. 27 апреля 1919 г., размышляя в письме

М. Ф. Андреевой о необходимости для Большого Драматического театра пьесы «того <...> духа, который <...> больше всего сближает театр с современностью» (8, 522), т. е. революционной, Блок выводит из этого ряда «Царевича Алексея»: «Об «Алексее» не говорю, потому что не прочитал его, но заранее могу сказать, что пьеса — другой породы» (8, 522; рядка моя. — З. М.). 18 июня 1921 г., в начале предсмертной болезни, приводя в порядок остающиеся после него документы, Блок «предает огню» часть материалов, которые ранее «собирал в своих «архивах»» (7, 421) и к которым, возможно, собирался впоследствии вернуться в «мемуарах» (7, 421—422). Среди этих *ненужных теперь* документов чаще всего (8 раз — один без называния фамилии¹⁶³) упоминается Мережковский. После бегства Мережковских из Петрограда за границу Блок мог относиться к ним только как к остальным эмигрантам — полностью не принимая их пути (ср. набросок статьи об эмигрантской прессе — 6, 491—492). Путь этот отвергается и как путь для людей новой культуры, пришедшей на смену «гуманизму» и индивидуализму.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: V. Leontovitch. Geschichte der Liberalismus in Rußland. Frankfurt am Main, 1957; G. Fischer. Russian Liberalism from gentry to Intelligentsia. Harvard Univ. Press, Cambridge, Mass., 1958; Р. Пайпс. Русский консерватизм во второй половине XIX в. Доклад на XIII Международном конгрессе исторических наук. М., 1970 и др.

² См.: Temira Pachmuss. Intellect and Ideas in Action. Selected Correspond. of Zinaida Hippus, München, 1972. Здесь отношения Блока с Мережковскими изображены как «идиллические» контакты ученика с учителями. В тенденциозных воспоминаниях З. Гиппиус разрыв Блока с Мережковскими в 1917 г. выглядит как нечто неожиданное, немотивированное, а о конфликтах 1905 г. Гиппиус вообще не упоминает.

³ Вл. Орлов. Перечень несохранившихся и перазысканных писем А. А. Блока. — В кн.: Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог. Вып. I. Письма Александра Блока. М., 1975, с. 474—475.

⁴ Там же, с. 474.

⁵ См.: Д. Е. Максимов. Идея пути в поэтическом сознании Ал. Блока. — В кн.: его же. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975.

⁶ См.: Р. В. Иванов-Разумник. А. Блок и А. Белый. Пб., 1919; его же. Вершины. А. Блок. А. Белый. Пг., 1923; Вл. Орлов. А. Блок и А. Белый в 1907 году. — «Литературное наследство». Т. 27—28. М., 1937; его же. История одной «дружбы—вражды». — В кн.: Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М., 1940, а также в кн.: его же. Пути и судьбы. Л., 1971; см. также отдельные замечания к теме в работах: Л. К. Долгополов. Поэмы Блока и русская поэма конца XIX — начала XX вв. М.—Л., 1964; П. Громов. А. Блок. Его предшественники и современники. М.—Л., 1966; И. Машбиц-Веров. Русский символизм и путь Александра Блока. Куйбышев, 1969; А. В. Федоров. Театр А. Блока и драматургия его времени. Л., 1972; Д. Е. Максимов. Критическая проза Блока. — В кн.: его же. Поэзия и проза Ал. Блока; Вл. Орлов. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. Л., 1978 и др. Ю. Тынянов. Архаисты и новаторы. Л., 1929; Н. Степанов. <Вступ. заметка к:> Блок А. Письма

к В. Я. Брюсову. — «Литературный современник», 1936, № 9; В. Пурпшева. Библиотека Валерия Брюсова. — «Литературное наследство», т. 27—28; А. Островский. Валерий Брюсов. — В кн.: В. Брюсов. Стихотворения. Л., 1939; П. Перцов. Брюсовское стихотворение «Младшим». Из литературных воспоминаний. — «30 дней», 1939, № 10—11; О. Цехновицер. В. Я. Брюсов. — «Звезда», 1939, № 7—8; Д. Максимов. Поэзия Валерия Брюсова. Л., 1940; его же. Брюсов. Поэзия и поэтика. Л., 1969. См.: З. Г. Минц. О «Беседах с поэтом В. И. Ивановым» М. С. Альтмана. — Уч. зап. ТГУ, вып. 209. Тарту, 1968; Е. Л. Белькинд. Блок и Вячеслав Иванов. — «Блоковский сборник», II. Тарту, 1972, см. также замечания к теме в работах: С. Аверинцев. Вячеслав Иванов. — В кн.: Вячеслав Иванов. Стихотворения и поэмы. Л., 1976; О. Дешарт. Введение. — В кн.: Вячеслав Иванов. Собрание сочинений. Т. I. Брюссель, 1971. См. также указанные в прим. 2 работы П. Громова, Д. Е. Максимова, И. Машбиц-Верова, Л. К. Долгополова и др. См.: Ю. К. Герасимов. Об окружении Александра Блока во время первой русской революции. — «Блоковский сборник» <1>. Тарту, 1964; Г. Г. Шамаков. Блок и Кузмин. — «Блоковский сборник», II. Тарту, 1972; Р. Б. Донгаров. Блок — редактор Бельмонта. — там же, и др.

⁷ См.: Вл. Орлов. Гамаюн, с. 137—146, 156, 160—161, 189—190, 197, 199 и др., см. также примечания В. Н. Орлова в кн.: «Литературное наследство», т. 89 (Александр Блок. Письма к жене). М., 1978. (далее — Александр Блок. Письма к жене).

⁸ Александр Блок. Письма к жене, с. 127.

⁹ См.: там же.

¹⁰ Полное собрание сочинений Дмитрия Сергеевича Мережковского. Т. V. М., 1914, с. 288.

¹¹ В современном советском литературоведении господствует убеждение, что «Петр и Алексей» Мережковского — произведение антипетровское: «Петр I выступает как носитель роковой, злой силы, толкнувшей Россию на чуждые ей пути западного развития, как основатель самодержавно-бюрократической империи, гнетущей народ, и как безбожник-рационалист» (Б. В. Михайловский. Из истории русского символизма (1900-ые гг.). — В кн.: его же. Избранные статьи о литературе и искусстве. М., изд. МГУ, 1969, с. 392). Близка к этому и точка зрения Л. К. Долгополова, правда, оговаривающего, что Мережковский «не закрывает глаз на величие дел Петра» (Л. К. Долгополов. На рубеже веков. Л., 1977, с. 194), но связывающего с идеей искомого исторического «синтеза» только образ Алексея, а не Петра (см.: там же, с. 193). При таком осмыслении нельзя понять ни «нищезанство» Мережковского (оправдание имморализма гения), ни его «декадентство» («оправдание зла») — ни элементы историзма, безусловно, присутствующие в этом замысле. Особенно непонятным оказывается концовка романа, где за смертельной борьбой Петра и Алексея неожиданно встает «тайное» родство грозного «Отца» и приносимого им в жертву кроткого Агнца — «Сына». Петр I, по Мережковскому, и есть грозный, жестокий, но творческий гений — вместе с тем, несущий проклятие своей «антихристовой» односторонности, «бездны тела». Славянофильские идеи возвращения в допетровскую Русь Мережковскому 1890 — нач. 1900-х гг. не близки. В «христианских» началах, с которыми связан образ Алексея, Мережковский тоже видит лишь одну из граней истины. Выход же — в грядущем, лишь символически намеченном в двух («петровском» и «антипетровском») финалах романа.

¹² См.: З. Г. Минц. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве символистов. — «Блоковский сборник», III. Тарту, 1979.

¹³ См.: РО ИРЛИ, ф. 654 (А. Блок), оп. 1, ед. хр. 175, лл. 56 об. — 57, 59 об., 61—62, 72 об., 57 об. — 58.

¹⁴ Ср., напр. стихотворение Блока «В голубой далекой спальне...» (2, 83) и первую и заключительную строфы в стих. Д. С. Мережковского

«Как странник, путь окончив дальний...» (Мережковский. Полн. собр. соч., т. XXII, с. 33), стихотворение Блока «Русь» и стихотворение Мережковского «Сталь» (там же, с. 186) и «Двойная бездна» (там же, с. 190) и мн. др. Впрочем, эти первые переключки еще малозначимы и не выходят из круга спонтанных отзвуков хорошо известных Блоку поэтических текстов.

¹⁵ См.: РО ИРЛИ, ф. 654 (А. Блок), оп. 1, ед. хр. 175, лл. 55, 62 об. — 63, 64, 67 — 68 об.

¹⁶ Вл. Орлов. История одной «дружбы—вражды». — В кн.: его же. Пути и судьбы. Л., 1971, с. 530.

¹⁷ См.: Александр Блок. Письма к жене, с. 90.

¹⁸ Как известно, из многолетней переписки Блока и Гиппиус сохранились лишь те письма Блока, копии которых были им внесены в дневник 1902 (6 писем) и 1918 г. (1 письмо). Местонахождение остальных писем точно неизвестно (см.: Вл. Орлов. Перечень несохранившихся и неразысканных писем А. А. Блока. — В кн.: Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог. Под ред. В. Н. Орлова. Вып. I. М., 1975, с. 474—475).

¹⁹ ЦГАЛИ, ф. 55 (А. Блока), оп. 2, ед. хр. 26, лл. 1—1 об. (Ниже: ЦГАЛИ..., лл. ...). Жирным шрифтом (а в дальнейшем — по техническим причинам — разрядкой) выделены подчеркивания З. Н. Гиппиус.

²⁰ См. комментарий Вл. Орлова в кн.: Александр Блок. Письма к жене, с. 86.

²¹ Там же.

²² ЦГАЛИ..., лл. 2—3 об.

²³ Там же, лл. 4—5 об.

²⁴ Там же, лл. 6—7 об.

²⁵ Там же, лл. 8—9. Последняя фраза приписана в верхнем левом углу на л. 8.

²⁶ Там же, л. 10.

²⁷ Александр Блок. Письма к жене, с. 96.

²⁸ См.: Вл. Орлов. Пути и судьбы, с. 470—471 и след.

²⁹ Александр Блок. Письма к жене, с. 81.

³⁰ Там же, с. 87.

³¹ Там же, с. 82.

³² Там же, с. 102.

³³ Вл. Орлов. Гамаян, с. 142.

³⁴ Там же, с. 144.

³⁵ ЦГАЛИ..., л. 11.

³⁶ Большие подборки стихотворений Блока вошли в журнал «Новый путь», 1903, № 3; 1904, № 6 и № 11; рецензии Блока публиковались в «Новом пути» за 1903 год в №№ 3, 4, и 5, за 1904 год — в №№ 1, 6, 7. Пришедший на смену «Новому пути» журнал «Вопросы жизни» также публиковал стихотворения (1905, № 6) и рецензии (1905, № 3, 4—5, 6, 7 и 8) Блока.

³⁷ ЦГАЛИ..., л. 25. Датируется по содержанию. Возможно, упоминаются стихи Блока, перечисленные в дневнике между записями от 12 и 31 октября 1902 г. (см.: 7, 64).

³⁸ ЦГАЛИ..., л. 12.

³⁹ Там же, л. 13. Датируется так же. В записке идет речь о переезде Блока в новую квартиру внутри казарм Гренадерского полка, где он жил с матерью и отчимом.

⁴⁰ Там же, л. 14.

⁴¹ Там же, л. 15.

⁴² Там же, лл. 16—16 об.

⁴³ Там же, л. 17.

⁴⁴ Там же, л. 18.

⁴⁵ Там же, лл. 19—19 об. Семенов — Л. Д. Семенов-Тянь-Шанский (1880—1917), поэт-символист, товарищ Блока по университету, позже ушедший «в народ», толстовец. См. о нем: Ю. К. Герасимов. Об окружении

Александра Блока во время первой русской революции. — «Блоковский сборник» I, Тарту, 1964; В. А. Сапогов. Лев Толстой и Леонид Семенов (Об одном корреспонденте Л. Н. Толстого). — Уч. зап. Ярославского гос. пединститута и Костромского гос. пединститута. Вып. 20. Филологическая серия. Кострома, 1970. З. Г. Минц. Л. Д. Семенов — Тянь-Шанский и его «Записки» (вступ. статья). — Уч. зап. ТГУ. Вып. 414, Тарту, 1977. «Тайна» — пьеса Л. Семенова «Около тайны», позже опубликованная в «Новом пути» (1903, № 5), Смирнов А. А. (1883—1962) — литературовед и переводчик, товарищ Блока по университету. Фридрих Д. Н. — поэт. Розадовский — гр. А. И. Розадовский, студент СПб университета, приятель брата Л. Д. Менделеевой, И. Д. Менделеева, знакомый Блока; летом 1903 года Розадовский был шафером Блока на его свадьбе.

⁴⁶ Ал. Блок. Письма к жене, с. 120.

⁴⁷ Там же, с. 121.

⁴⁸ ЦГАЛИ ..., л. 20.

⁴⁹ Содержание и примерная датировка письма Блока определяются как по письму к Л. Д. Менделеевой от 19 июня 1903 г. (Александр Блок. Письма к жене, с. 171), так и по приводимому ниже ответу Гиппиус.

⁵⁰ ЦГАЛИ ..., л. 22—23 об. Письмо опубликовано в комментарии Вл. Орлова (Александр Блок. Письма к жене, с. 172).

⁵¹ Александр Блок. Письма к жене, с. 171).

⁵² Ср.: Вл. Орлов. Гамаюн, с. 144 и др. Оппозиция «Петербург—Москва», восходящая к полемикам 40-х гг. XIX в., отразилась в «Петербургской поэме» (1904) и ряде стихотворений Блока и оказалась одним из наиболее ранних проявлений его «неославянофильства».

⁵³ См.: А. В. Лавров. Мифотворчество «аргонавтов». — В сб.: Миф, фольклор, литература. Л., 1978.

⁵⁴ ЦГАЛИ ..., л. 24.

⁵⁵ Там же, л. 26.

⁵⁶ См. прим. 26.

⁵⁷ См.: П. Перцов. Ранний Блок. М., 1922, с. 40 и др.

⁵⁸ ЦГАЛИ ..., л. 27.

⁵⁹ Х <З. Гиппиус>. «Стихи о Прекрасной Даме» (рец.). — «Новый путь», 1904, декабрь, с. 273.

⁶⁰ См.: Андрей Белый. О теургии. — «Новый путь», 1903, сентябрь; его же. Апокалипсис в русской поэзии. — «Весы», 1905, № 5; Вяч. Иванов. Александр Блок. «Стихи о Прекрасной Даме». — «Весы», 1904, № 11.

⁶¹ Х <З. Гиппиус>. «Стихи о Прекрасной Даме» (рец.). — «Новый путь», 1904, декабрь, с. 273.

⁶² Там же, с. 274.

⁶³ Образ лирического героя «Стихов о Прекрасной Даме» как «рыцаря бедного» навеян блоковскими аллюзиями на Пушкина («Жил на свете рыцарь бедный...») и Достоевского («Идиот», где Мышкин параллельно сопоставлен и с «рыцарем бедным», и с Дон-Кихотом, и где устанавливается общность образов Пушкина и Сервантеса); ср. А. М. Добролюбов (I, 275).

⁶⁴ Х <З. Гиппиус>. «Стихи о Прекрасной Даме» (рец.), с. 275.

⁶⁵ Там же, с. 276.

⁶⁶ Там же, с. 277.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же, с. 278.

⁶⁹ Там же, с. 279.

⁷⁰ ЦГАЛИ ..., л. 28—29.

⁷¹ Там же, л. 30.

⁷² Следует обратить внимание на то, что «мистико-общественные» дела Мережковских в предреволюционные годы нередко граничили с политикой. Именно через Мережковских Блок впервые сталкивается с миром нелегальным и полулегальным (как правило, — с миром крестьянских рели-

гнозных движений, сектантства, реже — старообрядчества, позднее — с движением «гоголевских христиан», а также с нелегальным эсерством). Списание не предназначенных для печати писем корреспондентов Мережковского, участие в разнообразных общественных протестах — на это намекают приведенные выше письма Гиппиус. Значение этой деятельности Мережковских для Блока было глубоко двойственным: она оказалась и первой школой доселе чуждой поэту «общественности», и первым его столкновением со столь ненавистным Блоку миром «либерализма, кадетства». Первая сторона вопроса определит сближение Блока и Мережковских в годы Столыпинской реакции, вторая — выступит на первый план в годы революционного подъема, а затем станет решающей в 1910-х гг. и в дни Октября.

⁷³ ЦГАЛИ ..., лл. 31—32. Любопытно, что в своих воспоминаниях З. Гиппиус прямо отрицает разрыв с Блоком в 1905 г., говоря об «очень дружеском, даже нежном» прощании с ним перед отъездом Мережковских в феврале 1906 г. за границу (З. Гиппиус. Живые лица, с. 30).

⁷⁴ З. Гиппиус-Мережковская. Дмитрий Мережковский. Paris, 1951, с. 41.

⁷⁵ Temira Pachmuss. Intellect and Ideas in Action. correspondence Selected of Zinaida Hippus. Из переписки З. Н. Гиппиус, Wilhelm Fink Verlag, München, 1972, с. 738

⁷⁶ Там же, с. 725.

⁷⁷ Там же, с. 722, ср. там же, с. 726.

⁷⁸ Там же, с. 740.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ См.: Л. К. Долгополов. На рубеже веков. Л., 1977.

⁸¹ Temira Pachmuss. Ук. соч., с. 733. Образ из стих. Пушкина «Пророк».

⁸² См.: З. Г. Минц. Из поэтической мифологии «третьего тома». — В сб.: Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX в.» Тарту, 1975, с. 47—49.

⁸³ Ср.: Вл. Орлов. Гамаюн, с. 276—277.

⁸⁴ См. указанные в прим. 2 работы В. Н. Орлова о Блоке и Белом.

⁸⁵ Ср. более позднее (5 января 1912 г.) признание Блока, что с Вяч. Ивановым он может «быть близким *только* через воспоминание о Лидии Дмитриевне» (7, 119).

⁸⁶ «Весы», 1906, № 5, с. 35. Та же точка зрения, к тому же противопоставляющая «европеизм» Блока его наивной устремленности в «некультурную Русь» и крайне грубая по тону, — в статье Д. Мережковского «Асфодели и ромашка» («Речь», 1908, 23 марта). Близкие мысли высказывали о Блоке в 1906 г. и сочувствовавшие ему критики. Ср. истолкование Блока как поэта-«лунатика», поклоняющегося лишь кумиру Вечной Женственности (М. Волошин. Лики творчества. Александр Блок. «Нечаянная радость»... — «Русь», 1907, 11 апреля, № 101, с. 3).

⁸⁷ Товарищ Герман <З. Гиппиус>. Трихина... — «Весы», 1907, № 5, с. 61.

⁸⁸ Товарищ Герман <З. Гиппиус>. Засоборились. — «Весы», 1907, № 7, с. 83.

⁸⁹ Д. Философов. Дела домашние. — «Товарищ», 1907, 23 сентября, № 379, с. 3.

⁹⁰ См.: Г. Чулков. Memento mori. — «Речь», 1908, 25 декабря, № 315.

⁹¹ ЦГАЛИ ..., лл. 33—34 об. Дата прибытия на ст. Солнечногорская (14 сентября) определяется по почтовому штемпелю.

⁹² Антон Крайний <З. Гиппиус>. Милая девушка. — «Речь», 1908, 19 октября, № 251, с. 2. Цитата из Некрасова («Рыцарь на час») — знак ориентации на культурное наследие XIX в., особенно близкое в эти годы Блоку.

⁹³ См.: «Речь», 1908, 16 ноября.

- ⁹⁴ ЦГАЛИ ..., лл. 36—37 об.
⁹⁵ Там же, л. 38.
⁹⁶ Там же, л. 39. Датируется по почтовому штемпелю.
⁹⁷ Там же, лл. 40—41 об.
⁹⁸ Опубликовано: «Русская мысль», 1909, № 1 (см.: 5, 646—649).
⁹⁹ См. также: Александр Блок. Письма к Евгению Иванову. М.—Л., 1936, с. 122.
¹⁰⁰ ЦГАЛИ ..., лл. 42—42 об. Дата приписана (Блоком?) на полях (л. 42) карандашом. В последнем абзаце речь идет о докладе Блока в Литературном обществе 12 декабря 1908 г.
¹⁰¹ Там же, л. 43. Датируется по карандашной приписке <Блока?>: «5. I. 09». (л. 43 об.)
¹⁰² Там же, л. 44.
¹⁰³ Там же, лл. 45—45 об.
¹⁰⁴ Там же, лл. 46—47 об.
¹⁰⁵ Там же, лл. 48—49.
¹⁰⁶ Там же, л. 51.
¹⁰⁷ Там же, лл. 52—53.
¹⁰⁸ Там же, лл. 54—54 об.
¹⁰⁹ Там же, лл. 55—57 об.
¹¹⁰ Там же, л. 58.
¹¹¹ Д. Е. Максимов. Поэзия и проза Ал. Блока, с. 41.
¹¹² ЦГАЛИ ..., лл. 60—61 об.
¹¹³ Там же, лл. 63—63 об.
¹¹⁴ Там же, л. 62.
¹¹⁵ Там же, л. 64.
¹¹⁶ Там же, л. 65.
¹¹⁷ «Духовная диета» — цитата из статьи Блока «О современном состоянии русского символизма» (5, 436).
¹¹⁸ Д. Мережковский. Балаган и трагедия. — «Русское слово», 1910, 14 сентября, № 211, с. 3.
¹¹⁹ ЦГАЛИ ..., л. 67—69 об.
¹²⁰ Там же, лл. 70—71 об.
¹²¹ Письма Александра Блока к родным. Л., 1927.
¹²² ЦГАЛИ, ф. 55 (А. А. Блок), оп. 2, ед. хр. 46, лл. 3—6 об.
¹²³ ЦГАЛИ ..., лл. 72—74.
¹²⁴ ЦГАЛИ, ф. 55 (А. А. Блок), оп. 2, ед. хр. 46, лл. 7—7 об.
¹²⁵ Александр Блок. Письма к жене, с. 354. В архиве Блока, в подборке писем Гиппиус (ЦГАЛИ ..., лл. 91—92) сохранилась программа премьеры пьесы (8 февраля 1915).
¹²⁶ Д. С. Мережковский. Полн. собр. соч., т. XXII. М., 1914, с. 140.
¹²⁷ Там же, т. XXIII, с. 50—51.
¹²⁸ Вопреки предположению Л. К. Долгополова (см.: Л. К. Долгополов. Поэмы Блока и русская поэма..., с. 87—88).
¹²⁹ Д. С. Мережковский. Полн. собр. соч., т. XXIII, с. 52.
¹³⁰ Там же, с. 53.
¹³¹ Александр Блок. Письма к жене, с. 251.
¹³² ЦГАЛИ ..., лл. 75—76.
¹³³ Запись размышлений об общественной бюрократии см.: 7, 73.
¹³⁴ «Их трое» — перифраз молитвы из упоминавшегося «требника» Мережковских «Вас трое — нас трое». Источник этого странного текста фольклорный (см.: Аарне. — Андреев. № 827), а возможно, и связанный со сказкой Л. Н. Толстого «Три старца». Блок знал гиппиусовскую идею их о «тройственном устройстве мира» (З. Гиппиус—Мережковская. Дмитрий Мережковский, с. 137): в пародийной программе журнала «Новый путь» он представил Гиппиус стихотворением «Я разлучился с вами лишь второю одиночностью, но мы будем трое, так предсказал господь» (7, 441).

¹³⁵ О дарственных надписях З. Н. Гиппиус см. примечания В. Н. Орлова: 7, 480.

¹³⁶ ЦГАЛИ ..., лл. 78—79 об.

¹³⁷ Там же, л. 81—81 об.

^{137a} См.: З. Гиппиус. Судьба Аполлона Григорьева (по поводу статьи А. А. Блока, приложенной к «Стихотворениям Аполлона Григорьева», изд. К. Ф. Некрасова, М., 1916). — «Огни». История. Литература. Книга первая. Пг., 1916, с. 263—278.

¹³⁸ ЦГАЛИ ..., лл. 82—89.

¹³⁹ См.: 7, 107—108, 240 и др.

¹⁴⁰ ЦГАЛИ, ф. 55 (А. А. Блок), оп. 2, ед. хр. 70, лл. 1, 2.

¹⁴¹ Там же, лл. 3—6. Письмо написано на четырех открытках с фотографиями: 1. «Goethe's Sterbezimmer in Weimar»; 2. «Schiller's Arbeits- und Sterbezimmer»; 3. «Goethe's Arbeitszimmer in Weimar» и 4. «Schiller's Empfangszimmer in Weimar», — и связано с их содержанием.

¹⁴² Там же, лл. 7—7 об.

¹⁴³ Там же, лл. 8—9. Датируется по содержанию.

¹⁴⁴ Там же, л. 10.

¹⁴⁵ Там же, лл. 13—13 об. Блок в это время, по словам З. Гиппиус, активно отказывался участвовать в работе Религиозно-философского общества, объясняя это тем, что «на Гагаринской говорят о том, что ... должно быть «несказанно»» (З. Н. Гиппиус. Живые лица, с. 37). «Мы поняли, — продолжает Гиппиус, — что ни в каких «секциях», даже самых совершенных, Блок бывать не будет и бывать не может» (там же).

¹⁴⁶ ЦГАЛИ, ф. 55 (А. А. Блок), оп. 2, ед. хр. 70, л. 14.

¹⁴⁷ Там же, лл. 15—16 об. (Разрядка здесь и ниже — Д. В. Filosofova).

¹⁴⁸ Там же, лл. 17—17 об.

¹⁴⁹ См.: Д. В. Философов. Поэт и критики. — «Речь», 1913, 18 ноября.

¹⁵⁰ ЦГАЛИ, ф. 55 (А. А. Блок), оп. 2, ед. хр. 70, л. 19.

¹⁵¹ Там же, лл. 21—21 об. Ю. Черёда — псевдоним поэта и искусствоведа Ю. П. Дягилева, брата С. П. Дягилева и двоюродного брата Д. В. Философова. Год (1914) приписан <Блоком — ?>

¹⁵² См.: там же, л. 21 об. Вверху слова на полях — приписки Блока: «ответ.<ил> сейчас же» (синий карандаш, зачеркнуто). «Говорил по тел.<сфону> 21. II. Дягилеву звонил 22. II» и «с рассыльным» (простой карандаш).

¹⁵³ Там же, лл. 22—25.

¹⁵⁴ См.: Д. С. Мережковский. Осел и розы. — «Речь», 1912, 9 ноября.

¹⁵⁵ См.: Д. В. Философов. Уединенный эстетизм. — «Речь», 1912, 18 декабря.

¹⁵⁶ См.: Д. С. Мережковский. В черных колодах. — «Русское слово», 1913, 12 марта.

¹⁵⁷ См. сноску 1.

¹⁵⁸ Корней Чуковский. Современники. Портреты и этюды. М., 1962, с. 448 и 449.

¹⁵⁹ См.: Антон Крайний. Люди и нелюди. — «Новые ведомости», 1918, 10 апреля, № 43.

¹⁶⁰ См.: Антон Крайний. Неприличия. — «Современное слово», 1918, 16 июня, № 3554.

¹⁶¹ Стихотворение З. Гиппиус «Все это было, кажется, в последний...» было написано ею на первой странице обложки посланного Блоку сборника: З. Гиппиус. Последние стихи. Пг., 1918 (см.: З. Гиппиус. Живые лица, с. 65).

¹⁶² ЦГАЛИ ..., л. 93.

¹⁶³ Ср.: «Поход на Розанова в Религиозно-философском обществе» (7, 422). Речь идет о требовании Мережковских исключения В. Розанова из «Религиозно-философского общества» за его статьи в «Новом времени».

АЛЕКСАНДР БЛОК И ЛАРИСА РЕЙСНЕР

С. Б. Шоломова

Велико и многообразно влияние А. Блока на творчество советских писателей, особенно тех, чье становление пришлось на первые годы после Октября. К числу художников, чья судьба сложно перекликается с именем Блока, относится и Лариса Михайловна Рейснер (1895—1926). Кратковременное знакомство Л. Рейснер с А. Блоком в годы революции — событие, быть может, не очень значительное, но представляющее известный историко-литературный интерес. Между тем, раннее творчество писательницы, ее критические статьи 1910 года, посвященные поэту, их знакомство — все это мало изучено.

В нашей работе делается попытка проследить сплетения творческого и житейского в контактах этих столь разных художников.

I

Самая ранняя из интересующих нас записей Блока относится к концу 1908 года. В ней идет речь об отце писательницы — профессоре государственного права Михаиле Андреевиче Рейснере.

Как известно, в этот период Блока интересовал вопрос об интеллигенции и народе. Стремясь к контактам с «общественностью», он выступает на заседаниях Религиозно-Философского Общества. В это время Общество сумело привлечь к работе ряд молодых прогрессивно мыслящих литераторов, а также некоторых ученых, занимающихся изучением вопросов свободы вероисповедания и личности. Среди них следует назвать и недавно возвратившегося из эмиграции профессора М. А. Рейснера. Его, как и Блока, заинтересовала деятельность Религиозно-Философского Общества. Как раз в 1908 г. в издательстве Вольфа вышла его книга «Духовная полиция в России». Рейснер часто выступал в печати с остро полемическими статьями по вопросам общественной жизни. Немалое место в его публичных выступлениях занимали вопросы политического дви-

жения в Германии, где он прожил последние годы. В 1904 г. по приглашению К. Либкнехта М. А. Рейснер в качестве эксперта по русскому праву выступил на знаменитом Кенингсбергском процессе над немецкими социал-демократами. Эти события способствовали формированию марксистского мировоззрения ученого.¹

Лекции М. А. Рейснера всегда собирали многочисленную аудиторию, и не случайно его относили к числу лучших лекторов Петербурга того времени. Разногласия между Блоком и М. А. Рейснером по поводу отношений интеллигенции и народа нашли частичное отражение в записи поэта от 22 декабря 1908 г. «Резюме некоторых религиозно-философских и литературных прений (по поводу меня)»: «Если доклад мой наивен с точек зрения науки, социологии, политики — пусть так. Я не принимаю только двух упреков: «в кощунственном реакционерстве» (Рейснер) и в «ненависти к Белинскому» (Неведомский). Верю, что если даже неотчетливо поставлен мой вопрос, — кто-нибудь другой скоро поставит его лучше меня — этот страшный, реальный первый наш вопрос».² Запись показывает, что Блока наиболее задевают упреки в недемократичности.

13 ноября 1908 г. Блоком был прочитан доклад «Россия и интеллигенция», вызвавший бурю противоречивых откликов. О самых первых впечатлениях Блок сообщал в письме матери: «На собрании слушали меня очень хорошо».³

Петербургская газетная хроника отразила некоторые подробности заседания. Поскольку тема доклада и ожидавшиеся прения привлекли многочисленную публику, вход предполагался исключительно по именным повесткам. Но в последний момент было получено распоряжение градоначальника о запрещении прений, и в 10 часов вечера публика в недоумении оставила зал. Характеризуя состав присутствующих, кадетская «Речь» подчеркивала: «В собрании присутствовали видные представители марксизма, мнение которых было особенно ценно для руководителей общества, поставившего целью бороться с атеистическими началами марксистского учения, возводимыми некоторыми теоретиками марксизма в религиозные догмы».⁴ К числу таких ученых можно отнести и М. А. Рейснера, не раз выступавшего с публичными атеистическими лекциями, а впоследствии выпустившего книгу «Нужно ли нам верить в бога?».

¹ См., напр.: М. Рейснер. Теория государства в учении марксизма. — «Современный мир», 1908, № 9, с. 38—68.

² А. Блок. Записные книжки. М., 1965, с. 126 (В дальнейшем — ЗК, с.).

³ А. Блок. Собрание сочинений в 8-ми томах, т. 8. М., 1963, с. 261 (в дальнейшем ссылки даются в тексте по этому изданию; первая цифра — том, вторая — страница).

⁴ «Речь», 1908, № 278, 15 ноября, с. 4.

Хотя в приведенном «Речью» списке записавшихся в прения по докладу Блока фамилия М. Рейснера не значится, на следующем заседании 28 ноября он выступил одним из первых.

М. А. Рейснер отличался смелостью суждений, зачастую резко саркастических. Он обвинил поэта в реакционности, а, скорее, в путаности воззрений. Он не мог согласиться с поэтом, который высказывал мысль о непримиримости интеллигенции и народа, относя к индивидуалистической интеллигенции и самого себя. Позиция Рейснера близка к марксистской.

Единственными работами М. А. Рейснера, где он затрагивает вопросы русского индивидуализма в искусстве, являются, пожалуй, его статьи и книги, посвященные творчеству Леонида Андреева. Отдельные мысли М. А. Рейснера здесь помогают представить его позицию по вопросам, поднятым в докладе Блока. Так, в книге «Леонид Андреев и его социальная идеология» (1909) Рейснер писал: «Русская литература в особенности пригодна для целей идеологического изучения, т. к. почти все ее великие и даже крупные представители были не только поэтами, но вместе и идеологами или иначе, проповедниками тех или иных «идей», имеющих императивное значение для сознания и организации всего общества или отдельных его классов». ⁵ (См. запись Блока, которая начиналась словами: «Если доклад мой наивен с точек зрения науки, социологии, политики — пусть так»). В своих оценках М. А. Рейснер оставался в первую очередь политиком и социологом. Можно предполагать, что замечания его в чем-то были и вульгарно-социологическими.

12 декабря 1908 г. состоялось новое выступление поэта. Оно также вызвало оживленные прения. В числе тех, кто продолжал резко критиковать Блока, обвиняя его в непозволительном «упадничестве», снова был проф. Рейснер.

М. А. Бекетова писала: «12 декабря 1908 года состоялось второе чтение доклада в «Литературном обществе». Здесь была публика нарочито интеллигентская. И опять-таки многочисленная. С. А. Венгеров заявил добродушно, что это уже не доклад, а стихи. Зато профессор М. А. Рейснер, ученик Александра Львовича Блока, объявил, что Александр Александрович опозорил своим докладом имя глубокоуважаемого родителя». ⁶ Ученик профессора Варшавского университета А. Л. Блока М. А. Рейснер в автобиографии указал, что в юности, мечтая посвятить себя религии, он испытал резкий перелом под влиянием профессора А. Л. Блока. Характеризуя своего первого наставника в науке, Рейснер писал: «Профессор Блок совме-

⁵ М. А. Рейснер. Леонид Андреев и его социальная идеология. СПб., 1909, с. 131.

⁶ М. А. Бекетова. Александр Блок. Берлин, 1922, с. 116.

щал в себе причудливым образом громадную эрудицию, материалистический скепсис и славянофильство: социолог-позитивист по исходной точке и романтик в практических выводах».⁷ Под руководством А. Л. Блока Рейснер защитил диссертацию, а приступая к самостоятельной деятельности педагога, он обратился к А. Л. Блоку за содействием и рекомендациями.⁸

Несмотря на последующие идейные разногласия между учителем и учеником, а затем — глубокую разобщенность и отчуждение, М. А. Рейснер навсегда сохранил уважение к А. Л. Блоку. Е. Спекторский (тоже ученик А. Л. Блока и автор книги о нем) указывал, что всего три ученика профессора Блока заняты университетским образованием, и в их числе называл М. А. Рейснера. Спекторский отмечал, что «при всем различии путей, избранных каждым из них для своих научных работ, все они более или менее сознательно продолжают оставаться в духовном родстве с А. Л. Блоком, не прекращающемся даже и тогда, когда они принципиально с ним расходятся».⁹

Можно предполагать, что факт ученичества М. А. Рейснера у А. Л. Блока был как-то связан с его выступлением против А. Блока. Видимо, Рейснер упрекал Блока в ненаучности и противоречиях доклада «Россия и интеллигенция». Сам «ненаучный подход» сына А. Л. Блока к решению поставленных вопросов, в глазах Михаила Андреевича, как бы компрометировал профессора Варшавского университета. Вместе с тем, тяготение к научным методам, к логике типично для Рейснера как марксиста.

Для Блока же его позиция была принципиальной. Он считал: «Мы писатели ... не ученые, мы другими методами, чем они систематизируем явления и не призваны их схематизировать» (5, 443). Стараясь обобщить услышанные в свой адрес замечания, Блок занес в записную книжку: «Тема моя не философская и не политическая ... Для того, чтобы отвечать на недоумения противников, я считаю <...> своим долгом развивать и углублять ту же тему на своем языке» (5, 353).

⁷ Энциклопедический словарь «Гранат», 7-ое изд., т. 41, ч. 2, с. 196—206.

⁸ В архиве Блоков в ИРЛИ АН СССР (Пушкинский Дом) сохранилась короткая деловая записка М. А. Рейснера к А. Л. Блоку, которая передает настроение молодого ученого перед началом преподавания: «Многоуважаемый Александр Львович! Мое дело будет окончательно решено в четверг на этой неделе. Согласно просьбе проф. Докучаева не могли бы Вы доставить краткий обо мне отзыв на его имя с приложением моих свидетельств по следующему адресу: Варшава, Ратуша, квартира Широкой для передачи Докучаеву. Если только возможно, этот отзыв должен быть доставлен не позже 2-х часов среды. Простите, что беспокою Вас.

Ваш глубокоуважающий и преданный ученик М. Рейснер» (ИРЛИ АН СССР, ф. 654, к. 6, ед. хр. 57, л. 1).

⁹ Е. Спекторский. А. Л. Блок. Государствовед и философ. Варшава, 1911, с. 5.

Расхождения здесь были не столько «профессиональными» (ученый — поэт), сколько философскими и методологическими: с одной стороны, ставка делалась на логическое научное познание, с другой, — на интуицию.

И все же, как бы по-разному Александр Блок и М. А. Рейснер ни подходили к разрешению вопроса об интеллигенции и ее связи с народом, в дни испытаний они на деле показали всю свою неотъемлемость от России.

2

Л. Рейснер принадлежала к поколению, росшему «под знаком Блока». Стихотворение Блока «О, весна без конца и без краю...» (1908) для юной Ларисы Рейснер, впервые открывающей для себя мир поэзии и искусства, стало особенно близким. Оно оказалось единственным стихотворением, переписанным ее рукой для памяти и сохранившимся в ее архиве.¹⁰

В поэтических пробах, как и многие ее сверстники, Рейснер не избегала прямых подражаний Блоку. Одно из стихотворений, навеянное Блоком и посвященное ему, также хранится в ее архиве. С. В. Житомирская отмечает, что из ранних поэтических проб Рейснер стихотворение, посвященное Блоку, несомненно, заслуживает право на самостоятельную жизнь.¹¹ Стихотворение передает ощущение горечи несвершенных идеалов, чувство творческого кризиса.

Незнакомка не пришла,
Что ей выйти помешало
Из сурового бокала
Песен, вьюги и вина?

Отчего ее одежды
Все случайней и мутней,
В зеркалах тлетворных дней,
Изменяющих как прежде.

Как теперь запечатлеть
Скрытую толпой созвездий
Музу горестных возмездий,
Разучившуюся петь?¹²

Рейснер сумела уловить в поэзии Блока одну из определяющих тем его творчества — тему Возмездия, причем тогда, когда

¹⁰ РО ГБЛ, ф. 245, к. 4, ед. хр., 44.

¹¹ С. В. Житомирская. Архив Л. Рейснер. — Зап. отд. рукописей. Гос. б-ка им. Ленина, вып. 27, 1965, с. 43—92.

¹² РО ГБЛ, ф. 245, к. 1, ед. хр. 2, л. 21.

она не была еще выражена столь отчетливо: приведенное стихотворение находится в ее поэтической тетради, датированной 1913 годом.¹³

Сурово относясь к своим первым стихотворениям и быстро отойдя от поэтического творчества, Л. Рейснер навсегда сохранила интерес к поэтическому слову, еще долгие годы считая себя прежде всего поэтессой. Один из первых исследователей ее творчества справедливо указывал: «нельзя забывать... , что Рейснер начала со стихов и из нее мог бы выработаться со временем крупный поэт, что не могло не отразиться на стиле ее прозы».¹⁴

В 1913 г. Рейснер написала драму «Атлантида». Это была пора, когда Рейснер искала свою тему в искусстве. О ее увлечении поэзией Блока в этот период впоследствии вспоминал Вадим Андреев: «Эта атмосфера творчества захватила меня. Мне неважно было, что ее стихи несовершенны, что она в то время переживала влияние Блока и Гумилева, но ее бормотание и ритм ее шагов мне заменили мою голубиную музыку».¹⁵

Ощущение близких социальных перемен глубоко волновало Ларису Рейснер, делая особенно созвучной ей блоковскую лирику. Размышления о жизни, любви, героике, смерти Л. Рейснер пыталась выразить в образе Леида, главного героя «Атлантиды», который мечтал спасти свой народ ценой собственной жизни. Финал пьесы звучит символически: после гибели Леида на горизонте видны уходящие корабли, на них оставшиеся в живых устремляются на поиски новой земли и нового счастья. Недаром Леид перед смертью обращался к народу: «Восстань же, о, народ мой, и беги туда, где нет кроважанных богов».¹⁶

В примечаниях к первому тому незавершенного собрания сочинений писательницы И. Оксёнов, отмечая достоинства и недостатки пьесы, впервые обратил внимание на перекличку символов в пьесе «Атлантида» и драме Блока «Король на площади».¹⁷ Действительно, произведение объединяет катастрофичность, идеи гибели цивилизации и поисков нового мира, мотивы кораблей, героической жертвы и мн. др. Современные исследователи вопроса указывают, что «если определять место «Атлантиды» в русской... драматургии, то ее следует связывать не столько с определенными произведениями

¹³ В 1911 г. Л. Рейснер было написано еще одно стихотворение, возможно, посвященное Блоку, но здесь посвящение указано неразборчиво. Сотрудники РО ГБЛ предположительно отнесли посвящение этого текста к Блоку.

¹⁴ И. Оксёнов. Л. Рейснер. Критический очерк. Л., 1927, с. 40.

¹⁵ В. Андреев. Детство. М., 1963, с. 83.

¹⁶ Л. Рейснер. Атлантида. — В кн.: Лит.—худ. альманах изд-ва «Шиповник», кн. 21, СПб., с. 141—219.

¹⁷ РО ГБЛ, ф. 245, к. 11, ед. хр. 48.

Горького или Андреева, сколько с широким интересом тех лет к условному театру и драматургии. А этот интерес проявился в пьесах таких различных драматургов, как Л. Андреев, И. Анненский, А. Блок, В. Брюсов, А. Луначарский, А. Ремизов, Е. Чириков и др. Юная Рейснер своей трагедией действительно включилась в течение русского литературного процесса и сумела сказать здесь свое слово». ¹⁸

Рейснер по-своему пыталась подойти и к другой роднящей ее с Блоком теме — «поэт и революция». Её искания отражены в стихе «Памяти Камилла Демулена», поначалу запрещенном царской цензурой, а затем все же напечатанном на страницах журнала «Рудин». Вообще, поиски героя являлись значительным моментом творческой биографии писательницы. Тем знаменательней, что она не раз обращалась к поэзии Александра Блока.

О, эта злоба долгих лет,
И смех, пронзительнее стона!
Ты — гнев толпы, ты — нож Дантона,
На плаху брошенный памфлет,
Скрепивший мудрость приговора
Руками палача и вора. ¹⁹

Пафос борьбы и творчества, в котором памфлет приравнивается ножу, раскрывает строй чувств, в чем-то родственный циклу «Ямбы».

Отмечая не раскрытые до конца поэтические возможности писательницы и говоря о ее осмыслении гражданских мотивов лирики Блока, Рождественский вспоминал: «Лариса раньше многих других моих сотоварищей университетской поры говорила о существовании рабочих окраин и о том, что А. Блок гораздо ближе к пониманию их роли в городской общественной жизни, чем Вал. Брюсов, считающий себя вслед Э. Верхарну, поэтом-урбанистом». ²⁰ Подобное осмысление произведений Блока не могло не отразиться и в поэтических пробах Рейснер. В ее черновых набросках не раз встречаются образы, близкие урбанистической лирике Блока («Город небу улыбнулся...» и др.).

Хотелось бы обратить внимание и на любопытное совпадение — участие Блока и Рейснер в одних и тех же периодических дореволюционных изданиях. Таково, к примеру, книгоиздательство «Шиповник». Более показательно, что и Блок,

¹⁸ А. Волков, Э. Соловей. Две славянские трагедии об «Атлантиде». — В кн.: Чехословацко-русские литературные связи в типологическом освещении. М., 1971, с. 194—223.

¹⁹ «Рудин», 1916, № 4, с. 1.

²⁰ «Нева», 1969, № 1, с. 109. (Разрядка моя. — С. Ш.)

и Рейснер сотрудничали в горьковской «Летописи». А в начале 1917 г. в издательстве «Парус» под редакцией В. Брюсова и М. Горького вышел из печати «Сборник латышской литературы», где среди переводчиков вновь можно встретить обе фамилии. Каждый из этих фактов в отдельности случаен, но вместе они создают неслучайную картину общности идейных притяжений Блока и Рейснер.

3

Осенью 1915 г. в Петербурге стал издаваться новый журнал «Рудин». Идеиным вдохновителем, редактором и организатором издания была Л. Рейснер. Издатели журнала предполагали печатать, в основном, авторов из числа университетской молодежи, но нередко на страницах журнала появлялись остро саркастические памфлеты М. А. Рейснера (чаще всего под псевдонимом Реус), который стремился выразить протест против буржуазного лицемерия, клеветы, политической близорукости, ура-патриотизма и оборончества.

В седьмом номере «Рудина» Л. Рейснер (псевдоним — Л. Храповицкий) опубликовала статью «Через Ал. Блока к Северянину и Маяковскому». Статья явилась важным этапом в раннем творчестве писательницы. В ней Рейснер вновь подходит к осмыслению поэзии Блока. Начало статьи довольно категорично, оно передает свойственную Ларисе Рейснер независимость суждений: «Александр Блок никогда не был революционером и реформатором. Величие его поэзии не искало пурпурных и золотых слов. Всегда большой и незабываемый, даже в пошлых образах, даже в поплекшей теме, он бесшумно переступил черту временного и ничтожного. Его влияние громадно, как влияние абстрактной идеи, тончайшей математической формулы. Из сумерек социального упадка он вынес цветок мистической поэзии, бледный, но благоухающий, и в этом его величайшая заслуга. Но подражать Ал. Блоку, его полутонам, его лирике, выросшей без света и воздуха, его любви, затерянной в сером, холодном небе, — невозможно и бесполезно. Как всякое завершение — Блок неповторим».²¹

Однако знакомство с черновиками статьи свидетельствует о мучительных поисках формулировок. Так, например, после фразы: «он бесшумно переступил черту временного и ничтожного» поначалу следовал обрыв мысли и ряд зачеркнутых словосочетаний. Среди зачеркнутого — фразы: «слава его холодна и недоступна», «его бессмертие подобно абстрактной идее» (Разрядка моя. — С. Ш.) Но в последнем варианте понятия «славы» и «бессмертия» уступят место более важному,

²¹ «Рудин», 1916, № 7, с. 7—8.

по мнению автора статьи, понятию — «влияние». Именно влияние поэта на современный литературный процесс кажется Рейснер наиболее значительным в его творчестве.

Напряженный поиск образов, необходимых для определения места поэзии Блока в общенациональной культуре России, прослеживается и на многих других примерах. Фраза: «Как всякое завершение — Блок неповторим» в черновых набросках окружена другими словосочетаниями, углубляющими и оттеняющими основную мысль: «Все, что дало России смутное время социального упадка» и др. Далее следует обрыв мысли, но через несколько строк она возникает вновь: «Все, что было прекрасного в это страшное время в России» — и снова обрыв на полуслове. Как закономерный итог этих размышлений рождается формула, которая войдет в последний вариант статьи: «Из сумерек социального упадка он вынес цветок мистической поэзии, бледный, но благоухающий и в этом его величайшая заслуга». По мнению критика, заслуга Блока как раз и состоит в том, что, несмотря на страшное время социального упадка, поэт не умолк (ср. мотивы творческого кризиса в стих. «Незнакомка не пришла...»).

В черновике нередко идет довольно сбивчивый не то анализ, не то просто поэтический пересказ полюбившихся строчек Блока, и тогда безмятежная Муза на глазах из Прекрасной Дамы превращается в лукавую Незнакомку: «Из ресторана, где впервые в мутном зеркале засияло ее лицо — из винных паров и морока, цыганских песен, она вышла, чтобы посягнуть на все святыни, подчинить себе все святилища духа и творчества. Вот она, уже Муза, смеется над верой, над челом ее сияет поруганный нимб «тот неяркий пурпурово-серый и когда-то мной виданный круг». И дальше: «в ее напевах сокровенных роковая гибели весть, проклятие заветов священных, поругание счастья есть».²² Характерно, что Рейснер явно предпочитает мистическому Блоку «Стихов о Прекрасной Даме» — певца Незнакомки, города, роковой гибели. Особенно часто встречаются в рукописи строки о России:

Русь опоясана реками
И дебрями окружена,
С болотами и журавлями,
И с мутным взором колдуна...

По поводу темы города и городских окраин, создания поэтом своего Петербурга, отличного, к примеру, от Петербурга Достоевского и Пушкина, в черновых набросках Рейснер писал: «Разве изумительный ритм и стих, насыщенный сочетанием

²² РО ГБЛ, ф. 245, к. 3, ед. хр. 8, л. 1.

гласных, этими полурифмами — не широкий плащ, скрывающий поэта? И первым его делом было освобождение ямба из-под копыт утомленного всадника. В его руки он вложил «смрадный факел», позволил расклубиться в самом сердце Петербурга, над его «ясными громадами и каменными берегами». «И в обессиленный, побежденный город Блок призвал темные силы прошлого, все эти призраки с таким трудом и так недавно покоренные. По первому зову явилась Россия... из-под гранита набережных, из всех тайников и расселин выползла туманная злая нечисть, всё заворожила, околдовала, погрузила в странное бытие — ни жизнь, ни сон:

Из хрустального тумана,
Из невиданного сна,
Со дна бесчисленных бокалов,
Из мутных исчерченных зеркал,
Зловещих неумытых окон —

— пришла, засияла Незнакомка, Прекрасная Дама...»²³

Емкое и многоголосое понятие «Блоковской России», отозвавшись в сердце Рейснер, позволило ей завершить работу итоговой мыслью: «Едва ли есть в русской литературе поэт больше Блока... стоящий ближе к народной древней душе, чем в наши дни А. Блок». (Разрядка моя. — С. Ш.) В черновике автор продолжает: «Александра Блока неоднократно причисляли к противоположным, даже вопиющим партиям. Сперва — модернист, затем — отец русского символизма». Дальше следуют зачеркнутые слова: «То лирик, то трагик, едва ли не славянофил и в то же время нежнейший лирик, весь потерянный». Снова мысль автора становится сбивчивой. Завершают отрывок следующие слова: «Певец городских окраин (кто же не помнит его классической Незнакомки) и бродяга, юродивый, почти святой, засыпанный метелями где-то среди далеких обледенелых полей — он до сих пор не охвачен целиком ни одной художественной или научной классификацией... Да иначе и быть не могло».

Статья Рейснер явилась серьезной и самостоятельной работой начинающего литератора.

За несколько месяцев до кончины Блок сделал одну из последних дневниковых записей, где упоминается фамилия Рейснер: «7 марта 1921 г. В 1915—1916 гг. Рейснеры издавали в Петербурге журнальчик «Рудин», так называемый «пораженческий» в полном смысле, до тошноты плюющийся злобой и грязный, но острый» (7, 411—412). Эти резкие строки говорят о нескрываемом раздражении и неприязни поэта. Но в записи

²³ Ниже все неоговоренные цитаты — из рукописных черновиков Л. Рейснер.

таится много недоговоренного. Блок продолжал: «Эта злоба и смрад тогда, сколько помню, касались меня мало, я совсем ушел в свою скорлупу. Да и журнальчик я увидел только прошлой осенью, в период краткого знакомства с Рейснерами...» Запись впервые была опубликована в первом издании «Дневников» под редакцией П. Н. Медведева в 1928 г., когда уже не было в живых ни Ларисы Рейснер, ни ее родителей, и была приведена не полностью, а с досадными купюрами. По поводу появления в печати дневниковых записей Блока Е. Ф. Книпович в статье «Ал. Блок в его «Дневниках»» справедливо писала, что в слишком раннем издании дневников есть неприятный привкус литературного скандала, когда неизбежно будет «много догадок, насмешек, взаимных попреков злыми словами измученного человека» (Разрядка моя. — С. Ш.) Между тем настоящий спор о Блоке окончится не скоро, так как «Блок — самое сложное и противоречивое явление русской предреволюционной литературы». ²⁴ В блоковской характеристике журнала «Рудин» невозможно не услышать те самые «злые слова измученного человека», о которых писала Книпович. Между тем, «Рудин» — свидетельство общественной активности и неутомимой энергии Ларисы Рейснер, свидетельство ее организаторских способностей и несомненного литературного дарования. О том, как Блок отнесся к статье Рейснер о его творчестве, говорит следующая запись в дневнике: «...обо мне сказано лестно: что я не был никогда революционером и реформатором, что я большой и незабываемый, мое влияние громадно, как влияние абстрактной идеи, что у меня — полутона, бледный цветок, завершение и пр.» (7, 412). Слова Блока звучат с нескрываемой иронией. Но самый первый исследователь творчества Рейснер И. Оксёнов справедливо отмечал незаурядное мужество Рейснер-критика, какое она проявила, сумев еще в 1916 г. заявить, что «как всякое завершение — Блок неповторим». Ее строки как бы опережали время.

Характеризуя содержание отдельных номеров журнала, Блок особо остановился на последнем номере и, в частности, на статье М. А. Рейснера «Либкнехты». Поэт искренне удивлялся тому, что цензура пропустила статью, где каждая строка передавала открытое восхищение мужеством Карла Либкнехта, которого бросили в застенки Шпандау, но не сломили. Рейснер писал: «Карл Либкнехт остался верен своему знамени и со всем мужеством человека, который идет не только против обезумевшего общества, но и против своих ближайших друзей

²⁴ «Печать и революция», 1929, № 2—3, с. 91—103.

и товарищей, изменивших делу всемирного братства, борется против новых людоедов». ²⁵

Несмотря на резкое раздражение, Блок все же почувствовал обличительную направленность журнала, насквозь пропитанного сарказмом. Наиболее интересной представляется заключительная часть записи: «Журнальчик очень показателен для своего времени: разложившийся сам, он кричит так громко, как может, всем остальным о том, что и они разложились» (7, 413). Но ведь издатели журнала как раз и усматривали свою главную задачу именно в том, чтобы разрушить немоту удовлетворенной косности, в чем бы она ни проявлялась: в политике или искусстве.

4

К анализу поэзии Блока писательница обращалась не раз. В архиве сохранились ее неопубликованные заметки, посвященные «третьему тому» лирики Блока, вышедшему в издательстве «Мусагет». Эти отрывки представляются немаловажными.

Л. Рейснер пишет: «Пошлое и идеальное связаны неразрывными узами, они выросли друг в друга, чтобы дать живую плоть невозможному вымыслу». Наблюдая эти причудливые сплетения в стихах Блока, Рейснер пришла к важному для себя как литератора выводу: «Блоку, действительно, удастся достичь полного единства, последней грани между действительностью и вымыслом. ... искусство сливает полярные образы пошлого и идеального в какой-то живой и неповторимой гармонии». ²⁶

Лариса Рейснер убеждена, что, сумев создать мир широко обобщающих условных образов, Блок в то же время сохранил крепкую связь с реальностью и современностью. Он «не довольствуется победами, достигнутыми ценой величайшего творческого напряжения». Интересно, что в это же самое время Рейснер пишет статью и о творчестве В. Брюсова, где касается аналогичных проблем: «Что делает художник? Строит художественную диалектику, эстетическое добро и зло, Фауста и Мефистофеля, Моцарта и Сальери. И освободившись таким образом от вульгарного противоречия чувства и ума, сознательно и бессознательно достигает не только абсолютной свободы, но и такой же абсолютной истины. Отсюда, быть может, и красота. Брюсов нигде не свободен». ²⁷ Эта позиция Рейснер-критика делает понятней ее слова о Блоке, включающие перефразировку слов из «Фауста»: «Лирика его стала «мгновением, задержанным творческим разумом» ...» И то, что оказалось не под силу Брюсову, стало органичным для всего творчества

²⁵ «Рудин», 1916, № 8, с. 14.

²⁶ РО ГБЛ, ф. 245, к. 3, ед. хр. 16, л. 2.

²⁷ Там же, ед. хр. 17, л. 1.

Блока. Найденный отрывок заканчивается итоговой мыслью автора: «Только став певцом России, Блок находит, наконец, реальную форму неопределенную и громадную, способную вместить все марева и блуждающие огни его поэзии».²⁸

Во всех заметках, посвященных творчеству поэта, Рейснер старалась постичь его связь с Россией, — как раз то, к чему стремился и сам Блок и о чем он говорил в письме к Станиславскому еще в 1908 г.

В начале 1917 г. Рейснер работала над статьей о творчестве Р. М. Рильке, переводила многие его стихотворения. Имя Рильке справедливо связывалось в ее сознании с именем Блока: «Испытав на себе всё влияние России Блоковской, «где разноликие народы из края в край, из дола в дол ведут ночные хороводы при зареве горящих сел», почувствовав ее всю бесформенную, угарную и бесконечно большую Россию, Рильке не ослабел, не растворился в ее диких просторах. Наоборот, с какой-то режущей ясностью представился ему весь громадный мир, который самому надо сделать, поднять и понести, несмотря на его бессмысленнейшую тяжесть и глухое сопротивление».²⁹

Из многих линий возможного сопоставления художников Рейснер не случайно выбирает тему России. Блоковская традиция в публицистике самой Рейснер начала 20-х годов заметнее всего именно в концепции Родины.

Завершая рассмотрение первого этапа обращений Л. Рейснер к Блоку, укажем еще на один интересный факт. В мемуарах Л. Никулина есть указания на какую-то неизвестную нам статью Рейснер о «Скифах» Блока. Он писал: «Мы встречались часто летом 1918 года в Москве ... черный черствый с соломинками пайковый хлеб, желтый деревянный ящик полевого телефона, маленький вороненной стали браунинг, круги бумажных лент прямого провода и недописанная статья Ларисы Рейснер «О скифах».³⁰ Судьба недописанной статьи остается неизвестной. Однако указание Л. В. Никулина на обращение Л. Рейснер к поэзии Блока после Октября, несомненно, заслуживает внимания.

5

В дневниковых записях Блока 1918 г. встречается ряд упоминаний Ларисы Рейснер. 18 января 1918 года. «Вчера — Зимний дворец, детские комнаты. Председатель — тов. Полянский, который разгонял Ученый комитет при Министерстве на-

²⁸ РО ГБЛ, ф. 245, к. 3, ед. хр. 16, л. 4. (Разрядка моя. — С. Ш.)

²⁹ «Летопись», 1917, № 7—8, с. 303—315. (Разрядка моя. — С. Ш.)

³⁰ Л. Никулин. Лариса Рейснер. — «Нева», 1957, № 10, с. 176—177.

родного просвещения. Разъясняет конституцию. Присутствуют: Альтман, Лариса Рейснер, ... Я поднимаю вопрос об орфографии. Главное мое возражение — что она относится к технике творчества, в которую государство не должно вмешиваться ... Меня поддерживают Лариса Рейснер и Альтман. Остальные — за новую орфографию, хотя понимают меня. ... я прошу вновь пересмотреть вопрос, пригласив на следующее заседание Морозова и Иванова-Разумника» (7, 319—320).

Эта запись позволяет установить время возможного первоначального знакомства Блока и Рейснер и помогает представить ту обстановку, в которой проходили заседания. Зимой 1918 г. Блок сетовал: «Трагичность положения (нас мало)» (7, 321). То, как ограничен был круг людей, принимавших участие в первых начинаниях Советской власти, делает факт встречи Блока и Рейснер особенно весомым.

В архиве писательницы, к сожалению, не обнаружено каких-либо заметок об этой поре.³¹ В ее архиве сохранился набросок неоконченного очерка о деятельности Советов при Наркомате просвещения. Она писала: «В настоящее время особенно интересная работа издательского совета. Министерство Народного просвещения решило издать и распространить самым широким образом русских, а затем и иностранных классиков». Беглые строчки не имеют даты, и, по-видимому, Рейснер хотела к ним вернуться, но так и не завершила их. Последняя фраза отрывка помогает установить ориентировочное время его написания: «На первых уже заседаниях самые горячие споры вызвала орфография — как печатать Некрасова — по старой или новой? ... мнение Иванова-Разумника, безусловно, — за новую орфографию для изданий народных и за сохранение старого правописания для академических. Думаю, что такое разделение книги на «народную» — простую и академическую далеко от всенародного единого искусства».³²

Отрывок частично раскрывает позиции, какие занимала писательница в решении вопросов комиссии. К сожалению, о выступлении Блока и о своих впечатлениях от него Рейснер не писала. Свидетельств других членов комиссии почти не обнаружено: в мемуарах «Александр Бенуа размышляет» описание событий тех дней отсутствует, Н. Альтман и Н. Пунин воспоминаний не оставили. Лишь В. Полянский в нескольких статьях вскользь упоминает о деятельности комиссии, вспоминая о двух встречах с Блоком на заседаниях зимой 1918 г.: на очередное заседание «по узкой лестнице поднимались в небольшую изящ-

³¹ В юности в тетрадь в коленкоровом переплете Рейснер вносила свои поэтические упражнения; в более зрелые годы ей довелось вести дневник только с осени 1923 г., когда она находилась в Германии на полулегальном положении.

³² РО ГБЛ, ф. 245, к. 3, ед. хр. 25, б. л. (Разрядка моя. — С. Ш.)

ную комнату А. Бенуа, П. Морозов, несколько художников, Штеренберг, Альтман, Н. Пунин, Лариса Рейснер, еще кто-то и Александр Блок». ³³ В другой заметке, посвященной истории зарождения советских издательств, Полянский пишет о тех же событиях: «Чтобы приступить к выполнению намеченной грандиозной программы, нужно было создавать редакционные комиссии. Это было весьма трудное дело ... в те трудные дни были А. Бенуа, А. Блок, П. Морозов, Н. Альтман, Пунин, Лариса Рейснер. Великая благодарность им!» ³⁴

Важно свидетельство партийного публициста и издательского работника Б. Ф. Малкина: «Через неделю после Октябрьского переворота мы в Смольном от имени Всероссийского ЦИК пытались собрать всю тогдашнюю интеллигенцию Петрограда. Перед этим было много объявлений в газетах, масса расклеенных в городе афиш, и наше обращение в популярной информации дошло до всех кругов петроградской интеллигенции. Обращение было о том, что советская власть призывает людей культуры и искусства прибыть в Смольный, предложить и провести ряд мероприятий, необходимых для молодой только что возникшей власти... И вот в 7 часов вечера всё, что представляло интеллигенцию Петрограда, состояло из пяти-семи человек, которые все уместились на одном диване. Помню, там были А. Блок, Маяковский, Всеволод Эмильевич Мейерхольд, Лариса Рейснер». ³⁵

Воспоминания Б. Ф. Малкина позволяют предположить более раннюю дату знакомства Рейснер и Блока, чем указанная в дневнике поэта, но никаких записей Блока, касающихся этого эпизода, нет. Уточнение датировки, возможно, дает объявление в «Известиях ЦИК» от 7 ноября 1917 г.: «Во вторник 7 ноября к 12-ти часам дня в актовъй зал Смольного института приглашаются все члены театральной комиссии при Центральном Исполнительном Комитете Совета Р. С. Д., а также все артисты, художники-социалисты, интересующиеся судьбами государственных театров. Секретариат ВЦИК». ³⁶ Хотя время, указываемое в газете и воспоминаниях, различно, все же не исключено, что речь идет об одном и том же событии, поскольку в газете других подобного рода объявлений не обнаружено. Кроме того, и Блок, и Лариса Рейснер были членами театральной комиссии и могли встретиться на организационном заседании этой комиссии.

Вторая запись Блока о комиссии по изданию классиков относится к 26 января 1918 г.: «Заседание очень стройное и дельное (в противоположность первому). Председательствует Луначар-

³³ «Жизнь», 1922, № 1, с. 197—198.

³⁴ «Печать и революция», 1927, № 7, с. 236—237.

³⁵ ЦГАЛИ, ф. 336, к. 7, ед. хр. 50, л. 30—31 (Разрядка моя. — С. Ш.)

³⁶ Известия ЦИК, 1917, 7 ноября, с. 4.

ский, который говорит много, охотно на все отвечает, часто говорит хорошо. П. О. Морозов (приглашенный лично Л. М. Рейснер) выражает протест против нового правописания только практически. Его доводы парирует комиссар. Я повторяю свое возражение (единственное), прибавляя, что я на нем не стою... слабо возражает Л. Рейснер (за старое — для стихов) ...» (7, 321—322).

Обнаружение в архиве К. И. Чуковского двух протоколов заседаний по введению новой орфографии, о чем сообщил Б. С. Мейлах в статье «Судьба классического наследия в первые послеоктябрьские годы», позволило несколько иначе взглянуть на события, о которых писал Блок в дневнике.

Поначалу ряд возражений против введения новой орфографии высказали три участника заседания: Блок, П. О. Морозов и Рейснер. Обсуждение велось коллегиально, и каждое возражение внимательно выслушивалось. П. О. Морозов высказывал опасение, что «печатание по-новому потребует огромного труда на переписывание всего вновь изданного». Кроме того, по его словам, невозможно закрыть доступ для школьников к книге, изданной до введения новой орфографии. Он предложил издавать классику в том же виде, в каком она существует уже много лет. Несмотря на понимание всей прогрессивности реформы, против выступила и Лариса Рейснер. По ее мнению, «новые издания очутятся в море старых, а для школьников от этого почти хаос». Ее мнение перекликается с опасениями Морозова. Второй ее аргумент по сути близок возражениям Блока: размер стихотворения и строфы, в частности, строфы Пушкина, к которым невозможно относиться иначе, как к святыне, потеряют своеобразный графический облик. По ее мнению, «стихотворение для глаза от орфографии страдает, строфа сядет, октава Пушкина, например, теряет свою совершенную линию».

Блок также предлагал сохранить прежнюю орфографию в изданиях классиков, считая «правописание неотъемлемым от автора, видя и чувствуя в нем часть художнической техники». Эти доводы и возражения отвел А. В. Луначарский, к которому присоединился и Н. Пунин. Последний считал, что «у всякого поколения свое, непохожее понимание писателя, при обновлении орфографии обновляется словесный организм создания и оно выступает вновь четче».³⁷

И хотя дискуссия показала, что мнения присутствующих разделились, однако при голосовании оказалось, что «возражений против новой орфографии нет». Даже приглашение П. О. Морозова, известного лингвиста, литературоведа и спе-

³⁷ Цит. по: Б. С. Мейлах. Указ. раб. — «Русская литература», 1967, № 3, с. 27—43.

циалиста по изданию классиков, высоко ценимого Блоком (см.: 8, 552 и др.), не изменило хода заседания.

Часть блоковской записи в дневнике 1918 года с указанием того, что Морозова пригласила лично Л. Рейснер, стала понятней после того, как в архиве П. О. Морозова было обнаружено письмо секретаря художественного совета от 23 января 1918 г.: в те дни обязанности секретаря исполняла как раз Лариса Рейснер.

О том же заседании вспоминал и художник В. И. Шухаев: «Оно было созвано по вопросу о введении новой орфографии. Среди присутствующих были: Лариса Рейснер, А. Н. Бенуа, Александр Блок, мои каприйские знакомцы. Помню, что Александр Блок возражал против упразднения буквы «ять». «Для меня буква «ять» звучит», — доказывал он с большим жаром».³⁸

Понимая важность реформы, ни Блок, ни Рейснер не упорствовали в своих суждениях. Поэтому решение было принято единогласно.

Особая важность рассмотренных эпизодов заключается, на наш взгляд, в том, что они относятся к дням, когда Блок напряженно работал над «Двенадцатью», «Скифами» и публицистической статьей «Интеллигенция и революция». Блоковские контакты именно в этот период представляются весьма интересными и, к сожалению, еще недостаточно изученными.

6

В записной книжке Блока за лето-зиму 1920 года всего восемь заметок, касающихся Л. Рейснер. Записи эти не всегда ясны без комментариев. Первая из них относится к 20 июля 1920 г.: «...Вечером — Городецкий и Лар. Мих. Раскольников, Е. Ф. Книпович и Оцуп» (ЗК, 497). Последняя запись — 28 сентября 1920 г.: «...Вечером мы с Любой и Рейснерами — в «Кривом зеркале», вечер Балтфлота» (ЗК, 503).

В промежутке между этими датами одиннадцать дней Блок к дневнику не обращался, и не исключено, что в эти дни тоже могли происходить встречи с Рейснер.

Когда Рейснер возвратилась в Петроград после трехлетней разлуки с городом, Блок оказался в числе немногих, с кем она встретилась в дружеской обстановке. Встречи Блока с коммунистской, комиссаром Балтфлота, делегатом Второго Конгресса Коминтерна — факт красноречивый. Напомним, что открытие конгресса, на который приехала Лариса Рейснер, было намечено на 19 июля 1920 г., а запись Блока появилась уже 20 июля.

³⁸ В кн.: Горький и художники. М., 1964, с. 44.

Спустя четыре дня в «Красной газете» был опубликован один из первых очерков Ларисы Рейснер — «О Петербурге». По-видимому, нет ничего неожиданного, что в этом выступлении упомянут и Александр Блок. Поэт не покинул город, как это поспешили сделать многие деятели культуры, в частности, те, кто рьяно спорил с Блоком в Религиозно-Философском обществе. Он остался верен народу, какие бы испытания ни выпали на его долю. Не случайно в очерке Рейснер звучит страстный вопрос: «Неужели же в пустыне духа, которую третий год проходила борющаяся новая Россия, среди страданий, поражений и побед великого народа, не подымется голос поэзии, науки и искусства, чтобы благословить, чтобы увенчать эти жертвы, это одиночество в целом мире, эту героическую обреченность? Неужели никто, кроме Ал. Блока, не даст революции своего чистого имени и вечного стиха?»³⁹

Встречи с Блоком летом 1920 г. для Л. Рейснер явились запоминающимся этапом ее творческой биографии.

В приведенной записи поэта от 20 июля упоминалась и фамилия Сергея Городецкого. В годы гражданской войны, в трудную минуту сомнений и неустроенности, он встретился с Ларисой Михайловной, которую знал еще по Петербургу и поэтическим собраниям. Рейснер поддержала его, о чем он вспоминал: «Летом 1920 года вместе с Ларисой Михайловной Рейснер я поехал по Волге в Нижний, где в Сормове состоялось мое первое выступление перед русской советской аудиторией».⁴⁰

Не исключено, что именно Городецкому Л. Рейснер обязана установлением новых контактов с Блоком, совершенно отличных от деловых встреч зимой 1918 г. Позже, вспоминая эту пору, Городецкий отмечал, что, пожалуй, единственным из его старых друзей с кем он встретился дружественно, был Александр Блок. Городецкий рассказывал поэту, как на Волге перед совершенно новой аудиторией он читал лекцию о поэме «Двенадцать», и о том, с каким напряжением и волнением его слушали.

Следующая запись относится ко 2-му августа: «Весь день с Л. М. Раскольниковой. Утром с ней в Малом театре, вечером — на вечере Гумилева и у них» (ЗК, 497).

В те дни Большой драматический театр начал репетиции «Короля Лира». Следует заметить, что, как и для Блока, для Рейснер шекспировская тема с юности стала дорогой и неотъемлемой от творчества. В газетной хронике по поводу репетиции сообщалось: «Большая драма переведена в помещение бывшего Ма-

³⁹ Л. Рейснер. О Петербурге. — «Красная газета», 1920, № 162, 24 июля, с. 2—3. (Разрядка моя. — С. Ш.)

⁴⁰ С. Городецкий. Автобиография. — В кн.: Сов. писатели. М., 1959, т. 1, с. 328.

лого театра (Фонтанка, 65). Откроет сезон трагедией Шекспира «Король Лир». Репетиции трагедии уже начались несколько дней назад...»⁴¹

В тот же день Блок был на вечере Гумилева. Согласно афише, в программе вечера, состоявшегося в Доме искусств (Мойка, 59) в понедельник 2 августа, были: 1. Из африканских воспоминаний (проза). 2. «Дитя Аллаха» (драматическая поэма). 3. Стихи. Напомним, что ряд мемуаристов и записи Блока зафиксировали напряженность отношений Блока и Гумилева. Напротив, Рейснер с юности испытала влияние акмеиста и была с ним знакома. Не исключено, что Блок пошел на вечер по инициативе своей спутницы.

О посещении Блока семьи Рейснеров рассказывается в воспоминаниях С. Городецкого, написанных почти сразу же после смерти Блока: «Был еще хороший момент, когда он пришел в Адмиралтейство..., где Лариса Рейснер, прошедшая всю Волгу и Персию с революционерами, была неодолимым агитатором, где были немецкие товарищи, приехавшие на Коминтерн. В этой среде Блок раскрывался необычайно глубоко... он опять был весел, молод, остроумен и силен... его рвали на две части новый мир и старый... любовь и уважение этих людей дали ему возможность оценить литературное болото, которое затянуло его с головой».⁴²

Новая запись Блока — от 4 августа: «11 час. утра — I-й акт «Лира» в театре, — вернулся только в 3 часа. Вечер Городецкого с Л. Рейснер в Тенишевском зале, мое слово о Союзе поэтов» (ЗК, 498).

В выступлении Блок вновь подчеркнул необходимость сближения искусства с революционной стихией. Он делился со слушателями мечтами о «новых устремлениях» в поэзии. Блок отметил, что Городецкому и Рейснер доступно дышать воздухом современности, «пахнущим морем и будущим». А такой воздух требует от художника мужества и особой силы оптимизма, чтобы попытаться разглядеть будущее в малопонятном и порой страшном сегодняшнем дне. Слова о воздухе, пахнущем морем, определены как биографией Л. Рейснер, тесно связанной в годы гражданской войны с флотом, так и характерной геронческой символикой Блока (вспомним образы кораблей в его творчестве).

Характеризуя поэтов, Блок говорил: «Мы хотим верить, что не случайно как раз в тот момент, когда мы начали организацию Союза, возвратились в Петербург исконные петербуржцы — Сергей Городецкий и Лариса Рейснер и что мы имеем возможность начать свою открытую деятельность с их выступления.

⁴¹ «Красная газета», 1920, № 177, 11 августа.

⁴² С. Городецкий. Воспоминания о Блоке. — «Печать и революция», 1922, № 1, с. 75—88. (Разрядка моя. — С. Ш.)

Мы ... хотим верить, что они не бьются беспомощно на поверхности жизни, где столько пестрого, бестолкового и темного, а что они прислушиваются к самому сердцу жизни, где бьется — пусть трудное, но стихийное, великое и живое, то есть что они связаны с жизнью ...» (6, 437). Блок, по-видимому, не случайно называл Городецкого и Рейснер исконными петербуржцами (оба начинали свои литературные шаги именно в Петербурге). Перекликаясь с очерком Рейснер, Блок ставил вопрос о сущности и будущем «града Петрова».

В архиве Блока (ИРЛИ АН СССР) сохранились черновики выступления, содержащие некоторые разночтения с окончательным вариантом. Так, в черновом варианте есть фраза: «Мы знаем, что оба они вошли в революционную эпоху своими путями, что они дышат воздухом современности, оба переживают сильно наше великое и бурное время, тем интереснее нам сегодня услышать новые голоса наших старых товарищей». ⁴³ Фраза, отсутствующая в окончательном тексте, показывает личное отношение Блока к тем, кого он представлял на вечере, и подчеркивает, что не только у него одного в Петербурге «новый голос».

Запись от 11 августа: «С Л. Рейснер на Стрелку верхом. Вечер у Рейснеров, — Чуковский» (ЗК, 498). К сожалению, в дневнике отсутствуют факты, дополняющие эти записи. Зато в I издании книги М. А. Бекетовой читаем: «... В августе 1920 года состоялось новое, довольно интересное, но мимолетное знакомство ... из Москвы приехала Лариса Рейснер. Она явилась со специальной целью завербовать Александра Александровича в члены партии коммунистов и что называется обхаживала его, устраивались прогулки, катание на автомобиле, интересные встречи с угощением, коньяком. А. А. охотно ездил верхом и вообще не без удовольствия проводил время с Ларисой Рейснер, так как она молодая, красивая и интересная женщина, но в партию завербовать ей все-таки не удалось. ⁴⁴ Во II издании книги о тех же событиях писалось иначе: «Из Москвы приехала Лариса Рейснер — известная партийная работница и писательница. Она познакомилась с Блоком. Устраивались прогулки верхом, катание на автомобиле, встречи с угощением. Эти развлечения были к стати среди будничного фона тогдашней жизни». ⁴⁵ (Разрядка моя. — С. Ш.).

В неопубликованной статье М. А. Бекетовой «Мои издатели и редакторы» (1931) обращают внимание строки: «Книга

⁴³ ИРЛИ АН СССР (Пушкинский Дом), рукописный отдел, ф. 654, к. 1, ед. хр. 368, л. 3 (Разрядка моя — С. Ш.)

⁴⁴ М. А. Бекетова. А. Блок. Берлин, 1922, с. 278. (Разрядка моя — С. Ш.)

⁴⁵ М. А. Бекетова. А. Блок. Л., изд-во «Academia», 1930, с. 275.

вышла вторым изданием ... с небольшими изменениями, главным образом стилистического характера, сделанными мной самой». ⁴⁶ В архиве М. А. Бекетовой (ИРЛИ АН СССР) сохранилась авторская правка первого издания книги.

Видимо, внешне неожиданное скрещение имен Рейснер и Блока присутствовало в сознании многих современников. Так, скорбное по своему звучанию такое скрешивание имен можно найти в одной из статей, посвященных годовщине со дня смерти Рейснер: «Ларису Рейснер было бы очень трудно представить старухой, бабушкой в уютном кружевном чепце, как, например, нельзя представить стариком с поседевшей головой и одиноко выстукивающим посохом Александра Блока». ⁴⁷

В 1931 г. появились первые главы книги Л. Никулина «Записки спутника», где основной героиней была Рейснер. Немалое место уделил автор и Блоку. Никулин пишет: «Адмиралтейство. Вечер за круглым столом в бывшей столовой вице-адмирала Эссена. Александр Александрович Блок, Аким Львович Волинский, Лариса Михайловна, Екатерина Александровна и Михаил Андреевич Рейснер. Это было в 1920 году. Прошло немного больше десятилетия, и все эти люди умерли. Между тем я помню северное петроградское лето, смолистый запах нагретых солнцем торцов, влажное дыхание Невы. Я помню круглую залу, вкус клюквенного варенья, одежду, голос, лица собеседников. Они говорили о Карле Либкнехте (его хорошо знал Михаил Андреевич), о Скрябине, о Розанове. Они вспоминали мертвых так, как мы, живые, теперь вспоминаем их». ⁴⁸

О событиях, описанных М. А. Бекетовой, писатель говорит: «Настроения Блока, его трагическое бытие, были правильно угаданы Ларисой Рейснер. Во всяком случае она делала очень осторожные и умные попытки поставить Блока над его средой и окружением». ⁴⁹

О прогулках верхом на лошадях, вызвавших в свое время столько кривотолков, Никулин рассказывает: «Не знаю, важны ли для исследователей литературы эти прогулки, но им уделили многие страницы своих дневников люди, близкие Блоку. Так, в одном дневнике явственно звучит обывательское брюзжание — вот каким путем пытались втянуть поэта в революцию. Конечно, никакого хитрозадуманного и разработанного плана вернуть Блока революции не было. Но было особое внимание к судьбе автора «Скифов», «Возмездия» и «Двенадцати». Надо

⁴⁶ ИРЛИ АН СССР (Пушкинский Дом), рукописный отдел, ф. 462, № 23, л. 7.

⁴⁷ Н. Смирнов. Неотразимый образ. — «Новый мир», 1929, № 2, с. 178.

⁴⁸ «Новый мир», 1931, № 8, с. 54.

⁴⁹ Там же, с. 60—61.

знать, чем был Блок для нашего поколения». ⁵⁰ Л. Никулин особо подчеркнул, с каким восхищением и даже благоговением относилась Лариса Рейснер к Блоку. Среди многочисленных гостей в доме Рейснеров он неизменно оставался самым почитаемым.

В числе современников, не раз вспоминавших о Рейснер, можно назвать В. Б. Шкловского, который во многие свои произведения как бы вскраплял штрихи к портрету Рейснер, хотя цельного образа так и не получилось. В книге «Гамбургский счет» Шкловский так описывает события, о которых уже шла речь: «Когда лошадь под Александром Блоком споткнулась и упала, поэт успел вынуть ноги из стремян и встать на ноги.

Лариса Рейснер с восторгом говорила о нем: «Настоящий человек». Она ехала рядом. Лариса Рейснер сама была настоящим человеком: жадная к жизни, верный товарищ, смелый спортсмен, красивая женщина, изобретательный журналист. Человек длинного дыхания».⁵¹

Верховые прогулки писателей вызвали так много слухов, что впоследствии о них писали не только мемуаристы, но и авторы художественных произведений. Так, ленинградские прозаики Н. Галузин и И. Оксёнов в 30-х годах в журнале «Ленинград» опубликовали главы повести «Женщина с баррикады», где главной героиней была Лариса Рейснер. В повести, судьба которой остается неизвестной, одна из напечатанных глав посвящена верховым прогулкам героини с Блоком.

7

В дневнике 1921 г. у Блока есть еще одна запись, связанная с именем Рейснер. 18 января 1921 год. «Моховая: Л. Рейснер — Рильке и пр. (Ларисы так и не было)» (7, 398). По-видимому, речь идет о переводах Рильке, сделанных Рейснер. Лариса Михайловна, написавшая большую критическую статью о творчестве австрийского поэта, серьезно увлекалась переводами его лирики и в кругу близких любила читать его стихи, тонко передавая их необычную ритмику. В статье о Рильке видна та же лаконичность и категоричность, какой отмечена и ее юношеская статья «Через Ал. Блока к Северянину и Маяковскому».

Биографы Рейснер установили, что и после окончания гражданской войны она вновь переводила стихи Рильке, однако судьба этих переводов неизвестна. Встреча на Моховой (т. е. в издательстве «Всемирная литература»), скорее всего, была

⁵⁰ «Новый мир», 1931, № 8, с. 54.

⁵¹ В. Шкловский. Гамбургский счет. Л., 1928, с. 24.

связана с планами публикации переводов Л. Рейснер. Любопытно и менее официальное название Рейснер по имени, ранее ни разу не встречавшиеся в его записях и свидетельствующее об известном сближении писателей.

Смерть поэта застала Ларису Михайловну в Афганистане, и о случившемся она узнала лишь в ноябре. 24 ноября Рейснер пишет Анне Ахматовой: «Газеты, проехав девять тысяч верст, привезли нам известие о смерти Блока. И почему-то только Вам хочется выразить, как это горько и нелепо. Только Вам — точно рядом с Вами упала колонна, что ли, такая же тонкая, белая и лепная, как Вы...» И, несколько успокоившись, она продолжала: «...черное становится белым, вода может брызнуть из камня, если жива поэзия...»⁵² Это письмо словно подвело итог всему, что было связано в биографии Рейснер с именем Блока.

Революция расколола мир, эпоху, души людей. Именно это неповторимое время отмечено личным общением Ларисы Рейснер с поэтом. Случайность личных контактов отразила, как это часто бывает, закономерности более общего порядка. Лариса Рейснер, как и Блок, принадлежала к числу сравнительно немногих петербургских интеллигентов, принявших Октябрь. При всем различии их позиций, взгляды писателей именно теперь особенно сближаются. Более всего роднит их интерес к теме «интеллигенция и революция». Рейснер пишет: «Немногие писатели научились видеть революцию такой, какая она есть на самом деле. Их интеллигентским глазам, глазам романтиков и идеалистов, часто бывало больно смотреть, не мигая, в раскаленную топку, где в пламени ворочились побежденные классы, победитель душил побежденного, и целые пласты старой, родной им культуры превращались в пепел. И все-таки они смотрели, не отворачиваясь, и с величайшей правдивостью написали потрясающее, безобразное и ни с чем не сравнимое в своей красоте лицо революции».⁵³ Строки Рейснер в первую очередь относятся к Блоку. Эстафета Блока — автора «Интеллигенции и революции» — была принята талантливой журналисткой 1920-х гг.

⁵² Л. Рейснер. Избранное. М., 1965, с. 518—519.

⁵³ Там же, с. 507.

ЦИТИРОВАНИЕ КАК ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРОБЛЕМА: ПРИНЦИПЫ УСВОЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ТЕКСТА ПОЭТИЧЕСКИМИ ШКОЛАМИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВВ. (НА МАТЕРИАЛЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»)

И. П. Смирнов

Отыскание источников художественного произведения всякий раз требует от исследователя определения тех правил, которыми руководствуется автор, цитирующий чужую речь. Понятие литературной цитации правомерно использовать как узко (буквальное или близкое к буквальному совпадение каких-либо фрагментов двух текстов), так и расширительно. В последнем случае термин «цитата» будет обозначать любого вида переключку, соединяющую между собой литературные памятники, всякое реминисцентное содержание, извлекаемое нами из произведения. Цитатный характер с этой точки зрения могут иметь и элементы словесного облачения сюжета и сам сюжет; понятая таким образом цитата может быть результатом и сознательной и бессознательной установки автора на воспроизведение признаков чужой речи. Именно второе употребление обсуждаемого здесь понятия будет принято в дальнейшем изложении, поскольку для художественной практики (в отличие от научной) наиболее показательны небуквальные соответствия связанных друг с другом текстов.

Цитацию в широком смысле допустимо исследовать под разными углами зрения, в частности, либо учитывая те исторические перестройки, которым подвергаются в разных типах художественных систем принципы восприятия литературной традиции, либо отвлекаясь от истории ради выяснения не зависящей от хода времени внутренней логики цитации. Ниже будет рассмотрено изменение функций и внутренней организации цитат в процессе литературной эволюции. С этой целью было естественно выбрать в качестве объекта наблюдения такой источник цитат, который был актуален для разных писательских поколений и явился своего рода «ключевым» текстом национальной культуры.

Известно, что всякая цитата подобна собственному имени,¹ хотя бы и отчасти.² Так же как собственное имя становится семантически ценным, лишь обретая носителя, смысл цитаты открывается лишь вместе с обнаружением контекста, из которого она была взята. И если в каждом национальном языке собственные имена образуют области непереводаемой лексики, то, по аналогии с этим, «ключевые» тексты культуры обеспечивают относительную независимость, непереводаемость каждой национальной традиции. Понимание национальных культур недостижимо без обращения к участвующим в их автоорганизации «ключевым» текстам.

Само собой разумеется, что репертуар «ключевых» текстов не остается одним и тем же во все времена, обновляясь и дополняясь в зависимости от оценок и вкусов той или иной эпохи. В этом репертуаре существуют, однако, и такие тексты, которые становятся «вечными спутниками» для представителей самых разных, в том числе взаимоисключающих, художественных систем. К числу подобных памятников в русской традиции в первую очередь относится, начиная с романтизма, «Слово о полку Игореве».

«Слово о полку Игореве» не утратило этого значения и в эпоху 1890—1910-х гг. (в поэзии старших символистов, или «декадентов», младших символистов и постсимволистов). Впрочем, высказывалось мнение о том, что «кроме Блока, в <...> предоктябрьский период отголоски «Слова» в русской поэзии почти не встречаются».³ Это замечание, покоящееся либо на недоумении, либо на предвзятости, опровергается не только творчеством младших символистов и художников постсимволистской ориентации, но даже поэзией русского «декаданса», где переключки с ранними эпическими формами, казалось бы, должны были сводиться к минимуму.

Провозглашенная «декадентами» абсолютизация личного опыта писателя в качестве отклоняющегося от повседневного и приобретающего черты «инсайта» (мистического озарения, случайного открытия и т. п.), не ослабила вовсе, как можно было ожидать, тяготения к национальным «ключевым» текстам, хотя и сообщила этому интересу особый характер, который хорошо

¹ Wierzbicka Anna. Descriptions or Quotations? — Sign. Language. Culture. The Hague — Paris, 1970, p. 627; цитата («аллюзия») рассматривается как подобие собственного имени также в: Perri Carmela. On alluding. — Poetics, 1978, vol. 7, N 3, p. 291.

² О различиях между цитирующей речью и именем собственным см.: Яковсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. — В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972, с. 95—96.

³ Панышева Ю. В. «Слово о полку Игореве» в русской и украинской поэзии XIX—XX веков. — Ученые записки ЛГУ, № 47. Серия филологических наук, вып. 4. Л., 1939, с. 312.

прослеживается на примере отсылок к «Слову о полку Игореве». ⁴

Реальность, отраженная в «Слове», не трактовалась в творчестве старших символистов в виде исторически неповторимой. Она осовременивалась и часто попадала в зависимость от тех субъективных заданий, которые ставили перед собой черпавшие из «Слова» авторы. Как показывают стихи Сологуба, этому сопутствовала зашифровка заимствованного смыслового материала:

В лесу кричала злая птица,
Едва ручей журчал в кустах,
По небу прядала зарница,
Туман сгущался на полях.

Из-за раскрытого широко
Томленья полночи моей
Прозрачный голос издалека
Мне что-то пел, — не знаю, чей.

И все, что вокруг меня звучало, —
Ручей, и ветер, и трава, —
Все, докучая, заслоняло
Его эфирные слова.

И я заклятием молчанья
Воззвал к природе, — и она
Очарованью заклинанья
Была на миг покорена.

Я ждал, — и в вещем ожиданьи
Зажегся мне великий свет.
Далеский зов погас в молчаньи,
Но был в молчании ответ. ⁵

Приведенные стихи представляют собой разветвление вопросительного оборота «Слова о полку Игореве»: «Что ми шумить,

⁴ Все же нельзя не признать, что число этих отсылок в искусстве «декадентов» не столь велико, как у следующих литературных поколений. В частности, цитаты из «Слова о полку Игореве» фактически отсутствуют в стихах Анненского, несмотря на то, что автор «Кипарисового ларца» был хорошо осведомлен о научной литературе, посвященной этому памятнику: см. меткую рецензию Анненского на труд Е. Н. Барсова «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси» (ЖМНП, 1888, CCLVI, кн. 4, с. 501—512). Однако цитата из «Слова» отыскивается в выполненном Анненским переводе «Ифигении в Тавриде» («Златое слово выронив...»), что было отмечено в: Г. А. Левинтон. «На каменных отрогах Пиэрии» Мандельштама. Материалы к анализу. — Russian Literature, 1977, V, № 2, с. 150.

⁵ Сологуб Ф. Собрание стихов. Книга III и IV. 1897—1903. М., изд-во «Скорпион», 1904, с. 75—76.

что ми звенить далече <давеча> рано предъ зорями?»⁶ Такое предположение удостоверяется рядом других схождений между двумя текстами:⁷ «збися Дивъ, кличетъ врѣху древа» (с. 46) — «в лесу кричала злая птица»;⁸ «мъгла поля покрыла» (с. 46) — «туман сгушался на полях»; «вышумѣ трава» (с. 55) — «и все, что вокруг меня звучало, — Ручей, и ветер, и трава...» Преобразования исходных мотивов направлены на то, чтобы заместить уникальные лексико-грамматические элементы «Слова о полку Игореве» нейтральными стилистическими величинами. При этом семантические слагаемые источника заслоняются новым смысловым окружением: оно создается за счет мотивов, опровергающих точку зрения на природу как на некий «шум», мешающий лирическому субъекту проникнуть в тайны мироздания (мистический зов внезапно исчезает вместе с затихающим гамом природы).

Приемы, к которым прибегал Сологуб, обращаясь к национальному эпосу, обнаруживаются и у других поэтов, начинавших в эпоху раннего символизма,⁹ в том числе у Бальмонта — в стихотворении «Черные вороны» (напечатано в сборнике «Злые чары» (1906), вышедшем под эпиграфом из «Слова о

⁶ Слово о полку Игореве. Составление и подготовка текстов Дмитриева Л. А. и Лихачева Д. С. Примечания Творогова О. В. и Дмитриева Л. А. Л., 1967, с. 48. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте работы.

⁷ Кроме того, косвенным доказательством использования Сологубом в данном случае «Слова о полку Игореве» могут служить его стихи (1906 г.), адресованные Вяч. Иванову, где та же цитата предстает в более эксплицитном виде:

Что звенит?
Что манит?
Ширь и высь моя!
В час дремотный перезвон
Чьих-то близких мне имен
Слышу я.
В легких вздохах дальних лоз,
В стрекотании стрекоз,
В зраке пестром теплых трав
Реет имя ВЯЧЕСЛАВ.

(Сологуб Ф. Стихотворения. Л., 1975, с. 331).

⁸ Ср. тему зловещих птиц, связанную с проникновением за границы «своего» культурного пространства, в поэме Брюсова «Царю Северного полюса» (Брюсов В. Собрание сочинений в семи томах, т. I. М., 1973, с. 247). По поводу рассматриваемого здесь стремления раннего символизма к абсолютизации субъективного опыта ср. выводы С. И. Гиндина относительно модернизации сложившихся поэтических репутаций в историко-литературных трудах Брюсова (Гиндин С. И. Брюсов о Некрасове (к изучению путей кодификации литературных явлений). — В кн.: Н. А. Некрасов и русская литература, вып. 38. Кострома, 1974, с. 60 и след.).

⁹ А также в других стихах самого Сологуба, в том числе и в позднейших; см., в частности, стихи, датированные 1923 годом, где мотив девы-Обиды из «Слова о полку Игореве» перевоплощается в мотив личной обиды поэта:

полку Игореве»). В «Черных воронах», варьирующих мотивы сна Святослава («съ вечера бусови врани възгряху» (с. 50) — «черные вороны-воры играли над нами <...> День погасал»; «мутенъ сонъ» (с. 50) — «темные сны»; «чръпахуть ми синее вино» (с. 50) — «призрак наполнил мне бледный бокал»; «тьма свѣтъ покрыла» (с. 51) — «погасающие зори»; ср. также возможное превращение «девы-Обиды» в аллегорическое «Горе»), отзвуки «Слова о полку Игореве» оказываются приглушенными благодаря скоплению символистических речевых штампов; в явном виде текст рассказывает о судьбе своего автора:

Черные вороны-воры играли над нами.
Каркали. День погасал.
Темными снами
Призрак наполнил мне бледный бокал.
И, обратившись лицом к погасающим зорям,
Пил я, закрывши глаза,
Видя сквозь бледные веки — дороги с идущим
и едущим сгорбленным Горем.
Вороны вдруг прошумели, как туча, и вмиг
разразилась гроза.
Словно внезапно раскрылись обрывы.
Выстрелы, крики, и вопли, и взрывы.
Где вы, друзья?
Странный бокал от себя оторвать не могу я, и
сказка моя
Держит меня, побледневшего, здесь заалевшими
снами-цепями.
Мысли болят. Я, как призрак, застыл.
Двинуться, крикнуть — нет воли, нет сил.
Каркают вороны, каркают черные, каркают злые
над нами.¹⁰

И у Сологуба, и у Бальмонта объективно данное историческое время сведено к минимальному промежутку настоящего, которое персонально переживается субъектом творческого акта.

Подумай, — на праздник я выду,
Веселый я выду из дому,
Вдруг больно ударит Обида,
Ударит по сердцу больному <...>

Жестокость нигде не забудем
Тоскующей девы Обиды.
Зачем же на праздники к людям
Из темного дома я выду?

(Сологуб Ф. Стихотворения, с. 477).

¹⁰ Бальмонт К. Д. Злые чары. Книга заклятий. М., 1906, с. 53.

Созданные в рамках «декадентской» эстетической программы тексты описывали ситуации, уже зафиксированные в литературной традиции. Но семантическое содержание этих ситуаций изменялось так, как будто они служили для старших символистов предметом непосредственного поэтического восприятия. Иначе говоря, писатели этой формации проводили в своем творчестве словесные аналогии с прошлым художественным опытом ради отрицания этих аналогий. Авторское слово уподоблялось чужому слову, но при этом выхолащивалось содержание цитируемой речи.

Установление отрицательных аналогий между прежней и современной культурами могло порождать не только модернизацию минувшего, но и давать прямо противоречащие этому результаты, когда не прошлое, а современность теряла свой исторический смысл. Абсолютный характер приписывался в этом случае чужому личному опыту. Персональное время писателя-символиста вырождалось в подобие какого-либо из пройденных отрезков истории. Позиция автора становилась пассивной относительно взятого за образец текста. Между соприкасающимися произведениями устанавливалась наружная связь, доводимая до читательского сознания.

У того же Сологуба события, приуроченные к современности, нередко ставились в подчинение сакрально-мифологическим силам, среди которых упоминается имя Стрибога с цитатным воспроизведением характерной исключительно для «Слова о полку Игореве» сопричастности Стрибога атмосферным явлениям:

Над полями ходит и сердито ропщет
Злой Неурожай,
Взором землю сушит и колосья топчет, —
Стрибог, помогай! ¹¹

В известных стихах Брюсова «Певцу Слова» Ярославне вторит ряд героинь русской классической литературы XIX в., «мечты веков грядущих» оказываются давно предугаданными. Весьма близок к обсуждаемому здесь кругу литературных явлений и «Ковыль» Бунина. В этой дорожной зарисовке, сотканной из явных переключек со «Словом о полку Игореве», реалии, которые попадают в поле зрения поэта, осознаются как неотличимые от реалий, принадлежащих предметному миру национального эпоса. Наблюдая лирическим субъектом действительность предстает перед читателем в виде места действия архаичного литературного текста. Объекты изображения наделяются в стихах Бунина двойными признаками, соединяют в себе два

¹¹ Сологуб Ф. Стихи. Книга первая. СПб., 1896, с. 38.

временных плана — прошлое и настоящее. Однако их содержание, с точки зрения автора, не может быть истолковано сколько-нибудь определенно; они лишены своих значений; следующие в стихотворении один за другим вопросы остаются без ответа:¹²

А путь бежит... Не тот ли это шлях,
Где Игоря обозы проходили
На синий Дон? Не в этих ли местах,
В глухую ночь, в яругах волки выли,
А днем орлы на медленных крылах
Его в степи безбрежной провожали
И клетком псов на кости созывали,
Грозя ему великою бедой?
— Гей, отзовись, степной орел седой!
Ответь мне, ветер буйный и тоскливый!
... Безмолвна степь. Один ковыль сонливый
Шуршит, склоняясь ровной чередой...¹³

Второе поколение символистов утвердило новый тип приобщения к «ключевым» текстам культуры, хотя и достигло своей цели, продолжая вслед за «декадентами» использовать в первую очередь тот тематический материал, который уже был освоен предшествующим искусством. Условием наступившего обновления эстетических установок был отказ младших симво-

¹² Бунинский «Ковыль», вероятно, восходит к стихотворению Аполлона Майкова «Стрибожьи внуки» (1863 г.) — ср. особенно вопросительные конструкции, присутствующие в обоих текстах, и повтор Буниным характерного слова «клект», использованного его предшественником. Показательно, однако, что у Майкова смысл проводимых им параллелей между прошлым и современностью вполне прозрачен; сравнение не затемняет значения ни минувшего, ни настоящего:

Стрибожьи чада! это вы
Несетесь с шумом над степями,
Почти касаясь крылами
Под ними гнущейся травы?
Чего вам надо? Эти степи
Уже не те, что в дни, когда
Здесь за ордою шла орда,
Неся на Русь пожар и цепи!
Ушел далеко Черный Див
Перед Дажьбожьими сынами,
Им чадам света, уступив
Свое господство над степями!...
Спокойно тянутся волю;
И падших ратей ищут тщетно
В степи, на клетк их безответной,
С высот лазуревых орлы...

(Майков А. Н. Избранные произведения. Л., 1977, с. 169—170).

¹³ Бунин И. А. Собрание сочинений в девяти томах, т. I. М., 1965, с. 91. «Слово» цитируется и в еще одном раннем стихотворении Бунина «Могилы, ветряки, дороги и курганы...» (там же, с. 93).

листов от гипертрофирования индивидуального опыта. Недаром Вяч. Иванов писал: «В личине Я — НЕ-Я (и Я ему уликой!)».¹⁴

Создатели раннего символизма относили объективную действительность к сфере явлений («означающих»), а мир субъекта — к области сущностей («означаемых»). Чужая словесная практика выступала как план выражения для того субъективного содержания, которое приносили в нее представители раннесимволистского движения. Поскольку они связывали при этом чужое слово («означающее») с авторским словом («означаемым») отрицательной аналогией, постольку либо цитируемый, либо цитирующий тексты теряли свой смысл, и, таким образом, несущественным становилось либо прошлое, которое синхронизировалось с настоящим и подчинялось ему, либо настоящее, которое было призвано свидетельствовать, что возможности развития во времени исчерпаны.

Младшие символисты изменили в своем творчестве соотношение данного и искомого, сообщив сущностные свойства той действительности, которая была внеположна субъекту. С этой точки зрения чужая — принадлежащая истории — речь должна была выступать уже не как план выражения, а как план содержания текстов, создаваемых здесь и сейчас. И тогда отрицательная аналогия между чужим и своим словом могла приводить к мысли, что художник должен стремиться открыть в поэтической речи его предшественников способность к вечной жизни, к постоянному возрождению в новых условиях. В этом случае смысл современных ситуаций сводился к смыслу тех прецедентов, которые рассматривались как образцы, предугаывающие дальнейший исторический путь. Это представление, бывшее исходным для стихов Вяч. Иванова, Блока, Андрея Белого, С. Соловьева, Волошина, Кузмина и их соратников, имело и обратную сторону. Когда задача отыскать в своей поэтической речи эхо вечно звучащего слова казалась этим поэтам неразрешимой, тогда вечное преображалось в преходящее, а прежний художественный материал делался свидетельством необратимости времени. Поэтому в идейных построениях младших символистов в роли еще одной важной категории, наряду с понятием панхронии, выступила категория собственно исторического (отсчитываемого от уникальных событий) времени.

Литературные памятники прошлого, понятые как тексты, постоянно возрождаемые художниками последующих поколений для нового бытия, теряли авторство, переводились в разряд всеобщего достояния, возвращались из области индивидуального творчества в границы некоего «языка», на котором могла описываться самая разнообразная действительность. Вот по-

¹⁴ Иванов Вяч. Кормчие звезды. Книга лирики. СПб., 1903, с. 344.

чему стихи младших символистов насыщались отдельными вкраплениями чужой речи, которые могли приобретать функций, не предусмотренные источниками. Цитаты из «Слова о полку Игореве» получали тогда расширительную трактовку и могли быть приспособлены ко всевозможным изображаемым ситуациям.¹⁵

Так, в монориме Вяч. Иванова «Весы» образ крылатой Обиды входит в один ряд с зодиакальными символами и связывается с абстрактной темой вечного круговорота времени, «всемирного Возмездья»:¹⁶

И не вотще горит, в венце ночной красы,
Над севом озимей созвездье,
Что дух, знаменовав всемирное Возмездье,
Нарек таинственно: Весы.
Как ветер, колышущий зеленые овсы,
Летят Победа и Обида
По шатким бороздам, и держит Немезида
Над жизнью Иго и Весы.¹⁷

¹⁵ Высокая ценность семантического строя «Слова о полку Игореве» не в последнюю очередь определялась для символистов обоих поколений возможностью разноречивых переводов отдельных мест этого памятника. Такая возможность, как остроумно показывает Д. С. Лихачев на примере выражения «сваты попоиша», которое допустимо толковать не только индифферентно, но и буквально, заключена в самом тексте «Слова» (Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей, под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, с. 44).

¹⁶ Ср. сцепление мотивов крылатой Обиды и возмездия (исторически конкретизированного) в «Скифах» Блока, где цитата из «Слова о полку Игореве» также выглядит изолированным вкраплением:

Вот — срок настал. Крылами бьет беда,

И каждый день обиды множит...

(Блок А. Собрание сочинений в восьми томах, т. 3. М.—Л., 1960, с. 360). Интересно, что стремление младших символистов к отказу от субъективного прочтения цитируемых текстов часто заставляло их усваивать источники при посредничестве научных интерпретаций древних памятников. Так, Блок не просто цитирует в «Скифах» «Слово о полку Игореве», но и одновременно учитывает интерпретацию темы крылатой Обиды, данную А. А. Потебней. Толкуя фразу: «Уже бо бѣды его пасеть птицъ по дубию» (с. 46), А. А. Потебня рассматривал предлагавшуюся А. Н. Веселовским конъектуру «обида» вместо «бѣды»: «Бѣда в смысле мифологическо-эсхой» личности тоже понятна и нельзя доказать, что автор Сло<ва> о п<олку> Игореве, знал только Обиду, а не Беду» (Потебня А. А. Слово о полку Игореве, 2-е изд. Харьков, 1914, с. 30). Отсюда ясна замена плещущей крылами Обиды «бедой» у Блока и перемещение «обиды» в соседнюю строку. Об этом см.: Левинтон Г. А., Смирнов И. П. «На поле Куликовом» Блока и памятники Куликовского цикла. — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979. В этой же статье разбираются и многие другие реминисценции из «Слова о полку Игореве» в поэзии Блока. Ср.: Stelceckij V. I. A. A. Blok und das «Lied von der Heerfahrt Igors». — Zeitschrift für Slawistik, 1971, N 4.

¹⁷ Иванов Вяч. Cor Ardens. Часть первая. М., изд-во «Скорпион», 1911, с. 91.

У Блока один из показательных примеров пересечения с текстом «Слова о полку Игореве» содержится в стихотворении «Зачатый в ночь, я в ночь рожден...», концовка которого складывается из мотивов «метельного» инобытия и гадательного «второго рождения»:

«Довольно жить, оставь слова,
Я, как метель, звонка,
Иною жизнью жива,
Иным огнем ярка».

Она зовет. Она манит.
В снегах земля и твердь.
Что мне поет? Что мне звенит?
Иная жизнь? Глухая смерть?¹⁸

Если в стихотворении Сологуба «В лесу кричала злая птица...» перефразирование вопросительной конструкции «Слова о полку Игореве» приносило в оригинал новое, не присущее ему содержание, то в стихах Блока то же самое чужое высказывание служит прямо противоположной цели, превращая авторский текст в одну из реализаций вечной темы загадок бытия, постоянная актуальность которой удостоверяется с помощью цитаты, уводящей читателя в самую глубь национальной истории.⁸⁹ Блок сохраняет в своем стихотворении оппозицию жизнь-смерть, в связи с которой в «Слове о полку Игореве» появляется цитируемый им вопросительный оборот, тогда как Сологуб эту связь произвольно разрушал, отнимая у цитаты ее объективно данное в источнике смысловое содержание.

Отклонение поэзии младших символистов от сформировавшейся в конце XIX и в самом начале XX вв. литературной

¹⁸ Блок А. А. Собрание сочинений и восьми томах, т. 2. М.—Л., 1960, с. 131.

¹⁹ Ср. обращение к перенятому из «Слова о полку Игореве» смысловому сочетанию («синия города мгла») как к элементу «языка», пригодного для всякого времени, в юношеских стихах Блока «Помнишь ли город тревожный?..» (Блок А. Собрание сочинений в восьми томах, т. I. М.—Л., 1960, с. 26). Сочетание «синия мгла» было одним из ходовых шаблонов всей символистской поэзии. Например, у Кузмина читаем: «Темный внизу лог, Синия мгла над нами» (Кузмин М. Вожатый. СПб., изд-во «Прометей», 1918, с. 64). Ср. родственное использование другого оборота «Слова о полку Игореве» в ранней поэзии Городецкого:

Ведь я не хотела, плясать не умела,
Босыми ногами ступала не смело,
Разок оступилась, упала в траву.
Вина кровавого, ковшу кругового
Испить не решилась...

(Городецкий С. Перун. СПб., изд-во «Оры», 1907, с. 83).

техники изображения реальности демонстрирует и сонет Волошина «Гроза», производный от рассказа о начале Игорева похода. В этом сонете, как и в бунинском «Ковыле», мир настоящего передан как мир далекого прошлого. Но если у Бунина смысл современности, совмещающей два исторических аспекта, колеблется и остается окончательно неопознанным (цепь риторических вопросов, перечисляющих перекочевавшие из «Слова о полку Игореве» объекты, не завершается определением их истинной природы), то в стихах Волошина такая неоднозначность оценок отсутствует, потому что возвращающееся прошлое призвано здесь быть объяснением текущей действительности (о чем, в частности, свидетельствует мотив «долгого зова», соединяющего минувшее с настоящим):

Запал багровый день. Над тусклою водой
Зарницы синие трепещут беглой дрожью.
Шуршит глухая степь сухим быльем и рожью,
Вся млеет травами, вся дышит душной мглой.

И тутнет гулкая. Див кличет пред бедой
Ардадве, Корсуню, Поморью, Посурожью, —
Земле пезнаемой разносит весть Стрибожью:
Птиц стоном убуди и вста звериный вой.

С туч ветер плеснул дождем и мечется с испугом
По бледным заводям, по ярам и яругам...
Тьма прыщит молнии в зыбучее стекло...

То Землю древнюю тревожа долгим зовом,
Обида вещая раскинула крыло
Над гневным Сурожем и пенистым Азовом.²⁰

²⁰ Волошин М. Иверни. М., 1918, с. 36. Ср. стилизованное описание современности, в которое вставлены и цитаты из «Слова о полку Игореве», в «Сноне грядущем» С. Соловьева:

Птичьи гласы, щеко́т славий, кукования зегзицы тихие
— Над ключами светлыми, в тени берез зеленых и плакучих верб.
Здравствуй, церковь верная, бежавшая от царствия Антихриста:
Излилася чаша гнева божьего и жатву сжал Господний серп.
Руки крепкие, расставшиеся с косами, плугами, сохами,
Подымайте крест, крестьяне русские, возлюбленнейшие Христа.
Вся земля исполнена молитвами, рыданиями и вздохами,
Расцвели стихирами, псалмами девичьи румяные уста <...>
Братья, сестры! вскормленные древнею премудростию книжною,
Собирайтесь отовсюду, в песнях и молитвах возносите глас.
Что за ветер зашумел над русскою землей? О, кто там движется?
Господи помилуй! Господи помилуй! Господи помилуй нас!

(Соловьев С. Апрель. Вторая книга стихов. 1906—1909. М., изд-во «Мускет», 1910, с. 57—58).

Стремление раскрыть вечное в преходящем обуславливало внимание младших символистов к таким семантическим сращениям «Слова о полку Игореве», которые не принадлежали к числу уникальных особенностей памятника и являли собой устойчивые общие места фольклора и литературы. В «Железной осени» Вяч. Иванова возникают метафорические параллели битва-жатва и битва-пир, разгадать в которых слегка замаскированные цитаты из «Слова» позволяет, в частности, встречающийся в этом же произведении эпитет «харалужные»:

Где огневой поры
Червленец любезный?
О, золотой игры
Конец железный!

Дол потемнел и смур,
Как оружия, ржавы
С холма, где стебель бур,
Я вижу дубравы.

Легли весны бойцы
В сечи бесполезной.
Где хмель и где венцы
На тризне железной?

Как харлужный строй,
Утесов отвесы,
Грозя, мелькнут порой
Из-за хмурой завесы.²¹

Еще одним следствием, вытекавшим из отождествления «ключевых» текстов культуры с «языком», способным обслуживать разные эпохи, явилось симптоматичное для зрелого символизма усвоение переносных значений «Слова о полку Игореве» в роли моделей, по которым могли создаваться сходные (но дословно не совпадающие с источником) семантические конструкции. Похоже, что именно по аналогии с изобразитель-

²¹ Иванов Вяч. Прозрачность. Вторая книга лирики. М., изд-во «Скорпион», 1904, с. 76. Ср. метафору битва-жатва в «Суде огня», где она объединяется с темой поэтического соревнования и поэтому, кажется, также отправляет нас к «Слову»:

Жив убийцею-перуном,
Поединком красен мир.
Разногласье в строе струнном,
И созвучье в споре лир.
Пойте пагубу сражений!
Торжествуйте, севы сечь!

(Иванов Вяч. Cor Ardens. Часть первая, с. 34).

ными средствами «Слова о полку Игореве» строится описание деревни в «Пепле» Андрея Белого. Связь с отправным текстом обеспечивается здесь главным образом за счет удержания метафорических предикатов цитируемого памятника, которые в простейшем случае приписываются новым объектам обозначения: «въсплескала <...> крылы» (с. 49) — «плещут облаком», а в более сложном — вступают в комбинацию с объектами самого «Слова», имевшими там, однако, иные предикативные характеристики: «пороси поля прикрываютъ» (с. 47), «тоска разлняся <...> печаль <...> тече» (с. 49) — «струят равнины <...> седую персть» (пыль, прах):

Снова в поле, обвеваем
Легким ветерком.
Злое поле жутким лаем
Всхлипнет за селом.

Плещут облаком косматым
По полям седым
Избы, роем суковатым
Изрыгая дым.

Ощетинились их спины,
Как сухая шерсть.
День и ночь струят равнины
В них седую персть.²²

Вяч. Ивановым подобная техника цитации была использована в стихотворении «Поэты духа». Уподобляя поэтическое искусство воспарению, Вяч. Иванов вслед за источником солидаризирует эту метафору с представлением о священной тропе художника («А бы ты сна плъкы ущекоталь <...> летая умомъ подъ облакы <...> рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы», с. 44):

Не мни: мы, в небе тая,
С землей разлучены: —
Ведет тропа святая
В заоблачные сны.²³

Не исключено, что вступительный отрывок «Слова о полку Игореве» послужил скрытым аналогом и для начальных стихов «Первого свидания» Андрея Белого. Несмотря на внешнюю удаленность от «Слова», предисловие к «Первому свиданию» по существу дела смонтировано из тех же семантических форм, что и рассказ о Бояне. К этим формам относится, в частности,

²² Белый Андрей. Стихотворения и поэмы. М.—Л., 1966, с. 160.

²³ Иванов Вяч. Прозрачность, с. 3.

осмысленные образа мирового дерева («Язык» <...> встань — в жерди: пучимый листом!»²⁴) как пути поэта. Кроме того, в том и в других текстах типологически или дословно совпадают перечни животных, связанных в архангелской традиции с идеей разнопланового мирового дерева (горностаи, орел). Наконец, в пользу догадки о цитатном происхождении приводимого ниже отрывка говорят такие особенности его стилистики, как обилие вокативов, сопоставимых с обращением к Бояну, и беспредложный творительный («Орел: тобой пересекусь»), употребленный, по предположению, с оглядкой на беспредложные конструкции «Слова о полку Игореве»:

Язык, запрядай тайным сном!
 Как жизнь, восстань и радуй: в смерти!
 Встань — в жерди: пучимый листом!
 Встань — тучей, горностаем: в тверди!
 Язык, запрядай вновь и вновь!
 Как бык, обрадуй зыком плоти:
 Как лев, текущий рыком в кровь,
 О сердце, взмахами милоти!
 Орел: тобой пересекусь...
 Ты плоти — жест, ты знанью — числа...²⁵

Если в одних случаях «Слово о полку Игореве» делалось в поэзии младших символистов таким памятником, которому было суждено предсказывать будущее, то в других — обращение

²⁴ Однако сам мотив мирового дерева, рисуемого Андреем Белым в виде расцветающего шеста, восходит к обрядовому фольклору. Об этом мотиве в колядках см.: Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха, VI—X. — Записки Императорской Академии Наук, т. 45. СПб., 1883, с. 123.

²⁵ Белый Андрей. Стихотворения и поэмы, с. 405. Ориентация на «Слово о полку Игореве» осложнена в «Первом свидании» реминисценциями из евангельских текстов. О значении полигенетичных цитат в поэзии символистов (на примере зрелого творчества Блока) см.: Минц. З. Г. Функция реминисценций в поэтике А. Блока. — В кн.: Труды по знаковым системам, вып. 6. Тарту, 1973, с. 402 и след. Ср. еще одно сходство между поэзией Андрея Белого и «Словом о полку Игореве» в стихотворении «Асе»: «Из синей тьмы летит порыв <...> Полюны плещут при дороге» (Белый Андрей. Стихотворения и поэмы, с. 362). Ср. также интерес Андрея Белого к звуковой фактуре «Слова»: «Думают, что аллитерации есть явление позднейшего времени <...>. Открываю древнейший памятник нашей словесности «Слово о полку Игореве», и открываю мгновенно ссризы аллитераций, например: «Се ли створисте мою сребрену сѣдинѣ»; здесь проходит звук «с» и звук «р» и т. д.» (Белый А. Жезл Аарона. (О слове в поэзии). — Скифы, сб. 1. СПб., изд-во «Скифы», 1917, с. 199). Здесь же (с. 207—208) отождествление языка (слова) с мировым деревом. Ср. образы «словесного дерева» в стихах Клюева, помещенных рядом со статьей Андрея Белого: «Ему не свить гнезда в блаженной роще струн» (там же, с. 103); «О бездушное книжное мелево, Ворон ты, я же тундровый гусь! Осеняет словесное Дерево Избяную дремучую Русь» (там же, с. 106).

к эпическому тексту должно было оттенить историческую специфику прошлого. (Достаточно сличить хотя бы оборот «вихрь Стрибога» в стихах Городецкого, воспользовавшегося этой формулой при воссоздании обрядово-мифологического прошлого,²⁶ и обсуждавшееся выше внедрение имени того же языческого персонажа в контекст современности у Сологуба). Отрицание вечного круговорота времени сопровождалось в творчестве символистов второго поколения сомнениями в том, что чужой художественный опыт пригоден для приложения к сегодняшнему дню. Цитируемая речь оказывалась при этом средством для проведения такой негативной аналогии между минувшим и настоящим, которая подчеркивала оригинальность, самоценность сегодняшнего дня. Представления о невоспроизводимости чужого слова в новой исторической обстановке вели к тому, что связь между авторским текстом и источником обеспечивалась с помощью намека. Оригинал свертывался тогда до нескольких опорных (как правило, легко распознаваемых) извлечений, с которыми читатель должен был ассоциировать «ключевой» текст во всем его семантическом охвате. Собственные значения цитат затухали и играли роль своего рода индексов, по которым отыскивалось цитируемое сочинение.

Приемы символистской аллюзии хорошо прослеживаются в блоковской «Новой Америке», которая передает в свернутой форме две темы «Слова о полку Игореве» — поход князя, изображенный цитатно, с помощью деталей, замещающих оригинал по принципу *Pars pro toto* («Нет, не видно там княжьего стяга, Не шелтомами черпают Дон»), и плач Ярославны, перифразированный поэтом («И прекрасная внучка варяга Не клянет половецкий полон»).²⁷ Показательно, что в начале этого стихотворения содержится скрытая цитата из «Поучения» Владимира Мономаха (Блок ссылается на вводный мотив «Поучения»: «Съдя на санех, помыслих в души своей и похвалих бога, иже мя сихъ днєвъ грѣшнаго допроводи»),²⁸ благодаря чему в тексте сталкиваются между собой вечное и временное. Точка зрения поэта на передаваемые им события («Утопя в глубоком сугробе, Я на утлые санки сажусь»²⁹) принадлежит и прошлому и настоящему, тогда как сама изображаемая действительность предстает в виде необратимо меняющейся.

Наконец, в связи с интересом младших символистов к категории собственно исторического времени, нужно сказать и о том, что цитаты из «Слова о полку Игореве» могли вводиться

²⁶ Городецкий С. Перун, с. 117.

²⁷ Блок А. А. Собрание сочинений в восьми томах, т. 3, с. 269.

²⁸ Памятники литературы древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века. М., 1978, с. 392.

²⁹ Блок А. А. Собрание сочинений в восьми томах, т. 3, с. 268. На цитату из «Поучения» у Блока внимание автора обратила З. Г. Минц.

поэтами этого круга в литературный оборот для создания сугубо описательных, самодовлеющих картин национального прошлого, как, допустим, в стихотворении С. Соловьева «Киев»:

Что же вдоль шумящих улиц
Вихрем кони пронеслись,
И жужжаньем медных сулиц
Огласилась даль и высь? ..

Конь играет. Князю любо
Слушать копий зычный звон,
Отдыхать под тенью дуба
И шеломом черпать Дон.

Дикой степи ветер свежий
Бьет в лицо. Окончен бой.
Сладок в полумраке вежи
Сон под шкурою медвежьей,
Медный шлем под головой...

Витязь битвы жаждет рьяно,
Верный богу и копыю,
И прославит песнь Баяна
Павших в праведном бою.

Лучше смерть, чем плен и цепи...
До зари бродя без сна,
Кличет ладу дева степи,
Черноока и стройна.³⁰

2

Как и переход от «декадентства» к зрелому символизму, становление постсимволистской эстетической доктрины ознаменовалось новым — и притом более радикальным, чем предыдущее — переосмыслением роли, отводимой «ключевым» текстам культуры. Если символисты реставрировали те ситуации, которые уже были освоены в художественном творчестве, и тем самым эстетизировали реальность, делая ее продолжением литературы, то поэты 1910-х годов, вразрез с этим, уравнивали внутренний мир текста с внешним миром, отождествили изображение с изображаемым. Как провозгласил Хлебников: «И граждане речи Стали граждане жизни, Не в этом ли, о песнь, бег твой?»³¹ Но сказанным не исчерпывается разница между

³⁰ Соловьев С. Апрель. Вторая книга стихов, с. 47—48.

³¹ Хлебников В. Собрание произведений, т. 1. Л., 1928, с. 292—293. Об утверждавшемся символистами соотношении текста и фактической

двумя художественными системами. Символизм исходил из предположения, согласно которому все факты бытия скреплены между собой отношением отрицательной аналогии, причем это допущение распространялось и на связи между авторской речью и чужим словом. Новые группировки, напротив, питали уверенность в том, что все явления действительности упорядочиваются по принципу смежности. Вот почему время переживалось участниками постсимволистского движения как пространство,³² теряло свое основное свойство — однонаправленность. Разделенные длительными историческими промежутками периоды трактовались как в той или иной форме граничащие друг с другом. Прошлое совмещалось с настоящим или с будущим, и, наоборот, сегодняшние и завтрашние события попадали в контекст минувших культурных эпох. Отсюда могли делаться неодинаковые выводы.

В футуристическом искусстве слияние слова с обозначаемым объектом отрывало поэзию от литературной традиции, выводило ее за грань уже сложившегося ряда художественных фактов. Основатели «Гилей», «Центрифуги», «Мезонина поэзии» и других фракций футуристического движения изымали цитируемую речь из ее смысловой и исторической среды, стирали ее реминисцентный оттенок, превращая прежний художественный опыт в составную часть современного или даже завтрашнего³³ и присваивая себе результаты этого опыта (по формуле Хлебникова: «Что было — в нашем тонет»³⁴).

действительности см. подробнее: Минц З. Г. Понятие текста и символистская эстетика. — В сб.: Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам, 1 (5). Тарту, 1974, с. 136.

³² Быть может, именно по этой причине постсимволисты обычно очень высоко оценивали «Слово», где временные значения передаются по преимуществу с помощью пространственной лексики. Боян соединяет «славы оба полы сего времени» (с. 44); в представлении Святослава ход событий допускает обратимость: «наниче ся години обратиша» (с. 51); происшествия, следующие одно за другим, выступают для автора как одномоментные: Олег «ступаетъ въ златъ стремянь въ градѣ Тьмутароканѣ, той же звонѣ слыша давнын великыи Ярославъ, а сынъ Всеволожь Владимир по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ» (с. 48). В области выразительных средств «Слова» этому соответствует преобладание над остальными такой риторической фигуры, как параллелизм, варьируемый на всех уровнях текста — от грамматического до звукового. Последнее обстоятельство, по-видимому, способно удовлетворительно объяснить, почему этот памятник стал образцом прежде всего для стихотворных текстов и ритмизованной прозы («Слово о погибели Русской Земли» Ремизова, «Падение Даира» Малышкина и пр.), то есть для таких речевых жанров, звуко-смысловая организация которых имеет пространственный (а не временной) характер.

³⁴ Там же, с. 182.

³³ Совпадение прошлого с будущим применительно к «Слову о полку Игореве» отзывалось у Хлебникова в известном лозунге: «И когда земной шар, выгорев, Станет строже, и спросит: кто же я? Мы создадим Слово Полку Игореву Или же что-нибудь на него похожее» (Хлебников В. Собрание произведений, т. 2. Л., 1930, с. 244).

Этот процесс выражался обычно в том, что футуристические произведения вызывающе контаминировали в себе несочетаемые, приуроченные к различным историческим интервалам лексические средства, поэтические формулы и реалии.³⁵ Героиня хлебниковского бурлеска «Внучка Малуши» (то есть матери князя Владимира) попадает из Киевской Руси в Петербург XX в., живописание которого соединяется с повествованием о походе киевской дружины, ориентированным на обороты («червленые щиты»), а также на зоологические и топографические объекты «Слова о полку Игореве». Особенно интересно в приводимом ниже отрывке из хлебниковского текста словосочетание «среди зеленой нищеты», скорее всего, представляющее собой результат этимологической переработки выражения «ничить трава жалошами» (с. 49):

Красные волны
В волнах ковыля,
То русскими полны
Холмы и поля.
Среди зеленой нищеты,
Взлетая к небу, лебедь кычет,
И быют червленые щиты,
И сердце жадно просит стычек.³⁶

Другой показательный прием, с помощью которого Хлебников вводил цитируемую речь в свои стихи, заключался в расчленении слитных переносных значений источника на линейно независимые смысловые отрезки, отчасти теряющие в силу этого закреплённость за обусловившим их контекстом, например: «Крычать тѣлѣгы полунощы, рци, лебеди роспущени» (с. 46) — «Ты видишь степь: скрипит телега, Песня лебедя слышна...»³⁷ Попутно стоит сказать, что эта методика цитирования сопоставима с нормами подхватывания чужой речи в поэзии Цветаевой. В нижеследующем примере идиома «Слова о полку Игореве» «мутенъ сонъ» (с. 50) разрывается надвое в выражении

³⁵ Ср. в «Новой Америке» Блока мотивированное срастание цитат из «Слова о полку Игореве» и «Поучения».

³⁶ Хлебников В. Собрание произведений, т. 2, с. 65. Ср. суждения Б. А. Успенского о нарушающей связность текста динамике авторской позиции в стихах Хлебникова: Успенский Б. А. К поэтике Хлебникова: проблемы композиции. — В кн.: Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973 с. 126. О «Внучке Малуши» в связи с древнерусскими реминисценциями в другом хлебниковском произведении — «Бех» — см.: Baran Henryk. Chlebnikov's Poem «Bech». — Russian Literature, 1974, № 6, p. 12.

³⁷ Хлебников В. Собрание произведений, т. I, с. 120. Ср. дальнейшую переработку этого мотива в «Комедии города Петербурга» Даниила Хармса: «Смотри как лань визжат телеги бегут погонщики» (Хармс Даниил. Собрание произведений. Книга первая. Времен, 1978, с. 89).

«муть и сон», которое читается, как и в оригинале, в цепи мотивов пророческого видения и объединяется с метафорой «Поля В вечерней жалобе», являющей собой, по-видимому, вариант формулы «ничить трава жалощами»

Хочу у зеркала, где муть
И сон туманящий,
Я выпытать — куда вам путь
И где пристанище.

Я вижу: мачта корабля,
И вы — на палубе...
Вы — в дыме поезда... Поля
В вечерней жалобе...

Вечерние поля в росе,
Над ними — вороны...
— Благословляю вас на все
Четыре стороны!³⁸

С другой стороны, линейно разъединенные звенья «Слова о полку Игореве» Хлебников компановал на манер коллажа,³⁹ переупорядочивая их сочетательные способности и также разрушая формульность заимствованного материала. Выражение «Слова» «подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конець копия въскрѣмлени» (с. 46) переименовывается у Хлебникова следующим образом: «Я, вскормленный лучшими зорями России, Я, повитой лучшими свистами птиц...»⁴⁰. Предикаты «вскормленный» и «повитой» переходят в этих стихах к новым, но не контрастирующим с семантическим миром «Слова о полку Игореве» объектам (мотивы зорь и птиц).

³⁸ Цветаева М. Избранные произведения. М.—Л., 1965, с. 68. Ср. неясные отзвуки плача Ярославны в стихотворении «Провода» (там же, с. 228), а также контаминацию цыганской темы с перенятой из «Слова о полку Игореве» формулой величания в стихотворении «Милые спутники, делившие с нами ночлег!..»:

В черную полночь, под пологом древних ветвей,
Мы вам дарили прекрасных, как ночь, сыновей,
Нищих, как ночь, сыновей...
И рокотал соловей —
Славу.

(Там же, с. 112)

³⁹ Эта функция цитат не зарегистрирована в классификации Стефана Моравского, который различает авторитативные, эрудитивные, стимулятивно-ампликативные и орнаментальные цитаты: Morawski Stefan. The Basic Function of Quotations. — В кн.: Sign. Language. Culture. The Hague — Paris, 1970.

⁴⁰ Хлебников В. Собрание произведений, т. 2, с. 245.

Отличие от внешне родственных схождений со «Словом о полку Игореве», встречающихся в стихах Андрея Белого, проявляется здесь в первую очередь в том, что для Хлебникова памятник прошлого был не столько образцом («языком»), по которому подобало конструировать образ современного мира, сколько сферой реформаторской деятельности, вмещающейся в результаты построения чужой речи. Рассмотренные приемы цитирования «Слова о полку Игореве» неоднократно повторяются Хлебниковым. Так, в «Любавице» мотив плача Ярославны («омочю бебрянь рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ», с. 54) вклинивается в тему мужского воинского подвига:

Но лишь край груди омочу
О край волнистый лобзебр волн,
Я воин, отданный мечу,
И снова тоск гремящих полн.⁴²

Еще очевиднее целеустановка, наблюдаемая у Хлебникова, в творчестве его ближайших преемников. В сборнике Туфанова «Ушкуйники» находим стихи, которые почти целиком составлены из фрагментов «Слова о полку Игореве», перераспределенных и вовлеченных в незнакомые источнику комбинации, причем это перераспределение затрагивает как уровень повествовательных сцеплений, так и морфологический уровень (ср.: «Гориславлич», «Ярославна» → «Горислава»):

Горислава чагой кычет
По Каял-реке с тугой,
Толковина стяг ее ничет,
Цвелит харалугой.

Не Карина над Русью вопит
И не Желя смагу мычет, —
Под крыльями Девы на топи
Не вои в веках понице.

То Баяновы песни-мыси
Кочуют в галицыных вежах,
И цапят седые лысины
Веков безмежных.

⁴¹ Ср. еще один сходный пример:

Белый снег и всюду нега,
Точно гладит Ярославна
Голубого печенега.
(Хлебников В. Собрание произведений, т. 2, с. 219)

⁴² Там же, с. 19.

Причитает баян в паполومه
С Евфросиньей на забороле,
Кличет вои на шеломя —
Дедину кресити в крамоле.⁴³

В стихах Туфанова, который ориентировался «на прошлое, непрерывно втекающее в настоящее»⁴⁴, лексическая ткань оригинала перерабатывалась таким способом, что возникала речь, не дешифруемая сама по себе, вне проекции на «Слово о полку Игореве»,⁴⁵ то есть родственная «заумным» высказываниям. Затемненность древней лексики уравнивалась в футуристическом искусстве с семантической непроницаемостью «самовитой» (автономной) речи, которая довлела себе, отрицала зависимость изображения от изображаемого. Памятникам культуры подчас отводилось место лингвистических документов, актуальной тогда оставалась главным образом лексическая сторона «Слова о полку Игореве». Размывание границы, отделяющей чужую речь от своей, обуславливалось с этой точки зрения тем, что в перенимаемых из архаического языкового фонда словесных знаках предметные связи (в современном восприятии) были ослаблены. Переплетение архаики с новообразованиями было свойственно многим футуристическим произведениям, в том числе утверждавшему идею обратимого (то есть пространственного) времени стихотворению Асеева «Начало зора».⁴⁶ В этом тексте сближения со «Словом о полку Игореве» ощутимы и на лексическом («туга», «комони», ср. здесь же футуристический неологизм «словобыри»), и на звуковом ярусах («тождество

⁴³ Туфанов А. Ушкуйники. Л., 1927, с. 58. Тут же множество других заимствований из «Слова о полку Игореве», вроде следующего: «О, внук Стрибожий и баян — Туфанов» (с. 15). Ср. «Ладомир» Хлебникова:

Зеркальная пустыня облаков,
Озеродей летать силен.
Баян восстания письмен
Засеял нивами станков.

(Хлебников В. Собрание произведений, т. I, с. 198).

⁴⁴ Туфанов А. Ушкуйники, с. 6.

⁴⁵ Ср. стихи Хлебникова: «Ученее волка — первого писаря русской земли, Прославим мертвые резцы и мертвенную драку» (Хлебников В. Собрание произведений, т. 2, с. 251), где мотив волка может быть понят читателем лишь при учете метаморфоз Бояна в «Слове о полку Игореве». Источник, таким образом, становится неотделимым от авторского текста.

⁴⁶ Ср. также выходившие в футуристическом издательстве «Лирика» стихи Чурилина, например, «Родимчик от Днэа», где содержащийся в названии гапакс, который взят из «Слова о полку Игореве», попадает в окружение «заумных» речений: Чурилин Тихон. Вторая книга стихов. М., 1918, с. 15. Интересно, что в рукописи Л. Е. Аренса с показательным названием «Слово о полку будетлянском» (Рукописный отдел ИРЛИ АН СССР, Р. 1, оп. 1, № 179) главы, посвященные Асееву и Чурилину, даны под эпиграфами из «Слова».

начального слога в определяемом и определении», «смежность этимологически родственных лексем»⁴⁷):

Мечами просекают людские голоса тоскующее время, —
овсюду треск и блекоть, оскалы и озе́вы. Как уши мне
зажать,
чтоб вывести из меры коснеющего тука воинственное дремя,
временные дружины сомкнуть окрай межины, грозить и
оку́рывать?

Теки, токуя, туча! Ножи нагие, режьте!
Кто преет, предкам предан, вперед приходит прежде.
Но нет, не кости дедов гора извергнет в дымах!
Помолвьями иными рудая свищет брага.
Гляди, как их комоней помолный вынес вымах,
земля горит и гнется от их шального шага.
Издревет мучит мочью окличье: «Мир орей!»
И ныне тужит туга семей словобуре⁴⁸.

Здесь уместно напомнить, что речевые особенности «Слова о полку Игореве» были предметом изучения и для Есенина, причем книжные мотивы и обороты проникали в его раннюю поэзию в окружении диалектных лексических форм и поэтому также в известной мере утрачивали связь со своим естественным культурным контекстом, как это видно в отрывке из незавершенного стихотворения (поэмы?), который открывается конструкцией, грамматически и семантически близкой к зачину «Слова», а также содержит в себе прямые переключки с национальным эпосом (упоминание Каялы, мотивы дальних отзвуков сечи, лунь-птицы (Дива, по В. И. Далю) и т. п.):

Не пора ль перед новым Посемьем
Отплеснуться Вам, слова, от Каялы.
Подымайтесь малиновым граем,
Сполюхните сухояловый омеж,
Скряньте настно белесые обжи,
Оборатуйте кодолом Каму.
Что шумит, что звенит за курганом,
Что от Нудыша мутит осоку?
Распевает в лесу лунь-птица,
Причитает над тихим Доном.
Не зря оседлала вечер
Аксамитником алым расшитым,

⁴⁷ Яковсон Р. О. Ущекотал скача. — В кн.: Jakobson Roman. Selected Writings, vol. IV. The Hague-Paris, 1966, p. 607.

⁴⁸ Асеев Н. Собрание сочинений в пяти томах, т. 1. М., 1963, с. 41.

Не туман во степи белеет
Над сукроем холмов сохатых —
Оторочилось синее небо,
Осклобляет облако зубы.⁴⁹

Возвращаясь к футуристическому творчеству, можно утверждать после предпринятых разборов, что ощущение отграниченности авторского высказывания от традиции, совсем не обязательно, как принято думать, реализовалось у поэтов этого направления в полном забвении прежнего художественного опыта. Усвоение этого опыта при подобном подходе могло протекать и таким образом, что воспроизведению подвергались лишь те смысловые комплексы отправных текстов, которые не принадлежали к какой-либо одной литературной эпохе и обнаруживали самую непосредственную близость к архетипическим формам. Но если в стихотворное искусство Вяч. Иванова такого рода мотивы просачивались совместно с примыкавшими к ним в «Слове о полку Игореве» побочными значениями, которые недвусмысленно сигнализировали об источнике заимствования, то в футуристическое творчество общие места книжной и фольклорной традиций входили изолированно от сопутствующей семантики и, как правило, облекались в обновленную лексическую ткань. Перемещение универсально распространенных метафор битва-пир, битва-свадьба и битва-сеяние в контекст текущего времени (мировая война) проиллюстрируют стихи Маяковского и Хлебникова:⁵⁰

Никто не убит!
Просто — не выстоял.
Лег от Сены до Рейна.
Оттого что цветет,
одуряет желтолистая
на клумбах из убитых гангрена...

⁴⁹ Цит. по: Панченко А. М., Смирнов И. П. К интерпретации стихотворного текста Есенина «Не пора ль перед новым Посемьем...» — Русская литература, 1971, № 4, с. 141. К сказанному в этой статье нужно добавить, что попытка перевода «Слова о полку Игореве» с помощью диалектной лексики сопровождалась в творчестве Есенина скрещением традиций национального эпоса и летописи, о чем свидетельствует топоним «Посемье», упоминаемый в летописном рассказе о походе Игоря и выступающий в есенинском тексте как символ мятежа. Об интерпретации метафоры битва-жатва в стихотворении «Песнь о хлебе» см.: Čiževskij Dmitrij. Aus zwei Welten. S¹-Gravenhage, 1956, S. 319—336.

⁵⁰ Другие сходные примеры см. в: Панченко А. М., Смирнов И. П. Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии начала XX в. — В кн.: Древнерусская литература и русская культура XVIII—XX вв. (ТОДРЛ, т. XXVI). Л., 1971.

Просто именинник выдумал массу
каких-то великолепных нелепостей!⁵¹
(«Великолепные нелепости»)

Мечи! глашатаые известий!
Так точна, лившись, кровь,
К освобождающей невесте
Влечет железная свекровь...
«Мое собро», — укажет Нав,
В недавнем юноше узнав,
Кто пашней стал свинцовых жит,
Кто перед ним ничком лежит.⁵²
(«Война — смерть»)

Эти же метафорические сращения то и дело мелькают в поэзии акменстов.

Другой способ избежать «подражательности» состоял для футуристов либо в пародийном переосмыслении оригинала (ср. полемическую передачу имени Бояна отрицательному персонажу в «Клопе» Маяковского),⁵³ либо в глубокой и не всегда поддающейся разгадыванию зашифровке цитат. Такого плана цитаты-загадки раскрываются только в тех случаях, когда за-секречивание связей с источником распространено не на все слои авторской речи. Так, у Маяковского (поэма «Человек») сочетание «окну лечу»⁵⁴ не пересекается с текстом «Слова о

⁵¹ Маяковский В. Полное собрание сочинений, т. 1. М., 1955, с. 93. Многократно варьирующаяся Маяковским метафора битва-пир могла скрешиваться и с другими хорошо известными древне-русской литературе универсальными смысловыми образованиями. В трагедии «Владимир Маяковский» эта метафора («Разбейте днища у бочек злости, ведь я горящий булжжик дум ем. Сегодня в вашем кричащем тосте я овенчаюсь моим безумием», там же, с. 155) объединяется с мотивом поглощения слова («дум»), общим для средних веков и античности (см. подробнее: Полякова С. В. «Всякого добра добрейша суть книжное поучение» (Об усвоении Аввакумом метафоры съедания слова). — В кн.: Культурное наследие древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976, с. 183—190; Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977, с. 189 и след).

⁵² Хлебников В. Собрание произведений, т. 2, с. 188. Ср. также метафору битва-жатва в поэмах «Уструг Разина» и «Переворот во Владивостоке»:

Как человеческую рожь
Собрал в снопы нездешний нож.
Гуляет пахарь в нашей ниве.

(Хлебников В. Собрание произведений, т. 1, с. 247);

Сноп толп, косой пальбы косимый.
Он тяжело падал за улицы на свалку.
(Там же, с. 274)

⁵³ Ср. также близкое к пародийному снижение трагической темы «Слова» в «Игоре и Ярославне» Игоря Северянина.

⁵⁴ Маяковский В. Полное собрание сочинений, т. 1, с. 270.

полку Игореве» на семантическом уровне, но тем не менее повторяет на грамматическом ярусе (если отвлечься от эмфазы, переместившей дополнение в начало конструкции) оборот с беспредложным дательным цели: «избивая гуси и лебеди завтраку, и обѣду, и ужинѣ» (с. 55).⁵⁵

В той же поэме содержится иной вид скрытой переключки со «Словом о полку Игореве»:

Черепу шкатулку вскройте —
сверкнет
драгоценнейший ум...
Покоится в нем у меня
прекрасный
красный язык.
«О-го-го» могу —
зальется высоко, высоко.
«О-ГО-ГО» могу —
и — охоты поэта сокол —
голос
мягко сойдет на низы.⁵⁶

Отклонение от исходного высказывания: «Тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣи, которыи, дотечаше, та преди пѣснь пояше» (с. 43—44) осуществляется здесь благодаря тому, что Маяковский заново обуславливает смысловой перенос, отправляя читателей к метафоре высокий-низкий голос, взятой из сферы повседневного общения. Другими словами, троп не мотивируется посредством указаний на его книжное происхождение, но дается как высказывание, понятное любому носителю национального языка, независимо от культурного кругозора.

В результате применения почти такой же техники словосочетание «печаль жирна» (с. 49) трансформируется в стихотворении «Я и Наполеон» в метафору: «Тревога жирест и жирест; жрет зачерстевший разум»;⁵⁷ превращенному в глагол определению «жирна» со значением обильности присваивается значение «телесная полнота», регулярное в речевой практике нового времени.

В поэзии Пастернака зашифрованными цитатами из «Слова о полку Игореве» допустимо считать несколько строк в стихотворениях «Я рос. Меня как Ганимеда...» и «Импровизация»:

⁵⁵ Отмечено в: Винокур Г. Маяковский — новатор языка. М., 1943, с. 247—248.

⁵⁶ Маяковский В. Полное собрание сочинений, т. 2, с. 247—248.

⁵⁷ Там же, с. 72.

Я рос. Меня как Ганимеда
Несли ненастья, сны несли,
И расточительные беды
Приподнимали от земли...

Заждавшегося бога жерла
Грозили смертного судьбе,
Лишь вознесенье распростерло
Мое объятие к тебе.

И только оттого мы в небе
Восторженно сплетем персты,
Что, как себя отвеивший лебедь
С орлом плечо к плечу, и ты.⁵⁸

Как и Маяковский, Пастернак отсекает цитату от контекста, переиначивает ее адрес. Однако она вклинивается не в среду практического общения, но в смысловую среду античного мифа (ср. «Ганимед» Вяч. Иванова), в результате чего разновременные культурные пласты текста перемешиваются. Переключаясь со «Словом о полку Игореве» приглушается и за счет того, что слитное в оригинале семантическое образование «обида (...) всплескала лебедиными крылы» (с. 49) дробится в мифопоэтическом сюжете о расторжении влюбленных и последующей встрече в запредельном мире на не связанные между собой звенья: тема «я» переплетается с мотивом парящих бед (ср. весьма вероятную метатезу «обида» → «беда»), тема «ты» — с мотивом лебедя. В поздней редакции сопричастность этого текста «Слову о полку Игореве» становится менее законспирированной: «Как крылья, отрастали беды И отделяли от земли».⁵⁹

В «Импровизации» Пастернак затушевывает заимствование, эпирающееся на мотив творчества как охоты, подменяя реалии «Слова о полку Игореве» иными объектами обозначения (струны → клавиши, соколиная охота → птичий гам) и переиначивая по контрасту связь между двумя смысловыми рядами (охота на птиц → кормление птиц). Тем не менее замещенные объекты обозначения продолжают входить в те же семантические классы, к каким принадлежали их прообразы, что и позволяет реконструировать процесс создания этих стихов:

⁵⁸ Пастернак Б. Близнец в тучах. М., изд-во «Лирика», 1914, с. 15—16.

⁵⁹ Пастернак Б. Стихотворения и поэмы М.—Л., 1965, с. 68.

Я клавишей стаю кормил с руки
Под хлопанье крыльев, плеск и клекот.
Я вытянул руки, я встал на носки,
Рукав завернулся, ночь терлась о локоть.⁶⁰

Заключая обзор цитат-загадок у постсимволистов, будет небесполезно обратить внимание на тот факт, что в творчестве Цветаевой попадают стихи, пересечение которых со «Словом о полку Игореве» можно было бы считать пустым, если бы их финальные строки явно не сигнализировали об обратном. Такие стихи, подобно произведениям других постсимволистов, повествуют не только о соположенной им реальности, но и о порождении поэтической речи, о собственной творческой истории, раскрывая в узловых местах свою цитатную природу:

На заре — наimedленной кровь,
На заре — наивысшей тишь.
Дух от плоти косной берет развод,
Птица клетке костной дает развод.
Око зрит — невидимейшую даль,
Ухо пьет — неслыханнейшую молвь...
Сердце зрит — невидимейшую связь...
Над разбитым Игорем плачет Див.⁶¹

Конкурировавший с футуристическим движением акмеизм разделял общую для всего постсимволистского искусства идею пространственного времени, но тем не менее придерживался вполне самостоятельной программы эстетического наследования. Отклонения этой программы от футуристической станут ясны, если сказать, что акмеизм рассматривал современность в свете прежнего культурного опыта, где отыскивал критерии оценок для позднейших явлений, и как бы перемещал настоящее в прошлое. Поскольку поэты, группировавшиеся вокруг издательства «Гиперборей», в соответствии с постсимволистскими представлениями, переносили на слово признаки обозначаемых объектов, постольку культурный контекст был воспринят участниками этой школы в качестве образования, замкнутого в себе, не определяемого внешними обстоятельствами. В творчестве футуристов уравнивание изображения с изображаемым повлекло за собой разработку теории «самовитой» речи, отомкнутой от литературной традиции. В силу той же самой предпосылки поэзия акмеистов превратилась в искусство

⁶⁰ Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. М.—Л., 1965, с. 95. Ср. прямую переключку со «Словом о полку Игореве» в «Волнах»: «Ты — край, где женщины в Путивле Зегзицами не плачут впредь...» (там же, с. 350). Весьма вероятно также цитирование «Слова» в стихотворении «Сон» и в пастернаковских стихах, посвященных Блоку.

⁶¹ Цветаева М. Избранные произведения, с. 192.

овладения чужим словом.⁶² В известной степени сближаясь со зрелым символизмом, акмеизм, однако, не стремился использовать цитируемый литературный материал для раскрытия вечных сущностей, таящихся под покровом текущей действительности. Тема непрестанно возрождающегося прошлого изменила свой характер в акмеистской поэзии, став там темой возвращения к прошлому.

Тезису о самодостаточности художественного высказывания отвечало тяготение поэтов «Гиперборея» к построению сложных смысловых конструкций, которые совмещали в себе сразу несколько различных значений и поэтому не допускали прямого соотнесения с миром реальных.⁶³ При таком подходе к стихотворному искусству сближение удаленных во времени исторических пластов вело к тому, что текст перемежал в себе ссылки на целый ряд ценностно упорядоченных и маскирующих друг друга источников.⁶⁴ Кроме того, акмеисты заметно уве-

⁶² Если же современность казалась строго отграниченной от прошлого, изолированной от культурного контекста прежних лет, то она получала в стихах акмеистов негативное значение. Ср. в этой связи обращение к «Слову о полку Игореве» у Адамовича:

Девятый век у Северской земли
Стоит печаль о мире и свободе,
И лебеди не плещут. И вдали
Княгиня безутешная не бродит.

О Днепре, о солнце, кто вас позовет
По вечеру кукушкою печальной,
Теперь, когда голубоватый лед
Всё затанул, и рог не слышен дальний.

(Адамович Г. Чистилище. Пг., 1922, с. 65)

⁶³ Ср. выводы Ю. И. Левина о «неопределенности и неуловимости «истинной» модальности» в стихотворении Мандельштама «Мастерица виноградных взоров...»: Левин Ю. И. Семантический анализ стихотворения. — В кн.: Теория поэтической речи и поэтическая лексикография. Шадринск, 1971, с. 14—15.

⁶⁴ Об этой черте акмеизма см. Левинтон Г. К проблеме литературной цитации. — В кн.: Материалы XXVI научной студенческой конференции. Литературоведение. Лингвистика. Тарту, 1971; Мейлах М. Б., Топоров В. Н. Ахматова и Данте. — International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, 1972, vol. XV, см. особенно р. 43; Ронен Омри. Лексический повтор, подтекст и смысл в поэтике Осипа Мандельштама. — В кн.: Slavic Poetics. Essays in Honor of Kiril Taranovsky. The Hague — Paris, 1973, р. 385—386; Тименчик Р. Д. 1) Ахматова и Пушкин. Заметки к теме. — Пушкинский сборник, вып. 2 (Ученые записки Латвийского государственного университета, т. 215). Рига, 1974; 2) Принципы цитирования у Ахматовой в сопоставлении с Блоком. — В кн.: Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975; Taranovsky Kirill. Essays on Mandel štam. Cambridge, Mass. — London, 1976. В коллективной работе ряда указанных авторов, посвященной сопоставлению творчества Ахматовой и Кузмина, обсуждаемый здесь прием обращения акмеистов к чужому слову назван «перетекающей цитатой». Это такие конструкции, «...в которых переход от одной единицы к другой (от строки к строке, от фразы к фразе, от слова к слову) соответствует переходу от

личили, по сравнению с другими школами, число безадресных ссылок на стилистические и семантические стереотипы культуры. Цитате, отправляющей к определенному тексту, предназначалось вызывать ассоциации не столько с самим цитируемым произведением, сколько с растянутой во времени культурной традицией, в которую последнее было включено.

Перевод цитат из «Слова о полку Игореве» в положение стереотипов культуры осудим.

Пристрастие акмеистов к затенению реминисцентной семантики с помощью многослойной цитации (когда произведение вступает в полилогические отношения с литературным окружением) удачно иллюстрирует наблюдение Г. А. Левинтона: «Цитата-противопоставление: «Печаль моя жирна» (Мандельштам) противостоит пушкинскому «Печаль моя светла» и в то же время является цитатой из «Слова о полку Игореве».⁶⁵ (Ср. выше о стихотворении Маяковского «Я и Наполеон»). Перечень подобных переключек со «Словом» в поэзии Мандельштама будет нетрудно продолжить. В «Веке», например, перекочевавшая из «Слова о полку Игореве» тема поэтического дара как способности «свивать» времена сближается с сжатым перифразом некрасовского мотива строительной жертвы («Поэт и гражданин»):

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки?
Кровь-строительница хлещет...
Чтобы вырвать век из плена,
Чтобы новый мир начать,
Узловатых дней колена
Нужно флейтою связать.⁶⁶

Более сложный образец двойного вхождения чужой речи в ориентированную на «Слово о полку Игореве» авторскую речь представлен в поздних стихах Мандельштама:

одного источника к другому, и где также выделяются единицы, одновременно возводимые к разным источникам...» (Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В. Ахматова и Кузмин. — Russian Literature, 1978, VI — 3, с. 246).

⁶⁵ Левинтон Г. К проблеме литературной цитации, с. 52. О судьбе этой идиомы «Слова» у Мандельштама см. также: Taranovsky Kiril. Essays on Mandel'stam, p. 136.

⁶⁶ Мандельштам О. Стихотворения. Л., 1973, с. 131—132. Недавно Омри Ронен установил, что восприятие Мандельштамом некрасовского мотива строительной жертвы было опосредовано стихами Коневского «Наброски оды» («строительница жизни кровь»): Ronen Omry. A Beam upon the Axe: Some Antecedents of Osip Mandel'stam's «Umyvalsja noč'ju na dvo-re...» — Slavica Hierosolymitana, 1977, vol. 1, p. 174.

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья и чести своей.⁶⁷

Обрывок формулы феодальной чести вырастает в эти стихи под знаком отрицания. Соответственно обращается романтическая тема «промотававшихся отцов», подхваченная в свое время «декадентами» (ср. хотя бы у Мережковского: «... Лишь тенью тени мы живем И в страхе думаем о том, Чем будут жить потомки наши»⁶⁸), а вместе с ней отвергается и мотив волкодлака («Но не волк я по крови своей»⁶⁹), который не обязательно, но вполне правомерно считать негативной параллелью магических перевоплощений в «Слове о полку Игореве».⁷⁰

Тогда как у Мандельштама семантика «Слова» с внешней точки зрения не всегда мотивированно срастается с инородными реминисцентными значениями (различные темы культуры выстраиваются в иерархию по субъективному принципу), у Ахматовой сдвоение цитат почти обязательно выглядит логически обусловленным и отражает «естественный» ход культурного развития. Что касается «Слова о полку Игореве», то его смыслы переплавлялись в стихах Ахматовой с блоковскими.

Веет ветер лебединый,
Небо синее в крови.
Наступают годовщины
Первых дней твоей любви.

Ты мои разрушил чары,
Годы,плыли, как вода,
Отчего же ты не старый,
А такой, как был всегда?

⁶⁷ Мандельштам О. Стихотворения, с. 153.

⁶⁸ Мережковский Д. С. Собрание стихов. СПб., 1910, с. 25.

⁶⁹ Мандельштам О. Стихотворения, с. 153.

⁷⁰ Этим далеко не исчерпывается список намеков на «Слово о полку Игореве» в поэзии Мандельштама. Ср., в частности, вкомпанованное в сюжет Троянской войны метафорическое сращение «Слова» «итти дождю стрѣлами» (с. 47): «И падают стрелы сухим деревянным дождем...» (там же, с. 121). Более гипотетична опора на «Слово» в стихах: «И когда захочешь щелкнуть, Правды нет на языке» (там же, с. 168), вменяющих поэтической речи признак шелкающего соловьиного пенья (помимо отрывка о Бояне, ср.: «шекоть славии», с. 46). Быть может, не без влияния «Слова» у Мандельштама возникла и другая характеристика искусства, основанная на сопоставлении творчества с негативным мотивомковки и положительно окрашенным зооморфным образом: «Разве руки мои — кувалды? Десять пальцев — мой табунок.» (там же, с. 155); ср. отрицательное значение конструкции «крамолу ковати» (с. 49) и тему «десяти соколов». По меньшей мере дважды отправляют нас к «слову» воронежские стихи Мандельштама.

Даже звонче голос нежный.
Только времени крыло
Осенило славой снежной
Безмятежное чело.⁷¹

Завершая обзор, в котором была предпринята попытка связать стадиальные различия функций чужой речи в поэзии «декадентов», младших символистов и постсимволистов со стадиальным преобразованием художественных взглядов на категорию времени, уместно сказать следующее. «Слово о полку Игореве» генетически почти сплошь восходит к таким жанровым образованиям (плачам, величаниям, пословицам, гаданиям, заговорам, формулам воинского этикета, разного рода обрядам (например, похороны) и т. п.), которые были призваны соответствовать неуклонно возобновляющимся ситуациям бытия. «Слово», однако, не просто вобрало в себя семантические составляющие этих жанров ритуализованной речи. В нем совершился перевод ритуального времени в плоскость истории, т. е. в плоскость времени, которое отсчитывается от уникальных событий. Такой перевод и явился одной из центральных причин, способствовавших тому, что в русской традиции «Слову» было обеспечено место текста, связующего собой ход культурных изменений.

⁷¹ Ахматова А. Бег времени. М.—Л., 1965, с. 204. Ср. в поэзии Ахматовой 30-х гг. модификацию паронимазии «Слова о полку Игореве» «снесся хула на хвалу» (с. 51): «От других мне хвала — что зола, От тебя и хула — похвала» (Ахматова А. Бег времени, с. 260). Не исключено, что влияние вступительной части «Слова», характеризующей Бояна, сказанное в стихотворении «Милому»:

Серой белкой прыгну на ольху,
Ласочкой пугливой пробегу,
Лебедью тебя я стану звать...
(Там же, с. 157—158)

СОДЕРЖАНИЕ

Сто лет	3
Ю. М. Лотман. Блок и народная культура города	7
И. В. Владимирова, М. Г. Григорьев, К. А. Кумпан. А. А. Блок и русская культура XVIII века	27
З. Г. Минц. А. Блок в полемике с Мережковскими	116
С. Б. Шоломова. Александр Блок и Лариса Рейснер	223
И. П. Смирнов. Цитирование как историко-литературная проблема: принципы усвоения древнерусского текста поэтическими школами конца XIX — начала XX в. (на материале «Слова о полку Игореве»)	246

Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск 535. НАСЛЕДИЕ А. БЛОКА И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ. Блокковский сборник IV. На русском языке. Тартуский государственный университет. ЭССР, 202 400, г. Тарту, ул. Юликооли, 18. Ответственный редактор З. Г. Минц. Корректор Н. Н. Чикалова. Сдано в набор 26. 10. 1979. Подписано к печати 25. 12. 1980. МВ-04761. Формат 60×90/16. Бумага печатная № 1. Гарнитура шрифта литературная. Высокая печать. Учетно-издательских листов 19,48. Печатных листов 17,5. Тираж 1000. Заказ № 5056. Цена 2 руб. 90 коп. Типография им. Х. Хейдеманна, ЭССР, 202 400, г. Тарту, ул. Юликооли, 17/19.

Цена 2 руб. 90 коп.

От редакции

На стр. 118 сноске с индексом 1 соответствует примечание 5 на стр. 216, сноскам 2--6 — примечание 6.

Тел. 5056. 81. 1000.